

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

Корейский полуостров: история и современность

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК 908(519.3/.5)
ББК 26.89(5К00)+26.89(5К09)
К66

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.и.н. В.О. Кистанов, д.э.н. Л.В. Новосёлова

Редакторы:

к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.филос.н. Ким Ен Ун, к. культ. М.Е. Осетрова, к.э.н. В.Г. Самсонова,
д.э.н. С.С. Суслина, А.Л. Поленова

К66 Корейский полуостров: история и современность. — М.: ИДВ РАН,
2020. — 456 с.

ISBN 978-5-8381-0370-3

В сборнике статей российских корееведов, посвященном исполняющейся в 2020 году 75-й годовщине освобождения Кореи от японского колониального ига, рассматриваются некоторые вехи истории Кореи и отношений России с КНДР и РК, начиная с событий, непосредственно связанных с этой исторической датой и последующим появлением на полуострове двух корейских государств. Дается отпор попыткам исказить или принизить роль Советского Союза в разгроме японского милитаризма и освобождении Кореи. Затрагиваются ключевые проблемы отношений России с двумя корейскими государствами на современном этапе. Большое внимание уделено перспективам урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Анализируются некоторые итоги и перспективы социально-экономического развития КНДР и РК и их торгово-экономических связей с Россией в обстановке различных санкционных режимов. Отдельные главы посвящены достижениям в развитии культуры, литературы и искусства двух корейских государств и влияния русской культуры на эти процессы.

**УДК 908(519.3/.5)
ББК 26.89(5К00)+26.89(5К09)**

ISBN 978-5-8381-0370-3

© Коллектив авторов, 2020
© ИДВ РАН, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

**THE KOREAN
PENINSULA:
HISTORY
AND PRESENT TIMES**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2020

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

Reviewers:

Kistanov V.O., Dr. of History, Novoselova L.V., Dr. of Economics

Editorial Board:

Editorial Board: Zhebin A.Z. (Editor-in-Chief), Asmolov K.V., Zakharova L.V.,
Kim En Un, Osetrova M.Y, Polenova A.L., Samsonova V.G., Suslina S.S.

The Korean Peninsula: History and Present Times / Moscow, RAS IFES
Press. 2020/ 456 pp.

The collection of articles by Russian scholars dedicated to the 75th anniversary of the liberation of Korea from the Japanese colonial yoke. The event is celebrated annually on August 15. The volume examines some milestones in the history of Korea and Russia's relations with the DPRK and the ROK, starting with the events directly related to this historical date and the emergence of two Korean states on the peninsula. Attempts to distort or belittle the contribution by the Soviet Union to the victory over Japanese militarism and the liberation of Korea are rebuffed. Some articles deal with the key problems of Russia's current relations with the two Korean states. Great attention is paid to the prospects of resolving the nuclear problem of the Korean Peninsula (KPNP). The authors also analyze the state and prospects of socio-economic development of the DPRK and the ROK and their trade and economic relations with Russia in the context of various sanctions regimes. Separate chapters are devoted to some results of the development of the culture in both Korean states and the influence of the Russian culture on these processes.

Keywords: Korea, Russia, history, relations, security, economics, culture.

Содержание

Раздел I ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Жебин А.З.</i> Корейский полуостров: 75 лет между войной и миром	13
<i>Ким Ен Ун</i> Эволюция места и роли Кореи в балансе сил в СВА	29
<i>Петровский В.Е.</i> ООН и межкорейские отношения	42
<i>Воронцов А.В.</i> Возможные сценарии решения ядерной проблемы Корейского полуострова	49
<i>Евсеев В.В.</i> Эволюция ракетно-ядерной программы КНДР	61
<i>Дьячков И.В.</i> Российско-южнокорейские политические связи: 30 лет спустя	71
<i>Поленова А.Л.</i> КНДР и движение Неприсоединения	81

Раздел II ЭКОНОМИКА

<i>Суслина С.С.</i> Социально-экономическое развитие РК: основные этапы	94
--	----

<i>Зуева А.Г.</i> О тенденциях социально-экономического развития Южной Кореи	108
<i>Синякова А.Ф.</i> Основные этапы экономических отношений России и Республики Корея	122
<i>Самсонова В.Г.</i> ТЭК Республики Корея и перспективы расширения энергосотрудничества с РФ	134
<i>Игнатов А.А.</i> Современные тенденции российско-южнокорейского энергетического сотрудничества	150
<i>Корнеев К.А.</i> Торгово-экономическое сотрудничество Японии и Республики Корея: исторический контекст и новые реалии	160
<i>Захарова Л.В.</i> Экономическая политика Ким Чен Ына	170
<i>Толорая Г.Д.</i> Санкции в отношении КНДР и ситуация вокруг Корейского полуострова	182
<i>Козлов Л.Е.</i> Связи Дальнего Востока России и КНДР: история и современность	192

Раздел III

ИСТОРИЯ

<i>Овчинникова Л.В.</i> Борьба корейцев за независимость (по материалам японского генерал-губернаторства)	201
<i>Курбанов С.О.</i> Представление о социализме и Советском Союзе в Северной Корее после освобождения	216

<i>Садаков Д.А.</i> Американские взгляды на место Республики Корея в системе безопасности в Северо-Восточной Азии в 1940—1950 годы	229
<i>Асмолов К.В.</i> Движение за демократизацию в Республике Корея: основные вехи и проблемы	243
<i>Чеснокова Н.А.</i> К проблеме формирования национальной идентичности в КНДР и РК	257
<i>Пак А.В.</i> Роль церкви в формировании современного корейского государства	268

Раздел IV

КУЛЬТУРА

Глава 1. СВЯЗИ РОССИИ И КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

<i>Осетрова М.Е.</i> Культурные связи России и Республики Корея (1990—2020)	281
<i>Солдатова М.В.</i> Литературные связи России с корейскими государствами	293
<i>Цой И.В.</i> Место художественной литературы Республики Корея в культуре России	309
<i>Похолкова Е.А.</i> Роль переводческих комментариев в переводах южнокорейской литературы на русский язык	322
<i>Зименко Т.В.</i> Роль СССР в развитии кинематографа КНДР	338

**Глава 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ***Иванов К.В.*

Японская колониальная политика в Корее через призму
корейского кинематографа 1920—1940-х годов 354

Гурьева А.А.

О сохранении памяти о литераторах колониального
периода в Республике Корея 366

Хохлова Е.А.

Тема разделения Кореи в искусстве южнокорейских художников .. 378

Ли Сан Юн

Тема борьбы за демократизацию общества
в произведениях писателей Республики Корея 397

Вишнякова В.В.

Развитие языкознания в Республике Корея 407

Мозоль Т.С.

Отражение трансформации общественного сознания
в Республике Корея в неологизмах 417

Summary 429

Список авторов 452

Content

Part I

SECURITY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Zhebin A.Z.

Korean Peninsula: 75 years between War and Peace 13

Kim En Un

The Evolution of the Role of Korea in the Balance
of Power in NEA (1945—2020) 29

Petrovskiy V.E.

The United Nations and Inter-Korean Relations
in Historical Retrospective 42?

Vorontsov A.V.

Possible Scenarios for Solving the Korean Peninsula Nuclear Problem 49

Evseev V.V.

DPRK Nuclear-Missile Program Evolution 61

Dyachkov I.V.

Political Relations between Russia and the Republic of Korea:
30 Years after Establishment 71

Polenova A.L.

DPRK and the Non-Aligned Movement 81

Part II

ECONOMICS

Suslina S.S.

Socio-economic Development of the Republic of Korea:
the Main Stages 94

<i>Zueva A.G.</i> Some Trends in the Socio-economic Development of South Korea	108
<i>Sinyakova A.F.</i> Main Stages of the Economic Relations between Russia and the Republic of Korea	122
<i>Samsonova V.G.</i> The Fuel and Energy Complex of the Republic of Korea and Prospects for Russia-South Korea Energy Cooperation	134
<i>Ignatov A.A.</i> Recent Developments in Russia-South Korea Energy Cooperation	150
<i>Korneev K.A.</i> Trade and Economic Cooperation between Japan and the Republic of Korea: Historical Context and New Realities	160
<i>Zakharova L.V.</i> Kim John-un's Economic Policy	170
<i>Toloraya G.D.</i> The DPRK-related Sanctions and Developments on the Korean Peninsula	182
<i>Kozlov L.E.</i> The Contacts between the Russian Far East and the DPRK: Past and Present	192

Part III

HISTORY

<i>Ovchinnikova L.V.</i> Korean Struggle for Independence Reflected in the Documents of Japanese Governor-General's Office	201
<i>Kurbanov S.O.</i> Image of Socialism and the Soviet Union in North Korea after Liberation	216
<i>Sadakov D.A.</i> Republic of Korea in the US security system in North-East Asia in the 1940s and early 1950s.	229

<i>Asmolov K.V.</i>	
Democratization Movement in the Republic of Korea: Milestones and Challenges	243
<i>Chesnokova N.A.</i>	
Forming National Identity in the DPRK and the ROK: Tradition and Modernity	257
<i>Pak A.V.</i>	
The Role of the Church in the Formation of the Modern Korean State	268

Part IV

CULTURE

Chapter 1. CULTURAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE KOREAN STATES

<i>Osetrova M.E.</i>	
Cultural Connections between Russia and the Republic of Korea (1990—2020)	281
<i>Soldatova M.V.</i>	
Literary Relations between Russia and the Korean States	293
<i>Tsoy I.V.</i>	
Fiction of the Republic of Korea in Russian culture	309
<i>Pokholkova E.A.</i>	
Translators' notes in South Korean fiction in Russian	322
<i>Zimenko T.V.</i>	
The Role of the USSR in the North Korean Cinema Development	338

Chapter 2. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF KOREAN CULTURE

<i>Ivanov K.V.</i>	
Japanese Colonial Policy in Korea through the Prism of the Korean Cinema of the 1920—1940s	354

<i>Gurieva A.A.</i> On the Issue of Preserving Memory of the Colonial Period Writers in the Republic of Korea	366
<i>Khokhlova E.A.</i> Division of Korea in South Korean art	378
<i>Lee Sang Yun</i> Fight for Democracy in the Literature of South Korean Writers	397
<i>Vishnyakova V.V.</i> Developing Linguistic Tradition in Korea	407
<i>Mozol T.S.</i> Reflection of the Transformation of Public Consciousness in Neologisms in the Republic of Korea	417
Summary in English	429
List of Authors	452

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.З. Жебин

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: 75 ЛЕТ МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ

Автор рассматривает некоторые вехи истории Кореи и отношений России с КНДР и РК, начиная с событий, связанных с освобождением Кореи в 1945 г, появлением на полуострове двух государств и Корейской войной, закрепившей раскол Кореи. Дается отпор попыткам исказить или принизить роль Советского Союза в разгроме японского милитаризма и освобождении Кореи. Затрагиваются ключевые проблемы отношений России с двумя корейскими государствами на современном этапе. Делается вывод о необходимости выстраивать эти отношения с позиций политического реализма и участвовать в международных усилиях по предотвращению нового конфликта и обеспечению мира в Корее.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, КНДР, Республика Корея, отношения.

1. «Неудобная» история

В 2020 г. отмечается много знаменательных юбилеев. Для нас, россиян, это прежде всего 75-летие победы в Великой Отечественной войне. Вместе с нами знаменательную дату разгрома немецкого фашизма и японского милитаризма во Второй мировой войне будут отмечать во многих странах мира.

К сожалению, немало политиков, как на Западе, так и на Востоке, стремились и до сих пор пытаются преуменьшить или вообще замолчать вклад нашей страны в эту победу. Между тем в годы войны руководители стран антигитлеровской коалиции не жалели слов восхищения и благодарности в адрес советского народа за его подвиги на полях сражений и выдающийся вклад в борьбу против общего врага. Достаточно ознакомиться с перепиской И. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, относящейся к этому периоду¹.

Попытки переписать историю падают порой на благодатную почву потому, что многие представители молодого поколения имеют весьма отрывочные, смутные представления о событиях тех лет, черпая их в основном из Интернета, где многие материалы несут отпечаток неизжитой идеологии блокового противостояния, домыслов о советской, а теперь и российской угрозе едва ли не всем в мире и просто нескрываемой русофобии.

Все это касается и освещения действий СССР на заключительном этапе Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

До сих пор появляются утверждения, причем не только на Западе, что СССР вступил в войну с Японией только после того, как ее исход был практически решен². Между тем документы Крымской и Берлинской (Потсдамской) конференций руководителей трех союзных держав однозначно свидетельствуют о том, что договоренности на этот счет были достигнуты именно по инициативе США задолго до создания ими ядерного оружия. Именно нежелание понести огромные потери при высадке на японские острова заставило США добиваться вступления СССР в войну с Японией³. Эта просьба, высказанная Ф. Рузвельтом в феврале 1945 в Ялте, была подтверждена Г. Трумэнном в июле 1945 г. в Потсдаме⁴.

Политики и историки продолжают спорить о том, насколько значительным был вклад Красной Армии в победоносное окончание войны на Тихом океане. История не знает сослагательного наклонения, и сейчас невозможно подсчитать, сколько десятков или сотен тысяч жизней американских солдат было спасено благодаря молниеносному разгрому Квантунской армии советскими войсками. Во всяком случае, Г. Трумэн 6 сентября 1945 г. писал И. Сталину о том, что «все союзники внесли свой вклад в победу в той степени, в какой им позволяли это сделать их наличные ресурсы»⁵.

Бесспорно лишь одно: на территории Корейского полуострова бои с японскими войсками вела и разгромила их Красная Армия. Никакие другие организованные вооруженные силы в боях с японцами в Корее участия не принимали. Американцы высадились на полуострове лишь 8 сентября, пять дней спустя после подписания японской стороной акта о безоговорочной капитуляции.

До сих пор предметом политических спекуляций остается вопрос об установлении опеки над Кореей после ее освобождения. Вопрос об этом обсуждался еще на Каирской конференции глав США, Великобритании и Китая в ноябре 1943 г. без участия Советского Союза.

В Тегеране СССР по существу присоединился к решениям Каирской конференции⁶. Однако в феврале 1945 г. в Ялте И. Сталин, реагируя на высказывания Ф. Рузвельта о возможном сроке опеки в 20—30 лет, заметил, что чем короче будет этот срок, тем лучше⁷.

В итоге на московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. срок опеки по предложению советской стороны был установлен в пять лет, без возможности его продления еще на пять лет, как предлагали США, а ее главной целью было объявлено создание «корейского демократического правительства» и «установление государственной независимости Кореи»⁸.

К сожалению, начинавшаяся холодная война и жесткое блоковое противоборство не позволили реализовать эти, как, впрочем, и многие другие договоренности союзников по антигитлеровской коалиции. К тому же идея опеки была воспринята в Корее далеко не однозначно. США довольно умело воспользовались ситуацией для того, чтобы представить СССР в качестве главного сторонника опеки и настроить корейцев против нашей страны⁹.

2. Корейская война и раскол Кореи: неподелённая ответственность

В 2020 г. исполняется 70 лет одному из самых трагических событий в истории Кореи. Речь идет о начале Корейской войны 1950—1953 гг. Многие у нас и за рубежом ограничиваются конста-

тацией вины Севера за ее развязывание и одобрявшего его планы Сталина.

Между тем такие американские историки, как И. Стоун, Д. Горовиц, Б. Камингс и др., в своих исследованиях дали не столь однозначно черно-белую картину произошедшего и причин до сих пор тлеющего конфликта. Они показали, что к войне готовились обе стороны. Можно вспомнить и неоднократные призывы Ли Сын Мана к «походу на Север», его заявления о возможности «оккупировать Пхеньян в три дня» и его отказ подписать соглашение о перемирии в Корее¹⁰. Кстати, в США, Южной Корее и Японии, в отличие от нашей страны, многие документы, относящиеся к этому периоду, остаются закрытыми.

Напомним еще несколько бесспорных фактов. *Во-первых*, корейский конфликт начался как гражданская война между Севером и Югом. *Во-вторых*, первым иностранным государством, вмешавшимся в этот конфликт и пославшим свои войска в Корею, были США. Китайцы и советские летчики появились там только тогда, когда американские войска на отдельных участках вышли к корейско-китайской границе.

В этом контексте затронем еще одну проблему, в отношении которой Север и Юг Кореи проявляют поистине трогательное единодушие. Речь идет об ответственности за раскол Кореи. И на Севере, и на Юге до сих пор принято возлагать ее на «внешние силы», подразумеваемая под ними прежде всего СССР и США.

О роли в таком исходе политических элит, сложившихся к тому времени в двух частях страны, говорить там считается неполиткорректным. Да, попытки найти компромисс предпринимались. В апреле и июне 1948 г. в Пхеньяне прошли два совещания с участием видных деятелей национально-освободительного движения с юга полуострова. Но соглашения достичь не удалось. Более того, по возвращении в Сеул Ким Гу — один из крупнейших корейских политиков того времени, бывший глава временного корейского правительства — был убит правым экстремистом фактически лишь за одну попытку вступить в диалог с «коммунистами».

Неспособность политиков Севера и Юга поделить власть и договориться по поводу будущего устройства единого государства до сих пор остается главной внутрикорейской причиной продолжающегося

раскола Кореи и военной напряженности на полуострове. Минувшие 75 лет подтвердили, что интересы сохранения власти нынешних правящих элит и политической стабильности в обеих частях Кореи при опоре на военно-политические союзы с третьими странами доминируют и в обозримом будущем, похоже, сохранят приоритет над «объединительными» декларациями корейцев.

3. О современной политике США на корейском направлении

Важно не забывать, что с приходом очередной администрации, будь она республиканской или демократической, фундаментальные цели внешней политики США не меняются. Изменяются лишь методы и стиль достижения этих целей.

Задачей номер один является обеспечение мирового господства США. В отличие от россиян, все еще склонных посыпать головы пеплом за несбывшуюся (и нигде четко так и не зафиксированную) мечту о победе мирового коммунизма, США еще в 2002 г. в своей стратегии национальной безопасности не постеснялись первым пунктом обозначить намерение не допустить появление государства или коалиции государств, способных бросить вызов их гегемонии в мире. И до сих пор эти приоритеты менять не собираются.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе, теперь расширенном до Индо-Тихоокеанского, приоритетом США объявлено сохранение их военного присутствия и укрепление существующих со времен Корейской войны военно-политических альянсов с Японией и Южной Кореей. Предпринимаются попытки создания новых стратегических альянсов типа четверки США—Япония—Австралия—Индия, носящих пока что в основном антикитайскую направленность.

Что же касается ядерной проблемы Корейского полуострова, один из самых известных американских экспертов по Корее В. Ча, работавший в администрации Дж. Буша, разъяснял, что главная задача США на полуострове — не денуклеаризация, а появление «единой Кореи, которая станет глобальным партнером США в мировых делах»¹¹. В переложении на общедоступный язык, фактически речь идет о ликвидации КНДР и создании на Корейском полуострове

единого государства, призванного помогать США менять неудобные им режимы и участвовать в проводимых ими «полицейских» операциях по всему миру.

4. Россия и корейский вопрос

Те деятели и аналитики, которые столь рьяно выступают против расширения НАТО на Восток, но безоглядно осуждают меры КНДР по укреплению своей обороноспособности, почему-то забывают, что в случае ликвидации этой страны мы очень быстро получим клон НАТО на наших восточных границах в составе США—Япония—единая Корея.

Вряд ли стоит сомневаться, что размещенные на юге Корейского полуострова американские войска быстро очутятся на 1360-километровой границе с Китаем и 17-километровой с Россией и останутся там, как это произошло в Ираке и Афганистане, на неопределенное время, разумеется, для «предотвращения попадания северокорейского ядерного оружия в руки террористов», «поддержания порядка» и т. п.

Какими последствиями для России и ее безопасности на Дальнем Востоке чреват такой вариант разъяснить представляется излишним.

В первой половине 90-х годов XX в. мы уже пытались в корейском вопросе, что называется, бежать впереди паровоза и спешили с санкциями в отношении КНДР едва ли не поперёд США. В результате мы оказались отстраненными от переговоров об урегулировании первого ядерного кризиса в 1993—1994 гг., от участия в КЕДО в 1995 г., а наши тогдашние «стратегические партнеры» — США и РК — не сочли нужным пригласить нас на четырехсторонние переговоры в 1996 г. Кстати, та ситуация почти повторилась в случае с шестисторонними переговорами в 2003 г., в число участников которых мы попали благодаря позиции КНДР. А в 1990-е, обрушив отношения с этой страной, у нас с удивлением обнаружили, что в корейских делах к нам утратили интерес не только в Пхеньяне, но и в Сеуле, не говоря уже о Вашингтоне и Токио.

Отношение США к недолгой «фронде» Франции и Германии в связи с вторжением США в Ирак в 2003 г. показало, что надежды

тех, кто рассчитывал на некое подобие равноправного партнерства с США, утопичны. Вашингтон намерен иметь дело лишь с теми, кто безоговорочно поддерживает американские цели. Те же, кто создают помехи на пути их достижения или просто перестают быть полезными, будут игнорироваться или... устраняться. Тем не менее целый ряд политиков, общественных деятелей и экспертов, которые сейчас не сходят с телеэкранов, критикуя нынешнюю политику Вашингтона в отношении Москвы, в то время усиленно ратовали за «стратегический союз» с США.

На учет наших интересов или ответные шаги США по снятию озабоченностей России, на что у нас так надеялись тогда, не приходится рассчитывать и сегодня. Разумеется, наши официальные лица категорически отрицали то, что, как сообщали целый ряд СМИ в России и за рубежом, наше голосование в СБ ООН в 2006 г. по «корейским» резолюциям было отчасти мотивировано стремлением заручиться согласием Запада на проект предлагавшейся нами тогда же резолюции по Грузии¹². Не станем утверждать, имел ли место такой размен. Но если имел, то каких-то реальных выгод России он не принес, о чем свидетельствовало отношение Запада к нашим действиям в ходе грузино-осетинского конфликта в августе 2008 г.

5. Партнерство с РК: поиски содержания

В сентябре 2020 г. исполнится 30 лет нашим дипотношениям с Республикой Корея. Еще в 2008 г на российско-южнокорейском саммите была поставлена задача вывести их на уровень стратегического партнерства. С тех пор в Сеуле нередко старались использовать этот термин для характеристики связей двух государств.

Однако в Москве предпочли применить более взвешенный подход к характеристике нашего взаимодействия. Так, в Концепции внешней политики России от 2016 г. говорится о заинтересованности нашей страны в «традиционно дружественных» отношениях» как с КНДР, так и с РК¹³.

Дело в том, что в 2008 г. мы лишь обозначили цель — выстраивать стратегическое партнерство, но отнюдь не решили этой задачи. Прошедшие 12 лет, на наш взгляд, показали, что для достижения

этой цели предстоит еще немало потрудиться. Мы много достигли в культурных, научных, образовательных обменах, введении безвизового режима. В целом нынешняя администрация РК из всех последних правительств этой страны, пожалуй, наиболее позитивно настроенная на развитие отношений с Россией.

Вместе с тем сохраняется существенная разница в подходах сторон к путям обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове. Москва, в частности, неоднократно обращала внимание на то, что согласие РК на размещение на своей территории элементов американской ПРО чревато нежелательными последствиями для будущего отношений двух стран и «неизбежно приведет к дальнейшему осложнению обстановки в СВА»¹⁴.

Первоначально в Сеуле пытались представить дело так, что его усилия в этой области направлены исключительно против «северокорейской ракетной угрозы», однако последующие заявления официальных лиц РК не оставили сомнений в том, что «локальная» южнокорейская система ПРО будет интегрирована в глобальную американскую систему ПРО¹⁵.

В этой связи хотелось бы напомнить о реакции российского руководства на развертывание базы ПРО США в Румынии. Высказывания президента В.В. Путина на этот счет не оставляют сомнений в том, что руководители тех стран, которые принимают такие решения, не укрепляют безопасность своих стран, а, напротив, ставят ее под серьезную угрозу¹⁶.

Новым осложняющим фактором в наших отношениях может стать размещение Пентагоном новых ракет средней дальности в Японии и Южной Корее. В своем послании Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. В.В. Путин дал понять странам, которые предоставят свою территорию для таких ракет, что тем самым они превращают их в мишени для ответного удара¹⁷.

Возможно, южнокорейские коллеги вновь, как и в случае с размещением американской ПРО, станут уверять нас, что пока идут переговоры и еще ничего не решено. Но мы теперь знаем, чем закончились переговоры по ПРО и какова цена таким заверениям.

Между тем, исторический опыт должен был бы уже давно подсказать корейцам, что такая вот «дружба» с одной из великих держав

против другой или других, тем более ближайших соседей, не принесет мира и спокойствия Корее и уж, конечно, не приблизит день воссоединения страны.

6. Экономика: юбилей «долгостроев»

Разговоры о реализации крупных международных энергетических и инфраструктурных проектов с участием РФ, КНДР и РК продолжают уже около 20 лет. Нынешняя администрация РК фактически соблюдает введенный еще при прежних откровенно проамериканских правительствах негласный запрет на запуск новых крупных проектов двустороннего сотрудничества и финансирование некоторых уже заявленных или обсуждавшихся проектов.

Между тем, работая над новыми направлениями двустороннего сотрудничества с РК, Россия в то же время не намерена отказываться от реализации уже многократно обсужденных проектов с участием Северной Кореи. Об этом свидетельствует заявление президента России по итогам переговоров с президентом РК Мун Чжэ Ином 6 сентября 2017 г. во Владивостоке¹⁸ и его высказывания на пленарной сессии XV заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 г.¹⁹

Ситуация с этими проектами стала уже настолько неприличной, что в апреле 2019 г. на пресс-конференции после встречи с Ким Чен Ыном во Владивостоке В.В. Путин высказал предположение о «дефиците суверенитета» у Сеула «при принятии окончательных решений» по этим проектам в связи с какими-то союзническими обязательствами перед США²⁰.

Совершенно ясно, что без вовлечения КНДР в интеграционные процессы в СВА, в том числе без соединения Транскорейской железной дороги с Трансибром, так называемая новая северная политика нынешней администрации РК, фигурально выражаясь, «повисает в воздухе» и оставляет Южную Корею в положении де-факто острова в СВА.

В 2019 г. Сеул стал вторым по объему торговли партнером России в АТР. Однако вряд ли можно признать удовлетворительными масштабы инвестиционного сотрудничества — меньше 3 млрд долл. инвестиций РК в РФ за 30 лет дипотношений. Для сравнения: нака-

нуне поездки Мун Чжэ Ина в США в сентябре 2019 г. и его запланированной встречи с Д. Трампом южнокорейские компании объявили об очередной порции своих инвестиций в США на сумму более 3 млрд долл.²¹ Только в первой половине 2019 г. компании РК вложили в экономику США свыше 5 млрд долл.²²

Все эти «подарки», как отмечали южнокорейские СМИ, были предназначены для того, чтобы побудить Трампа не настаивать на резком увеличении расходов РК на содержание американских войск на юге полуострова. Насколько оправдались эти надежды, все могли убедиться в конце 2019 г, когда США потребовали пятикратного их увеличения — с одного до 5 млрд долл. в год.

В последние годы наши южнокорейские партнеры активизировали выдвижение новых направлений и сфер двустороннего сотрудничества, делая упор на образовании, медицине, сельском хозяйстве, экологии и даже эксплуатации Северного морского пути. Нельзя отрицать важность наращивания взаимодействия в этих областях. Но порой складывается впечатление, что повышенная презентационная активность и демонстративный упор на новых направлениях сотрудничества призваны отвлечь внимание от неготовности или нежелания РК реализовывать уже неоднократно обсужденные и даже обследованные «на местности» проекты.

Россию уверяют, что все они заработают после денуклеаризации КНДР, а еще лучше — после объединения Кореи, разумеется, под эгидой РК. Однако то, как США ведут себя в Европе, пытаясь не допустить реализации «Северного потока-2», заставляет не исключать того, что похожее вполне может произойти после объединения Кореи и в Северо-Восточной Азии.

7. В поисках баланса интересов

Впервые за время существования двух государств на Корейском полуострове Россия столкнулась с беспрецедентной ситуацией, когда ее торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, научные, культурные, образовательные связи с одним из них, нашим непосредственным соседом — КНДР, оказались фактически под международным контролем. И создали эту ситуацию мы сами, проголосовав за 11 резолюций СБ ООН, введших невиданно жест-

кие санкции в отношении государства, с которым у нас есть Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Может быть, поэтому 20-летие подписания этого документа, исполнившееся в феврале 2020 г., прошло практически незамеченным.

Наши попытки отменить часть этих санкций, которые, как было ясно еще до их ввода, наносили нам существенный ущерб, как экономический (запрет на использование рабочей силы), так и имиджевый (санкции против страны, с которой у России есть такой договор), выглядят по меньшей мере неуклюжими. Как бы политкорректно не характеризовали обе стороны наши нынешние отношения, ясно, что доверие между ними серьезно подорвано.

В отношениях с Республикой Корея нам нужна более адекватная, реалистическая оценка современного этапа и перспектив двусторонних отношений как длительного и, как показали события последних лет, весьма непростого и противоречивого процесса. Представляется, что именно такой подход позволит РФ и РК не обходить, а обсуждать и предлагать решения тех проблем в области безопасности, экономики и других сферах, без устранения которых подъем отношений на новый уровень невозможен.

Юбилеи не должны лишать чувства политического реализма. Надо учитывать, что в обозримом будущем Россия останется для Республики Корея второстепенным партнером, от которого в Сеуле ждут главным образом поддержки его курса в отношении Пхеньяна и более широкого доступа к нашим ресурсам и результатам работ наших ученых. Главным и единственным действительно стратегическим, причем не партнером, а союзником для РК остаются США.

Как это ни выглядит парадоксальным, таково же и главное направление дипломатических усилий КНДР. Там прекрасно осознают, что без достижения известного компромисса с США по ЯПКП не добиться хотя бы частичного снятия санкций и снижения уровня военной угрозы.

С учетом сложившихся реалий оптимальной моделью «баланса интересов» России на Корейском полуострове должна стать такая система её отношений с каждым из корейских государств, которая исключала бы возможность использования кем-либо из них своих связей с Москвой в ущерб отношениям России с другим корейским государством. При этом важнейшей задачей Москвы останется уча-

стие в международных усилиях по предотвращению новой войны на полуострове, урегулированию ЯПКП и переводу отношений КНДР и РК в русло устойчивого мирного сосуществования, что наилучшим образом будет способствовать интересам безопасности России.

Примечания

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I-II. М.: Госполитиздат, 1957.

² *Shen Zhuhua*. Soviet machinations at root of Korean War // The Global Times. 16.06.2010. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/542512.shtml> (дата обращения: 12.03.2020).

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). С. 129—130, 254.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). С. 40.

⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II. М.: Госполитиздат, 1957. С. 267.

⁶ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 57.

⁷ Советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). С. 131.

⁸ Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 18—19.

⁹ *Тихомиров В.Д.* Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998. С. 16—17.

¹⁰ *Воронцов В.* Миссионеры и их наследники. М.: Политиздат, 1984. С. 82.

¹¹ *Cha, Victor*. U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritance. Comparative Connections. Oct-Dec.2009. URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance/> (дата обращения: 11.03.2020).

¹² Коммерсант. 16.10.2006.

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkV6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkV6BZ29_languageId=ru_RU (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁴ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 10 февраля 2016 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2074106?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 12.02.2016.).

¹⁵ Washington mulls upgrading, separating Thaad // Korea Joongan Daily. 17.02.2020.

¹⁶ Владимир Путин сообщил, каким будет ответ России на развертывание американских баз в Польше и Румынии // Первый канал. 13.05.2016. URL: <https://www.1tv.ru/news/2016-05-13/302109-vladimir-putin-soobschil-kakim-budet-otvet-rossii-na-razvertyvanie-amerikanskih-baz-v-polshe-i-rumynii> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию // Кремль. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁸ Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином // Кремль. 06.09.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55541> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Кремль. 18.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 12.03.2020).

²⁰ News conference following Russian-North Korean talks. April 25, 2019, Russky Island, Vladivostok // *Kremlin*. 25.04.2019. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60370> (дата обращения: 12.03.2020).

²¹ The Korea Times. 26.11.2019.

²² Fact sheet office of the Spokesperson. 02.07.2019. President Donald J.Trump and President Moon Jae-in Reaffirm the United States' and Republic of Korea's Ironclad Alliance // U.S. Department of State. 02.07.2019. URL: <https://www.state.gov/president-donald-j-trump-and-president-moon-jae-in-reaffirm-the-united-states-and-republic-of-koreas-ironclad-alliance/> (дата обращения: 12.03.2020).

References

1. Briefing by Foreign Ministry Spokesperson Maria Zakharova, Moscow, February 10, 2016. Kremlin. 10.02.2016. Available at: URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2074106?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed: 12.02.2016).
2. *Cha, Victor*. U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritance. Comparative Connections. Oct-Dec.2009. Available at: URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance/> (accessed: 11.03.2020).
3. Fact sheet office of the Spokesperson July 2, 2019. President Donald J.Trump and President Moon Jae-in Reaffirm the United States' and Republic of Korea's Ironclad Alliance. *U.S. Department of State*. Available at: URL: <https://www.state.gov/president-donald-j-trump-and-president-moon-jae-in-reaffirm-the-united-states-and-republic-of-koreas-ironclad-alliance/> (accessed:12.03.2020).
4. Foreign police Concept of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016. Kremlin. 30.11.2016. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=en_GB (accessed: 12.03.2020).
5. Kommersant [Commersant Daily], Moscow, 16.10.2006.
6. Meeting of the Valdai International Discussion Club October 18, 2018, Sochi. Kremlin. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed: 12.03.2020).
7. News conference following Russian-North Korean talks April 25, 2019, Russky Island, Vladivostok. Kremlin. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60370> (accessed: 12.03.2020).
8. Otnosheniya Sovetskogo Souza s narodnoii Koreeii 1945—1980 [The Soviet Union relations with the people's Korea. 1945—1980. Documents and materials] (1981). Moscow, Science. Pp. 18—19. (in Russian).
9. Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s Presidentom SSHA i prem'er-ministrom Velikobritanii [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the President of the United States and the Prime Minister of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941—1945] vol. I-II.(1957). Moscow, Gospolitizdat. (in Russian)
10. Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s Presidentom SSHA i prem'er-ministrom Velikobritanii [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the President of the United States and the Prime Minister of

Great Britain during the Great Patriotic War of 1941—1945] vol. II.(1957). Moscow, Gospolitizdat. P. 267. (in Russian)

11. Presidential Address to Federal Assembly February 20, 2019. Kremlin. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59863>. (accessed: 12.03.2020).

12. Press statements following talks with President of the Republic of Korea Moon Jae-in. September 6, 2017. Vladivostok. Kremlin. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55541> (accessed: 12.03.2020).

13. *Shen Zhihua*. Soviet machinations at root of Korean War. The Global Times. 16.06.2010. Available at: <http://www.globaltimes.cn/content/542512.shtml> (accessed: 12.03.2020).

14. Sovetskii Souz na mezhdunarodnyh konferentsiyah perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 Sbornik dokumentov. Tom 4. Krymskaya konferentsiya rukovoditelei treh souznyh derzhav — SSSR, SSHA i Velikobritanii (4—11 fevralya, 1945) [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents (1984)./ MFA of the USSR. — Moscow, Politizdat.Vol. 4. Crimean conference of the leaders of the three allied powers—the USSR, the United States and Great Britain (February 4—11, 1945). P. 129—130, 254. (in Russian).

15. Sovetskii Souz na mezhdunarodnyh konferentsiyah perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 Sbornik dokumentov. Tom 6. Berlinskaya (Potsdamskaya) konferentsiya rukovoditelei treh souznyh derzhav —SSSR, SSHA i Velikobritanii (iul'17-avgust 2, 1945) [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents (1984) / MFA of the USSR. — Moscow, Politizdat. Vol. 6. Berlin (Potsdam) conference of the leaders of the three allied powers—the USSR, the United States and Great Britain (July 17-August 2, 1945). P. 40. (in Russian).

16. Sovetskii Souz na mezhdunarodnyh konferentsiyah perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 Sbornik dokumentov.Tom 4. Krymskaya konferentsiya rukovoditelei treh souznyh derzhav —SSSR, SSHA i Velikobritanii (4—11 fevralya, 1945) [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents (1984)./ MFA of the USSR. — Moscow, Politizdat.Vol. 4. Crimean conference of the leaders of the three allied powers—the USSR, the United States and Great Britain (February 4—11, 1945). P. 131. (in Russian).

17. The Korea Times. 26.09.2019.

18. *Tikhomirov V.* (1998). Koreiskaya problema I mezhdunarodnye factory [Korean problem and international factors (1945-early 80's)] Moscow, Publishing company “Eastern literature” of the Russian Academy of Sciences. P. 16—17. (in Russian).

19. *Torkunov A., Denisov V., Lee V.* (2008). *Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii* [The Korean peninsula: Essays of the post Second world war history] Moscow, OLMA media Group publishing house. P.57.

20. Vladimir Putin soobschil kakim budet otvet Rossii na razvertyvanie amerikanskih baz v Pol'she i Rumynii [Vladimir Putin informed on Russia's response to the placing US bases in Poland and Romania]. *I TV*. Available at: https://www.ltv.ru/news/2016-05-13/302109-vladimir_putin_soobschil_kakim_budet_otvet_rossii_na_ra_zvertyvanie_amerikanskih_baz_v_polshe_i_rumynii (accessed: 12.02.2020).

21. *Vorontsov V.* (1984) *Missionery i ih nasledniki* [Missionaries and their heirs]. Moscow, Politizdat, P. 82. (in Russian).

22. Washington mulls upgrading, separating Thaad. Korea Joongan Daily. 17.02.2020.

Ким Ен Ун

ЭВОЛЮЦИЯ МЕСТА И РОЛИ КОРЕИ В БАЛАНСЕ СИЛ В СВА

В 1945—1948 гг., до образования КНДР и РК, Корея в целом была объектом, но не субъектом международного права и не играла никакой роли в балансе сил в Северо-Восточной Азии. С образованием КНДР и РК обе Кореи превратились в субъекты международного права. Но правосубъектность их была ограниченной в силу разных причин. Так, если КНДР с лета 1957 г. стала субъектом международного права без ограничений, Республика Корея так и осталась субъектом международного права с ограниченным суверенитетом, и ее место и роль в балансе сил в Северо-Восточной Азии видится менее значительным, чем у КНДР.

Ключевые слова: Северная и Южная Корея, объекты и субъекты международного права, баланс сил, Северо-Восточная Азия.

Баланс сил в международных отношениях есть соотношение политики, влияния авторитета государств субрегионов, регионов, макрорегионов и мира. Под влиянием понимается в данном случае весомость аргументов и действий государства, оцениваемых другими акторами. Баланс сил складывается из политических, дипломатических, экономических, культурных и военных возможностей той или иной страны или группы стран, морального авторитета страны и её руководителей. Но, помимо этого, весомое, может быть, даже исключительное значение имеют последовательность и твердость позиции, а также дипломатическое искусство.

Как в период холодной войны, так и в более позднее время теории международных отношений часто рассматривали баланс сил в основном как определенное равновесие конкурирующих, конфронтационных сил. При этом считалось, что усиление силы одной из сторон баланса непременно угрожает другой или другим. Так, Ганс Моргентау писал: «В плюралистском международном сообществе если одна держава приобретает новую значительную силу, угрожая другим, то последние начинают координировать и кооперировать свои силы для отражения этой угрозы и восстановления прежнего баланса сил»¹.

В 1996 г. в изданной в России монографии южнокорейский автор Ким Юн Дук писал: «Политика баланса сил в самом широком ее значении означает распределение властных функций между государствами или их коалициями. Если сила какого-либо государства, в том числе вооруженная, возрастает по сравнению с остальными и возникает опасность нарушения существующего до сего момента равновесия, то ответом на это будет противоположное движение, направленное на обеспечение своей модели сферы влияния. Это движение сводится, таким образом, к тому, чтобы, с одной стороны, воспрепятствовать более сильным занять более выгодные позиции, а с другой стороны, слабые стремятся сохранить прежний баланс сил. В международных отношениях рост силы одного государства может происходить, как правило, за счет относительного ослабления сил других стран»².

При этом вовсе необязательно, чтобы изменение баланса было связано с какими-то агрессивными действиями одного или группы государств. Многие авторы, исследующие проблему баланса сил в Северо-Восточной Азии (СВА) и конкретно на Корейском полуострове, под балансом сил понимают только баланс внешних сил в регионе. В этом случае страны региона фактически рассматриваются исключительно как объект, а не субъект международных отношений и баланса сил. Поэтому, например, вышеупомянутый автор в своей монографии в динамике баланса сил совершенно не учел возможности самих корейских государств. Между тем, например, нельзя правильно оценить баланс сил на Корейском полуострове без учета политики и возможностей самих корейских государств. Ведь в рассматриваемом им балансе сил из четырех государств только одно

является внешним актором (США), а три остальные (Россия, КНР, Япония) — территориальные соседи обеих корейских государств, а также и между собой.

Поэтому очень важно правильно определить роль самих корейских государств в балансе сил как на полуострове, так и в СВА.

В результате разгрома Японии войсками антигитлеровской коалиции Корея, будучи угнетенной, но составной частью японской империи, была освобождена от колониального ига. Но в отличие от большинства бывших колоний корейский народ не сумел сразу после освобождения восстановить собственную государственность.

В течение трех лет после обретения независимости Корея находилась под внешним управлением как оккупированная страна. Соответственно, она не смогла сразу стать субъектом международного права, как большинство колоний, обретших независимость в более позднее время.

Из этого вытекает, что Корея, точнее две части страны, находившиеся под управлением оккупационных войск, были объектом, но не субъектом международного права и не могли оказывать какое-то влияние на международные отношения и баланс сил в регионе СВА. Хотя сопротивление общественности и ряда политических сил в американской оккупационной зоне на юге Кореи предложенному на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. режиму опеки не дало возможности юридически ввести его. В этом можно, конечно, видеть определенную субъектную роль Кореи, точнее корейского народа. Со временем стало ясно, что и это сопротивление было инспирировано США ввиду их убежденности, что они не смогут установить контроль над всей Кореей.

Если бы не присутствие СССР на территории северной части Кореи, США вполне могли навязать свою опеку над этой страной. Такая задача ставилась еще президентом США Ф.Д. Рузвельтом на конференциях лидеров стран антигитлеровской коалиции. 14 января 1944 г., он в своем выступлении на совещании по вопросам войны на Тихом океане указывал: «Корейцы пока не в состоянии поддерживать порядок и управлять независимым правительством, поэтому мы возьмем их под опеку сроком до 40 лет»³.

8 февраля 1945 г. на конференции в Ялте Рузвельт снова поднимает вопрос об опеке над Кореей и предлагает ее срок в 30—40 лет⁴. 15 сентября 1945 г., т. е. всего лишь через неделю после того, как американские войска вступили в Сеул, руководитель Американской военной администрации в Корее генерал-майор Арнольд заявил в интервью корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс: «Корейцы не будут в состоянии осуществлять самоуправление в течение 15 лет... Мы возвратим Корею корейцам, когда они будут в состоянии управлять своей страной. Я сообщил корейцам, что это, возможно, произойдет через 10—15 лет»⁵.

Поэтому деланное возмущение Ли Сын Мана и поддерживавших его политических сил решениями Московского совещания трех министров об опеке производит впечатление хорошо срежиссированного спектакля, тем более что США на этом совещании не удалось навязать свое понимание опеки и пришлось согласиться на предложение СССР, согласно которому цель опеки — содействие создаваемому самими корейцами Временному демократическому правительству в управлении страной.

США же хотели, чтобы управляли США и СССР (естественно, при главенствующей роли США), а корейское правительство не имело бы самостоятельности и в лучшем случае могло бы давать советы. Тем не менее из-за неспособности корейских политических сил договориться между собой о формировании демократического корейского правительства, а также неуступчивости двух недавних союзников пришлось расплачиваться расколом страны и образованием двух государств.

С образованием КНДР и РК обе Кореи быстро превратились в субъекты международного права, тем более что они сразу были признаны другими государствами. Однако их влияние на международные отношения, на баланс сил в регионе стали отличаться. Сразу после провозглашения КНДР и ее признания СССР начал вывод своих войск, который был завершен к концу 1948 г. Ни руководство СССР, ни руководство КНДР не ставило вопроса о заключении какого-то военного договора между двумя странами. Напротив, потребовались серьезные усилия СССР и международной общественности, чтобы США вывели свои войска из Южной Кореи. Это произошло почти через год после провозглашения РК — летом 1949 г.

КНДР и РК в первые годы своего существования находились под сильным политическим, экономическим влиянием соответственно СССР и США. Но здесь нужно учитывать одно важное обстоятельство, которое меняло положение КНДР в регионе и в мире. Помимо поддержки второй мировой державы — СССР, КНДР стала получать поддержку со стороны возникшей 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, где власть принадлежала идеологическим союзникам — Коммунистической партии Китая. У РК тогда был единственный союзник — США, от которых она зависела во всем.

Во время Корейской войны 1950—1953 гг. формально на стороне КНДР выступали только китайские народные добровольцы, а на стороне РК — 16 членов ООН, причем 90 % военных коалиции стран под флагом ООН составляли войска США. Война, как известно, закончилась перемирием, которое предусматривало вывод всех иностранных войск с территории полуострова в течение полугода со дня подписания соглашения о перемирии. Южная Кореи уже через неделю заключила с США военный договор о взаимной обороне, по которому американские войска до сих пор находятся на территории РК. При этом ни власти РК, ни власти США не ставят вопроса о выводе американских войск, более того, в 2013 г. тогдашний президент Южной Кореи говорила о предстоящих 60 годах военно-политического союза с США. И целое десятилетие после окончания войны единственным союзником, оказывавшим экономическую и военную помощь РК, были США.

КНДР, с учетом нахождения американских войск на юге полуострова, пять лет после окончания войны считала необходимым пребывание китайских войск на территории страны, рассчитывая, по-видимому, что это ускорит вывод войск США с полуострова. При этом части КНР под названием Армия китайских народных добровольцев находились в стране в отсутствие какого-либо военно-политического договора между КНР и КНДР. В 1958 г. китайские войска были выведены из Северной Кореи, и с тех пор на ее территории не было иностранных войск. Несмотря на размещение американского тактического ядерного оружия на юге Кореи, КНДР не стала вступать ни в какие военно-политические блоки или союзы.

В послевоенном восстановлении и в последующие годы КНДР была оказана большая помощь со стороны социалистических стран.

В 60—70-е годы XX в., когда возникла напряженность в отношениях между КНР и СССР, Северная Корея предпочла маневрировать между двумя этим гигантами с тем, чтобы избежать слишком большой зависимости от каждого из них. Она строила свои отношения с другими странами исключительно на двусторонней основе. КНДР, как известно, не вступила ни в Варшавский договор, ни в Совет экономической взаимопомощи, предпочтя многовекторную дипломатию, в том числе налаживая широкие связи с развивающимися странами.

В условиях нахождения на территории РК американского ядерного оружия, КНДР заключила в 1961 г. договоры о взаимной помощи с СССР и КНР. Некоторые исследователи рассматривают подписание этих договоров как свидетельство создания некоего подобия военно-политического союза между КНДР и СССР, а также КНДР и Китаем. Но в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, подписанном Н.С. Хрущёвым и Ким Ир Сенем 6 июля 1961 г. в Москве, нет ни слова о каких-то военных базах на территории другой стороны.

Статья 1 этого документа гласит: «Договаривающиеся Стороны заявляют, что они и впредь будут участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире, и вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких задач». Далее в этой же статье сказано, что «в случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства или коалиции государств и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами».

Кроме того, формулировка этой статьи говорит о том, что СССР ставил довольно жесткое условие перед руководством КНДР: помощь может быть оказана только при нападении на нее, но не тогда, когда она сама начнет войну. В ст. 5 содержится важное положение, которое демонстрировало, что ни СССР, ни КНДР не замышляют военных действий против других стран региона и, в особенности, в отношении Южной Кореи: «Обе Договаривающиеся Стороны считают, что объединение Кореи должно быть произведено на мирной и демократической основе и что такое решение отвечает как нацио-

нальным интересам корейского народа, так и делу поддержания мира на Дальнем Востоке»⁶.

Кстати, и Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, подписанный 9 февраля 2000 г. в Пхеньяне, также содержит намерение двух стран выступать против всех проявлений политики агрессии и войны, прилагать активные усилия в целях сокращения вооружений и обеспечения прочного мира и безопасности во всем мире. В ст. 2 содержится положение о том, что в случае возникновения опасности агрессии в отношении одной из Сторон или ситуации, угрожающей миру и безопасности, а также в случае необходимости консультаций и взаимодействия Стороны незамедлительно вступят в контакт друг с другом. В ст. 4 подтверждена позиция двух стран о том, что «скорейшая ликвидация раскола Кореи, который является постоянным фактором международной напряженности, и ее объединение на основе принципов самостоятельности, мирного воссоединения и национальной консолидации всецело отвечают национальным интересам всего корейского народа и послужат вкладом в дело мира и безопасности в Азии и во всем мире»⁷.

В 1970—1980-е годы КНДР пыталась развивать экономические отношения с капиталистическими странами. Так, в январе 1984 г. Верховное народное собрание КНДР утвердило постановление «О дальнейшем укреплении сотрудничества Юг—Юг, внешнеэкономической деятельности и развитии внешней торговли». В этом документе говорилось о необходимости установления деловых связей не только с развивающимися, но и с «капиталистическими странами, с которыми наша страна еще не установила дипломатических отношений»⁸.

То есть к тому времени КНДР, сохраняя торгово-экономические отношения преимущественно с социалистическими странами, стремилась к развитию таких связей «по всем азимутам». Не ее вина, что капиталистический мир из-за своих идеологических и политических причин не захотел развивать с ней отношения, лишая ее тем самым возможности ознакомиться со стандартами участия в международном рынке товаров и услуг, а также труда. Это обстоятельство также может быть отнесено к причинам стремления руководства Северной Кореи опираться на собственные силы и не идти на компромиссы, хотя она была готова и умела их добиваться. Можно вспом-

нить, как в конце 1950-х — 1960-е годы в КНДР говорили, что с империалистами не то что вести какие-то дела, но даже дышать одним воздухом никогда нельзя. Через 10 лет там уже отошли от такой позиции.

Есть еще одно важное обстоятельство, характеризующее роль КНДР в балансе сил в регионе. События 1956 г., когда делегации КПСС и КПК предприняли неудачную попытку отстранения Ким Ир Сена от власти, показали, что пока он получает поддержку со стороны сплотившейся вокруг него политической элиты, помешать ему проводить ту политику, которая, по его мнению, является правильной, не удастся, нравится это или нет его ближайшим соседям и лидерам социалистического мира.

В ноябре 1957 г. на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве Мао Цзедун выразил сожаление по поводу действий руководителей так называемой китайской фракции в руководстве ТПК, выступавших против Ким Ир Сена на августовском пленуме ЦК ТПК 1956 г. Вскоре после этого, в 1958 г., из КНДР были выведены остававшиеся там после подписания соглашения о перемирии части китайских народных добровольцев.

В Северной Корее считают, что события 1956 г. были важной вехой на пути отстаивания интересов своей страны руководством КНДР, которое не побоялось действовать наперекор своим влиятельным союзникам. Данное обстоятельство необходимо учитывать при оценке вопроса о балансе сил в регионе, потому что сила того или иного государства, его вес и влияние на ситуацию в регионе и в мире определяет не только экономическая мощь, наличие влиятельных и могущественных союзников, но и твердость в отстаивании своих интересов, умение проводить свою линию в межгосударственных отношениях, в особенности в вопросах безопасности и обороны.

РК находилась в более благоприятном положении, так как благодаря покровительству США она могла установить отношения с большим числом стран, а также принимать участие в работе международных организаций в качестве наблюдателя или ассоциированного члена.

Это обстоятельство в то же время ставило ее в зависимость от США. Между тем история Кореи конца XIX — начала XX в. показа-

ла, насколько вредно для государства опираться только на одну страну. Многолетняя вассальная зависимость от Китая защищала Корею от агрессий внешних сил и даже давала определенные привилегии. Но ослабление Китая сразу привело к потере Кореей защиты от внешних сил и, в конечном счете, к закабалению ее Японией. Понятно, что если бы китайская империя была как в прежние времена сильной страной, она бы не допустила отторжения Кореи из сферы влияния Китая и превращения в колонию другой страны.

После освобождения Кореи в 1945 г. власти Южной Кореи стали отчасти сознательно, отчасти вынужденно ориентироваться на покровительство и помощь одной, правда самой могущественной страны не только Азии, но и мира. Эта ориентация на покровительство США давала, конечно, определенные экономические и политические выгоды. Объем помощи Вашингтона в иные годы после Корейской войны составлял более 50 % бюджета страны. Это вынуждало РК следовать его политике, идти на действия, никак не связанные с национальными интересами, как, например, участие во Вьетнамской войне 1964—1973 гг., развязанной США. По данным профессора южнокорейского университета Чосон, президента научного Общества корейских вьетнамоведов Ан Ген Хвана, в ней за восемь с половиной лет участвовали 325 тыс. 217 корейских военнослужащих, из которых 5009 погибли, 11 232 человека было ранено и еще 80 тыс. пострадали от дефолиантов, которые применяли США против партизан в Южном Вьетнаме⁹.

Северная Корея, оставаясь субъектом международного права, в силу влияния США на международные организации была лишена возможности набраться опыта имплементации норм международного права в том виде, в каком они действовали в то время. КНДР в этом смысле была ограничена только отношениями, существовавшими внутри мировой социалистической системы и отношениями с рядом освободившихся стран. Отчасти в этом была вина самой КНДР, так как она с 1970-х годов отказывалась от идеи одновременного вступления двух корейских государств в ООН, мотивируя свою позицию нежеланием юридически признать раскол Кореи и существование двух субъектов международного права, что, по её доводам, навечно закрепляло бы этот раскол.

Одновременное вступление КНДР и РК в ООН в 1991 г. расширило возможности Северной Кореи играть более существенную роль в балансе сил в СВА и в мире. Наглядным свидетельством тому было участие последней в шестисторонних переговорах по денуклеаризации Корейского полуострова.

Со своей стороны, РК совершила впечатляющий скачок в развитии экономики, стала в 2019 г. 11-й экономикой мира и вошла в клуб наиболее крупных мировых экономик — «Группу 20». За период 1991—2020 гг. РК дважды избиралась непостоянным членом СБ ООН, а также добилась избрания на два срока своего дипломата Генеральным секретарем ООН, существенно расширила свои возможности влияния на международные дела и на баланс сил в СВА. Кроме того, РК, умело применяя так называемую мягкую силу, особенно «халлю» (корейскую волну) в сфере массовой культуры, стала узнаваемой в мире страной, прежде всего своими экономическими и культурными достижениями.

Не случайно в свое время автор термина «мягкая сила» Джозеф Най говорил, что Южной Корее не нужно пытаться конкурировать с Китаем или США в военной или экономической областях, так как они находятся в разных весовых категориях. Он приводил примеры Норвегии или Нидерландов, не имеющих мощных вооруженных сил, но обладающих большим авторитетом в международных делах, и считал, что у Республики Корея есть все ресурсы и возможности, чтобы успешно применять «мягкую силу», и, в отличие от ситуации с жесткой силой, для этого нет никаких географических ограничений. Это позволит ей играть более важную роль в международных институтах, которые будут иметь существенное значение для глобального управления¹⁰.

В то же время в решении дел на Корейском полуострове и в регионе СВА Южная Корея, несмотря на существенный экономический вес и членство в самых различных международных организациях, из-за зависимости от военно-политических обязательств перед США и вынужденности получать одобрение США на многие свои внешнеполитические акции, не стала влиятельным элементом баланса сил. Ни одна ее инициатива по решению проблем безопасности в СВА, проблем Корейского полуострова не получила своего развития. Несмотря на большую роль, сыгранную президентом Юж-

ной Кореи для обеспечения переговоров между президентом США и лидером КНДР в Сингапуре, Ханое и Пханмунчжоме, президент США воздержался от проведения трехсторонних переговоров США—КНДР—РК даже во время встречи в Пханмунчжоме 30 июня 2019 г., куда он прибыл вместе с президентом РК.

Напротив, КНДР, занимая место во второй сотне экономик мира, больше чем РК влияет на баланс сил в СВА не только благодаря наличию статуса дефакто ядерной державы, хотя и не признанного Советом Безопасности ООН, но и упорством в отстаивании своих национальных интересов, что вынуждает и РК, и США, да и не только их, идти на переговоры с этой страной.

Примечания

¹ *Hans J. Morgenthau. Politics Among Nations. New York, 1985. С. 208.*

² *Ким Юн Дук. Динамика баланса сил между США, Россией, Китаем и Японией на Корейском полуострове: Монография. М.: Научная книга, 1996. С. 59*

³ Цит. по: *А.В. Торкунов, В.И. Денисов, Вл.Ф. Ли. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 57.*

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов/М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат. 1979. С. 130—131.

⁵ Архив внешней политики РФ, Ф-0102, опись 1, папка 1, дело 9, л. 3.

⁶ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР. 06.07.1961 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 02.02.2020).

⁷ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-демократической Республикой. 09.02.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771436> (дата обращения 20.02.2020)

⁸ О дальнейшем укреплении сотрудничества Юг—Юг, внешнеэкономической деятельности и развитии внешней торговли. Постановление ВНС КНДР // Нодон синмун. 24.01.1984.

⁹ *Ан Ген Хван. Бетнам чамчжон 50 нен, чамчжон енса менье хвобок ыл [50-лет Вьетнамской войны, вопрос реабилитации участников войны] // Chosun Ilbo. 12.09.2014. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2014/09/11/2014091104413.html/ (дата обращения: 14.03.2020).*

¹⁰ *Joseph S. Nye, Jr.* South Korea's Growing Soft Power // The Korea Times. 13.11.2009. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2009/11/137_55438.html (дата обращения 20.03.2020).

References

1. *An Gen Hvan.* Betnam chamjeon 50 nen, chanjeon ensa menge hebok il. [50 years of the Vietnam war, the issue of rehabilitation of war participants]. *Chosun Ilbo*. 11.09.2014. Available at: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2014/09/11/2014091104413.html/ (accessed 14.03.2020) (in Korean).
2. Arhiv vneshnoi politiki RF, f.0102, opisi 1, papka 1, Delo 9, 1.3 [Archive of foreign policy of the Russian Federation, f-0102, Inventory 1, Folder 1, Case 9, 1. 3]. (In Russian).
3. Dogovor o druzhbe, dobrososedstve I sotrudnichestve mezhdru Rossiiskoi Federatsiei I Koreiskoi Narodnoi Demokraticheskoi Respublikoi. [Treaty of friendship, good-neighbourliness and cooperation between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea]. *Techexpert*, 09.02.2000. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901771436> (accessed 20.02.2020) (in Russian).
4. Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve I vzaimnoi pomosthi mezhdru SSSR i KNDR. 06.07.1961 [Treaty of friendship, cooperation and mutual assistance between the USSR and the DPRK. 06.07.1961 г.]. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/%B0%94%B0%ИУ%B0%И3%B0%ИУ%B0%И2%B0%ИУ%B1%80_%B0%ИУ_%B0%И4%B1%80%B1%83%B0%И6%B0%И1%B0%И56_%B1%81%B0%ИУ%B1%82%B1%80%B1%83%B0%И4%B0%ИВ%B0%И8%B1%87%B0%И5%B1%81%B1%82%B0%И2%B0%И5_%B0%И8_%B0%И2%B0%И7%B0%И0%B0%И8%B0%ИС%B0%ИВ%B0%ИУ%B0%И9_%B0%ИА%B0%ИУ%B0%ИС%B0%ИУ%B1%89%B0%И8_%B0%ИС%B0%И5%B0%И6%B0%И4%B1%83_%B0%Ф1%B0%Ф1%B0%Ф1%B0%Ф0_%B0%И8_%B0%9Ф%B0%9В%B0%94%B0%Ф0 (accessed 02.02.2020) (in Russian).
5. *Hans J. Morgenthau* (1985). *Politics Among Nations*. New York. P. 208.
6. *Joseph S. Nye, Jr.* South Korea's Growing Soft Power. The Korea Times. 13.11.2009. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2009/11/137_55438.html (accessed: 20.03.2020).
7. *Kim Yoon Duk.* (1996). *Dinamika balansa sil mezhdru SSHA, Rossiei, Kitaem i Yaponiei na Koreiskom poluostrove* [Dynamics of the balance of power between the United States, Russia, China, and Japan on the Korean Peninsula]. Moscow, Scientific book. P. 59. (In Russian).
8. O dalneishem ukreplenii sotrudnichestva Yug-Yug, vneshneeconomicheskoi deyatelnosti b razvitiu vneshnei trgovli [Further strengthening of South-South cooperation, foreign economic activity and development of foreign trade]. Resolution of

the Supreme peoples Assembly of the DPRK. Postanovlenie VNS KNDR // Rodong sinmun. 24.01.1984.

9. Sovietskii Soyuz na mezhdunarodnih konferentsiyah perioda Velikoi Otechestvennoi Voini 1941—1945 gg. T.2. tegeranskaya konferentsia rukovoditelei treh souznh derzhav — SSSR, SSHA, Velikobritanii (29 noyabrya — 4 dekabrya 1943 g.) [The Soviet Union at international conferences of the period of the great Patriotic war of 1941—1945: Vol. 2. Teheran conference of the leaders of the three allied powers—the USSR, USA and great Britain (November 29-December 1, 1943)].(1978). Collection of documents / M-vo inostrannykh del SSSR. Moscow, Polizdat. P 91. (in Russian.)

10. Sovietskii Soyuz na mezhdunarodnih konferentsiyah perioda Velikoi Otechestvennoi Voini 1941—1945 gg. T.4. Krymskaya konferentsia rukovoditelei treh souznh derzhav — SSSR, SSHA, Velikobritanii (4—11 fevralia 1945 g/ 1943 g.). [The Soviet Union at international conferences of the period of the great Patriotic war of 1941—1945: Vol. 4. Krym conference of the leaders of the three allied powers—the USSR, USA and great Britain (4—11 February, 1943)].(1979). Collection of documents/M-vo inostrannykh del SSSR. Moscow, Politizdat. P. 130—131 (in Russian).

11. Citation by *A.V.Torkunov, V.I.Denisov, V.I.F.Lee*. Koreiskii poluostrov: metamorfozi poslevoennoi istorii [Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history]. Moscow: OLMA Media Group, 2008. P. 57 (in Russian).

В.Е. Петровский

ООН И МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ООН играла и играет важную, но противоречивую роль в межкорейских отношениях на протяжении последних десятилетий. Корейская война стала первым серьезным испытанием на прочность для только что созданной державами-победительницами Организации Объединенных Наций. В условиях разгоравшейся холодной войны великие державы пережили сильнейший соблазн действовать исключительно во имя своих интересов и амбиций, в ущерб логике компромисса и коллективного действия. С началом войны в Корее в 1950 стало особенно очевидным несовершенство Устава ООН и других норм международного права в случае открытой конфронтации интересов сверхдержав.

Ключевые слова: межкорейские отношения, ООН, Корейская война, санкции Совета Безопасности ООН, американско-северокорейские переговоры по денуклеаризации.

ООН играла и играет важную, но противоречивую роль в межкорейских отношениях на протяжении последних десятилетий — с начала Корейской войны и по сию пору, когда в Совете Безопасности (СБ) ООН обсуждается вопрос о возможном смягчении и снятии санкций против КНДР в зависимости от прогресса на американско-северокорейских переговорах по денуклеаризации.

В некотором роде ООН и межкорейские отношения — «ровесники», они развивались в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

ООН подключилась к разрешению проблем отношений Севера и Юга почти сразу после окончания Второй мировой войны.

Началом этого процесса можно считать вынесение вопроса о составе временного демократического правительства Кореи на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, после того как советско-американская комиссия не смогла договориться по этому вопросу в 1947 г. В итоге вопрос был передан во вновь созданную Временную комиссию ООН по Корее (UNTСОК).

В 1948 г. под наблюдением Комиссии на Юге Кореи были проведены парламентские выборы, созвана Национальная ассамблея, принята Конституция, провозглашена Республика Корея. Полномочия американской военной администрации прекращались. В то же время на Севере Кореи Временный народный комитет одобрил проект конституции, Верховная народная ассамблея провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики, которая заявила о претензиях на власть на всей территории Кореи.

В декабре 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН признала правительство Южной Кореи в Сеуле законным правительством Кореи и рекомендовала вывести оттуда оккупационные войска, однако две сверхдержавы наращивали свое присутствие на Корейском полуострове, а противостояние двух корейских государств нарастало, становясь неизбежным.

25 июня 1950 г. после сообщения о нападении на Корейскую Республику со стороны КНДР собрался Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию о немедленном прекращении военных действий и выводе северокорейских войск с территории к югу от 38-й параллели. Через два дня Совет Безопасности принял резолюцию с призывом к странам — членам ООН предоставить Южной Корее помощь для отражения вооруженного нападения и восстановления мира. 7 июля 1950 г. по решению СБ ООН было сформировано Объединённое командование в Корее во главе с генералом США. Помимо американских сил, составивших более 90 % от общей численности войск ООН, в их состав свои контингенты направили 16 государств¹.

Данные решения до сих пор расцениваются многими экспертами в России, КНР и КНДР как неправомерные. Они оспаривают их легитимность и статус. 13 января 1950 г. Совет Безопасности ООН

отверг предложение СССР исключить представителей китайских националистов на Тайване из ООН. В ответ советская делегация не посещала заседания ООН в течение восьми месяцев, что давало повод зачислять все решения Совета Безопасности, принятые в этот период, в разряд незаконных.

Различные толкования Устава ООН действительно дают возможность различным образом трактовать резолюции СБ ООН по Корее. Государства могут ссылаться на бездействие или недостаточную эффективность мер, предпринимаемых Советом Безопасности, как на основание для призывов к подключению к решению вопроса других органов ООН.

В этом смысле резолюция от 27 июня 1950 г. носит рекомендательный характер; однако цели данной резолюции уточняются в резолюции от 7 июля 1950 г., которая призывает государства оказать помощь Корейской Республике в ее обороне против вооруженного нападения, т. е. данный документ свидетельствует о признании правомочности коллективной самообороны².

Среди российских корееведов и специалистов по международным отношениям преобладает скептический подход к оценке действий ООН после начала Корейской войны. Как полагают, например, авторы монографии «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории», вышеуказанные резолюции Совета Безопасности «завершили форсированный процесс правовой интернационализации Корейской войны»³.

Так или иначе, с началом войны в Корее стало очевидным несовершенство Устава ООН и других норм международного права в случае конфронтации интересов сверхдержав. Пытаясь преодолеть патовую ситуацию в работе Совбеза ООН, американская дипломатия попыталась действовать «в обход» этого органа, стремясь надлежить Генеральную Ассамблею, правомочную по Уставу ООН принимать лишь рекомендательные резолюции, дополнительными полномочиями в решении корейского вопроса.

По настоянию США 5-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию «Единство в пользу мира», по которой в случае угрозы миру или акта агрессии она наделялась правом принять меры, если Совет Безопасности не может что-либо сделать из-за отсутствия единства среди его постоянных членов. В 1950 г. было учре-

ждено Агентство ООН по восстановлению Кореи (UNKRA) для оказания гуманитарной и технической помощи населению Кореи, решения проблем беженцев и внутренне перемещенных лиц.

В последующем институты системы ООН неоднократно предпринимали попытки влиять на развитие межкорейских отношений. На 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1973 г. впервые за всю историю постановки в ООН корейского вопроса в его обсуждении принимала участие делегация КНДР. Накануне при активном содействии Советского Союза КНДР был предоставлен статус постоянного наблюдателя при ООН, а Республика Корея имела такой статус с 1949 г.

Заявление председателя Генеральной Ассамблеи, в котором одобрялось Совместное заявление Севера и Юга Кореи от 4 июля 1972 г. и санкционировался роспуск Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, было принято на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН без голосования (и расценено Северной Кореей как ее дипломатическая победа).

В 1975 г. Советский Союз при поддержке своих союзников внес на 30-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции о необходимости роспуска Командования ООН и вывода контингента сил ООН из Южной Кореи, а также замены соглашения о перемирии мирным соглашением. Однако по предложению США и других стран Запада была принята и другая резолюция, которая не предусматривала вывода иностранных войск из Южной Кореи и по существу была направлена на закрепление статус-кво. После одобрения на 20-й сессии ГА ООН двух противоположных резолюций по корейскому вопросу, проблема политического урегулирования в Корее была вообще снята с повестки дня ООН⁴.

Позже, под воздействием разрядки в международных отношениях была сделана очередная попытка начать межкорейский диалог. Но каждая из корейских сторон игнорировала позицию партнера: Южная Корея делала ставку на юридическое признание факта существования двух самостоятельных корейских государств, их перекрестное признание и прием в ООН, в то время как Северная Корея призывала к формированию, хотя бы формальному, единого корейского государства, а также выводу из Южной Кореи американских войск и средств ядерного сдерживания.

В сентябре 1991 г. КНДР и РК были одновременно приняты в ООН, что стало существенным достижением политики мирного урегулирования на Корейском полуострове. Однако распад СССР и ликвидация мировой социалистической системы усилили у северокорейского руководства ощущение незащищенности и стремление обеспечить безопасность и территориальную целостность страны.

КНДР оказалась в эпицентре международной дипломатии в свете подозрений о ведении в стране работ по созданию ядерного оружия. Северокорейская сторона отрицала это, однако проведенные в 1992—1993 гг. инспекторами Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) проверки северокорейских ядерных объектов выявили большие расхождения между данными, предоставленными КНДР, и результатами, полученными специалистами агентства. 12 марта 1993 г. КНДР объявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ссылаясь на наличие ядерной угрозы со стороны США и «несправедливых» требований МАГАТЭ. В мае 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию с призывом к КНДР оставаться участницей ДНЯО, соблюдать все свои обязательства по договору и соглашению о гарантиях⁵.

В августе 2003 г., с началом шестисторонних переговоров с участием КНДР, РК, России, КНР, США и Японии, была предпринята очередная попытка урегулирования ситуации вокруг северокорейской ядерной программы. Однако смена президентских администраций и в Сеуле, и в Вашингтоне привела к ужесточению курса в отношении Северной Кореи.

Не поддаваясь требованиям о ликвидации своей ядерной программы, Пхеньян приступил к серии ракетных и ядерных испытаний, что было воспринято США в качестве серьезной угрозы международному режиму ядерного нераспространения. Проблемы урегулирования межкорейской ситуации в рамках ООН и подписания Мирного договора по итогам Корейской войны отошли на второй план, и в последующем Совет Безопасности ООН реагировал на северокорейские ракетные и ядерные испытания осуждающими резолюциями и санкциями. В 2008 г. Северная Корея заявила о своем выходе из шестисторонних переговоров.

Весной 2013 г. Пхеньян заявил об аннулировании Соглашения о перемирии в Корейской войне, однако, по заявлению официального

представителя ООН, условия соглашения между Северной и Южной Кореей, принятого Генеральной Ассамблеей ООН, не предусматривали возможности его расторжения в одностороннем порядке⁶.

Это Соглашение определяет режим условной границы, проходящей по 38-й параллели демилитаризованной зоны между Севером и Югом, однако вряд ли уместно сводить роль ООН к поддержке статус-кво. Присутствие Командования сил ООН в Корее отнюдь не способствует снижению напряженности, фиксируя парадоксальную ситуацию участия ООН в войне против одной из своих стран-членов.

В эпоху холодной войны любые усилия ООН по конфликтному урегулированию заканчивались неудачей из-за противостояния и силовой политики вовлеченных в конфликт сверхдержав. Однако, по мнению автора, постбиполярная эпоха открывает перед ООН новые возможности по урегулированию межкорейского конфликта, в рамках которых удастся окончательно подвести историческую черту под прошлым и принести на Корейский полуостров мир.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Петровский В.* ООН и Корейская война: Уроки истории // *Единая Корея*. 21.02.2017. URL: <http://onekorea.ru/2011/02/21/oon-i-vojna-v-koree-uroki-istorii/> (дата обращения: 10.03.2020).

² *Довгань Е.* Обязательность резолюций Совета Безопасности ООН в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2004. URL: [http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid=">http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid=](http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid=) С. 1, 2, 10. (дата обращения: 19.03.2020).

³ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 138—139.

⁴ Подробнее см.: *Владимир Петровский.* ООН и война в Корее: незаконченный путь к миру // Федерация за всеобщий мир. URL: <https://eurasia.upf.org/2008-09-01-11-40-11/speeches/980-2013-07-01-10-14-21> (дата обращения: 15.03.2020).

⁵ *Денисов В.* Проблема ядерной безопасности на Корейском полуострове. URL: http://www.rau.su/observer/N03_96/3_06.htm (дата обращения: 23.03.2020).

⁶ ООН: соглашение о перемирии КНДР и Южной Кореей все еще в силе // *Голос Америки*. 11.03.2013. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-north-korea-un/1619527.html> (дата обращения: 19.03.2020).

References

1. *Valeriy Denisov*. Problema yadernoy bezopasnosti na Koreyskom poluostrove [Nuclear Security problem on the Korean Peninsula]. *Observer*. Vol. 3, 2006. Available at: http://www.rau.su/observer/N03_96/3_06.HTM (accessed 23.03.2020).
2. OON: soglasenie o premirii KNDR I Yuzhnoy Korei vsyo eshchio v sile [The UN the agreement on the armistice between the DPRK and South Korea is still working]. *Voice of America*. 11.03.2013. Available at: <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-north-korea-un/1619527.html> (accessed 19.03.2020).
3. *Vladimir Petrovskiy*. OON I Koreyskaya vojna: uroki istorii [UN and the Korean War: History Lessons]. *One Korea*. 21.02.2011. Available at: <http://onekorea.ru/2011/02/21/oon-i-vojna-v-koree-uroki-istorii/> (accessed 10.03.2020).
4. *Vladimir Petrovskiy*. OON I vojna v Koree: nezakonchennyy put' k miru [UN and the War in Korea: an Unfinished Path to Peace]. Universal Peace Federation. Available at: <https://eurasia.upf.org/2008-09-01-11-40-11/speeches/980-2013-07-01-10-14-21> (accessed: 15.03.2020).
5. *Anatoly Torkunov, Valeriy Denisov, Vladimir Li*. Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii [Korean Peninsula: Metamorphoses of the Post-War History]. Moscow. OLMA Media Group, 2008. P. 138—139.
6. *Evgeniy Dovgan*. Obyazatel'nost' rezolyutsii Soveta Bezopasnosti OON v kontekste printsipa nevmeshatel'stva vo vnutrenniye dela gosudarstv [Binding Resolutions of the UN Security Council in the Context of the Principle of Non-interference in the Internal Affairs of States]. *Belarus Journal of International Law and International Affairs*. 2004. Available at: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid= P. 1, 2, 10. (accessed: 19.03.2020).

А.В. Воронцов

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РЕШЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Выступление лидера КНДР в конце декабря 2019 г. на пленуме ЦК ТПК было крайне жестким в части, посвященной США. Ряд экспертов решили, что мир находится накануне нового «рывка» в развитии ракетно-ядерного потенциала КНДР и, соответственно, нового военно-политической кризиса. Это первый из возможных сценариев развития ситуации. Но, и США, и КНДР в ближайший год объективно заинтересованы в сохранении нынешней относительно спокойной обстановки на полуострове. Возможно, Пхеньян все ещё надеется, что после переизбрания Д. Трамп пойдет на практические шаги по нормализации двусторонних отношений. Поэтому в своей речи на пленуме Ким Чен Ын решил не проводить новую «красную линию». Это — второй сценарий — продолжение «мирной» линии, которая имела место на Корейском полуострове в два последних года.

Ключевые слова: КНДР, США, денуклеаризация, ракетная и ядерная программа, конфронтация, дипломатия.

Итоги развития военно-политической ситуации на Корейском полуострове и вокруг него в течение прошедшего 2019 г., которая вращалась, прежде всего, вокруг поиска подходов к решению задачи денуклеаризации КНДР в рамках американо-северокорейского диа-

лога, дают богатую пищу для размышления. Результаты анализа событий 2019 г. формируют основу для прогнозирования возможных сценариев эволюции обстановки в указанном регионе на близко-среднесрочную перспективу.

Будущее Корейского полуострова в данном диапазоне времени представляется нам инвариантным, допускающим различные, как минимум, три сценария.

Для их обоснования, естественно, первоначально необходимо осмыслить основные результаты, с которыми главные игроки-оппоненты, прежде всего КНДР и США, подошли к рубежу 2020 г.

Как известно, КНДР всегда была уверена, что единственный возможный путь устранить как кризис на полуострове, так и угрозу собственному существованию лежит через нормализацию отношений с США. Очередная попытка нормализации, показавшаяся ряду аналитиков обнадеживающей, была предпринята лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном и президентом Дональдом Трампом, который в 2018—2019 гг. трижды лично встретился с корейским руководителем. И в этот период в Корее воцарилось относительно спокойствие.

Что же произошло в ходе двухлетнего раунда дипломатического диалога двух сторон? Вашингтон остался верен своей стратегической цели — достижению полной капитуляции Пхеньяна, сменив лишь дипломатические декорации, но сделав это достаточно эффективно (по-трамповски). Неизменным осталось следующее. Американские дипломаты и военные, которых последовательно поддерживают их союзники, особенно в Токио, продолжают утверждать: «правильная» позиция Вашингтона была выражена на переговорах в Ханое в феврале 2019 г. Там Трамп попытался убедить Пхеньян, что существует «одно» общее понимание понятия «денуклеаризация», выраженное чётким языком международного права. При этом они утверждают, что санкции — это продукт не политики США, а коллективной воли членов СБ ООН и предъявлять к Вашингтону требования по их смягчению в принципе неправомерно.

В интерпретации США, процесс диалога Вашингтона и Пхеньяна состоит из трёх этапов. На первом — в 2016 г. — был достигнут важнейший прогресс. Тогда КНДР, наконец, приняла историческое решение согласиться с международными санкциями, направленными

ми не просто на ограничение активности северокорейского ВПК, а на подрыв коммерческой торговли КНДР. Однако на втором этапе, в 2018 г., проявились неблагоприятные для целей форсированной денуклеаризации попятные движения: неожиданный прорыв в межкорейских отношениях (три саммита, две совместные декларации). Растерянность в команде Трампа привела к тому, что в ходе первой американо-северокорейской встречи в верхах в Сингапуре в июне 2018 г. был принят невнятный документ, по выражению некоторых американских обозревателей «написанный в Пхеньяне», без какой-либо дорожной карты последующих действий.

Но в ходе второго саммита в столице Вьетнама в феврале 2019 г. Трамп существенно ужесточил и расширил требования к Пхеньяну, отказался от неуместной мягкотелости предшествующего периода, когда, например, в речи в Стэндфордском университете в январе 2019 г. специальный представитель США по Северной Корее Стивен Биган допустил готовность принять предложение КНДР осуществлять денуклеаризацию поэтапно, на базе параллельного движения¹.

В итоге в Ханое Трамп вернулся к подходу «всё или ничего», который основан на незыблемости сохранения полного объёма санкций вплоть до окончательной денуклеаризации Северной Кореи.

По убеждению американцев, пока вопрос о смягчении санкций, наложенных на КНДР резолюциями СБ ООН, не может не только реализовываться, но даже и обсуждаться. Американцы оставались глухи к аргументам представителей КНДР, РФ и КНР о том, что требование осуществить «полную, необратимую, проверяемую денуклеаризацию» равнозначно вопросу к Ким Чен Ыну: «Сколько Вам заплатить за Вашу жизнь?» При этом Вашингтон последовательно блокировал все усилия Москвы и Пекина провести через СБ ООН инициативы о частичном смягчении санкций против Пхеньяна, соразмерные его реальным шагам по выполнению требований резолюций СБ ООН.

Пхеньян весьма болезненно воспринял результаты встречи в Ханое. В итоге с весны 2019 г. Ким Чен Ын ожидаемо кардинально пересмотрел свой подход к денуклеаризации и модернизации собственного ракетно-ядерного потенциала. В апреле руководитель КНДР провёл «красную линию»: до конца года он будет продол-

жать исполнять взятые на себя в Сингапуре обязательства не проводить испытаний (ядерных и МБР). При этом он определил и «новую формулу подсчёта»: если Вашингтон не изменит описанную выше политику, направленную на удушение КНДР, не осуществит серьёзные ответные шаги, то в новом году Пхеньян пойдёт по «другому пути»².

В данном контексте трудно не согласиться с мнением многих аналитиков, которые справедливо указывали, что небывало большое количество саммитов в период 2018—2019 гг. с участием лидера КНДР (здесь прежде всего необходимо выделить беспрецедентные три встречи Ким Чен Ына и Д. Трампа) не только не привело к прорыву в деле урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, но и в целом принесло более чем скромные практические результаты.

В этой связи нам представляется необходимым подчеркнуть, что главный, возможно единственный, реальный шанс для выхода на уровень практического взаимодействия между КНДР и США был упущен обеими сторонам, но в большей степени американской, в Ханое. В столицу Вьетнама Ким Чен Ын приехал с серьёзным настроем добиться реальной сделки на базе формулы «ядерный комплекс Ёнбён в обмен на санкции». Это было нелёгкое решение для северян, учитывая широкую инфраструктуру их главного ядерного центра (более 300 объектов различного предназначения) в обмен не на все, как сначала утверждали американцы, а на значительную часть санкций). Причин, по которым делегация США отказалась от такой сделки, много, и это тема отдельного исследования.

Представляется важным выделить, вероятно, главную из них. Американцы переоценили желание Пхеньяна побыстрее освободиться от санкций и недооценили ценность самого северокорейского предложения. Представители США, похоже, оказались воодушевлены, как им показалось, признанием Пхеньяна, что бремя многочисленных рестрикций для него крайне болезненно. Следовательно, решили американцы, санкции работают, а потому их надо не ослаблять, а непременно сохранять и усиливать. То есть они восприняли высказанную северянами в Ханое идею как признак их слабости и готовности к капитуляции. По этой логике необходимо последовательно усиливать давление. Поэтому в Ханое было вновь выдвинуто

максималистское требование — «сначала полное ядерное разоружение КНДР, а все остальные вопросы потом».

Последующее развитие событий в очередной раз подтвердило, что подобные ожидания не имели ничего общего с действительностью. Серия решений, принятых руководством КНДР в 2019 г., подтвердила, что оно не питает иллюзий в отношении облегчения санкционного бремени и спокойно, без паники в практическом плане готовит страну не только к выживанию, но и продолжению поступательного экономического развития, одновременно сохраняя и совершенствуя свой ракетно-ядерный потенциал. В этой связи Ким Чен Ын подчеркивал: «Нынешняя ситуация, предвещающая долгосрочную конфронтацию с США, настоятельно требует от нас еще больше наращивать наши внутренние силы во всех направлениях, считая утвердившимся фактом то, что и впредь нам придется жить в обстановке санкций со стороны враждебных нам сил»³.

Вместе с тем, если бы Д. Трамп в том или ином виде согласился на предложение Ким Чен Ына, то это, наконец-то, положило бы начало практическому взаимодействию двух стран по ядерной тематике, могло бы привести к реальной сделке, условно типа Рамочного соглашения 1994 г., что, в свою очередь, открыло бы двери для возобновления межкорейского экономического сотрудничества и т. д. В итоге мы сейчас имели бы значительно более благоприятную ситуацию на полуострове. Но этого не случилось, и в настоящее время мы строим свои прогнозы, отталкиваясь от реальности почти затухшего к началу 2020 г. американо-северокорейского диалога.

Тем не менее, по нашему мнению, формула «Ёнбён в обмен на санкции» осталась в умах многих причастных к корейской проблеме деятелей, и не исключено возвращение к ней в обновлённой форме в случае возникновения благоприятных условий.

В условиях отсутствия прогресса в американо-северокорейском диалоге международное сообщество по мере приближения 2020 г. с нарастающим напряжением обсуждало, какие драматические события могут произойти после 1 января. На наш взгляд, возможны различные сценарии.

Сценарий первый, негативный. На этот раз Ким Чен Ын озвучил новые идеи не в традиционной новогодней речи, а в ходе партийного форума, состоявшегося в Пхеньяне 28—31 декабря 2019 г. Выступле-

ние лидера КНДР на V пленуме ЦК ТПК 7-го созыва было крайне жёстким в части, посвящённой США. Звучали, например, подобные обвинения: «С пеной у рта твердить о проведении диалога и вместе с тем ещё более откровенно вынашивать военно-политический, экономический гнусный замысел провокационного характера, нацеленный на удушение нашей Республики, — вот каков двуликий Янус — наглый разбойник США... Мы перейдём к шокирующим практическим действиям, чтобы рассчитать цену за пережитые до сих пор нашим народом страдания и сдерживание нашего развития»⁴.

Говоря о ближайших планах, Ким Чен Ын подчёркивал: «...в этих условиях у нас исчезли основания ограничивать себя обязательствами, не встречая ответных шагов со стороны визави», и поэтому «скоро, в недалёком будущем, мир увидит своими глазами новое стратегическое оружие, которым будет обладать КНДР»⁵.

Фактор коронавируса в КНР может оказать на ситуацию разноплановое воздействие. С одной стороны, он осложнил внутриэкономическое положение в Северной Корее. Но вместе с тем он решительно переключил внимание Вашингтона и всего мира на Китай. В итоге присмотр Белого дома за Пхеньяном ослаб, что расширяет свободу действий последнего по осуществлению рискованных действий — новых «провокаций».

Поэтому в результате анализа выступления лидера КНДР на упомянутом пленуме ЦК ТПК у ряда экспертов и политиков не осталось сомнений, что мир находится накануне нового «рывка» в развитии ракетно-ядерного потенциала КНДР и, соответственно, нового военно-политического кризиса на Корейском полуострове⁶. И это один из реально возможных вариантов развития ситуации.

Сценарий второй, позитивный. Внимательное изучение вышеуказанного документа выявляет его разновекторность и сознательную недосказанность, неопределённость формулировок, касающихся непосредственных планов в отношении Вашингтона.

На наш взгляд, принципиально важно, что основным местом проведения объявленной лидером КНДР «битвы» был определён «экономический фронт». Очевидно, что для успешного развития экономики необходим мирный периметр.

В речи вождя прослушивались и ноты, намекающие на готовность к продолжению диалога с Вашингтоном: «Если США будут до

конца цепляться за враждебную политику в отношении КНДР, то никогда не будет достигнута денуклеаризация Корейского полуострова»⁷.

Не вызывает сомнения, что и США, и КНДР в ближайший год объективно заинтересованы в сохранении нынешней, в целом мирной и относительно спокойной обстановки на полуострове. Возможно, Пхеньян всё ещё надеется, что после переизбрания Трамп пойдёт на практические шаги по нормализации двусторонних отношений (во всяком случае, он единственный президент США, согласившийся на саммиты с главой Северной Кореи).

В поддержку данного тезиса свидетельствует и тот крайне важный факт, что в речи на указанном пленуме Ким Чен Ын решил не проводить новую «красную линию» перед Вашингтоном, в отличие от предшествующего своего выступления в апреле 2019 г.

В данном контексте уже упоминавшийся фактор эпидемии коронавируса в КНР, из-за которой Пхеньяну пришлось наглухо закрыть границу с Китаем, прервать контакты со всеми другими странами, ввести сверхжесткий карантинный режим внутри страны, будет работать на сохранение нынешней хрупкой стабильности⁸. Очевидно, что без набравшего весьма высокие темпы взаимодействия, в том числе политического и экономического, с Китаем Северную Корею ожидают на длительное время дополнительные серьёзные экономические трудности и вызовы. Данное обстоятельство, вероятно, также будет способствовать проявлению сдержанности в военно-политической деятельности Пхеньяна, включая, прежде всего, её ракетно-ядерный компонент.

Таким образом, отчётливо вырисовывается второй вариант, направленный на продолжение той «мирной» линии, которая имела место на Корейском полуострове два последних года. Это откладывает эскалацию на более поздний срок и оставляет некоторые надежды и на улучшение отношений между Вашингтоном и Пхеньяном, и на решение ядерной проблемы.

Пхеньян и Вашингтон предпринимали определённые усилия для достижения компромисса до конца 2019 г. Больше активности в этом деле проявила американская сторона, видимо убедившаяся в неадекватности ряда прежних собственных оценок в отношении реальной позиции КНДР и организовавшая, в том числе, двустороннюю встре-

чу на рабочем уровне в Стокгольме в октябре 2019 г.⁹ Но серьёзные разногласия урегулировать не удалось, в чём, на наш взгляд, проявилось влияние не преодоленного «ханойского синдрома».

Поэтому в 2020 г. вполне ожидаемо северокорейская тема в повестке администрации Д. Трампа ушла на дальний план и до исхода президентских выборов в ноябре 2020 г. будет там и оставаться. Не удивительно, что в третьем выступлении в конгрессе о положении в стране в феврале 2020 г., в отличие от первых двух, Д. Трамп впервые не упомянул КНДР¹⁰. На этом основании ряд обозревателей поспешили сделать выводы о полном фиаско и бесперспективности политики республиканского президента на корейском направлении.

Симптоматично, что в начале 2020 г. в обеих странах были расформированы переговорные команды. В США С. Биган и М. Ламберт переключились на иные направления внешнеполитической работы. А в КНДР и того больше — произошла смена министра иностранных дел. Вместо профессионального дипломата, искушённого американиста Ли Ён Хо пост главы внешнеполитического ведомства в январе занял выходец из военной среды, бывший председатель Комитета по мирному объединению родины Ли Сон Гвон. О мотивах этого назначения можно только догадываться. Возможно, что сторонники «негативного» сценария увидят в этом дополнительный аргумент в пользу их видения будущего Корейского полуострова¹¹.

Однако и Пхеньян, и Вашингтон понимают объективность возникшей паузы и, похоже, намерены пройти её спокойно, без обострений, готовясь к возможному возобновлению диалога после президентских выборов. В рамках второго «позитивного» сценария, по нашему мнению, имеются основания выделить два варианта.

Один — наиболее оптимистичный, возможен в случае победы на выборах Д. Трампа, который в какой-то момент вернётся к активной политике на корейском направлении и, будучи более свободным от влияния оппонентов в американском истеблишменте, пойдёт на более решительные шаги по нормализации отношений с КНДР. В пользу такого варианта до определённой степени выступает исторический опыт действий руководства США в данной сфере.

Ведь не столь далёком прошлом и демократическая администрация Б. Клинтона, и республиканская Дж. Буша-младшего в пери-

од первого президентского срока бывшие на грани войны с КНДР, в годы второй президентской четырёхлетки разворачивались на 180 градусов и шли на активный диалог и продуктивное сотрудничество с Пхеньяном (Б. Клинтон был близок к визиту в столицу КНДР в конце 2000 г. и установлению дипломатических отношений, а Дж. Буш вывел Северную Корею из «террористического списка» США в 2008 г. и т. д.)

Д. Трамп успел пройти аналогичную метаморфозу уже в период первого президентского периода и в случае переизбрания сможет продолжить активный диалог, отталкиваясь от серьёзного фундамента в виде трёх саммитов с Кимом.

По другому, менее оптимистичному варианту интерес Д. Трампа к нормализации отношений с КНДР может снизиться в силу ряда причин. Среди них можно назвать следующие: разочарование, возникшее на базе более глубокого понимания того, что Пхеньян сегодня не готов идти на полную денуклеаризацию и стремится сохранить свой ядерный статус¹². Возможно и снижение потребности в достижении громкого внешнеполитического успеха на корейском поле с целью повышения собственных шансов на переизбрание.

В этом случае относительно «мирная» обстановка на Корейском полуострове будет сохраняться определённое время. Но когда Пхеньян окончательно убедится в отсутствии у Белого дома серьёзных намерений к нормализации двусторонних отношений, то стимулы продолжать спокойно терпеть санкционный груз могут иссякнуть. При таком сценарии КНДР может вернуться к серии полномасштабных ракетно-ядерных испытаний, включая запуски МБР с целью их доведения до уровня, позволяющего поставить подобные вооружения на боевое дежурство. Техническая потребность в подобных тестах назрела, возможно, уже и сейчас. Такие действия, естественно, вызовут ответные резкие шаги со стороны США и их союзников, что приведёт к очередному военно-политическому кризису на Корейском полуострове, т. е. возврату к негативному сценарию.

Однако больше факторов в пользу реализации оптимистического сценария. Если использовать любимую западными исследователями метрическую модель, то мы бы сформулировали соотношение

более и менее позитивных сценариев как 60:40 % в пользу первого варианта.

В данном контексте необходимо выделить позитивную роль России, которая согласованно с КНР последовательно проводит линию на сохранение и развитие диалога по ЯПКП, вывода его на многосторонний уровень. Ряд международных, в том числе южнокорейских исследователей верят, что РФ, обладая хорошими отношениями и с КНДР, и с РК, способна в 2020 г. добиться возобновления шестисторонних переговоров¹³.

Примечания

¹ Stephen Biegun, Special Representative for North Korea. Remarks on DPRK at Stanford University, Palo Alto, CA, United States // U.S. Department of State. 31.01.2019. URL: <https://www.state.gov/remarks-on-dprk-at-stanford-university/> (дата обращения: 05.02.2019).

² Уважаемый высший руководитель товарищ Ким Чен Ын выступил с политической речью на I сессии ВНС 14-го созыва // ЦТАК. 13.04.2019.

³ Информационное сообщение о V Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва // ЦТАК. 01.01.2020.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Chad O'Carroll*. Into the future: where North Korea might be by the year 2040 // *NK News*. 18.02.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/02/into-the-future-where-north-korea-might-be-by-the-year-2040/> (дата обращения: 20.02.2020).

⁷ Информационное сообщение о V Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва // ЦТАК. 01.01.2020. URL: <https://dprk.ru/nkmedia/informatsionnoe-soobschenie-o-2-om-plenume-tsk-tpk-7-go-sozyva.html> (дата обращения: 15.01.2020).

⁸ Мацегора А. Российские дипломаты в КНДР: на карантине, но не в осаде // ТАСС. 20.02.2020. URL: <https://tass.ru/opinions/7806299> (дата обращения: 25.02.2020).

⁹ Morgan Ortagus, Department Spokesperson, Press Statement, North Korea Talks, October 5, 2019 // U.S. Department of State. 05.10.2019. URL: <https://www.state.gov/north-korea-talks> (дата обращения: 08.10.2019).

¹⁰ *Jacob Fromer*. No mention of North Korea in Trump's third State of the Union Address // *NK News*. 04.02.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/02/no-mention-of-north-korea-in-trumps-third-state-of-the-union-address/> (дата обращения: 06.02.2020).

¹¹ *Oliver Hotham*. North Korea's new foreign minister pledges to “confront” hostile powers in 2020 // *NK News*. 26.01.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/01/north-koreas-new-foreign-minister-pledges-to-confront-hostile-powers-in-2020/>, (дата обращения: 28.01.2020).

¹² *Uri Friedman*. The Day Denuclearization Died // *The Atlantic magazine*. 02.07.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/07/trump-kim-north-korea-denuclearization/593122/> (дата обращения: 05.07.2019).

¹³ *Хён Сын Су*. Пук-ми хёпсан кёчхак соге чонжжекам кхиуннын росиа [Возрастание значения России в условиях застоя в северокорейско-американских переговорах] // *Russia-Eurasia FOCUS*. № 568. 17.02.2020.

References

1. *Chad O'Carroll*. Into the future: where North Korea might be by the year 2040. *NK News*. 18.02.2020. Available at: <https://www.nknews.org/2020/02/into-the-future-where-north-korea-might-be-by-the-year-2040/> (accessed: 20.02.2020).

2. Dear Supreme leader comrade Kim Jong-UN made a political speech at the first session of the national Assembly of the 14th convocation // KCNA. 13.04.2019. *Hyun Seung Soo*. The growing importance of Russia in conditions of stagnation in the North Korean-American negotiations. *Russia-Eurasia FOCUS*. № 568. 17.02.2020.

3. Information message about the V Plenum of the CC WPK of the 7th convocation. KCNA. 01.01.2020.

4. Information message about the V Plenum of the CC WPK of the 7th convocation. KCNA. 01.01.2020.

5. Information message about the V Plenum of the CC WPK of the 7th convocation. KCNA. 01.01.2020.

6. Information message about the V Plenum of the CC WPK of the 7th convocation. KCNA. 01.01.2020.

7. *Jacob Fromer*. No mention of North Korea in Trump's third State of the Union Address. *NK News*. 04.02.2020. Available at: <https://www.nknews.org/2020/02/no-mention-of-north-korea-in-trumps-third-state-of-the-union-address/> (accessed: 06.02.2020).

8. *Mategora A*. Russian diplomats in the DPRK: in quarantine, but not under siege. *TASS*. 20.02.2020. Available at: <https://tass.ru/opinions/7806299> (accessed: 25 February 2020).

9. Morgan Ortagus, Department Spokesperson, Press Statement, North Korea Talks, October 5, 2019. U.S. Department of State. 05.10.2019. Available at: <https://www.state.gov/north-korea-talks> (accessed: 08 October, 2019).

10. *Oliver Hotham*. North Korea's new foreign minister pledges to “confront” hostile powers in 2020. *NK News*. 26.01.2020. Available at: <https://www.nknews.org/2020/01/north-koreas-new-foreign-minister-pledges-to-confront-hostile-powers-in-2020/> (accessed: 28.01.2020).

11. Stephen Biegun, Special Representative for North Korea. Remarks on DPRK at Stanford University, Palo Alto, CA, United States. *U.S. Department of State*. 31.01.2019. Available at: <https://www.state.gov/remarks-on-dprk-at-stanford-university/> (accessed: 05.02.2019).

12. *Uri Friedman*. The Day Denuclearization Died. *The Atlantic magazine*. 02.07.2019. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/07/trump-kim-north-korea-denuclearization/593122/> (accessed: 05.07.2019).

В.В. Евсеев

ЭВОЛЮЦИЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КНДР

К моменту проведения успешного ядерного испытания в мае 2009 г. КНДР уже создала соответствующие носители — жидкостные баллистические ракеты «Хвасон-6» и «Нодон-1». Дальнейшая реализация программы Северной Кореи для этого типа ракет привела к появлению как одноступенчатых («Нодон-2010», «Мусудан»), так и двухступенчатых («Хвасон-14», «Хвасон-15») ракет. Одновременно осуществлялась ракетно-ядерная программа КНДР по созданию двухступенчатых твердотопливных баллистических ракет морского («Пуккыксон-1») и наземного («Пуккыксон-2») базирования. Развитием указанных программ стали трехступенчатые ракеты «Тэпходон-3» и КН-08. Помимо этого, в стране продолжалась модернизация оперативно-тактических ракет (КН-23, КН-25). Несмотря на значительные успехи, отработка современных баллистических ракет в КНДР не завершена.

Ключевые слова: гиперзвуковая скорость, жидкостная баллистическая ракета, оперативно-тактическая ракета, ракетно-ядерная программа КНДР, твердотопливная баллистическая ракета.

Ракеты только наземного базирования

К моменту проведения успешного ядерного испытания в мае 2009 г. КНДР уже имела соответствующие носители — одноступенчатые жидкостные баллистические ракеты малой и средней дальности «Хвасон-6» и «Нодон-1».

Ракета «Хвасон-6» была создана с помощью Китая на базе советской ракеты Р-17М (SCUD-C). Ее первые летно-конструкторские испытания прошли в июне 1990 г. Еще четыре успешных испытательных пуска состоялись в период 1991—1993 гг. Максимальная дальность действия ракеты составила 500 км при головной части весом 730 кг. Ее приняли на вооружение в 1991 г.¹ Круговое вероятное отклонение (КВО) «Хвасон-6» составило 1,5 км, что делало проблематичным ее использование в обычном (неядерном) оснащении против военных объектов, за исключением военных баз.

В конце 1990-х годов была осуществлена модернизация ракеты «Хвасон-6», которая в США получила название SCUD-ER. За счет увеличения длины топливных баков и снижения веса головной части до 750 кг удалось достичь максимальной дальности стрельбы равной 700 км. При этом использовалась отделяемая головная часть с небольшим аэродинамическим качеством, что повышало не только устойчивость ее полета, но и точность стрельбы. Это позволяет использовать ракету для поражения малоразмерных целей на дальности 500—600 км.

Указанная ракета позволяла Пхеньяну достигать цели на Корейском полуострове, но этого было недостаточно для стрельбы по важным объектам в Японии, в первую очередь — по базе военно-воздушных сил США «Кадэна» на о. Окинава. Это послужило одной из причин создания, при активном финансовом участии Ирана и Ливии, одноступенчатой ракеты средней дальности «Нодон-1». Последняя имеет 15,6 м длины, 1,3 м диаметр и стартовый вес 12,4 т, а также отделяемую головную часть и инерциальную систему управления. Максимальная дальность стрельбы «Нодон-1» составляет 1,1 тыс. км при головной части весом 1000 кг и 1,3 тыс. км при ее весе 700 кг. КВО ракеты составило 2,5 км.

В США полагают, что реализация этой ракетной программы началась в 1988 г. при участии российских, украинских и китайских специалистов. При этом, как считают американцы, особо значимую помощь северокорейцам оказали представители Конструкторского бюро им. В.П. Макеева (ныне ОАО «Государственный ракетный центр им. академика В.П. Макеева»), которые в Советском Союзе являлись основными специалистами в сфере создания баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). По их мнению, это позволило

даже при отсутствии успешно проведенного летного испытания приступить к ограниченному производству баллистических ракет «Нодон-1» уже в 1991 г. Интерес к покупке ракет этого типа проявили Иран и Пакистан, представители которых были приглашены на летно-конструкторское испытание ракеты «Нодон-1», которое состоялось в мае 1993 г. Оно оказалось успешными, но по географическим причинам дальность стрельбы ракеты пришлось ограничить расстоянием 500 км.

На конец 2012 г. сухопутные войска Корейской народной армии имели в своем составе отдельный ракетный полк, вооруженный ракетами «Хвасон-6», и три отдельных ракетных дивизиона с ракетами «Нодон-1»². Указанные ракеты транспортируются на мобильной пусковой установке и в настоящее время имеют осколочно-фугасную или касетную головную часть. Потенциально они могут выступать в качестве носителей ядерного оружия.

На военном параде в Пхеньяне 11 октября 2010 г. были показаны два новых типа одноступенчатых жидкостных ракет мобильного базирования. Одна из них напоминала иранскую ракету «Гадр-1», а вторая — советскую ракету морского базирования Р-27 (SS-N-6). На Западе им были даны названия «Нодон-2010» и «Мусудан» («Хвасон-10»). Тогда предположили, что северокорейские специалисты принимали активное участие в разработке иранской ракеты «Гадр-1», отработанной на территории Исламской Республики Иран. Скорее всего, Северная Корея не запустила ракету «Нодон-2010» в массовое производство.

Параллельно в КНДР велись работы по созданию двухступенчатых жидкостных ракет, что позволило северокорейским специалистам построить ракеты промежуточной дальности (от 4 до 6 тыс. км) «Хвасон-14» (KN-20) и «Хвасон-15». Испытательные пуски указанного типа ракет были проведены в 2017 г. Так, 4 июля состоялся старт ракеты «Хвасон-14». Тогда высота подъема ее головной части составила 2,8 тыс. км, а дальность полета — 933 км³. Время полета ракеты и ее головной части составило 37 мин. Моделирование полета показало, что при стрельбе на максимальную дальность головная часть ракеты «Хвасон-14» способна пролететь 6597 км.

Второй относительно успешный пуск ракеты этого типа состоялся 28 июля⁴. Высота подъема ее головной части составила 3725 км,

дальность стрельбы — 998 км, а время полета — 47 мин. Тогда при спуске в плотных слоях атмосферы головная часть ракеты распалась на отдельные части на высотах 4—5 км над поверхностью моря⁵.

29 ноября в КНДР был проведен запуск ракеты «Хвасон-15». Головная часть ракеты, как и случалось ранее, упала в глубоководную часть Японского моря на расстоянии 950 км от места старта. При этом высота ее полета достигла 4,5 тыс. км, а продолжительность — 54 мин. В качестве двигателя первой ступени ракеты был использован модифицированный двухкамерный ракетный двигатель (аналог советского двигателя РД-250). В однокамерной конфигурации такой двигатель использовался в ракете «Хвасон-14». Благодаря увеличению диаметра второй ступени ракеты удалось нарастить емкость топливных баков окислителя и горючего. Это потребовало изменения носового конуса, соединяющего первую и вторую ступень ракеты, а также увеличения числа осей подвижного носителя с восьми до девяти по сравнению с пусковой установкой ракеты «Хвасон-14».

По некоторым данным, в КНДР реализуется проект по созданию трехступенчатой баллистической ракеты «Тэпходон-3» (первая и вторая ее ступени являются жидкостными, а третья — твердотопливная). Отработка элементов этой ракеты была осуществлена в ходе запусков ракет-носителей «Ынха-2» (апрель 2009 г.) и «Ынха-3» (апрель и декабрь 2012 г., февраль 2016 г.). Ведутся также работы по созданию трехступенчатой твердотопливной баллистической ракеты KN-08.

Ракеты морского и наземного базирования

Принципиально новым направлением в развитии ракетного потенциала КНДР стала разработка подводной лодки с БРПЛ. Первая информация о такой строящейся северокорейской подводной лодке появилась в августе 2014 г. В конце октября того же года был выявлен новый испытательный стенд на Южной верфи в Синпхо, предназначенный для отработки запуска БРПЛ. В марте 2015 г. в КНДР была спущена на воду дизельная подводная лодка класса «Синпхо», способная осуществлять пуски баллистических ракет. Ее длина составляет 67 м, а полное водоизмещение — 3 тыс. т. Она может быть модификацией советской дизель-электрической подводной лодки

проекта 629. Такие подводные лодки были построены в 1950—1960-х годах и изначально проектировались для оснащения баллистическими ракетами (по три ракеты типа Р-13 в ограждении рубки).

9 мая 2015 г. в КНДР состоялся первый запуск морского варианта ракеты «Мусудан» (у нее имеется и наземный вариант, показанный на параде в 2010 г., как было указано раньше). Это были так называемые бросковые испытания с подводного стенда, в ходе которых ракета пролетела 150 м. Максимальная дальность стрельбы этой ракеты составляет 3 тыс. км, а минимальная — 700 км. Завершение работ по ее отработке ранее планировалось к 2020 г.

26 апреля 2016 г. состоялись два неудачных старта ракеты «Мусудан» наземного базирования. Аналогичное происходило и позже. Лишь 22 июня 2016 г. был осуществлен первый удачный старт ракеты, головная часть которой пролетела 400 км, но высота ее подъема превысила 1,4 тыс. км. Максимальная дальность стрельбы наземного варианта ракеты «Мусудан» с головной частью порядка 1 т достигает 4,0 тыс. км.

Проведя математическое моделирование, американский военный эксперт Майкл Эллеман сделал вывод, что при стрельбе по о. Гуам (ближайшая территория США) головная часть ракеты «Мусудан» наземного базирования не может превысить 600 кг, что, скорее всего, недостаточно для размещения ядерного боезаряда. Он также установил, что по сравнению со своим прототипом (советская БРПЛ Р-27) запущенная ракета «Мусудан» длиннее на 3 м. Это позволяет ей нести дополнительно 4 т топлива. Ракета имеет также решетчатые стабилизаторы, что обеспечивает большую аэродинамическую устойчивость при ее полете на активном участке⁶.

Темп производства наземного варианта ракеты «Мусудан» не превышает две-три ракеты в год (порядка одного дивизиона). Корейская народная армия имеет на вооружении два отдельных дивизиона ракет указанного типа, которые развернуты вблизи восточного побережья КНДР.

Важным направлением реализации ракетно-ядерной программы КНДР стало создание двухступенчатых твердотопливных баллистических ракет «Пуккыксон-1» («Полярная звезда-1», KN-11, ракета морского базирования)⁷ и «Пуккыксон-2» («Полярная звезда-2», KN-15, ракета наземного базирования). Впервые они, как и ракеты

«Хвасон-14» и «Хвасон-15», были представлены 15 апреля 2017 г. в Пхеньяне на военном параде в честь 105-летия со дня рождения Ким Ир Сена.

В ходе летных испытаний, которые прошли 24 августа 2016 г., дальность стрельбы ракеты «Пуккыксон-1» по навесной траектории составила около 500 км. Успешный старт ракеты «Пуккыксон-2» из транспортно-пускового контейнера состоялся 12 февраля 2017 г. Как высота полета, так и дальность стрельбы ракеты тогда достигли 500 км. Это позволяет предположить, что максимальная дальность стрельбы ракет указанных типов, которые до сих пор находятся в стадии доработки, составляет порядка 1 тыс. км.

Ракета «Пуккыксон-2» установлена на гусеничной пусковой установке, работоспособность которой была подтверждена 12 апреля 2017 г. Она имеет существенные преимущества перед наземным вариантом жидкостной ракеты «Мусудан»: ее не нужно заправлять перед стартом, что существенно повышает боеготовность; сокращается количество обслуживающих машин, что упрощает как эксплуатацию рассматриваемого ракетного комплекса, так и его маскировку от технических средств разведки противника. Помимо этого, твердотопливные ракеты имеют более короткий активный участок полета, когда они наиболее уязвимы, что затрудняет их перехват.

Оперативно-тактические ракеты

В КНДР продолжают испытания по модернизации оперативно-тактических ракет (ОТР). Так, в июле — августе 2019 г. северокорейские специалисты провели пуски новой ракеты KN-23, способной двигаться по квазибаллистической траектории. Такие пуски каждый раз по две ракеты (для страховки на случай, если один старт окажется неудачным) состоялись 25 и 31 июля, а также 2 и 6 августа, т. е. четыре раза за две недели. Высота полета головных частей северокорейских ракет была необычно низкой для баллистических ракет — менее 50 км при значительной дальности стрельбы. При полете по баллистической траектории на дальность 600 км высота подъема их головных частей должна была составлять порядка 200—300 км.

Таким образом Пхеньян ответил на начавшиеся американо-южнокорейские учения (их активная фаза должна была начаться 11 ав-

густа), причем в первую очередь Сеулу, а не Вашингтону. В администрации Трампа старались не замечать этой проблемы, говоря о том, что КНДР обещала только не запускать ракеты межконтинентальной дальности и не проводить новых ядерных испытаний. Эта реакция определялась фактическим началом в США президентской избирательной гонки, в рамках которой Дональд Трамп пытался подать свои договоренности с лидером КНДР Ким Чен Ыном как внешнеполитический успех.

В ходе пусков северокорейских ракет KN-23 Министерство обороны РК установило максимальные высоты полета головных частей и скорости их полета. Оказалось, что 6 августа при дальности полета 250 км максимальная высота полета составляла 27 км, а при 450 км — 37 км. 2 августа дальность полета составила 250 км, высота — 30 км. 25 июля одна из ракет пролетела 690 км. В августе максимальная скорость полета северокорейских ракет превышала 6 М (Махов, отношение скорости полета к скорости звука). Согласно параметрам Международной стандартной атмосферы, на высоте 28 км скорость звука составляет 300,4 м/с, 40 км — 317,2 м/с. Следовательно, северокорейские ракеты летели с гиперзвуковой скоростью 1,8—1,9 км/с.

Конечно, северокорейские ракеты движутся намного медленнее головной части ракетного комплекса стратегического назначения «Авангард», скорость движения которого превышает 27 М на высоте 10 км. Авиационный ракетный комплекс «Кинжал» на высоте 20 км обеспечивает скорость движения аэробалистической ракеты от 10 до 12 М при боевой части 500 кг. Тем не менее это значительный успех специалистов КНДР.

Все еще неясно, может ли северокорейский гиперзвуковой аппарат маневрировать как по курсу, так и тангажу, а также какой у него вес головной части. Более вероятно, что пока северокорейские специалисты не могут его использовать в ядерном (термоядерном) оснащении. Тем не менее в случае маневрирования перехват северокорейского гиперзвукового аппарата может быть осуществлен только перед объектом с помощью систем войсковой противовоздушной обороны (например, «Панцирь-С1»). Причем для гарантированного перехвата нужно задействовать несколько пусковых установок одновременно.

Относительно небольшие высоты полета (27—50 км) исключают выявление старта северокорейских гиперзвуковых аппаратов с помощью космических средств наблюдения (они могут быть задействованы при высоте полета свыше 100 км над поверхностью Земли). Такой старт может быть обнаружен только с помощью радиолокационных станций и воздушных средств наблюдения. Сложность перехвата определяется и малыми для баллистических целей дальностями полета (порядка 250 км), что вполне достаточно для поражения наиболее важных южнокорейских целей.

25 августа 2019 г. северокорейцы запустили две новые твердотопливные ОТР мобильного базирования KN-25. Следующие старты ракет этого типа состоялись в сентябре, октябре и ноябре 2019 г. и марте 2020 г. Дальность полета достигала от 240 до 380 км, а высота — от 35 до 97 км, длина ракеты составляет 8,6 м, а ее диаметр — 0,6 м. Можно предположить, что в КНДР создали аналог 301-миллиметровой китайско-белорусской реактивной системы залпового огня (РСЗО) В-200 «Полонез», дальность стрельбы которой достигает 300 км. Впрочем, пусковая установка (ПУ) РСЗО «Полонез» позволяет размещать восемь ракет, а ПУ KN-25 — четыре ракеты.

Скорее всего, ОТР KN-25 была создана на базе ракеты KN-09, максимальная дальность стрельбы которой составляет 200 км при высоте подъема 50 км. Как и у РСЗО «Полонез», на ее ПУ размещается восемь ракет, а диаметр ракеты составляет 300 мм. Первый пуск KN-09 состоялся в мае 2013 г.

Таким образом, КНДР уверенно наращивает свой ракетно-ядерный потенциал, который сейчас оценивается в 15—20 ядерных боезарядов имплозивного типа упрощенной конструкции в виде авиабомб. Одновременно завершаются работы по созданию ядерной головной части для баллистических ракет. При успешном для КНДР сценарии развития событий ее вооруженные силы уже в ближайшей перспективе могут располагать 3—5 ядерными боеголовками.

Реализация ракетно-ядерной программы КНДР в 2009—2019 гг. привела к значительным изменениям в носителях ядерного боезаряда. *Во-первых*, были созданы двухступенчатые жидкостные ракеты «Хвасон-14» и «Хвасон-15», способные доставить ядерный боезаряд до о. Гуам и Тихоокеанского побережья США соответственно. *Во-вторых*, у КНДР появились двухступенчатые твердотопливные

ракеты средней дальности «Пуккыксон-1» и «Пуккыксон-2», что в перспективе позволит заменить существенно уступающую по своей боевой эффективности одноступенчатую жидкостную ракету «Мусудан». В-третьих, северокорейские специалисты создали новую оперативно-тактическую ракету KN-23, способную двигаться по квазибаллистической траектории с гиперзвуковой скоростью. Тем не менее отработка современных ракет не завершена, что будет подталкивать руководство КНДР к возобновлению летных испытаний ракет малой, средней и промежуточной дальности.

Примечания

¹ North Korean Security Challenges. A net assessment. London: The International Institute for Strategic Studies. July 2011. P. 131.

² Восстановление режима ядерного нераспространения на Корейском полуострове. Полученные результаты и основные выводы конференции. ИМЭМО РАН. 28.03.2013 г. URL: http://www.imemo.ru/ru/conf/2013/28032013/280313_result.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

³ Хрусталеv В. Под знаком Марса // Завтра. 13.07.2017. URL: http://zavtra.ru/blogs/litcam_vnesshim_vklad_v_ushpeshnij_zapusk_mbr_bili_vrucheni_gosudarstvenni_e_partijnie_nagradi (дата обращения: 27.02.2020).

⁴ Захарченко И. КНДР провела очередной ракетный пуск // Россия сегодня. 28.07.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170728/1499363126.html> (дата обращения: 27.02.2020).

⁵ Michael Elleman. Video Casts Doubt on North Korea's Ability to Field an ICBM Re-entry Vehicle // 38 North. 31.07.2017. URL: <http://www.38north.org/2017/07/melleman073117/> (дата обращения: 15.12.2019).

⁶ Ibid.

⁷ Хрусталеv В. Ядерная рука Пхеньяна: куда дотянутся баллистические ракеты КНДР // ТРК ВС РФ «Звезда». 15.02.2017. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstra_ne_i_mire/content/201702141927-oi52.htm (дата обращения: 27.02.2020).

References

1. Khrustalev V. (2017). Pod znakom Marsa [Under the sign of Mars]. *Zvezda — The Star*. 13.07.2017. Available at: http://zavtra.ru/blogs/litcam_vnesshim_vklad_v_ushpeshnij_zapusk_mbr_bili_vrucheni_gosudarstvenni_e_partijnie_nagradi (accessed: 27.02.2020).

2. *Khrustalev V.* (2017). Yadernaya ruka Pkhen'yana: kuda dotyanutsya ballisticheskiye rakety KNDR [Pyohngyang's nuclear hand: where do ballistic missiles of the Democratic People's Republic of Korea reach out]. *TV "Zvezda" of the Russian Ministry of Defence*. 15.02.2017. Available at: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201702141927-oi52.htm (accessed: 27.02.2020).

3. *Michael Elleman.* (2017). Video Casts Doubt on North Korea's Ability to Field an ICBM Re-entry Vehicle. *38 North*. 31.07.2017. Available at: <http://www.38north.org/2017/07/melleman073117/> (accessed: 15.12.2019).

4. North Korean Security Challenges. A net assessment. London: The International Institute for Strategic Studies. July 2011. P. 131.

5. Vosstanovleniye rezhima yadernogo nerastrostraneniya na Koreyskom poluostrove. Poluchennyye rezul'taty i osnovnyye vyvody konferentsii. IMEMO RAN. 28.03.2013. [Restoration of the nuclear non-proliferation regime on the Korean Peninsula. The results obtained and the main conclusions of the conference. IMEMO RAS. March 28, 2013]. Available at: http://www.imemo.ru/en/conf/2013/28032013/280313_result.pdf (accessed 27.02.2020).

6. *Zakharchenko I.* KNDR provela ocherednoy raketnyy pusk [North Korea conducted another missile launch]. *Rossiya segodnya — Russia today*. 28.07.2017. Available at: <https://ria.ru/world/20170728/1499363126.html> (accessed: 27.02.2020).

И.В. Дьячков

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ*

В 2020 г. будет отмечаться 30-летие установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом. Политическая и экономическая реальность довольно быстро очертили пределы сближения двух стран, и они проявились ещё рельефнее в ходе международной поляризации последних лет. Тем не менее даже в таких жёстких и в известном смысле суживающихся рамках сторонам удаётся сохранять достаточно высокую степень взаимопонимания и — что редкость для сегодняшнего мира — избегать крупных конфликтов. Хотя политические цели России и Республики Корея не всегда совместимы, сочетание относительной «беспроblemности», определённого накопленного капитала отношений и потенциала для их развития создаёт пространство для оптимизма.

Ключевые слова: внешняя политика, политические связи, Республика Корея, российско-южнокорейские отношения, Мун Чжэ Ин.

В 2020 г. будет отмечаться 30-летие установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом. Их история хорошо известна: за первоначальным энтузиазмом 1990-х годов довольно быст-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

This work was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 19-18-00142).

ро последовало обоюдное осознание пределов сближения, очерченных политической и экономической реальностью. Эти объективные ограничения проявились ещё рельефнее в ходе международной поляризации последних лет. И отечественным, и южнокорейским экспертам нередко кажется, что Россия и Республика Корея вновь окажутся в разных лагерях в нарастающем региональном и глобальном противостоянии. Тем не менее даже в таких жёстких и в известном смысле суживающихся рамках сторонам удаётся сохранять достаточно высокую степень взаимопонимания и — что редкость для сегодняшнего мира — избегать крупных конфликтов.

Для элит Республики Корея Россия — наименее важная держава «большой четверки», влияющей на ситуацию на Корейском полуострове (в неё также входят США, Китай и Япония). Следует отметить, что в южнокорейском политическом истеблишменте сложился консенсус по поводу роли и места России во внешнеполитических приоритетах РК. Курс в отношении нашей страны не претерпевает особых изменений при переходе власти в руки либералов или консерваторов. Для Южной Кореи Россия остаётся важным, но далеко не самым значимым партнёром, из сотрудничества с которым Сеул стремится получить максимум выгоды с наименьшим ущербом для сложившейся структуры своих внешних связей, определяющейся союзом с США и тесным экономическим взаимодействием с Китаем и Японией.

Главный фактор южнокорейского политического интереса к Москве — желание использовать её связи с Пхеньяном как инструмент влияния на КНДР. Порой «северокорейский фактор» заслоняет для южнокорейских политиков и экспертов двустороннюю повестку. Например, политическая секция форума «Диалог Россия—Республика Корея», приуроченного к визиту президента Мун Чжэ Ина в Москву в 2018 г., почти целиком была посвящена не нашим двусторонним связям, а Северной Корее.

Тем не менее Россия действительно занимает уникальную позицию. Это единственная, помимо Китая, «великая держава», официально и активно поддерживающая связи с обоими государствами Корейского полуострова. Возможность Москвы общаться с другой корейской стороной ценится и Сеулом, и Пхеньяном, особенно в периоды охлаждения отношений. При этом Москва в силу «отстра-

ненности» пользуется у корейцев несколько большим доверием, чем Пекин. Это позволяет нам выдвигать свои инициативы по урегулированию на полуострове, в основном, связанные с ядерной проблемой. Так, осенью 2019 г. Москва представила заинтересованным сторонам, в том числе Республике Корея, план действий по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП), конкретизирующий российско-китайские совместные предложения лета 2017 г.¹

Специфика ситуации, однако, заключается ещё в том, что Республике Корея не нужен излишне активный партнёр на северном направлении. Идеальным вариантом для Сеула была бы однозначная пассивная поддержка Россией его видения и инициатив в отношении Севера, полярность которых меняется в зависимости от предпочтений действующей власти. В периоды потепления Юг нередко стремится к «монополизации» права на общение с Пхеньяном и посредничество в ядерном урегулировании, а в периоды межкорейских обострений — добивается полной международной изоляции КНДР.

Американский фактор в российско-южнокорейских отношениях

Разумеется, военный союз Сеула с Вашингтоном и присутствие американских войск в Южной Корее — один из ограничителей нашего политического сближения с РК. Отношения Москвы и США всегда были непростыми, но в последние годы Белый дом проводит фактически антироссийскую политику, регулярно подкрепляемую всё новыми санкциями. Это вредит российско-южнокорейским связям. Так, боязнь американского «вторичного бойкота» затрудняет реализацию совместных экономических проектов — как двусторонних, так и трёхсторонних с участием Севера. Трёхстороннему сотрудничеству России с двумя частями Кореи (а у подобных проектов есть и политическое измерение) мешает и жёсткая позиция США в отношении Пхеньяна. Здесь нельзя не вспомнить сказанные по этому поводу слова президента В. Путина о «дефиците суверенитета» в Южной Корее².

При этом внешний фактор является хотя и серьёзным, но фактически единственным источником разногласий между Москвой и

Сеулом³. Бескомпромиссная критика того, что южнокорейское руководство исторически воспринимает как основу внешней политики страны, вызовет лишь раздражение и не способна укрепить взаимопонимание. Мы просто должны учитывать реальное положение вещей — и строить свои внешнеполитические планы, исходя из него⁴. Более того, есть и большой практический смысл в поддержании дружественных отношений с одной из стран потенциально «недружественного» лагеря.

Ценность взаимодействия с Сеулом стала более заметна благодаря российскому «повороту на Восток» последних лет. С одной стороны, отношения Москвы с Южной Кореей не осложнены застарелыми и трудноразрешимыми проблемами, как российско-японские, с другой стороны, в них не просматриваются риски, связанные с «излишним» сближением, как в случае с Китаем. Россия видится Сеулу и балансиром: развитие отношений с Москвой помогает уравновесить внешнюю политику страны в случае углубления её зависимости от Китая или США. Так, Республика Корея, несмотря на угрозы и давление, не присоединилась к санкциям в отношении России, введённым рядом стран, в том числе США и Японией, из-за ситуации на Украине. Благодаря этой политической смелости правительства южнокорейские компании извлекли немалую экономическую выгоду на фоне ухода западных конкурентов с российского рынка.

Политические связи в последние годы

Президент Мун Чжэ Ин, пришедший к власти 2017 г., выбрал линию на развитие связей с Россией в качестве одного из приоритетов своей внешней политики. Отчасти такой шаг был необходим для подкрепления «новой северной политики», отчасти объяснялся сложностью ситуации в отношениях с остальными ключевыми партнёрами. Сеульское руководство из конъюнктурных соображений искало «пути наименьшего сопротивления», где будет нетрудно достичь пусть и скромных успехов для представления внутренней аудитории (вторым таким направлением стал АСЕАН).

Активизация контактов произошла сразу же: Мун Чжэ Ин посетил Восточный экономический форум во Владивостоке в 2017 г., а

также достаточно часто общался с российским лидером и до этого (на встрече «большой двадцатки» в Гамбурге, а также по телефону). В июне 2018 г. южнокорейский лидер посетил Москву с официальным визитом, был подписан ряд документов довольно общего характера. Судя по всему, обе стороны настроены достаточно осторожно по поводу того, последует ли за протокольными мероприятиями интенсификация реального сотрудничества. Тем не менее политическое общение после визита сохраняло интенсивность. Осенью 2018 г. председатель Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко посетила сначала Пхеньян, а затем Сеул, и в обеих столицах была лично принята руководителями Севера и Юга соответственно. Позднее В. Путин вновь встретился с Мун Чжэ Ином в Сингапуре на полях Восточноазиатского саммита⁵.

В 2019 г., как и ранее, регулярно проводились консультации на уровне министров иностранных дел и их заместителей⁶ (нередко такие встречи обусловлены ситуацией на Корейском полуострове). На 2020 г. запланирован визит В. Путина в Сеул; кроме того, Мун Чжэ Ин, возможно, вновь посетит Восточный экономический форум⁷.

Какими бы соображениями ни был вызван энтузиазм президента РК по поводу развития отношений с Россией, подобные вспышки интереса могут стать хорошим стимулом для сотрудничества. При этом ответом на периодическую «настойчивость» Юга не должна быть пассивная позиция Москвы: двустороннее взаимодействие не должно превращаться в одностороннее. Здесь можно возразить, что приход нового руководства в РК затрудняет планирование долгосрочных политических и экономических начинаний. Однако здесь оказываются полезны те самые «ограничения»: Россия для Сеула — важный, но не ключевой партнер, поэтому, как уже указывалось, восприятие нашей страны не меняется кардинальным образом с обновлением элит.

Проблема «стратегического партнёрства»

В Южной Корее предпочитают официально определять статус российско-южнокорейских отношений как «стратегическое партнёрство». Такая оценка многим небезосновательно представляется

завышенной при её применении к сегодняшнему уровню связей и может восприниматься как цель на отдалённое будущее⁸. При этом интересно, что под этим знаком прошла почти половина истории отношений Москвы и Сеула. «Стороны выразили решимость поднять двустороннее взаимодействие до уровня стратегического партнёрства»⁹ ещё в 2008 г., 12 лет назад, в ходе визита президента Ли Мён Бака в Москву и его переговоров с президентом Д.А. Медведевым.

Разумеется, нельзя не заметить осторожность построения фразы, но в целом практика использования «больших оценок» как средства выражения взаимной приязни в торжественный момент — не редкость. Так, в 2018 г. Россия и АСЕАН вывели диалоговые отношения на уровень стратегического партнёрства¹⁰ — хотя реальный объём взаимодействия позволяет использовать такую формулировку разве что для описания амбициозной цели.

Республика Корея, помимо прочих стран, также поддерживает «стратегическое партнёрство» с Колумбией, Румынией, Алжиром и Данией — едва ли ключевыми государствами для политических планов Сеула. С другой стороны, отношения с Канадой, важной страной дружественного Южной Корее западного лагеря, были выведены на такой уровень лишь в 2014 г.¹¹

Иными словами, российско-южнокорейские отношения вряд ли следует оценивать исходя только из официальных оценок. В реальности, с одной стороны, сотрудничество отвечает взаимным интересам сторон и в отдельных аспектах добивается существенных результатов, с другой — для обеих стран развитие отношений не является приоритетной задачей, а границы взаимодействия определены конфигурацией связей с другими, более важными партнёрами. Известная «слабость» отношений, как уже упоминалось, не является однозначно негативной характеристикой: её следствием являются и гибкость подходов, и отсутствие больших рисков в случае неудач. Возможно, именно чёткое понимание «пределов возможного» выступает для двусторонних связей стабилизирующим фактором. Наша взаимная политика основана на реалистичном видении друг друга, а даже скромные достижения воспринимаются как весьма ценные¹² — и они действительно ценны, отчасти потому, что стали возможны не «благодаря», а «вопреки».

* * *

Высокий уровень политических отношений как с Югом, так и с Севером — важный для России дипломатический актив в масштабах не только Корейского полуострова, но и Северо-Восточной Азии в целом. Отсюда следует необходимость поддержания этого уровня и в будущем. «Перекосы» в ту или иную сторону и их издержки хорошо известны отечественной внешней политике по советскому периоду и 1990-м годам.

Россию и Республику Корея сближает искренняя общая заинтересованность в стабильности и мире на полуострове и в регионе, строительстве добрососедских и взаимовыгодных отношений. Сравнительно низкая экономическая взаимозависимость и военно-политические факторы могут наложить ограничения на дальнейшее развитие связей, однако и Москва, и Сеул до сих пор демонстрировали намерение оберегать двустороннее сотрудничество от негативных влияний. Наши двусторонние связи поступательно развиваются и не осложнены принципиальными политическими разногласиями, что редкость для сегодняшнего мира. Хотя цели двух стран не всегда совместимы, сочетание относительной «беспроблемности», определённого накопленного капитала отношений и потенциала для их развития создаёт пространство для оптимизма.

Примечания

¹ Дьячков И.В. Корейский полуостров: на пороге кризиса? // *МГИМО-Университет*. 02.01.2020. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/> (дата обращения: 29.02.2020).

² News conference following Russian-North Korean talks. April 25, 2019 // *Kremlin*. 25.04.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60370> (дата обращения: 29.02.2020)/

³ Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 392.

⁴ Сухинин В.Е. Российско-южнокорейским отношениям четверть века: некоторые оценки // *Корейский полуостров в эпоху перемен*. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 32.

⁵ Vladimir Putin met with President of the Republic of Korea Moon Jae-in // *Kremlin*. 14.11.2018. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59124> (дата обращения: 29.02.2020).

⁶ См., напр.: Foreign Minister Sergey Lavrov's statement at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Republic of Korea Kang Kyung-wha, Moscow, June 17, 2019 // *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 17.06.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/3686129?p_p_id=101_INSTANCE_PR7UbfssNImL&_101_INSTANCE_PR7UbfssNImL_languageId=en_GB (дата обращения: 29.02.2020). Press release on Deputy Foreign Minister Igor Morgulov's consultations with South Korean Deputy Foreign Minister, Foreign Ministry Special Representative for Korean Peninsula Peace and Security Affairs, Lee Do-hoon // *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 08.11.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/3891472?p_p_id=101_INSTANCE_PR7UbfssNImL&_101_INSTANCE_PR7UbfssNImL_languageId=en_GB (дата обращения: 29.02.2020).

⁷ Россия и Южная Корея провели консультации по визиту Путина // РИА Новости. 25.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200225/1565198789.html> (дата обращения: 29.02.2020).

⁸ Жебин А.З. Проблемы формирования стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Корея // Российско-корейский форум. Сеул : Корейский фонд, 2019. С. 125—126.

⁹ Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея. 29 сентября 2008 г. // Кремль. 29.09.2008. URL: <http://kremlin.ru/supplement/237> (дата обращения: 29.02.2020)

¹⁰ Joint Statement of the 3rd ASEAN — Russian Federation Summit on Strategic Partnership. November 14, 2018 // *Kremlin*. 14.11.2018. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5360> (дата обращения: 29.02.2020).

¹¹ Хан-кэнада чхэтэкхан 'джонрякджокдоньбанджагвангые'ран [Что такое «отношения стратегического партнёрства», избранные Республикой Корея и Канадой] // *Yonhap News*. 23.09.2014. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20140922191500001> (дата обращения: 29.02.2020).

¹² Сухинин В.Е. Российско-южнокорейским отношениям четверть века: некоторые оценки // *Корейский полуостров в эпоху перемен*. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 33.

References

1. *Dyachkov, I.V.* (2019) *Koreyskiy poluostrov: na poroge krizisa [Korean Peninsula Facing a Crisis?]*. *MGIMO-University*. 02.01.2020. Available at: <https://mgimo.ru/>

about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/ (accessed: 29.02.2020) (in Russian).

2. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Republic of Korea Kang Kyung-wha, Moscow, June 17, 2019. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 17.06.2019. Available at: https://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/3686129?p_p_id=101_INSTANCE_PR7UbfssNImL&_101_INSTANCE_PR7UbfssNImL_languageId=en_GB (accessed 29.02.2020); Press release on Deputy Foreign Minister Igor Morgulov's consultations with South Korean Deputy Foreign Minister, Foreign Ministry Special Representative for Korean Peninsula Peace and Security Affairs, Lee Do-hoon. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/3891472?p_p_id=101_INSTANCE_PR7UbfssNImL&_101_INSTANCE_PR7UbfssNImL_languageId=en_GB (accessed 29.02.2020).

3. Han-Kaenada chaetaekhan jeollakjoktonbanjakwangye ran [What Are 'Strategic Partnership Relations' Chosen by Korea and Canada]. *Yonhap News*. Available at: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20140922191500001> (accessed 29.02.2020) (in Korean).

4. Joint Statement by the Russian Federation and the Republic of Korea. Kremlin. 29.09.2008. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/237> (accessed 29.02.2020) (in Russian).

5. News conference following Russian-North Korean talks. April 25, 2019. Kremlin. 25.04.2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/60370> (accessed 29.02.2020).

6. Rossiya I Yuzhnaya Koreya proveli konsultatsii po vizitu Putina [Russia and South Korea Consult on Putin's Visit]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20200225/1565198789.html> (accessed 29.02.2020) (in Russian).

7. Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii I Respubliki Koreya [Joint Statement of the 3rd ASEAN — Russian Federation Summit on Strategic Partnership]. *Kremlin*. 14.11.2018. Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/5360> (accessed 29.02.2020) (in Russian).

8. *Sukhinin, V.E.* (2016) Rossiisko-yuzhnokoreyskim otnosheniyam chervt' veka: nekotoryye otsenki [25 Years of Relations Between Russia and South Korea: Some Assessments]. *Korean Peninsula in the Era of Change*. Moscow: IFES RAS. P. 33. (in Russian).

9. *Sukhinin, V.E.* (2016). Rossiisko-yuzhnokoreyskim otnosheniyam chervt' veka: nekotoryye otsenki [25 Years of Relations Between Russia and South Korea: Some Assessments]. *Korean Peninsula in the Era of Change*. Moscow: IFES RAS. P. 32. (in Russian).

10. *Torkunov, A.V., Streltsov, D.V.* (Eds.) (2019) *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy v Severo-Vostochnoy Azii I natsional'nyye interesy Rossii* [Transformation of International Relations in North-East Asia]. Moscow: Aspekt Press. P. 392. (in Russian)

11. Vladimir Putin met with President of the Republic of Korea Moon Jae-in. *Kremlin*. 14.11.2018. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59124> (accessed 29.02.2020).

12. Zhebin, A.Z. (2019) Problems of Forming Strategic Partnership Between the Russian Federation and the Republic of Korea // *Russo-Korean Forum*. Seoul: Korea Foundation. P. 125—6. (in Russian.)

А.Л. Поленова

КНДР И ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Данная работа содержит анализ отношений КНДР со странами Движения неприсоединения и значения этой площадки для внешней политики Пхеньяна. Северная Корея считает сотрудничество стран Азии, Африки и Латинской Америки и взаимодействие по линии Юг—Юг важными компонентами «порядка, основанного на справедливости» — в таких терминах КНДР описывает свои представления о структуре международных отношений. Представляется, что двусторонние отношения со странами — участниками Движения хотя и сохраняются, для северокорейской внешнеполитической стратегии более важно взаимодействие в рамках института, где находит поддержку позиция Пхеньяна по некоторым принципиальным вопросам.

Ключевые слова: внешняя политика КНДР, Движение неприсоединения, сотрудничество Юг—Юг.

Движение неприсоединения — группа государств, объединённых убеждением о необходимости воздерживаться от вступления в военно-политические блоки, проводить независимую политику. Движение как институт было создано на Белградской конференции (1—6 сентября 1961 г.), однако принципы, заложенные в основу объединения неприсоединившихся государств, зародились гораздо раньше. Сама концепция отказа от блокирования с крупными государствами и от выбора между центрами притяжения в системе международных отношений начала распространяться ещё со второй по-

ловины 1940-х годов — в частности, похожие идеи высказывал в 1947 г. Дж. Неру¹. В более оформленном виде концепция была представлена в Бандунге (Афро-Азиатская конференция, 18—24 апреля 1955 г.) — так называемые десять принципов мирного сосуществования и международных отношений². Формирование Движения неприсоединения является важной вехой в изменении современного миропорядка с точки зрения глобальной теории международных отношений³, предполагающей категорический отказ от западнотрилистского подхода в международных исследованиях: оно способствовало структурированию отношений между странами регионов, стимулировало процесс регионализации, снизило структурное влияние крупных государств (в том числе Китая⁴ и Индии)⁵. Импульс развития Движение получило в 1960—1970 годах, когда концепция проведения независимой внешней политики стала актуальной для многих новых независимых стран. В этот период оно становится слившимся институтом.

Конечно же, Движение неприсоединения на протяжении своей истории не избежало внутренних противоречий и концептуальных кризисов (например, опасений о смещении фокуса с солидарности в рамках Юга на разобщённое противостояние Северу⁶, кризис, связанный с крушением биполярности, и т. д.). Несмотря на это, данный институт продемонстрировал жизнеспособность, сохранив актуальные положения своей повестки в изменившихся условиях взаимодействия — это такие ключевые для стран-участниц ценности, как борьба с империализмом и колониализмом, с вмешательством во внутренние дела государств, с гегемонией отдельных государств и т. д.⁷. Перед государствами, являющимися членами Движения, также стоит ряд общих задач, критичных для сообщества развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки: обеспечение устойчивого развития, борьба с бедностью, рост уровня жизни населения⁸. Совместное решение этих проблем помогло бы не только преодолеть разрыв в социально-экономическом развитии между странами глобального Севера и глобального Юга, но и предотвратить разобщённость Юга.

Движение неприсоединения — не единственная площадка, которой развивающиеся страны пользуются, чтобы донести свою позицию, продвинуть свою повестку. К таким также можно отнести

Группу 77 (G-77), которая нацелена на защиту экономических интересов стран-участниц, а также Организацию солидарности народов Азии и Африки (OSPAA) и Организацию солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (OSPAAAL, существовала до 2019 г.⁹).

В настоящий момент участниками Движения неприсоединения являются 120 государств — и КНДР поддерживает дипломатические отношения с 112 из них. 14 зарубежных посольств из 24, находящихся в Пхеньяне, представляют неприсоединившиеся страны; сама КНДР также располагает 37 посольствами в государствах — участниках Движения¹⁰.

Развитие отношений Пхеньяна со странами — участниками Движения можно разбить на несколько этапов в связи с динамикой развития международной обстановки (политика держав, возникновение и развитие новых акторов), внешнеполитической линией КНДР, а также процессом формирования институтов, связанных с интересами развивающихся стран.

До 1958 г. Северная Корея концентрировалась на ключевых внешнеполитических партнёрах, однако разногласия, которые назревали, в частности в отношениях с Москвой, подтолкнули КНДР к проведению более самостоятельной политики. Эта линия обозначена в выступлениях Ким Ир Сена уже в 1955 г.¹¹ и к 1958 г. была распространена на внешнеполитическую сферу¹².

КНДР искала новых партнёров на международной арене (в программных текстах на внешнеполитическую тему подчёркивалось, что установление чужие не противоречит пролетарскому интернационализму); Пхеньян стал открыто высказываться в пользу сотрудничества со всеми миролюбивыми государствами вне зависимости от их политического строя, завязал отношения со странами, не входящими в социалистический лагерь. В выступлениях Ким Ир Сена этого периода регулярно высказывалась поддержка народам, борющимся за свою независимость — и в этом смысле особый интерес представляла Африка, переживавшая деколонизацию.

С 1964 г. КНДР в налаживании контактов с новыми партнёрами пользовалась выработанной стратегией: установлению дипломатических связей предшествовали частые визиты северокорейских делегаций доброй воли, групп представителей трудовой молодёжи, в

риторике делался акцент на антиимпериализм, поддержку национально-освободительных движений, устанавливались связи Трудовой партии Кореи с местными партиями левого толка. При этом КНДР обращала внимание в первую очередь на страны, которые уже имеют связи с КНР. Этот период в северокорейской внешней политике продолжался с 1958 по конец 1960-х годов, когда были установлены отношения с 23 странами (22 состоят в Движении).

1970-е годы характеризовались резкой активизацией дипломатии Пхеньяна. В этот период Северная Корея в дополнение к традиционным антиимпериалистическим лозунгам выдвигает тезисы о борьбе с «доминанционизмом», о «превращении всего мира в самостоятельный». В 1975 г. КНДР вступает в Движение неприсоединения и стремится занять позицию негласного лидера неприсоединившихся стран. Пытаясь избежать чрезмерной зависимости от крупных держав, Пхеньян сам стремится занять позицию патрона по отношению, например, к ряду африканских стран. Сотрудничество наполняется реальным содержанием: в это время заключены договоры о дружбе и сотрудничестве (Мозамбик, Мадагаскар, ЦАИ — 1978 г., Гвинея-Бисау — 1979, Гвинея и Зимбабве — 1980, Ангола и Того — 1981, Ливия — 1982, Эфиопия — 1983 г.), межправительственные соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве; открываются и финансируются кружки по изучению идей чучхе, на средства Пхеньяна проводятся соответствующие тематические конференции.

В этот период КНДР стремилась позиционировать себя не только как образец воплощения в жизнь стратегии равноудалённости во внешней политике, но и как образец экономического развития. Пхеньян оказывал экономическую поддержку странам Движения (осуществлял строительство фабрик, ирригационных сооружений, предоставлял медицинское оборудование, передавал в дар строительную технику, оказывал поддержку в развитии сельского хозяйства, направлял своих граждан для оказания технической помощи) — помощь, впрочем, показывала его ограниченные возможности (в 1976 г. КНДР взяла на себя обязательство передать Танзании стройматериалы, однако последняя должна была сама компенсировать расходы, связанные с логистикой). Африканским странам оказывалась также военная помощь: обучение военного персонала

путём направления в страны-партнёры военных инструкторов и советников, поставки вооружения.

Третий период охватывает 1980—2000-е годы, которые, в сравнении с предыдущими успехами Пхеньяна, оказались неудачными. Он терял привлекательность на фоне экономического развития Республики Корея, терпел репутационные потери¹³. Затронул Пхеньян и распад социалистического лагеря, который с момента создания КНДР оставался для нее главным источником политической поддержки и экономической помощи. Высказывается дискуссионная точка зрения, что способность Пхеньяна сохранять интерес развивающихся государств к сотрудничеству с ним в этот период объяснялась не привлекательными экономическими предложениями, а готовностью к взаимодействию в военной сфере¹⁴. Стоит, впрочем, отметить активное сотрудничество КНДР со странами — участниками Движения на стыке культуры и идеологии: северокорейские архитекторы и скульпторы из объединения «Мансудэ» стали авторами множества монументов, имеющих сильную политическую нагрузку — например, «Возрождение Африки» (Дакар, Сенегал), — что давало возможность поддерживать связи с зарубежными партнёрами и получать доход¹⁵.

Что касается текущего момента, то Пхеньян сформировал круг своих ближайших партнёров на мировой арене, и за исключением двух соседних держав (КНР и РФ) он включает в себя четыре страны — участника Движения неприсоединения (Куба, Лаос, Сирия, Сингапур). Приоритетность отношений с этими государствами выявляется посредством ивент-анализа в сфере северокорейской внешней политики, а также контент-анализа сообщений северокорейской печати и заявлений северокорейского внешнеполитического ведомства. Хотя данные источники не дают детальной информации о сотрудничестве с теми или иными странами, указанные государства упоминаются значительно чаще других, в том числе в контексте деятельности Ким Чен Ына, который проводит встречи с представителями этих стран: например, в ноябре 2018 г. северокорейский лидер принял в Пхеньяне председателя Государственного совета Кубы Мигеля Диас-Канеля¹⁶.

Реальное наполнение отношений с другими членами Движения, кажется, сейчас довольно невелико. Контакты с ними сохраняются,

однако носят ограниченный характер: происходят взаимные визиты делегаций от общественных организаций и политических партий. Лидеры стран Азии, Африки и Латинской Америки также посещают Пхеньян во время торжественных мероприятий, и эти события всегда освещаются в печати КНДР в очень тёплых выражениях, авторы статей подчёркивают традиционно дружеские связи с этими государствами. Страна по-прежнему делает своеобразные инвестиции в сотрудничество, продолжая поддерживать кружки по изучению идей кимирсенизма-кимчениризма, общества дружбы и солидарности с КНДР, организует поездки членов этих групп в Пхеньян, публикует переводы заявлений африканских и латиноамериканских политиков и общественных деятелей в поддержку северокорейской политики (дипломатии саммитов, идеи объединения Кореи на мирной основе), переводит на корейский язык и публикует на сайте Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) материалы о КНДР в СМИ стран Африки и Латинской Америки, регулярно сообщает о выходе трудов северокорейских лидеров в местных издательствах.

Если обратиться к вопросу об экономическом сотрудничестве Северной Кореи со странами Движения неприсоединения, как и с любыми другими, стоит отметить, что хотя объём внешней торговли КНДР и прежде был не слишком велик, в последнее время в связи с жёстким санкционным режимом говорить о развитии торговых отношений не приходится. В этой ситуации Пхеньян остаётся за бортом, например, «поворота Африки на Восток»¹⁷. Конечно, сложно сказать, насколько северокорейская экономика могла бы воспользоваться этим шансом для развития отношений с африканскими партнёрами, однако совершенно ясно, что в настоящий момент КНДР полностью лишена возможности встроиться в процесс укрепления связей с этим континентом. Тем не менее стремление даже в таких условиях сохранить какие-то контакты дает надежду, что в случае ослабления санкционного режима сотрудничество будет укрепляться.

Очевидно, стратегическое значение сохранения связей со странами — участниками Движения понятно и за рубежом: традиционно дружеские отношения и сотрудничество КНДР в военной и других сферах с, например, странами Африки, а также наличие общего негативного опыта страны-объекта санкционного давления может

предполагать поддержку ими северокорейской позиции в рамках как самого Движения, так и в ООН. Такая поддержка особенно ценна сейчас, когда США, в соответствии со своей линией оказания «максимального давления» на КНДР с целью заставить ее отказаться от своей ядерной программы, предпринимают меры по вытеснению северокорейцев из занимаемой ими в развивающихся странах ниши путём предоставления аналогичных услуг при наложении ограничений на активность КНДР¹⁸.

Действительно, важно отметить, что даже при отсутствии особенных прорывов в развитии двустороннего сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки сохраняется и, очевидно, очень ценится Пхеньяном многостороннее взаимодействие в рамках Движения неприсоединения. Делегации КНДР активно работают на саммитах Движения, в материалах ЦТАК регулярно можно читать о роли Движения в международных отношениях и его значении для северокорейской внешней политики. Этому есть несколько причин.

Прежде всего для КНДР актуальны практические цели, на которые нацелено Движение: борьба с бедностью, защита интересов развивающихся стран в международных организациях и т. д. Однако важно и то, что этот институт транслирует определённые взгляды на структуру международных отношений, на взаимодействие глобального Севера и Юга, на роль ООН и её отдельных органов. Мнение развивающихся государств относительно возможной реформы ООН активно выражает не только само Движение, но и Группа 77, с 1994 г. консолидирующая с ним позицию благодаря созданию Объединённого координационного комитета¹⁹: оба института поддерживают идею укрепления роли Генеральной Ассамблеи, недискриминационности принятия решений — схожим образом мыслит и Пхеньян²⁰.

В рамках деятельности Движения поддержка КНДР и требование снятия с неё санкций является принципиальным вопросом: призывая Совет Безопасности ООН не выходить за рамки вопросов безопасности, неприсоединившиеся страны выступают против рассмотрения им проблем нарушения прав человека и политизации этого вопроса²¹. Кроме того, Пхеньян сталкивается с односторонними санкциями, его национальная безопасность находится под угро-

зой — и, являясь страной — участником Движения, Северная Корея получает его поддержку.

Взаимодействие КНДР с таким крупным международным институтом важно и как фактор дополнительной легитимации ее действий на международной арене в свете наличия у Пхеньяна собственной ракетно-ядерной программы. Статус КНДР как непризнанной ядерной державы вызывает критику в ее адрес со стороны большинства государств, международных институтов и организаций. Поэтому для Пхеньяна важно, что в рамках Движения неприсоединения обсуждение ядерной проблематики не предполагает порицания КНДР. При том что Движение высказывается за ядерное нераспространение, основной акцент делается на ответственности ядерных держав, на не выполняемых ими обязательствах по сокращению вооружений и ядерному разоружению, а также на рисках для стран, не обладающих собственным ядерным оружием, на непредоставлении им должных гарантий безопасности²².

Описывая своё видение идеала системы международных отношений, Северная Корея называет её «порядком, основанным на справедливости»²³. Заявления северокорейского внешнеполитического ведомства раскрывают эту формулу более подробно. Такая система должна быть децентрализованной, опираться на взаимодействие по принципу Юг—Юг, характеризоваться независимостью стран в их внешней политике, а также отказом от альянсов с крупными державами и большей вовлечённостью в мировые процессы стран Азии, Африки и Латинской Америки. Эти положения, формирующие то, что можно было бы назвать внешнеполитической доктриной Пхеньяна, совпадают с ценностями, с заявленными целями Движения неприсоединения²⁴.

Для современной системы международных отношений характерна некоторая децентрализация. Это касается трансформации понимания характеристик державности, мощи и т. д. В последнее время происходил рост индивидуальной мощи (военной, экономической) сильных стран при сокращении их способности воздействовать на структуру международных отношений. Они больше нуждаются в признании легитимности своих действий широким кругом союзников. Иными словами, меняется роль наиболее сильных игроков в принятии решений по вопросам международного значения. В то же

время при относительном снижении мощи сильнейших акторов другие государства получают больше возможностей зарекомендовать себя в качестве альтернативных лидеров. В современном мире есть запрос на демократизацию международных отношений и участие в принятии решений по важнейшим вопросам, что позволило бы развивающимся странам реализовать новые возможности. КНДР, будучи членом «ядерного клуба», пусть даже неофициальным, располагая определенным потенциалом и видением картины мира, созвучным большинству членов Движения, при поддержке этого института, легитимирующего её позицию, имеет возможности стать одной из стран, продвигающих этот процесс.

Примечания

¹ Pt. Jawaharlal Nehru's speech at Asian Relations Conference 1947 // *Tibet Sun*. URL: <https://www.tibetsun.com/news/1947/03/24/pt-jawaharlal-nehru-speech-at-asian-relations-conference-1947> (дата обращения: 04.03.2020).

² Asia-Africa speak from Bandung // *The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Indonesia*. Djakarta: 1955. Pp. 161–169.

³ Acharaya, Amitav. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. Vol. 58 (4). November 2014. P. 649.

⁴ Котляров В. Движение неприсоединения — важный фактор мировой политики // *Азия и Африка сегодня*. № 9. 1981. С. 9.

⁵ Acharaya, Amitav. Studying the Bandung conference from a Global IR perspective // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 70. No. 4. 2016. P. 345.

⁶ Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы // *Вестник МГИМО*. 2012. № 3. С. 18.

⁷ Castro Speaks, Departs for Home. Text of UN Speech. 12.10.1979. // *Latin America Network Information Center*. URL: <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1979/19791012.html>. (дата обращения: 05.03.2020); Declaration on the Purposes and Principles and the Role of the Non-Aligned Movement in the Present International Juncture // *Ministry of External Affairs, Government of India*. URL: <https://mea.gov.in/Images/pdf/Declarationpurposesnam.pdf> (дата обращения: 05.03.2020).

⁸ Крылов С.А. Указ. соч. С. 20.

⁹ Fernando Camacho Padilla, Eugenia Palieraki. Hasta Siempre, OSPAAAL! // *NACLA Report on the Americas*. No. 51(4). 2019. P. 410.

¹⁰ *Daniel Wertz, JJ Oh, Kim Insung. DPRK Diplomatic Relations // The National Committee on North Korea Issue Brief. August 2016. P. 2. URL: https://www.ncnk.org/sites/default/files/content/resources/publications/NCNK_Issue_Brief_DPRK_Diplomatic_Relations.pdf. (дата обращения: 15.02.2020).*

¹¹ *Ким Ир Сен. Об изжитии догматизма и формализма и установление чучхе в идеологической работе [Текст] : Речь перед работниками парт. пропаганды и агитации 28 дек. 1955 г. Пхеньян : Изд-во лит. на иностр. яз., 1973.*

¹² *Ким Ир Сен. Доклад на торжественном заседании в честь 10-й годовщины образования КНДР / Ким Ир Сен. Сочинения. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1983. С. 491—495.*

¹³ *115 Died in Nov. 29 Crash : N. Korea Agent Confesses, Says She Put Bomb on Jet // Los Angeles Times. January 15, 1988. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-01-15-mn-24248-story.html> (дата обращения: 05.02.2020).*

¹⁴ *Например, Samuel Ramani. North Korea's Military Partners in the Horn of Africa // The Diplomat. January 6, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/north-koreas-military-partners-in-the-horn-of-africa/> (дата обращения: 20.02.2020).*

¹⁵ *North Korea's surprising, lucrative relationship with Africa // Washington Post. 11.07.2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/africa/north-koreas-surprising-lucrative-relationship-with-africa/2017/07/10/c4e6f65d-30fe-4bd2-b178-d90daaa33007_story.html?amp;wpm=1&wpisrc=nl_most (дата обращения: 08.03.2020).*

¹⁶ *Уважаемый высший руководитель товарищ Ким Чен Ын провёл переговоры с председателем Государственного совета и председателем Совмина Республики Куба Мигелем Марио Диас-Канелем Бермудесом // ЦТАК. 05.11.2018.*

¹⁷ *Например, Дэйч Т.Л. Страны Африки и Китай в контексте ориентации Африки на Восток // Поворот Африки «на Восток» и интересы России. М.: Институт Африки РАН. С. 58.*

¹⁸ *Например, Annie DuPre, Nicolas Kasprzyk and Noel Stott. Cooperation between African States and the Democratic People's Republic of Korea // Institute for Security Studies. 2016. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/research-report-dprk.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).*

¹⁹ *Сенелева Н.В. Проблема реформирования Организации Объединённых Наций в контексте международных отношений // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2011. № 2. С. 25—26.*

²⁰ *Председатель Президиума ВНС КНДР: статус движения неприсоединения и его роль // ЦТАК. 20.09.2016.*

²¹ *Final Document at the 17th Summit of the Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement on 17—18 September 2016 in Margarita, Venezuela. P. 8. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Official_Document/XVII-NAM-Summit-Final-Outcome-Documents-ENG.pdf (дата обращения 08.03.2020).*

²² Thematic Seminar on Pillar I (Disarmament) of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Statement by the NAM Chair // *Azerbaijani Chairmanship to the Non-Aligned Movement*. January 30, 2020. URL: <https://www.nama.az/pdf/Statement27.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

²³ Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK) // *Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea*. 16.05.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-principal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-koreadprk/>. (дата обращения: 20.05.2019).

²⁴ Например, 18th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement. Baku, the Republic of Azerbaijan, 25–26 October 2019. Final Document. P. 19–36. URL: <https://www.namazerbaijan.org/pdf/BFOD.pdf>. (дата обращения: 15.01.2020).

References

1. 115 Died in Nov. 29 Crash : N. Korea Agent Confesses, Says She Put Bomb on Jet. *Los Angeles Times*. 15.01.1988. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-01-15-mn-24248-story.html> (accessed: 05.02.2020).

2. 18th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement. Baku, the Republic of Azerbaijan, 25–26 October 2019. Final Document. Pp. 19–36. Available at: <https://www.namazerbaijan.org/pdf/BFOD.pdf> (accessed: 15.01.2020).

3. Acharaya, Amitav. (2014). Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies. *International Studies Quarterly*. Vol. 58 (4). P. 649.

4. Acharaya, Amitav. (2016). Studying the Bandung conference from a Global IR perspective. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 70. No. 4. P. 345.

5. Annie DuPre, Nicolas Kasprzyk and Noel Stott. (2016). Cooperation between African States and the Democratic People's Republic of Korea. Institute for Security Studies. Available at: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/research-report-dprk.pdf> (accessed: 20.02.2020).

6. Asia-Africa speak from Bandung. The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Indonesia. Djakarta: 1955. P. 161–169.

7. Castro Speaks, Departs for Home. Text of UN Speech. 12.10.1979. *Latin America Network Information Center*. Available at: <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1979/19791012.html> (accessed: 05.03.2020); Declaration on the Purposes and Principles and the Role of the Non-Aligned Movement in the Present International

Juncture. *Ministry of External Affairs. Government of India*. 2006. Available at: <https://mea.gov.in/Images/pdf/Declarationpurposesnam.pdf> (accessed: 05.03.2020).

8. Daniel Wertz, JJ Oh, Kim Insung. (2016). DPRK Diplomatic Relations. *The National Committee on North Korea Issue Brief*. August 2016. P. 2. Available at: https://www.ncnk.org/sites/default/files/content/resources/publications/NCNK_Issue_Brief_DPRK_Diplomatic_Relations.pdf (accessed: 15.02.2020).

9. Deych T. (2018). Strany Afriki i Kitay v kontekste oriyentatsii Afriki na Vostok [African countries and China in the context of Africa's tilt towards the East] / ed. Deych T. Povорот Afriki «na Vostok» i interesy Rossii [Africa's Pivot towards the East]. Moscow. Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences. P. 58 (in Russian).

10. Fernando Camacho Padilla, Eugenia Palieraki. (2019). Hasta Siempre, OSPAAAL!. *NACLA Report on the Americas*. No. 51(4). P. 410.

11. Final Document at the 17th Summit of the Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement on 17—18 September 2016 in Margarita, Venezuela. P. 8. Available at: http://cns.miis.edu/nam/documents/Official_Document/XVII-NAM-Summit-Final-Outcome-Document-ENG.pdf (accessed: 08.03.2020)

12. Kim Il-sung. (1973). Ob izzhitii dogmatizma i formalizma i ustanovleniye chuchkhe v ideologicheskoy rabote. [On Eliminating Dogmatism and Formalism and Establishing Juche in Ideological Work, December 28, 1955]. Pyongyang. The Foreign Languages Literature Publishing House (in Russian).

13. Kim Il-sung. (1983). Doklad na torzhestvennom zasedanii v chest' 10-y godovshchiny obrazovaniya KNDR [Report at the ceremonial meeting in honor of the 10th anniversary of the founding of the DPRK] / Kim Il-sung Collected Works. Pyongyang. The Foreign Languages Literature Publishing House. P. 491—495 (in Russian).

14. Kim Yong Nam Refers to Stand of DPRK Government on NAM Position and Role. *KCNA*. 20.09.2016.

15. Kotlyarov V. (1981). Dvizheniye neprisoedineniya — vazhnyy faktor mirovoy politiki [The Non-Aligned Movement as an important factor in world politics]. *Aziya i Afrika segodnya — Asia and Africa today*. № 9. P. 9 (in Russian).

16. Krylov S.A. (2012). 50 let Dvizheniyu neprisoedineniya: itogi i perspektivy [50 years to the Non-Aligned Movement]. *Vestnik MGIMO — MGIMO Review of International Relations*. № 3. P. 18 (in Russian).

17. Krylov S.A. (2012). 50 let Dvizheniyu neprisoedineniya: itogi i perspektivy [50 years to the Non-Aligned Movement]. *Vestnik MGIMO — MGIMO Review of International Relations*. № 3. P. 20 (in Russian).

18. North Korea's surprising, lucrative relationship with Africa // Washington Post. 11.07.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/africa/north-koreas-surprising-lucrative-relationship-with-africa/2017/07/10/c4e6f65d-30fe-4bd2-b178-d90daaac3007_story.html?amp;wpmm=1&wpisrc=nl_most (accessed: 08.03.2020).

19. Pt. Jawaharlal Nehru's speech at Asian Relations Conference 1947. *Tibet Sun*. Available at: <https://www.tibetsun.com/news/1947/03/24/pt-jawaharlal-nehru-speech-at-asian-relations-conference-1947> (accessed: 04.03.2020).

20. Samuel Ramani. (2018). North Korea's Military Partners in the Horn of Africa. *The Diplomat*. 06.01.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/north-korea-s-military-partners-in-the-horn-of-africa/> (accessed: 20.02.2020).

21. Sepeleva N. (2011). Problema reformirovaniya Organizatsii Ob'yedinonnykh Natsiy v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy [The Problem of the UN reform in the IR Context]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnyye otnosheniya — Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 25—26 (in Russian).

22. Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK). Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 16.05.2019. Available at: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-principal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-korea-dprk/> (accessed: 20.05.2019).

23. Supreme Leader Kim Jong Un Has Talks with President Miguel Mario Diaz-Canel Bermudez. *KCNA*. 05.11.2018.

24. Thematic Seminar on Pillar I (Disarmament) of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Statement by the NAM Chair. Azerbaijani Chairmanship to the Non-Aligned Movement. 30.01.2020. Available at: <https://www.namaazerbaijan.org/pdf/Statement27.pdf> (accessed: 20.02.2020).

Раздел II

ЭКОНОМИКА

С.С. Суслина

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РК: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

В статье представлена периодизация социально-экономического развития Южной Кореи на основе процессов внутренней трансформации экономической модели и изменения ее роли в мировой экономике. Южная Корея, относясь к «первой волне» новоиндустриальных стран, продемонстрировала свой подход к решению проблем отсталости, бедности и социального неравенства. Наряду с применением общепризнанных аксиом, указывающих путь к достижению экономического подъема, РК, сталкиваясь с решением задач, связанных с особенностями развития страны, с успехом разработала свои методы национального возрождения. Южная Корея, являясь неотъемлемой частью Корейского полуострова, и сегодня остается включенной в орбиту геополитических интересов, которые не могут не оказывать важное влияние на ход ее экономического развития.

Ключевые слова: Республика Корея, импортозамещение, экспортная ориентация, экономическая модель, мировая экономика.

Республика Корея уже давно прочно обосновалась среди развитых государств мира. Ее опыт с успехом подтвердил, что страна, небольшая по площади, испытывающая дефицит природных ресурсов, пережившая период жестокой колонизации Японией, освобождение и разрушительную гражданскую войну, ряд экономических и политических кризисов, может за сравнительно короткий период (50—60

лет) превратиться из отсталой аграрной экономики в конкурентоспособную, технологически продвинутую страну. Не вызывает сомнения тот факт, что современная РК смогла создать в целом эффективную модель экономического роста, опирающегося не только на увеличение масштабов труда и капитала, но и на растущую отдачу от их применения.

Однако до сих пор модель экономической модернизации РК не получила своего точного определения. Ее относят к так называемой новоиндустриальной, но ведь это весьма общее понятие, которое включает в себя большое количество разновидностей с учетом страновых особенностей и исторического развития входящих в эту категорию развивающихся экономик. Республика Корея, став привлекательным для многих развивающихся стран примером быстрого в исторической практике экономического и социального подъема, обладает рядом весьма специфических черт и особенностей в развитии, что в целом дает основание для выделения ее в особый ареал моделей новоиндустриальных стран.

В первую очередь, это ее принадлежность к странам с разделенной исторической судьбой. Этот факт оказывает первостепенное и многостороннее влияние на развитие южнокорейского государства на протяжении всего прошлого и современного периода. Многоплановая значимость влияния этого фактора простирается от самого возникновения южнокорейского государства до результативности его экономических реформ модернизации и утверждения в статусе промышленно развитой страны в мировой экономике.

Фактор разделенной страны тесно связан с геополитической значимостью Южной Кореи и интересами всех заинтересованных сторон. Эта заинтересованность обеспечила РК не только «ядерным зонтиком», но и поступлением необходимых материальных и финансовых средств, а также более льготными условиями доступа на мировой рынок и финансовые площадки.

Не менее важную роль сыграли и внутренние факторы, значение которых по мере развития страны возрастало. Речь идет о всеобъемлющей роли государства в экономическом подъеме страны.

Южнокорейский автор Ли Гын в своей книге «Догоняющее экономическое развитие и технологический прорыв: путь к развитию и макроэкономической стабильности в Республике Корея»¹ эффек-

тивное государственное регулирование экономических процессов выделяет в качестве ключевого фактора развития, при этом особо отмечает важность взаимовыгодных отношений государства и крупного бизнеса в реализации государственных стратегий.

Наиболее характерные особенности экономической модернизации РК нашли отражение и в работах российских экономистов². В них представлен глубокий и всесторонний анализ факторов форсированной индустриализации, свидетельствующий о закономерности экономического подъема РК, достигнутого за счет промышленного и научно-технического прогресса в условиях либерализации рынков и усиления роли внешнеэкономических факторов. Однако на современном этапе развития страны внешнеэкономические связи стали основными причинами замедления темпов ее экономического роста, вызвав высокую зависимость южнокорейской экономики от колебаний конъюнктуры мирового рынка³. Из новых исследований по этой проблематике следует отметить кандидатские диссертации Е.А. Колотыриной «Национальные инновационные системы в условиях нарастания неопределенности мировой экономики. Опыт Республики Корея» (М., 2018) и А.А. Горожанкиной «Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960—2010-е годы)» (М., 2019)⁴, в которых дан обстоятельный анализ текущего состояния и перспектив экономического развития южнокорейской экономики.

Основные этапы модернизации экономики Республики Корея (1960—2010-е годы)

Среди главных факторов, способствовавших устойчивому и стремительному экономическому развитию РК в 1960—2019 гг., выступает реализация государством системных стратегий развития, направленных на повышение конкурентоспособности южнокорейской экономики. В соответствии с применяемой стратегией экономического развития можно условно выделить три основных этапа: *первый* — импортозамещения (1945 — начало 1960-х годов), *второй* — экспортоориентированной индустриализации (1966—

1980-е годы), *третий* — смешанной стратегии импортозамещения и экспортной экспансии (1990 — наст. время). Рассмотрим теперь особенности и значимость каждого из этапов индустриализации и социально-экономического развития РК.

Этап импортозамещения (1945 — начало 1960-х годов) стал серьезной подготовкой для последующего взлета южнокорейской экономики. В эти годы Южная Корея при всесторонней, включая военную, поддержке США смогла провести необходимые реформы деколонизации и создания институтов государственной власти, пережить Корейскую войну и восстановление разрушенной и разделенной экономики, начать структурные реформы по ее модернизации, заложить основы преобразования общества.

Во второй половине 1950-х по начало 1960-х годов основная задача, которую ставило южнокорейское руководство, — это стабилизировать экономику, снизить инфляцию и чрезмерную зависимость от импорта, создать предпосылки для роста, заложить основы для создания отраслей промышленности, которые впоследствии станут фундаментом экономики, выйти на рынок с товарами легкой промышленности, создать и нарастить золото-валютные резервы, необходимые для решения задач индустриализации. Придерживаясь стратегии импортозамещения, руководство РК с целью защиты внутреннего рынка применяло импортные тарифы, квотирование, лицензирование и некоторые формы валютного контроля. Для создания собственного конкурентоспособного производства государство стремилось регулировать поступающий по разным каналам приток иностранной помощи и капитала, направляя его в первую очередь в приоритетные отрасли.

В 1960—1980-е годы внешние источники финансирования были особо значимы для экономического развития РК. Весомой поддержкой в проведении масштабной индустриализации стала американская помощь. Всего за период 1945—1975 гг. общая её сумма составила 16 млрд долл., включая 5,8 млрд в качестве экономической помощи и 7 млрд в качестве военной помощи⁵. США с самого начала индустриализации обеспечили постоянно растущий спрос на южнокорейскую продукцию, открыв свой ёмкий рынок для ее сбыта, что стало немаловажной поддержкой впоследствии для реализации экспортоориентированного развития Республики Корея.

Существенную финансовую поддержку Республике Корея оказала Япония, выплатив в 1965 г. компенсацию за годы колонизации в размере 300 млн долл. и предоставив долгосрочный кредит на сумму 200 млн долл под льготный процент — 3,5 % годовых⁶. Помимо этого, включив Республику Корея в программу помощи развитию, Япония предоставляла Сеулу иеновые займы для закупки японских промышленных товаров, что было немаловажным в преодолении Кореей технологической отсталости. Впоследствии источниками масштабного заимствования РК стали международные кредиты, которые почти на 50 % удовлетворяли потребности страны в инвестиционных ресурсах для развития тяжелой и химической промышленности.

Со второй половины 1960-х годов в РК курс на импортозамещение сменился доминированием экспортной ориентации. Осуществлению перехода сначала на модель экстенсивно-интенсивного, а затем интенсивного экономического роста способствовал ряд взаимосвязанных внутренних и внешних факторов, среди которых исчерпание небогатых внутренних природных и материальных ресурсов для импортозамещения, их недостаточность для быстрого подъема и возникшая для РК в ходе глобализации мировой экономики возможность использовать внешние факторы развития.

Важная роль в экспортоориентированной стратегии отводилась частному бизнесу. Стимулируя рост экспортного потенциала, РК с середины 1960-х годов предоставляла преференции (налоговые льготы, льготные кредиты, снижение или снятие тарифов на товары производственного назначения) компаниям, успешно выполнявшим государственные планы по объемам экспорта и его товарной структуре.

Однако РК не удалось полностью избежать кризисных явлений в экономике. Масштабная в финансовом плане экспортоориентированная политика делала ее уязвимой к внешним шокам и кризисам. Так, основной причиной кризиса 1980 г. в РК стал рост цен на нефть на мировом рынке.

С конца 1980-х годов руководством страны была проведена корректировка на параллельное развитие отраслей экспортного сектора и сектора, обеспечивающего внутренние потребности. Этого потребовали изменения мирового рынка, показавшие снижение конку-

рентоспособности южнокорейских товаров легкой промышленности ввиду роста предложения более дешевых товаров, производимых в странах Юго-Восточной Азии и Китае, и целесообразность форсированного перехода РК к развитию отраслей тяжелой и химической промышленности для создания конкурентоспособного сбалансированного промышленного комплекса.

В 1990-е годы при правительствах Ро Дэ У и Ким Ен Сама переход к демократизации общества и экономической либерализации привел к нерегулируемому монопольному господству чеболей и многократному росту их задолженности на фоне роста процентных ставок и заработной платы. Результатом стал быстрый рост внешней задолженности страны, главным образом корпоративного сектора, который совместно с другими накопившимися проблемами нескорректированного догоняющего развития привел экономику РК в декабре 1997 г. к дефолту. Чрезвычайная уязвимость южнокорейской модели, выявившаяся в ходе Азиатского финансового кризиса (1997—1999), послужила хорошим уроком, а преодоление ее потребовало от руководства в лице президента страны Ким Дэ Чжуня проведения ряда тяжелых, но необходимых реформ практически во всех секторах, затрагивающих экономическое и социальное развитие РК. Благодаря своевременному проведению при финансовой поддержке и контроле со стороны МВФ системных реформ (финансовой, банковской, корпоративной систем, государственного управления и трудового рынка) РК сравнительно быстро справилась с тяжелыми последствиями азиатского кризиса. Спустя почти десятилетие Южная Корея выстояла перед вызовами другого мирового финансового кризиса 2008—2009 гг., в том числе благодаря предпринятым ранее антикризисным мерам.

Выйдя в 1990-е годы на траекторию постиндустриального развития, государство стало постепенно сокращать свое присутствие в экономике страны. Ушла в прошлое и его важная роль в стратегическом руководстве построения конкурентоспособной экономики РК, которая реализовывалась, в частности, в разработке и претворении индикативного экономического планирования (пятилетние планы экономического развития (1962—1996), составленные южнокорейскими экспертами из Совета экономического планирования при со-

действии специалистов Всемирного банка и других международных аналитических организаций).

В настоящее время среди важнейших приоритетных направлений государственной политики страны остается содействие развитию научных технологий. В РК создавались условия для адаптации заимствованных технологий и развития собственных НИОКР: повышалась защита интеллектуальной собственности, запускались государственные программы по инвестициям в НИОКР. С 1980-х годов для реализации крупных высокотехнологичных проектов создавались государственно-частные консорциумы, которые, отличаясь слаженным механизмом взаимодействия участников, способствовали развитию прорывных технологий в сферах мобильной связи и цифрового телевидения РК.

Исчерпание ряда благоприятных факторов экономического роста РК в 2000—2019 гг.

На фоне впечатляющего прогресса в экономическом развитии РК в целом за период с 1960 годов опасения у экспертов вызывает хроническое замедление темпов её экономического роста в 2000-е годы. Это отражается в снижении динамики среднегодовых темпов прироста ВВП РК более чем вдвое по сравнению с периодом 1980—2000 гг. В приросте ВВП преобладающая доля принадлежит вкладу внешнего сектора экономики (до 4/5 в 2000—2018 гг.) при масштабном наращивании доли высокотехнологичной продукции в структуре экспорта. Обозначились и обострились внутренние проблемы развития. Рост производительности труда резко тормозится обострившейся проблемой старения населения. Доля населения в возрасте свыше 65 лет выросла в 5 раз в 1960—2018 гг., составив 14 % к концу периода. Годовые темпы прироста демографического дивиденда⁷ снизились в 8 раз с 0,7—0,8 % в 1960—2000 гг. до 0,1 % в 2000—2018 гг. Динамика данных показателей, вызванная в значительной мере ростом качества жизни и снижением уровня рождаемости, обостряет проблемы социального обеспечения пожилых граждан, роста нагрузки на работающее население. Ситуация осложнена незанятостью на рынке труда существенной доли высокообразованных групп населения. При этом средний уровень доходов корейцев

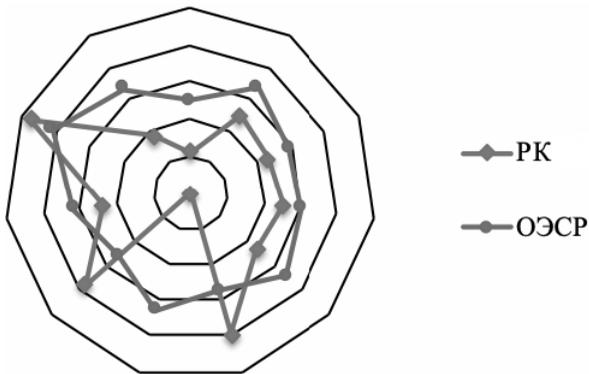

Рис. 1. Показатели благополучия корейского общества (от 0 до 10).

Источник: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук А.А. Горожанкиной «Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960—2010-е годы)» (М., 2019).

пока уступает развитым странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и, судя по высокой задолженности домохозяйств (179 % от их доходов), является ниже уровня потребления в РК (рис. 1).

Как социально-экономическое последствие масштабной индустриализации еще острее проявляется экологическая проблема. К 2017 г. РК поднялась до 6-го места по объему выбросов углекислого газа на душу населения и стала 5-й страной ОЭСР по объему выбросов парниковых газов. Снижение уровня загрязнения окружающей среды в РК сдерживают низкие налоги на загрязнение воздуха и воды, даже при том что по развитию экононоваций РК занимает лидерские позиции в мире.

Проблемы интенсивного роста РК и эффективность мер их урегулирования

В связи со значительным истощением эффективности внешних факторов и усилением угроз чрезмерной зависимости от них, в РК возрастает необходимость усиления роли внутренних факторов, свя-

занных с повышением качества госуправления, системы корпоративного бизнеса, администрированием рынка труда, оптимизацией системы образования, отвечающих запросам производства и рыночной экономики.

Анализируя эффективность государственной политики по улучшению институциональной среды, следует отметить качественные изменения в системе образования. Согласно данным Human Development Indicators за 2018 г., по Индексу человеческого развития (ИЧР) РК занимает 22-ю позицию (0,903)⁸ в рейтинге из 189 стран и территорий. Этот показатель в Корею увеличился на 25 % за последние 30 лет и, по данным на 2018 г., превышает среднее значение по странам ОЭСР (0,895) (табл. 1).

Таблица 1. Позиции Республики Корея по Индексу человеческого развития и его составляющим в сравнении с Францией, Японией и средним уровнем стран ОЭСР

	ИЧР	Место в рейтинге по ИЧР	Предполагаемая продолжительность жизни при рождении	Ожидаемое число лет обучения	Среднее число лет обучения	ВНД на д.н. (ППС долл.)
Республика Корея	0,903	22	82,4	16,5	12,1	35 945
Франция	0,901	24	82,7	16,4	11,5	39 254
Япония	0,909	19	83,9	15,2	12,8	38 986
ОЭСР	0,895		80,6	16,2	12,0	39 595

Составлено по данным: Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update. Briefing note for countries on the 2018 Statistical Update Korea Republic of // United Nations Development Programme. New York, 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/all/themes/hdr_theme/country-notes/KOR.pdf (дата обращения 27.02.2019).

В качестве сдерживающих факторов роста эффективности корпоративного сектора отмечается высокая коррумпированность, неравные гендерные возможности, неэффективное трудовое законодательство, предполагающее большой размер пособий по увольнению и сдерживающее инициативу работодателей увольнять неэффективных работников.

Сдерживающим фактором экономического роста РК и производительности является сравнительно высокий уровень коррупции (по Индексу восприятия коррупции)⁹ 2018 г. РК занимает 45-е место

в рейтинге из 180 стран), несмотря на самую развитую в мире систему «электронного» правительства, созданную для повышения прозрачности государственной политики. Возможностью повышения производительности на стадии преимущественно интенсивного экономического роста обладает малый и средний бизнес, функционирующий в основном в сфере услуг. Для стимулирования роста молодых перспективных фирм государство предоставляет налоговые льготы, создает целевые инвестиционные фонды, фондовые биржи, центры поддержки для молодых предпринимателей.

Выводы

Достижению в сравнительно короткий период времени (1960—2019 гг.) впечатляющего прогресса в экономическом развитии РК способствовало совокупное действие ряда внутренних и внешних факторов. Речь идет о проведении государством масштабной индустриализации по модели экспортоориентированного импортозамещения, опирающейся на крупный частный бизнес при эффективном распределении государством внешней помощи; значительном наращивании капиталовложений и увеличении в нем доли расходов на развитие человеческого капитала, НИОКР; о создании институциональных основ для осуществления устойчивого экономического развития посредством проведения взвешенных системных реформ, направленных на укрепление экономической безопасности страны и повышение ее международной конкурентоспособности.

В 1960—2019 гг. существенно вырос объем ВВП РК, достигнув величины, втрое превысившей среднемировой показатель в расчете на душу населения. Значительно увеличился вклад экспорта в рост ВВП (до 4/5 в 2000—2019 гг.) при масштабном наращивании доли высокотехнологичной продукции в структуре экспорта. Произошли колоссальные сдвиги в структурах производства и занятости при высокой интенсивности перемещения рабочей силы в наиболее производительные отрасли РК. Однако в 2000—2018 гг. отмечается замедление темпов экономического развития, истощаются возможности роста за счет масштабного наращивания экспорта; перемещения рабочей силы в наиболее производительные отрасли; увеличения капиталовложений в физический и человеческий капитал ввиду дос-

тижения этих показателей критически высоких значений. Рост производительности труда ограничен стремительным старением населения, но есть небольшой ресурс за счет увеличения доли занятых женщин и молодежи.

На современном этапе РК по-прежнему обладает высокоэффективной, слаженной системой государственно-частного партнерства.

Государство проводит целенаправленную политику по стимулированию производительности малых и средних предприятий, уделяя особое внимание «молодым» венчурным компаниям, обладающим инновационным потенциалом. Государственные меры также направлены на повышение качества регулирования рынка товаров и услуг, создание здоровой конкурентной среды, повышение роста производительности малого и среднего бизнеса. Согласно комплексному анализу условий ведения бизнеса в РК, ряд государственных мер уже доказал свою эффективность, способствуя подъему страны на 5-е место в рейтинге Doing business 2019.

Начало 2020 г. поставило Республику Корея, как и почти весь мир, перед новым вызовом — пандемией COVID-19. Многие эксперты с пессимизмом смотрят на перспективы южнокорейской экономики в этом году, прогнозируя, что темпы её роста могут упасть ниже 2 %, а в худшем случае — оказаться ниже 1 %. Агентство Standard & Poor's снизило свой прогноз с 2,1 до 1,6 %, поскольку Республика Корея уязвима для сбоя в глобальной цепочке поставок с участием Китая.

Республика Корея уже дважды в прошедшем десятилетии переживала эпидемии (в 2003 г. атипичной пневмонии SARS и в 2015 г. ближневосточного респираторного синдрома MERS, отрицательно повлиявших на её экономический рост). В начале 2020 г. объем выделенных правительством средств на борьбу с коронавирусом уже составил 21 млрд долл. 16 марта 2020 г. Банк Кореи понизил свою учётную ставку на 0,5 % до рекордно низкого уровня 0,75 %. Чрезвычайное снижение учётной ставки Банка Кореи произошло впервые за последние 10 лет вскоре после того, как Федеральная резервная система США снизила ключевую ставку до нулевого уровня¹⁰. Экономика РК, как и другие развитые страны, оказалась перед новым кризисом. Вызов брошен мировому экономическому порядку — всей системе глобальной экономики. И это составляет основную проблему для экономической модели РК, чья эффективность в

наибольшей степени зависит от глобальных производственных цепочек и мирового рынка товаров, услуг, технологий. Удастся ли РК успешно справиться с последствиями COVID-19 для ее экономики, будет напрямую зависеть от выхода из кризиса глобальной экономики и перспектив ее сохранения в условиях доминирующих тенденций «огороживания» своих национальных экономик в мире.

Примечания

¹ Lee Keun. Economic Catch-up and Technological Leapfrogging: the Path to Development and Macroeconomic Stability in Korea. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2016. 392 p.

² Суслина С.С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 1980-х — начало 1990-х гг.). М.: Восточная литература, 1997; Суслина С.С. Трансформация экономической модели Республики Корея в условиях глобализации и регионализации мирового рынка: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.14. М., 2002; Федоровский А.Н. Феномен чэболь: государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Стратегия, 2007; Федоровский А.Н. Эволюция отношений государства и крупного бизнеса в Республике Корея: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.14. М., 2008; Федоровский А.Н. Республика Корея: опыт поставторитарной модернизации. М.: ИМЭМО РАН, 2017; Толорая Г.Д. Проблемы становления южнокорейской экономической модели и ее трансформации на пороге XXI века: дис. ... докт. экон. наук. М., 1993; Толорая Г.Д. Южнокорейская модернизация: опыт для России // Восточная и Юго-Восточная Азия-2010: сотрудничество с Россией, модели развития. М.: Изд-во ИЭ РАН, 2010. С. 181—198; Коргун И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950—2011 гг.): монография / И.А. Коргун, Л.В. Попова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011.

³ Суслина С.С. Экономика Южной Кореи в поисках сбалансированного роста // Корейский полуостров в эпоху перемен: коллективная монография. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 176—187.

⁴ Колотырина Е.А. Национальные инновационные системы в условиях нарастания неопределенности мировой экономики. Опыт Республики Корея: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 2018. Горожанкина А.А. Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960—2010 годы): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: 2019.

⁵ Коргун И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950—2011 гг.): монография / И.А. Коргун, Л.В. Попова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 25.

⁶ Коргун И.А., Попова Л.В. Там же. С. 61.

⁷ *Lee Keun*. How can Korea be a Role model for Catch-up development? Seoul, United Nation University. World Institute for Development Economic Research, 2009.

⁸ Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update. Briefing note for countries on the 2018 Statistical Update Korea Republic of United Nations Development Programme. New York, 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/all/themes/hdr_theme/country-notes/KOR.pdf (дата обращения: 27.02.2019).

⁹ Индекс восприятия коррупции — показатель уровня коррупции, составленный неправительственной организацией Transparency International для 180 стран на основе оценок независимых международных финансовых и правозащитных экспертов. Показатель имеет значение от 0 (максимальное значение коррупции) до 100 (отсутствие коррупции). Рейтинг стран формируется по принципу возрастания уровня коррупции.

¹⁰ Неотложные меры по смягчению влияния вируса COVID-19 на экономику // KBS News. 02.03.2020.

References

1. Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update. Briefing note for countries on the 2018 Statistical Update Korea Republic of United Nations Development Programme. New York, 2018. Available at: http://hdr.undp.org/sites/all/themes/hdr_theme/country-notes/KOR.pdf (accessed: 27.02.2020).

2. *Kolotyryna E.A.* (2018). Natsionalnye innovatsionnye sistemy v usloviakh narastaniya neopredelennosti mirovoi ekonomiki. Opyt Respubliki Koreya. [National innovation systems under the terms of growing instability of world economy] / dissertation. Moscow (in Russian); *Gorozhankina A.A.* Vnutrennyie I vneshnyie factory perekhoda Respubliki Koreya na model intensivnogo ekonomicheskogo rosta (1960—2010) [Internal and external factors of transmission of the Republic of Korea to the model of intensive economic growth (1960—2010)] / dissertation. Moscow (in Russian).

3. *Korgun I.A., Popova L.V.* (2011) Vneshneekonomichskii factor v razvitii Respubliki Koreya (1950—2011) [External economical factors and development of the Republic of Korea: Collective monograph]. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg's University Publ. P. 25 (in Russian).

4. *Korgun I.A., Popova L.V.* (2011) Vneshneekonomichskii factor v razvitii Respubliki Koreya (1950—2011) [External economical factors and development of the Republic of Korea: Collective monograph]. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg's University Publ. P. 61 (in Russian).

5. *Lee Keun.* (2016). Economic Catch-up and Technological Leapfrogging: the Path to Development and Macroeconomic Stability in Korea. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. 392 p.

6. *Lee Keun. (2009). How can Korea be a Role model for Catch-up development?* Seoul, United Nation University. World Institute for Development Economic Research.

7. *Suslina S.S. (1997). Respublika Koreya na postindustrial'noy stadia razvitiya (konetz 1980-h-nachalo 1990-h gg.)* [Republic of Korea on the industrial stage of development: monograph]. Moscow, Vostochnaya literature Publ. (in Russian); *Suslina S.S. (2002). Transformatsiya ekonomicheskoy modeli Respubliki Koreya v usloviyah globalizatsii i regionalizatsii mirovogo rynka*, [The Transformation of economic model of the Republic of Korea under condition of globalization and regionalization of the world market: monograph], Moscow. (in Russian). *Fedorovsky A.N. (2007) Fenomen chebol: gosudarstvo i krupny biznes v Respublike Koreya*. [Phenomen of chebol: the State and the big Business: monograph]. Moscow (in Russian); *Fedorovsky A.N. (2008) Evolutziya otnoshenii gosudarstva i krupnogo biznesa v Respublike Koreya* [The Evolution of Relations between State and big business: monograph]. Moscow. (in Russian). *Fedorovsky A.N. (2017) Respublika Koreya: opyt post-avtoritarnoi modernizatsii* [Republic of Korea: the Experience of Post-avtoritarien Modernization: monograph]. Moscow (in Russian). *Toloraya G.D. (1993). Problemy stanovleniya yuzhno-koreyskoy ekonomicheskoy modeli i yeyo transformatsii na poroge XXI veka* [The problems of the formation of the South Korean economic model and its transformation on the threshold of the 21st century]. Moscow; *Toloraya G.D. (2010) Yuznokoreyskaya modernizatsiya: opyt dlya Rossii* [The South Korea Modernization: Experience for Russia: monograph]. *Vostochnaya i Yugo-Vostochnaya Aziya-2010: sotrunichestvo s Rossiyey, modeli razvitiya — East and South-East Asia in 2010: development models and cooperation with Russia*. Moscow, IE RAS. Pp. 181—198 (in Russian); *Korgun I.A., Popova L.V. (2011)Vneshneekonomichskii faktor v razvitii Respubliki Koreya (1950—2011)* [External economical factors and development of the Republic of Korea: Collective monograph]. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg's University Publ (in Russian).

8. *Suslina S.S. (2016). Ekonomika Yuznoi Korei: problema sbalansirovannogo rosta* [The South Korea economy: the Problem of Balanced Growth. *Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen — The Korean Peninsula in the Epoch of Changes*. Moscow, IFES RAS (In Russian).

9. Urgent measures to mitigate the impact of the COVID-19 virus on the economy. KBS News. 02.02.2020.

А.Г. Зуева

О ТЕНДЕНЦИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ

В конце XX в. в контексте решения глобальных экологических и социально-экономических проблем появляется концепция устойчивого развития. Новая мировая социально-экономическая концепция требовала иных критериев и индикаторов, поэтому в различных международных организациях идет работа по поиску и усовершенствованию расчетов, определяющих наличие, отсутствие, изменение и перспективы устойчивого развития. В 1990 г. группой экономистов был разработан индекс развития человеческого потенциала. В 2018 г. Республика Корея занимала 22-е место в рейтинге стран по индексу человеческого развития. Так как его стали рассчитывать лишь в конце XX в., основными показателями для определения человеческого развития в период до 1990-х годов в Республике Корея можно считать его составляющие и именно по ним проследить, как изменялась социально-экономическая картина в стране.

Ключевые слова: Южная Корея, устойчивое развитие, индекс человеческого развития, человеческие ресурсы, социально-экономическое развитие.

В конце XX в. в контексте решения глобальных экологических и социально-экономических проблем появляется новая концепция устойчивого развития, которая опирается на идею удовлетворения

потребностей нынешних поколений без ущерба для будущих поколений. Начиная с 90-х годов XX в. и до настоящего времени концепция устойчивого развития видоизменялась и дополнялась новыми направлениями работы и целями, однако на всем протяжении существования концепции одним из основополагающих её элементов считалось развитие человеческого капитала, наравне с проблемами сохранения экологии и становления инновационной экономики без вреда для окружающей среды.

В свете новой концепции ВВП как основной макроэкономический показатель измерения экономического развития теряет свои позиции в силу того, что не может в полной мере отражать современные изменения социально-экономических реалий в мире. К тому же рост ВВП не всегда отражает позитивные тенденции в экономике. Новая мировая социально-экономическая концепция требовала иных критериев и индикаторов, поэтому начиная с конца 1980-х и до настоящего времени в различных международных организациях идет работа по поиску и усовершенствованию расчетов, определяющих наличие, отсутствие, изменение и перспективы устойчивого развития¹.

В 1990 г. ПРООН опубликовала первый доклад, в котором было сформулировано понятие человеческого развития, ставшее основой для концепции человеческого потенциала как части концепции устойчивого развития. Также в этом году группой экономистов был разработан индекс развития человеческого потенциала. С 2013 г., получив название индекс человеческого развития (ИЧР), этот показатель объединил в себе следующие параметры: индекс валового национального дохода на душу населения, индекс ожидаемой продолжительности жизни и индекс образования. Однако за тридцатилетнюю историю существования ИЧР формула расчета была не раз изменена, а именно до 2007 г. основным экономическим показателем было ВВП, затем ВВП по паритету покупательной способности и только после 2011 г. в формулу ввели такой показатель, как ВНД по паритету покупательной способности².

В 2018 г. Республика Корея занимала 22-е место в рейтинге стран по индексу человеческого развития, в очередной раз продемонстрировав высокий уровень жизни своих граждан³. Однако такой успешный показатель является результатом деятельности южнокорейской

нации ни одно десятилетие. Официальная статистика по ИЧР появилась только в 90-х годах XX в., поэтому для понимания причин роста показателей человеческого потенциала в Республике Корея в работе будут рассмотрены данные в рамках ИЧР с 1945 по 2020 г., а также политика южнокорейского правительства, оказавшая влияние на изменение социально-экономической ситуации в стране.

Первым этапом на пути к современным показателям ИЧР можно обозначить временной промежуток с 1945 по 1961 г.: время освобождения от японской оккупации, становление государственности, период Корейской войны, а также начало экономического роста. Отметим, что в период с 1954 по 1961 г. экономическая ситуация в Южной Корее постепенно улучшалась. Темпы роста ВВП составили около 4,1 %, хотя доход на душу населения увеличивался только на 0,8 % каждый год из-за быстрого прироста населения. Экономический подъем в этот период был в значительной степени обусловлен крупной иностранной помощью, которая поставляла большую часть сырья и товаров для южнокорейской экономики. Было подсчитано, что в период с 1953 по 1960 г. иностранная финансовая помощь составила более 70 % от общего объема импорта⁴.

За обозначенный период с 1945 по 1961 г. демографическая ситуация в Республике Корея неоднократно подвергалась изменениям. Вторая мировая война, эпидемии, Корейская война не могли не сказаться на средней продолжительности жизни граждан. К сожалению, точные статистические данные появляются лишь в 70-х годах благодаря переписи населения, а до этого момента южнокорейские исследователи использовали методы демографического анализа и другие источники. Приводятся следующие данные: в период с 1940 по 1950 г. средняя продолжительность жизни составляла 37—40 лет. Изменения с положительной динамикой в этих показателях происходят на временном отрезке с 1955 по 1960 г., тогда продолжительность жизни увеличилась на 6—8 лет⁵.

В 1945 г. уровень безграмотности южнокорейского населения составлял 78 %. В 1949 г. был принят закон о базовом образовании, позднее в 60-х годах были приняты реформы, предусматривающие обязательное образование для детей младшей и средней школы⁶. Одной из уникальных особенностей образования в РК в этот сложный период является то, что число учащихся в школах росло не по-

степенно, а увеличивалось скачкообразно. Первое значительное увеличение произошло в 1946 г., сразу после освобождения от японской оккупации, когда число учащихся в начальной школе возросло с 1,4 млн до 2,2 млн человек, а число учащихся в средней школе увеличилось с 8 тыс. до 13 тыс. человек. Такой высокий рост числа учащихся не имел аналогов в истории РК⁷. В период с 1945 по 1961 г. социально-экономическое положение Республики Корея менялось неустойчиво из-за влияния внешних и внутренних факторов. На этом временном отрезке еще сложно говорить о самостоятельном экономическом успехе, во многом рост определялся финансовой помощью зарубежных стран, однако ситуация с тем, что образование становилось общедоступным, закладывала фундамент для будущих поколений. Во многом именно позиция государства к обязательно обучению своих граждан дала такие высокие результаты социально-экономического роста в будущем.

На следующем этапе с 1962 г. по 1979 г. основными драйверами развития южнокорейской экономики стали тяжелая промышленность и выход на экспортоориентированную модель экономики. Темпы роста ВВП в среднем составляли 8,7 %. Структурные изменения и быстрый рост экономики во многом были обусловлены индустриализацией, ориентированной на экспорт. В течение периода с 1962 по 1973 г. реальная стоимость всего экспорта увеличивалась на 30 % в год. В начале 1960-х годов основное развитие было сконцентрировано на отрасли легкой промышленности, а в 1970-х вектор сместился на машиностроение, судостроение и химическую промышленность⁸.

Реформы среднего образования дали свои результаты, и в начале 1960-х годов уровень взрослого населения, получившего начальное образование, составил 56 %, а около 20 % жителей получили среднее образование⁹. Далее, во время президентства Пак Чон Хи, число получивших среднее образование увеличилось с 35,1 % в 1966 г. до 40,8 % четыре года спустя¹⁰.

По результатам переписи населения в период с 1965 по 1970 г. средняя продолжительность жизни увеличилась до 54 лет. Такие изменения произошли благодаря экономическому росту, вследствие чего выросло качество медицинской помощи, была введена практика прививок и профилактика болезней¹¹.

На период с 1980 по 1992 г. пришлось не только продолжение активного роста экономики, но и нефтяной экономической кризис, случившийся в 1980 г., вследствие которого впервые после начала реформ прирост ВВП стал отрицательным и составил $-1,7\%$ (табл. 1)¹². Это привело к инфляции и сокращению роста ВВП в последующие годы. Правительством был разработан ряд мер по либерализации экономики: уделялось внимание налоговой реформе, приватизации, также планировалось оказать поддержку развитию человеческого капитала. В 1980 г. Южная Корея тратила около 13% своего ВВП на образование. Уровень образования не ниже среднего у населения старше 25 лет составлял $45,5\%$. Ожидаемая продолжительность жизни составляла уже 66 лет¹³.

Таблица 1. Динамика ВВП Южной Кореи с 1961 по 1990 год¹⁴

	1961	1970	1979	1980	1990
ВВП, млрд долл.	2,418	8,999	66,568	64,981	279,469
Рост ВВП, %	6,9	10	8,6	-1,7	9,8

Источник: The World Bank GDP growth (annual %) and GDP Korea Rep. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=KR&start=1961> (дата обращения: 20.03.2020).

Принятый в 1982 Закон о социальном образовании предоставил каждому гражданину возможность обучаться на протяжении всей жизни. Политика в этой области под руководством президента Чон Ду Хвана основывалась на конституционной поправке, призванной обеспечить разнообразие возможностей для образования и его демократизации, реформы проводились под лозунгом «Инновации в образовании».

В период с 1983 по 1992 г. меры, принятые правительством в кризисный и посткризисный период, были эффективны, в результате до 1997 г. Южная Корея переживала экономический скачок, темпы роста ВВП были высоки и составляли около 9% ежегодно¹⁵. В свою очередь Чон Ду Хван продолжил начатый президентом Пак Чон Хи экономический курс.

В 1990 г. ИЧР впервые появляется в докладе ПРООН, посвященном человеческому развитию в мире. В этом году данные для РК

были следующими: ИЧР составил 0,728 (рис. 1), предполагаемая продолжительность жизни — 71,6 года, уровень образования не ниже среднего у граждан старше 25 лет — 67,3 %¹⁶. В данной исторической точке видно, как увеличился уровень жизни южнокорейских граждан в результате политики правительства в области экономики и человеческого развития. Каждый из отдельно взятых показателей продемонстрировал устойчивый рост или возвращение к нему после этапа кризиса.

С приходом к власти президента Ким Ён Сама в Южной Корее произошла демократизация не только политической сферы, но и социально-экономической, хоть результаты этих реформ и считаются спорными, так как на финал президентского срока пришелся очередной этап спада в экономике, вызванный мировым финансовым кризисом 1997 г.

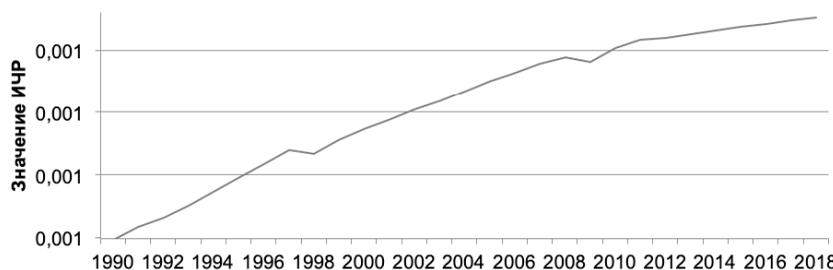

Рис. 1. Индекс человеческого развития Республики Корея с 1990 по 2018 г.¹⁷
Источник: United Nations development programme. Human development reports. Human Development Data (1990—2018) URL:<http://hdr.undp.org/en/data#>

Одним из успехов экономической политики президента Ким Ён Сама можно выделить то, что в 1995 г. Республика Корея стала членом Всемирной торговой организации. В области образования президент РК продолжал придерживаться курса на либерализацию, проводимую и в экономической сфере. Глобализационные процессы требовали совершенствования системы образования, векторы сместились на ИТ-сферу, которая в будущем должна была стать одним из драйверов экономики. Поэтому реформы были направлены на стимулирование студенческого потенциала, творчества и личности. Внедрялся либеральный подход к образованию, строящийся на

основе получения информации без временных и пространственных ограничений.

В 1997 г. разразившийся финансовый кризис, являвшийся следствием спекулятивной волны нападений на валюты Юго-Восточной Азии и в том числе на южнокорейскую вону, пошатнул и без того неустойчивое положение всего южнокорейского бизнеса. Иностраный долг банков в июне 1997 г. достигал 24 % ВВП. В период с ноября 1997 г. по 8 января 1998 г. южнокорейская вона обесценилась на 96 % по отношению к доллару США¹⁸. К началу кризиса южнокорейские финансово-промышленные группы (ФПГ) накопили большой объем задолженностей и семь из тридцати южнокорейских промышленных конгломератов были признаны банкротами.¹⁹ Финансовая несостоятельность ФПГ повлекла за собой волну разорения малого и среднего бизнеса, во многом зависящую от чеболей в виду субподрядных отношений.

Противостоять финансовому кризису и банкротству крупных компаний предстояло новому правительству под руководством президента Ким Дэ Чжуна. Южная Корея была вынуждена обратиться за помощью к МВФ и в дальнейшем при принятии решений по стабилизации экономической ситуации опираться на рекомендации фонда. Были проведены реформы в финансовой и промышленной сферах. В частности, для работы с промышленными конгломератами был выбран подход «крупных сделок», когда более слабые предприятия поглощались более сильными, тем самым решая проблему финансовой несостоятельности первых. Была проведена реформа рынка труда, переход к более гибкой системе трудовых отношений в отличие от существующей на тот момент пожизненной системы найма, когда за работником сохранялось его место до выхода на пенсию и он не мог быть уволен. Во многом именно реализацией этой реформы объясняется высокая безработица в 1998 г., составлявшая 7 %²⁰. Для стабилизации ситуации на рынке труда был создан Трёхсторонний комитет, в который вошли представители правительства, рабочих и работодателей. Благодаря деятельности комитета удалось достигнуть соглашений в отношении сокращений и временной занятости.

Реформы образования, подчиненные задачам обеспечения устойчивого развития, ориентировались на переход от промышленного к

наукоемкому обществу. Произошли структурные преобразования министерства образования и программы развития человеческих ресурсов. Была проведена реформа школьной программы, разработана поддержка региональных университетов и аспирантур, содействие объединению усилий бизнеса и университетов для работы над научными открытиями и внедрением их в производство. Уровень образования не ниже среднего у жителей старше 25 лет на 2000 г. охватил уже 77 % населения. Среднее количество лет обучения в школе в Южной Корее выросло с 4,98 в 1960 г. до 11,00 в 1990 г. и 12,3 г. в 2000 г.²¹

Средняя продолжительность жизни увеличивалась, у женщин она достигла по состоянию на 2001 г. 80,0 лет, что почти на 0,8 года больше, чем в 1999 г. Аналогичный показатель у мужчин вырос за тот же период на 1,13 года, достигнув 72,8 года. В целом же средняя продолжительность жизни граждан Южной Кореи составляла 76,5 лет. Среди причин того, почему граждане Республики Корея стали жить дольше, выделяли улучшение условий жизни людей и системы здравоохранения²².

Между двумя кризисами 1997 г. и 2008 г. экономика Республики Корея продемонстрировала стабильные показатели роста ВВП в среднем около 4,5 %²³. Президент РК Но Му Хён продолжил курс по либерализации экономики и системы образования. Министерство образования упростило открытие новых частных учебных заведений, также позволив не ограничивать места для поступающих абитуриентов в негосударственные университеты. Южнокорейские вузы были ориентированы на увеличение конкурентоспособности образования на международном уровне. Однако политика президента подвергалась критике за то, что затраты на обучение полностью легли на южнокорейские семьи, а само образование стало обычной потребительской услугой.

Пришедший к власти в 2008 г. президент Ли Мён Бак делал амбициозные заявления о новых социально-экономических реформах, которые должны были вывести уровень жизни в стране на новую высоту. Однако в действительности темпы роста не только не удалось увеличить, но даже сохранить в силу различных внешних и внутренних факторов того времени. Тем не менее страна довольно быстро справилась с последствиями глобального экономического

кризиса, случившегося в 2008 г. В среднем рост ВВП за время президентства Ли Мён Бака составлял 3,2 %.

Президент Пак Кын Хе обещала исправить сложившуюся ситуацию в стране в ходе своего срока, делая упор не только на внешне-экономическое направление, но сделав приоритетной и социальную сферу. Также были выдвинуты обещания начать «эру второго экономического чуда», продолжая дела своего отца бывшего президента Пак Чон Хи. К сожалению, президент Пак не справилась с этими предвыборными обещаниями, среди прочего не была реализована инициатива по уменьшению затрат на обучение для южнокорейских граждан. Реформы в сфере высшего образования были продиктованы наступающим демографическим коллапсом, когда количество учебных мест должно было стать бóльшим, чем спрос на эти места. Сокращения произошли в гуманитарной сфере, чем вызвали возмущение в университетской среде не только у студентов, но и у преподавательского состава²⁴.

Занявший пост президента РК в 2017 г. Мун Чжэ Ин получил в наследство все нерешенные социально-экономические проблемы своего предшественника. В своей предвыборной программе он обещал вернуть высокие темпы экономического роста, решить проблему безработицы среди молодежи, создав миллион новых рабочих мест, решить демографическую проблему, увеличив рождаемость в стране, провести реформу здравоохранения. В свою очередь, решения, принимаемые для реализации этих планов, сложно назвать успешными. В частности, одним из первых решений было сокращение продолжительности рабочей недели с 68 до 52 часов. Такая мера должна была поспособствовать улучшению климата в семьях и как следствие поднять рождаемость, но в результате из-за особенностей почасовой оплаты труда большинство сотрудников компаний потеряли крупные прибавки к зарплате²⁵. В течение двух последних лет производилось увеличение минимальной оплаты труда, это, с одной стороны, помогло малоимущим слоям населения, но, с другой — поставило в трудную ситуацию владельцев малого бизнеса.

Начиная с 2000 г. и до настоящего времени ИЧР Республики Корея вырос с 0,81 до 0,9²⁶. Наблюдая динамику его роста, нельзя не отметить, что на кризисных этапах индекс не только замедлял рост, но и демонстрировал существенное снижение. Однако, на наш

взгляд, до 2008 г. руководство Южной Кореи находило грамотные решения для стабилизации и дальнейшего устойчивого роста экономики: ставка на развитие человеческого капитала в истории РК продемонстрировала свою эффективность, особенно в кризисные и посткризисные этапы. К сожалению, государственная социальная политика, реализуемая в течение последних 12 лет, оказалась низкоэффективной, и в настоящее время правительству РК не хватает таких же успешных мер по реформированию социальной сферы, которые были реализованы ранее. Тем не менее на данный момент социальная обстановка в Южной Корее ждет перемен, которые ей необходимы в силу наступающего демографического кризиса, оказывающего свое негативное влияние на остальные сферы жизни южнокорейского общества. Более того, нарастающий кризис, охвативший многие страны в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, на наш взгляд, станет, с одной стороны, новым вызовом для правительства РК, а с другой — очередным толчком для роста и диверсификации южнокорейской экономики.

Примечания

¹ Макаров И. Устойчивое развитие: как победить бедность и сохранить природные ресурсы. // Постнаука. 14.02.2017. URL: <https://postnauka.ru/faq/72761> (дата обращения: 10.01.2020).

² Глухова З.В., Куклина Е.С. Человеческий капитал и человеческий потенциал: подходы к оценке // *Вестник СибАДИ*, выпуск 2(30), 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-chelovecheskiy-potencial-podhody-k-otsenke/viewer> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Human Development Data (1990—2018) // *UN Development Program*. URL: <http://hdr.undp.org/en/data#> (accessed: 12.02.2020).

⁴ Lee, Jong-Wha. Economic Growth and Human Development in the Republic of Korea, 1945—1992. // *UN Development Program*. 1997. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/economic-growth-and-human-development-republic-korea-1945—1992> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Ким Г.Н. Демографические процессы в Республике Корея и предпосылки эмиграции // *Вестник КазНУ*. Серия Востоковедение. № 3 (32), 2006. С. 43—48 URL: https://www.academia.edu/3441405/._2006_3_32_%D1%81._43—48 (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Cultural, Philosophical, and Historical Influences in Education // Education in South Korea. Diversity and Access to Education. URL: <http://sites.miiis.edu/southkorea/education/cultural-influences/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁷ Lee, Jong-Wha. Economic Growth and Human Development in the Republic of Korea, 1945—1992 // *UN Development Program*. 1997. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/economic-growth-and-human-development-republic-korea-1945—1992> (дата обращения: 21.02.2020).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Yoon, K. The Change and Structure of Korean Education Policy in History // *Italian Journal of Sociology of Education*. Vol. 6(2), 2014. Pp. 173—200. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4871/e9ee1780d507а6ааb78fс6f42341e746283a.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).

¹¹ Ким Г.Н. Указ. соч. (дата обращения: 22.02.2020).

¹² The World Bank GDP growth (annual %) and GDP Korea Rep. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=KR&start=1961> (дата обращения: 28.02.2020).

¹³ Республика Корея: успехи и проблемы развития // *Бюллетень о текущих тенденциях в мировой экономике*. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Апрель 2019. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21953.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).

¹⁴ The World Bank GDP growth (annual %) and GDP Korea Rep... (дата обращения: 12.04.2020)

¹⁵ Чон Ду Хван // ТАСС. Энциклопедия. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/chon-du-hvan> (дата обращения: 28.02.2020).

¹⁶ Республика Корея: успехи и проблемы развития // *Бюллетень о текущих тенденциях в мировой экономике*. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Апрель 2019. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21953.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).

¹⁷ Human Development Data (1990—2018) // UN Development program. URL: <http://hdr.undp.org/en/data#> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁸ Бочарникова М.В. Либерализация экономики Южной Кореи по американским стандартам в 1990-е гг. и влияние на неё азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2017. № 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-ekonomiki-yuzhno-y-korei-po-amerikanskim-standartam-v-1990-e-gg-i-vliyanie-na-neyo-aziatskogo-finansovogo-krizisa-1997-1998> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁹ Республика Корея: успехи и проблемы развития... (дата обращения: 26.02.2020).

²⁰ *Кукла М.П.* Экономика Республики Корея в начале 2000-х гг.: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. URL: <http://ifl.wl.dvfu.ru/category/publications/oriental-and-area-studies> (дата обращения: 12.04.2020).

²¹ *Рязанова А.Н.* Государственная политика в отношении человеческого потенциала как фактора успешного технологического развития Южной Кореи // Вестник Томского государственного университета. 2912. № 357. С. 96—99. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/357/image/357-096.pdf> (дата обращения: 27.02.2020).

²² *Ким Г.Н.* Указ. соч. (дата обращения: 23.02.2020)

²³ *Кукла М.П.* Указ. соч. (дата обращения: 12.04.2020).

²⁴ *Асмолов К.В.* Импичмент Пак Кын Хе: причины и последствия // РСМД. URL: 16.12.2016 (дата обращения: 01.03.2020).

²⁵ *Варевода С.* Ошибка президента. Почему южнокорейцы так быстро разлюбили своего лидера // ТАСС. 06.09.2018. URL: <https://tass.ru/opinions/5530366> (дата обращения: 12.04.2020).

²⁶ Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018 // *UN Development Program*. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2020).

References

1. *Asmolv K.V.* (2016). Impichment Pak Kyn He: prichiny i posledstviya [Causes and Consequences of impeachment Park Gean-hye]. *Rossiyskij sovet po mezhdunarodnym delam — Russian council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/analytics/impichment-pak-kyn-khe-prichiny-i-posledstviya/> (accessed: 01.03.2020) (in Russian).

2. *Bocharnikova M.V.* (2017). Liberalizatsiya ekonomiki yuzhnoy korei po amerikanskim standartam v 1990-ye gg. I vliyaniye na neyo aziatskogo finansovogo krizisa 1997—1998 gg. [Liberalization of the economy of the South Korea by the U.S.A. standards in the 1990s. The role of the global financial crisis of 1997—1998]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Tomsk State University Journal. History*. № 45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-ekonomik-i-yuzhnoy-korei-po-amerikanskim-standartam-v-1990-e-gg-i-vliyanie-na-neyo-aziatskogo-finansovogo-krizisa-1997—1998> (accessed: 12 April 2020) (in Russian).

3. Chon Du Khwan. *TASS Encyclopedia*. Available at: <https://tass.ru/encyclopedia/person/chon-du-hvan> (accessed: 28.02.2020).
4. Cultural, Philosophical, and Historical Influences in Education. *Education in South Korea. Diversity and Access to Education*. Available at: <http://sites.miiis.edu/southkoreaeducation/cultural-influences/> (accessed: 23.02.2020).
5. *Glukhova E.S. Kuklina E.S.* (2013). Chelovecheskij kapital i chelovecheskij potencial: podhody k ocenke [Approaches to valuation of human capital and human potential]. *Vestnik SibADI — Journal of SibADI*. № 2(30). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskij-kapital-i-chelovecheskij-potentsial-podhod-y-k-otsenke/viewer> (accessed: 20.02.2020) (in Russian).
6. Human Development Data (1990—2018). *UN Development Program*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/data#> (accessed: 12.02.2020).
7. Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update. *UN Development Program*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (accessed: 03.03.2020).
8. *Kim G.N.* (2006). Demograficheskie processy v Respublike Koreya i predposylki emigracii [Demographic processes in the Republic of Korea and the background of emigration]. *Vestnik KazNU. Seriya Vostokovedeniya — Journal of KazNU. Oriental Studies Series*. № 3 (32). P. 43—48. Available at: https://www.academia.edu/3441405/_2006_3_32_%D1%81._43-48 (accessed: 23 February 2020) (in Russian).
9. *Kukla M.P.* (2014). *Ekonomika Respubliki Koreya v nachale 200-kh gg.* [The economy of the Republic of Korea in the early 2000s]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ. Available at: <http://ifl.wl.dvfu.ru/category/publications/oriental-and-area-studies> (accessed: 12 April 2020) (in Russian).
10. *Lee, Jong-Wha.* (1997). Economic Growth and Human Development in the Republic of Korea, 1945—1992. *UN Development Program*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/economic-growth-and-human-development-republic-korea-1945-1992> (accessed: 20.02.2020).
11. *Makarov I.* (2017). Ustojchivoe razvitie: kak pobedit' bednost' i sohranit' prirodnye resursy [Sustainable development. Poverty reductions and conservation natural recourse]. *Postnauka*, Available at: <https://postnauka.ru/faq/72761> (accessed: 10.02.2020) (in Russian).
12. Respublika Koreya: uspekhi i problemy razvitiya [Republic of Korea: successes and development challenges]. *Analiticheskij centr pri pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Byulleten' o tekushchih tendenciyah v mirovoj ekonomike. Aprel' 2019.* [Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Bulletin of current trends in the global economy. April 2019.]. Available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/121953.pdf> (accessed: 27.02.2020) (in Russian).

13. *Ryazanova A.N.* (2012). Gosudarstvennaya politika v otnoshenii chelovecheskogo potentsiala kak faktora uspehnogo tekhnologicheskogo razvitiya Yuzhnoj Korei. [State Policy on Human Potential as a Factor of Successful Technological Development of South Korea]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*. № 354. P. 96—99. Available at: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/357/image/357-096.pdf> (accessed: 01.03.2020) (in Russian).

14. The World Bank GDP growth (annual %) and GDP Korea Rep. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=KR&start=1961> (accessed: 28.02. 2020).

15. *Vorevoda S.* (2018). Oshibka prezidenta. Pochemu yuzhnokoreytsy tak bystro razlyubili svojego lidera? [President's mistake. Why did the South Koreans fall out of love with their president so quickly]. *TASS*. Available at: <https://tass.ru/opinions/5530366>. (accessed: 12 April 2020) (in Russian).

16. *Yoon, K.* (2014). The Change and Structure of Korean Education Policy in History. *Italian Journal of Sociology of Education*. Vol. 6(2). P. 173-200. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/4871/e9ee1780d507a6aab78fc6f42341e746283a.pdf> (accessed: 23.02.2020).

А.Ф. Синякова

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В развитии российско-южнокорейских экономических отношений после установления дипломатических отношений можно выделить несколько основных этапов. Первый, примерно до финансового кризиса конца 1990-х годов, можно назвать периодом взаимных надежд и больших ожиданий. В это время была сформирована основная договорно-правовая база экономического взаимодействия, определены взаимодополняющие сферы экономического сотрудничества, заложена структура дальнейшего торгового-экономического взаимодействия. Второй период продолжался примерно до 2008 г., его отличал достаточно активный рост торгового-инвестиционного взаимодействия и появление крупномасштабных трехсторонних проектов с участием РФ, РК и КНДР. Третий период, продолжающийся до настоящего времени, можно условно назвать продвижением к стратегическому партнерству, он знаменуется планами заключения ССТ в сфере услуг и инвестиций.

Ключевые слова: Республика Корея, экономика, российско-корейские экономические отношения, внешняя торговля, инвестиции, энергетика.

В развитии российско-южнокорейских экономических отношений после установления дипломатических отношений между двумя странами можно выделить несколько основных этапов. Первый из

них, примерно до финансового кризиса конца 1990-х годов, можно назвать периодом взаимных надежд и больших ожиданий. В это время была сформирована основная договорно-правовая база экономического взаимодействия, на российском рынке появляются южнокорейские торговые марки, в первую очередь южнокорейская техника. В этот период страны стремятся найти взаимодополняющие сферы экономического сотрудничества, южнокорейские партнеры демонстрируют явный интерес к российскому Дальнему Востоку. Большинство сделок носит краткосрочный характер. Инвестиционное сотрудничество приводит к взаимному разочарованию: административные издержки, отсутствующие на тот момент гарантии и система страхования инвестиций, отказ от предоставления преференций — всё это приводит к тому, что основной формой сотрудничества становится торговля. На этом же этапе закладывается структура дальнейшего торгово-экономического взаимодействия, в которой российский экспорт будет представлен преимущественно сырьем, а южнокорейский — готовой продукцией. Условно первый период тридцатилетнего экономического взаимодействия завершается азиатским финансовым кризисом.

Начало экономическим контактам с Республикой Корея было положено еще при СССР в конце 1980-х годов в период президентства Ро Дэу и его «северной политики», нацеленной на КНР и Советский Союз. В 1989 г. были взаимно открыты представительство Торгово-промышленной палаты СССР в Сеуле и представительство КОТРА (Корейское агентство содействия торговле и инвестициям) в Москве. Тогда же начали работу представительства корейских корпораций Samsung Co, Ltd. и Lucky-GoldStar International Corp. и др. Уже по итогам 1991 г. их деятельность была оценена как весьма успешная, в частности на долю Samsung Group пришлось около трети всех экспортных поставок в СССР (на сумму 240 млн долл.) в рамках товарного кредита в 800 млн долл.¹, предоставленного РК бывшему СССР по межправительственному соглашению. В 1990—1991 гг. установлено регулярное и прямое морское сообщение Владивосток—Пусан, заключено соглашение об избежании двойного налогообложения, взаимной защите инвестиций, режиме наибольшего благоприятствования, установлены корреспондентские отношения между банками двух стран, обеспечивающими внешнеторговые операции,

учреждена межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В 1992 г. во время официального визита в Сеул президента Ельцина был подписан договор «Об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея». На протяжении 1990-х годов основной формой российско-южнокорейского экономического взаимодействия была двусторонняя торговля. Суммарный объем товарооборота между РФ и РК в период с 1990 по 1996 г. увеличился с 889 млн до 3778 млн долл.², т. е. более чем в 4 раза. Тогда же, в 1990-е годы, сложилась до сих пор сохраняющаяся структура взаимной торговли. Основными статьями российского экспорта и в абсолютном, и в денежном выражении выступали сырьевые товары: топливо и минеральные ресурсы, преимущественно нефть, нефтепродукты, каменный уголь (40 %), металлы и изделия из них, в основном черные металлы, необработанные алюминий и никель, прокат (30 %), продукты химической промышленности (9 %), древесина (преимущественно необработанные лесоматериалы) и целлюлозно-бумажные изделия (около 5 %); экспорт машин и оборудования составлял около 3 %. В российском импорте из Южной Кореи преобладали машины, оборудование, транспортные средства с долей порядка 38 %, продовольствие и сельскохозяйственные товары (28 %), одежда и обувь (около 25 %)³, пластмассовые бытовые изделия, вычислительные машины, телефонные аппараты, нагревательные приборы, насосы, автомобили.

Определенный вклад в формирование подобной структуры российско-корейского товарообмена, когда сырье или товары низкой степени переработки обмениваются на готовую продукцию и технологичные изделия, внес и внешний долг РФ перед РК. Россия как правопреемница СССР унаследовала в том числе и обязательства, кроме того, после установления дипломатических отношений она получила кредит от южнокорейских частных банков под правительственные гарантии в размере порядка 1,5 млрд долл. В течение последующего десятилетия долг частично (около 460 млн долл.) был возвращен поставками военной техники, вертолетов, алюминия, других видов сырья. Вопрос внешнего долга можно отнести к числу проблемных в двусторонней экономической повестке. В 1999 г. президент Ким Дэ Чжун заявил, что российский госдолг составляет 1,8 млрд долл., но с выплатой можно подождать, а в счет долга Юж-

ная Корея готова, как и прежде, получать военную технику и сырье. По состоянию на 2003 г. суммарный объем российского долга перед РК достиг 2,24 млрд долл., 660 млн долл. из этой суммы РК согласилась списать в связи с дефолтом 1998 г. в ответ на обязательства РФ выплачивать оставшуюся сумму долга с надлежащими процентами в течение последующих лет до 2025 г. Примечательно, что частично государственный внешний долг, который коммерческие банки продали правительству РК, был погашен военными технологиями, и Сеул получил дизельные подводные лодки типа «Варшавянка», зенитно-ракетные комплексы С-300, танки Т-80У, боевые машины пехоты БМП-3, переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла», вертолеты Ка-32, самолеты Ил-103 и противотанковые ракетные комплексы «Метис-М»⁴. По состоянию на 2017 г. у России осталась задолженность перед Республикой Корея в размере порядка 300 млн долл.⁵, при этом южнокорейская сторона отказалась от досрочного погашения без кредитной премии, на которую не согласилось российское Министерство финансов. Расчеты по долгу товарными поставками сменились графиком разовых платежей.

Итоги инвестиционного сотрудничества РФ—РК на протяжении 1990-х годов нельзя назвать удовлетворительными. Причиной этого стало и отсутствие на тот момент сформированного инвестиционного климата в России, непрозрачная административная система и сохранявшийся бюрократизм, наличие коррупционной составляющей, еще не состоялось внедрение международных стандартов финансовой отчетности, отсутствовала система страхования и гарантий инвесторов. С южнокорейской стороны была преимущественная заинтересованность в новом и ёмком рынке сбыта и в обширной сырьевой базе как для диверсификации традиционных поставщиков, так и для ценовых выгод. Одновременно обе стороны не имели ясного представления об особенностях ведения бизнеса в стране-контрагенте, о специфике деловой коммуникации, многие потенциально рентабельные проекты в сфере малого и среднего бизнеса не доходили дальше переговорной стадии просто из-за недопонимания между сторонами. Стоимостное выражение запланированных и реализованных проектов у крупнейших южнокорейских корпораций в РФ до конца 1990-х годов отличалось в два раза. В числе нереализованных знаковых проектов можно назвать освоение Ковыктинского га-

зового месторождения и российско-корейский индустриальный комплекс в Находке. Сумма накопленных южнокорейских инвестиций в российской экономике на начало 1999 г. составила 132,3 млн долл.⁶ Период завышенных ожиданий и неоправдавшихся надежд завершился восточноазиатским валютно-финансовым кризисом.

Второй период двустороннего экономического сотрудничества начинается с некоторого охлаждения и отдаления, что соответствовало глобальной экономической конъюнктуре, условно его можно определить десятилетием с 1997—1998 гг. до 2008 г. Во всех сферах взаимодействия отмечался спад, однако с 1998 г. постепенно проявилась повышательная динамика и в товарообороте, и в инвестиционных вложениях. Страны стали искать и выработать новые форматы взаимодействия, отвечающие стратегическим выгодам. Благоприятная для России ситуация на сырьевых рынках позволила урегулировать проблему внешнего долга, что благоприятно сказалось на развитии внешнеэкономического взаимодействия в инвестиционной сфере. Также положительную роль сыграла активизация восточной направленности внешней политики России и визиты президента В. Путина в КНДР в 2000 г. и в РК в 2001 г. Постепенное, но устойчивое улучшение российского инвестиционного климата, развитие нормативно-правовой базы, высокие цены на энергоносители, повышательные тенденции в российской экономике, начало модернизации инфраструктуры стали формировать конкурентные преимущества России для южнокорейских партнеров, которые за первое десятилетие дипломатических отношений тоже смогли оценить наиболее привлекательные для себя сферы развития экономического сотрудничества. Примерно с того же времени южнокорейская сторона начинает увязывать вопросы двусторонних экономических отношений с потенциальной возможностью влияния России на КНДР. Эта тенденция остается неизменной на протяжении условно второго и третьего периода в новейших отношениях двух стран, сменяется лишь характер риторики Сеула: от ожидания непосредственного, возможно даже директивного, влияния Москвы на Пхеньян до объяснения собственной сдержанной или выжидательной позиции ситуацией нестабильности на Корейском полуострове, теми потенциальными угрозами, которые ожидает РК от своего северного соседа, и невозможностью реализации многосторон-

них проектов до момента урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

Российско-южнокорейский товарооборот динамично увеличивается, достигая максимума в 2008 г. Экспорт РФ в РК ежегодно планомерно возрастает с 1,1 млрд долл. в 2001 г. до 7,8 млрд долл. в 2008 г. Импорт РФ из РК также ежегодно увеличивается с 726 млн долл. в 2001 г. до 10,5 млрд долл. в 2008 г.⁷ Структура двустороннего товарооборота меняется незначительно, сохраняя характер взаимодополняющих экономик. Основными статьями российского экспорта остаются сырье и минеральные ресурсы, в южнокорейском экспорте преобладают продукты нефтехимии, аппаратура связи. Более чем втрое, с 1,8 млрд долл. до 5,7 млрд долл., с 2000 до 2005 г. вырос объем торговли РК с российским Дальним Востоком, доля Сахалина достигла 40 %, Приморского края — 29 %, Хабаровского края — 23 %⁸.

В первое десятилетие 2000-х годов наблюдается активизация инвестиционного сотрудничества. Накопленный объем прямых южнокорейских капиталовложений в России составлял в 2005 г. 265 млн долл.⁹, в 2009 г. порядка 700 млн долл.¹⁰, одновременно удельный вес инвестиций РК продолжает оставаться незначительным. Основная доля инвестиций из РК сосредоточена в строительной и производственной сфере (38 %), оптовой и розничной торговле (17 %), добывающей промышленности (11 %)¹¹. Больше всего инвестиций привлекли Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Калужская область. В этот период реализовываются крупные известные проекты компаний Lotte — торговые и гостиничные комплексы в Москве и Санкт-Петербурге, пищевое производство в Калужской области, LG Electronics — сборочное предприятие в Московской области, Samsung Electronics — предприятие по производству электронной техники в Калужской области, Hyundai Motors — автосборочный завод в Санкт-Петербурге и др.

Вторая декада экономического взаимодействия РФ и РК характеризуется активизацией торгово-инвестиционного сотрудничества, в основе которой лежат как факторы изменения глобальной экономической конъюнктуры как части большого цикла, так и последовательная политическая заинтересованность стран друг в друге. Политика «солнечного тепла» президента Ким Дэ Чжуна открыла новые возможности для межкорейского диалога, что улучшило и понима-

ние РФ—РК по северокорейской тематике. Политический курс следующего президента Но Му Хёна продемонстрировал преемственность политики предшественника. Устойчивый политический курс российской администрации оздоровил сложившуюся на Корейском полуострове обстановку и создал возможность для планирования проектов трехстороннего экономического сотрудничества с участием России и обеих Корей. Проект соединения Транссибирской и Транскорейской железной дороги, объединяющей для грузовых и пассажирских перевозок территорию РК, КНДР и РФ, был озвучен президентом Путиным в 2001 г. После этого практически каждый из вновь избираемых глав РК, подтверждая собственный интерес к проекту, старался привнести какую-то дополнительную идею в его развитие. Президент Пак Кын Хе в 2013 г. выступила с Евразийской инициативой, предлагавшей соединение транспортных, энергетических и в целом экономических комплексов Евразии. Президент Мун Чжэ Ин в 2017 г. предложил девять мостов сотрудничества, в том числе транспортного и энергетического. Помимо транспортного в повестке трехстороннего экономического сотрудничества стоит энергетическое: прокладка газопровода из России через территорию КНДР в РК, а также объединение в единую сеть электроэнергетических сетей. Проект электроэнергетической интеграции при этом очень масштабный, потенциально предполагает возможность создания азиатского энергетического «суперкольца», объединяющего электрические сети РФ, Монголии, КНР, КНДР, РК и Японии¹². Масштабные планы экономической интеграции в инфраструктурных направлениях получают декларативную поддержку от руководства всех стран-участников, однако вплоть до настоящего момента на стадию практической реализации ни один из этих проектов не вышел. Причины этого заключаются в вопросах финансирования, гарантий и технико-экономических обоснований.

Условный третий этап российско-южнокорейского экономического сотрудничества, начавшийся в 2008 г. в период президентского срока Д. Медведева, можно формально назвать начавшейся эпохой стратегического партнерства, которое и было официально провозглашено. Президенты Д. Медведев и Ли Мён Бак неоднократно встречались, а ключевые элементы южнокорейской политики зеленого роста и зеленой экономики оказались актуальны и для России.

Эти направления сохранили свою значимость и впоследствии наравне с концепцией развития транспортной инфраструктуры мегаполиса, опыт которой был перенят непосредственно у южнокорейской стороны. Объявление РФ и РК стратегическими партнерами совпало с началом глобальной рецессии в мировой экономике, что не могло не сказаться негативно на партнерстве России и РК в конце первого десятилетия 2000-х годов. Постепенно ситуация стабилизировалась и наметились повышательные тенденции, этому способствовало, с одной стороны, заметное укрепление азиатского вектора в российской внешней политике, с другой стороны, неприсоединение РК к антироссийским санкциям, введенным западными странами в 2014 г. Как и прежде, основной формой двустороннего экономического сотрудничества является торговля. С 2009 по 2019 г. экспорт России в РК претерпевал колебания от года к году, в 2009 г. составил 5,7 млрд долл., в 2019 г. — 16,3 млрд долл.; российский импорт из РК составил 4,9 млрд долл. в 2009 и возрос до 8 млрд долл. в 2019 г.¹³ Двусторонний товарооборот в торговле товарами и услугами растет на протяжении четырех лет, среди азиатских торговых партнеров России РК заняла второе место после Китая. На начало 2019 г. прямые иностранные инвестиции из Республики Корея в Россию составили 2,7 млрд долл.¹⁴, демонстрируя устойчивую положительную динамику. Действующие в России южнокорейские компании Hyundai Motor Russia, Lotte и др. продолжают осуществлять капиталовложения.

В третьей декаде российско-южнокорейского экономического сотрудничества сохраняется значимость Дальневосточного региона. Не ограничиваясь лишь сырьевыми проектами, реализуются проекты в сфере сельского хозяйства, есть договоренности в сфере судостроения, хотя стоит отметить, что прежние проекты, с которыми были связаны большие ожидания, не были реализованы. Также есть договоренности о реализации сотрудничества в ближайшем будущем в сфере медицины. С отменой въездных виз для краткосрочных туристических поездок возросла доля взаимного туризма, в том числе медицинского. За тридцать лет дипломатических отношений улучшилась узнаваемость РК в России на уровне простых граждан, в этом есть вклад и «мягкой» силы, и культурного взаимодействия, и расширения товарной номенклатуры при сохранении качества юж-

нокорейских товаров. Так, в определенном смысле брендом стало словосочетание «корейская косметика». В преддверии тридцатой годовщины установления дипломатических отношений в 2019 г. РФ и РК официально договорились начать переговоры о подготовке соглашения по формированию зоны свободной торговли в части торговли услугами и инвестиционного сотрудничества. О свободной торговле товарами речь не идет, поскольку подобное соглашение может быть лишь в формате участия всех членов ЕАЭС, куда входит Россия. Кроме того, оно могло бы нанести ущерб национальным производителям обеих стран.

За 30 лет официальных международных отношений страны накопили значительный опыт двустороннего и многостороннего сотрудничества в разных форматах по экономической повестке. Основным положительным моментом традиционно отмечают отсутствие каких-либо острых и неразрешимых противоречий вкупе с устойчивой и неуклонной заинтересованностью стран в развитии и углублении практического взаимодействия. В течение рассматриваемого периода времени было учреждено множество комитетов, комиссий, организаций и форумов различного уровня для целей развития экономического сотрудничества Россия—Южная Корея. Несмотря на их деятельность масштабы, направления и достижения сотрудничества не вызывают удовлетворения ни у одной из сторон. Среди объективных сложностей и проблем можно выделить, *во-первых*, концентрацию проектов, в основном в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Дальнем Востоке, *во-вторых*, слабо диверсифицированы способы и площадки сотрудничества, возможно, по причине недостаточной консультативной поддержки в правовых и институциональных вопросах; *в-третьих*, средний и малый бизнес, который мог бы стать драйвером диверсификации экономического взаимодействия, очень далек от управительственных решений. В результате реальное сотрудничество не адекватно декларативным заявлениям. Одновременно с выявлением указанных сложностей нельзя не отметить, что имеющиеся значительные заделы для сотрудничества могут быть не восполнены также из-за отсутствия реальной экономической заинтересованности сторон. На государственном уровне реализации крупномасштабных проектов могло бы поспособствовать наличие желания сторон отделять сферу

непосредственно экономических интересов от вопросов и тенденций развития политической ситуации на Корейском полуострове и вокруг него.

Примечания

¹ Samsung и GoldStar в бывшем СССР: год прошел удачно // *Коммерсантъ Власть*. 1991. № 50, 30.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2191> (дата обращения: 29.02.2020).

² КИТА. The Trend of Foreign Trade. 1998. P. 26.

³ *Латкин А.П., Горбенкова Е.В.* Российско-южнокорейское деловое сотрудничество в Приморском крае: из 1990-х в 2000-е. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. 228 с.

⁴ *Гриценко О.* Спишут на долги // *Взгляд*. 19.01.2011. URL: <https://vz.ru/politics/2011/1/19/462132.html> (дата обращения: 29.02.2020).

⁵ Россия осталась должна только Республике Корея около \$300 млн // *Газета.ру*. 08.06.2017. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2017/06/08/n_10150523.shtml (дата обращения 29.02.2020).

⁶ *Гриневич М.В.* Российская Федерация и Республика Корея: опыт сотрудничества и проблемы взаимоотношений на современном этапе: дис... канд. полит. наук. 23.00.04. Владивосток: ДФГУ, 2004. С. 92.

⁷ ITC TRADE MAP. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c410%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 29.02.2020).

⁸ Там же.

⁹ Инвестиционный потенциал Республики Корея и перспективы для расширения российско-корейского экономического сотрудничества // *Мировое и национальное хозяйство*. Издание МГИМО МИД России. 2008. № 1(4). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2008-01/investicionnyj-potencial-respubliki-koreya-i-perspektivy-dlya-rasshireniya-rossijsko-korejskogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva> (дата обращения 29.02.2020).

¹⁰ *Латкин А.П., Горбенкова Е.В.* Указ. соч. С. 44.

¹¹ По материалам Росстата.

¹² *Синякова А.Ф.* Энергетическое сотрудничество в СВА: перспективы Азиатского энергокольца // *Восточная Азия в меняющемся мире: доклады, представленные на VI международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН* (Москва, 29–30 ноября 2018 года). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 154–160.

¹³ ITC TRADE MAP. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c410%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения 29.02.2020); Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Республикой Корея (Южной Кореей) в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-01/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-respublik-oy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2019-g/> (дата обращения: 29.02.2020).

¹⁴ Захарова Л.В. Экономические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея и перспективы сотрудничества на Дальнем Востоке России // Российско-корейский форум 2019. Республика Корея. Сеул: Корейский фонд, 2019. С. 99—104.

References

1. *Grintsevich M.V.* (2004). Rossiiskaia Federatsiia i Respublika Koreia: opyt sotrudnichestva i problemy vzaimootnoshenii na sovremennom etape [Russia and South Korea: Cooperation Experience and The Problems of Present Relations]. PhD Thesis. Vladivostok. (In Russian).
2. *Gritsenko O.* (2011). Spishut na dolgi [Write Off as Debts]. *Vzlyad*. 19.01.2011. Available at: <https://vz.ru/politics/2011/1/19/462132.html> (accessed: 29 February 2020) (in Russian).
3. Investitsionnyi potentsial Respubliki Koreia i perspektivy dlia rasshireniia rossiisko-koreiskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Investment Potential of the ROK and the Perspectives for Russia-South Korea Economic Cooperation]. *Mirovye I national'noe khozyaystvo — World and National Economy*. MGIMO. Vol. 1(4) 2008. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2008-01/investicionnyj-potencial-respubliki-koreya-i-perspektivy-dlya-rasshireniya-rossijsko-korejskogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva> (accessed: 29 February 2020) (in Russian).
4. ITC TRADE MAP. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c410%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (accessed: 29 February 2020).
5. KITA. The Trend of Foreign Trade. 1998. P. 26.
6. *Latkin A.P., Gorbenkova E.V.* (2011) Rossiisko-iuzhnokoreiskoe delovoe sotrudnichestvo v Primorskom krae: iz 1990-kh v 2000-e [Russia and South Korea Business Cooperation in Primorsky Krai: from 1990th to 2000]. Vladivostok: VGUES Publ. 228 p. (in Russian).
7. Rossiia ostalas' dolzhna tol'ko Respublike Koreia okolo \$300 mln [Russia Owes Only South Korea About \$ 300 million]. *Gazeta.ru*. 08.06.2017. Available at: https://www.gazeta.ru/business/news/2017/06/08/n_10150523.shtml (accessed: 29 February 2020) (in Russian).

8. Russian Foreign Trade. Russia's Trade with South Korea 2019. Available at: <https://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/russian-trade-with-south-korea-in-2019/> (accessed: 29 February 2020).

9. Samsung i GoldStar v byvshem SSSR: god proshel udachno [Samsung and GoldStar in Former USSR: A Successful Year]. *Kommersant Vlast*. 30.12.1991. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2191> (accessed: 29 February 2020) (in Russian).

10. *Sinyakova A.F.* (2019). Energeticheskoe sotrudnichestvo v SVA: perspektivy Aziatskogo energokol'tsa [Energy Cooperation in North-East Asia: Asian Energy Ring Prospects]. *East Asia in the changing world. Academic papers presented at the VI International Scientific Conference of Young Orientalists held in the IFES RAS on 29–30 November 2018. Moscow, RAS IFES Press Publ.* P. 154–160. (in Russian).

11. *Zakharova L.V.* (2019). Ekonomicheskie otnosheniia mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Koreia i perspektivy sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke Rossii [Economic Relations Between Russia and The ROK and Far East Cooperation Perspectives]. *Russia-Korea Politic and Economic Forum 2019, Seoul*. P. 99–104 (in Russian).

В.Г. Самсонова

ТЭК РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЭНЕРГОСОТРУДНИЧЕСТВА С РФ

Энергетическая сфера РК переживает нелегкие времена: все также сильна зависимость от импорта практически всех видов энергоресурсов, при этом, несмотря на все попытки диверсифицировать свои поставки, РК в большей степени зависит от импорта нефти из стран Ближнего Востока, политическую обстановку в которых нельзя назвать стабильной. Вызывает вопросы и политика правительства РК, направленная на снижение доли атомной и угольной энергетики и дальнейшее закрытие всех АЭС. В сложившейся ситуации для Южной Кореи необходимо расширить свое энергопартнерство с надежными странами, такими как РФ, при этом имея в виду не только традиционные сферы взаимодействия, но и сотрудничество по новым направлениям. Однако, несмотря на объективную необходимость в развитии двустороннего энергопартнерства, пока существенных подвижек в нем нет. В статье анализируется современная энергополитика РК, оценивается уровень влияния внешних акторов на энергорынке, исследуются возможности и проблемы, тормозящие сотрудничество РФ и РК в этой сфере.

Ключевые слова: ТЭК, энергетическая политика, СПГ, АТР, АЭС.

Многими экспертами отмечается, что в настоящее время мы вступаем в эру нового — четвертого энергоперехода, который предполагает широкое использование возобновляемых источников энер-

гии (ВИЭ) и вытеснение ископаемых видов топлива. При этом сценарии традиционным энергоносителям уготована жесткая конкуренция и планомерное сокращение доли в структуре мирового энергопотребления. Всем странам придется активно приспосабливаться к данному энергопереходу, однако необходимо отметить, что его темпы и объемы будут совершенно разными у каждого игрока энергетического рынка. Что касается текущей ситуации в энергетической сфере РК, то в настоящее время страна переживает нелегкие времена: все также сильна зависимость от импорта практически всех видов энергоресурсов: нефти, угля, газа. При этом, несмотря на все попытки диверсифицировать свои поставки, РК в большей степени зависит от импорта нефти из стран Ближнего Востока, политическую обстановку в которых нельзя назвать стабильной. В силу ограниченности собственных ресурсов, страна практически полностью зависит от импортных поставок нефти, угля и газа. Например, по данным Корейского института энергоэкономики (КЕЕИ), в 2018 г. доля импорта энергоресурсов составила 93,7 % на сумму 145,97 млрд долл.¹

Крупнейшие страны — поставщики энергоресурсов в РК (по данным за 2018 г.):

- нефть: регион Ближнего Востока (73,5 % от всего объема поставок в 2018 г.), в частности Саудовская Аравия (28,95 %), Кувейт (14,51 %), ОАЭ (6,45 %), Иран (5,21 %)²;
- газ (СПГ): (по итогам 2018 г.) Катар (32,4 %), Оман (9,73 %), Малайзия (8,41 %), Индонезия (7,83 %)³;
- уголь (2017 г.): Австралия (33 %), Индонезия (28 %), Россия (18 %), Канада (7 %)⁴.

Итак, сложную внешнюю ситуацию с поставками энергоресурсов усложняет и внутренняя энергополитика, направленная на снижение доли атомной энергетики и дальнейшее закрытие всех АЭС на территории страны в связи с её заменой на ВИЭ. Правительство РК объявило войну «грязным» видам топлива, приняло решение о планомерном сокращении доли АЭС с 30 до 23,9 % к 2030 г.⁵, увеличении налога на топливо для выработки электроэнергии с 36 до 46 вон за 1 кг угля и снижении налога с 91 до 23 вон на СПГ⁶. Согласно принятому 8-му плану по долгосрочному электроснабжению и энер-

Таблица 1. Производство электроэнергии согласно 8 плану

	2017, %	2030, %	
		стандартный сценарий	целевой сценарий
Атомная энергия	30,3	23,9	23,9
Уголь	45,4	40,5	36,1
СПГ	16,9	14,5	18,8
ВИЭ	6,2	20,0	20,0
Нефть	0,6	0,3	0,3
Гидроэлектроэнергия	0,7	0,8	0,8
Итого	100	100	100

Источник: Improvement of Power Industry Regulations and Competition Policy in an Energy Transition Era. Heeseon Chang, Dongseok Rho. Korea Energy Economic Institute (KEEI), Ulsan, 2019. P. 4.

гопотребности, доля ВИЭ должна увеличиться к 2030 г. с 6,2 % (в 2017 г.) до 20 % (табл. 1).

Однако в краткосрочной перспективе одними зелеными источниками энергии оказалось невозможно поддерживать уровень энергетической обеспеченности страны и фактически сложилась парадоксальная ситуация: вместо АЭС увеличилась выработка угольных электростанций, что, в частности, привело к обострению на территории РК проблемы с микропылью. По состоянию на 2019 г., мировой объём производства электроэнергии из угля составил 51 855 МВт, при этом Южная Корея расположилась на 14-м месте с показателем 269 МВт. В период с января по ноябрь 2019 г. в стране объём выработки угольных электростанций составил 208 370 ГВт·ч, что равняется 40,7 % от общего объёма производства электроэнергии. На долю АЭС пришлось 26,3 % от общего объёма, электростанций на СПГ — 24,9 %, возобновляемых источников энергии — 6,5 %⁷.

На наш взгляд, отказаться от атомной и угольной энергии в сжатые сроки у РК не получится, учитывая тот факт, что львиную долю электроэнергии она получает от энергетического угля и атомных реакторов. К тому же пока это еще и экономически невыгодно, ведь, по данным за март 2017 г., стоимость энергии, получаемой из газа,

в РК составляла 129,51 вон (0,1160 долл.) за 1 кВт·ч, что на 40 % дороже, чем из угля, и примерно в два раза выше, чем стоимость атомной энергии⁸. В любом случае, для успешного проведения таких крупномасштабных изменений в ключевых энергоотраслях может потребоваться помощь извне, которую может предоставить Россия, обладающая многолетним с советских времен опытом строительства, пуска и надежной эксплуатации АЭС, а также ценными разработками по выводу их из эксплуатации⁹. Достаточно отметить, что первая в мире атомная электростанция была запущена в СССР близ станции Обнинское. Станция дала ток 26 июня 1954 г. Она была оснащена уран-графитовым канальным реактором с водяным теплоносителем АМ («Атом мирный») мощностью всего 5 МВт¹⁰. Также впервые в мире в 2015 г. Россией был осуществлен вывод из эксплуатации промышленного уран-графитового ядерного реактора ЭИ 2 в Северске¹¹.

Позитивным моментом является тот факт, что Россия и РК продолжают укреплять сотрудничество в сфере исследований и мирного использования атомной энергии. Например, 4 июня 2019 г. в Сеуле открылось 19-е заседание российско-южнокорейского координационного комитета по атомной энергии. По итогам заседания было решено сотрудничать в реализации проекта новых источников энергии с применением российских технологий обогащения материалов и южнокорейских полупроводников. Кроме того, принято решение приступить к разработке роботов, которые будут выполнять процедуру демонтажа АЭС, а также сотрудничать в разработке высокоэффективного и стабильного ядерного вещества¹².

Что касается СПГ, то за последнее десятилетие объем его международной торговли вырос на 83 % — до 431 млрд куб. м. Крупнейшими поставщиками являются Катар (24 % мировых поставок), Австралия (21 %), Малайзия (8 %), США, Нигерия (по 6,6 %), Россия (5,8 %). Среди импортеров СПГ выделялись Япония (26 % мирового ввоза), Китай (17 %), Южная Корея (14 %), Индия (7 %), Тайвань (5 %)¹³. При этом экспертами отмечается, что импорт СПГ в РК может увеличиться на 50 % к 2030 г. и ключевая задача правительства на краткосрочную перспективу — увеличить загрузку газовых электростанций с 40 до 60 %¹⁴.

Таким образом, данные прогнозы дают основания надеяться на рост взаимодействия двух стран в поставках СПГ, а также строительстве объектов по добыче и переработке газа. Россия обладает всеми возможностями для стабильных поставок газа в РК, более того, имеются все предпосылки для увеличения экспорта СПГ после ввода третьей технологической линии проекта «Сахалин-2». Напомним, что в 2005 г. Sakhalin Energy, оператор проекта «Сахалин-2», и южнокорейская компания Kogas подписали контракт на поставку 1,5 млн т СПГ в год с проекта «Сахалин-2». В 2015 г. завод произвел 10,8 млн т СПГ, превысив проектную мощность на 1,2 млн т¹⁵.

Более того, в 2019 г. производство сжиженного топлива в России увеличилось в полтора раза, и показатель превысил 29 млн т. Во многом такой рывок произошел из-за ввода в эксплуатацию завода «Ямал СПГ». Проектная мощность завода составляет 16,5 млн т в год, но фактическое производство превысило этот объем на 8 %¹⁶. Также ОАО «Ямал СПГ» реализует проект строительства завода по производству СПГ на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения мощностью 17,4 млн т в год, включая три линии мощностью 5,5 млн т в год каждая и одну линию мощностью 900 тыс. т в год. Первая технологическая линия начала производство в 4-м квартале 2017 г., вторая и третья линии — в июле и ноябре 2018 г. соответственно¹⁷. Все это позитивно повлияло на рост поставок российского СПГ в РК, например только в 2018 г. было поставлено 1,9 млн т СПГ¹⁸.

Одним из перспективных направлений сотрудничества в газовой сфере также является техническая двусторонняя кооперация, например, в частности, как взаимодействие судововерфи «Звезда» с южнокорейской компанией «Samsung Heavy Industries» по поставке комплектующих для пяти газозовов ARC7 на сумму около 1,5 млрд долл. Как отмечает газета «Коммерсант», такая схема кооперации оптимальна для обеих сторон: «Во-первых, опыт и недозагруженные мощности “Samsung” гарантируют строительство газозовов в срок... Во-вторых, “Звезда” получает не только техническую спецификацию и права на проектную документацию, но и содействие “Samsung” в разработке рабочей конструкторской документации, а также возможность быстро получить компетенции в строительстве таких судов»¹⁹.

Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на очевидность позитивных результатов, которые может получить РК в результате расширения энергосотрудничества в РФ, существуют внешние факторы, тормозящие наше партнерство, которые невозможно не отметить. Так, например, на энергетический рынок огромное влияние оказывают искусственно используемые механизмы политического давления со стороны некоторых стран, в частности политики США по агрессивному продвижению своих энергоресурсов на мировой рынок. Активно расширяя добычу сланцевых залежей нефти и газа, США высокими темпами форсировали внутреннее производство, стремясь преодолеть многолетний статус нетто-импортера, и преуспели в этом. В конце текущего десятилетия в стране нехватка энергетических ресурсов снизилась с 28 до 8 %, что стимулировало становление и расширение экспорта нефти и СПГ на внешние рынки²⁰. Не оказалась в стороне и Республика Корея — традиционный экономический партнер Вашингтона. Например, в газовой сфере в сентябре 2019 г. она заключила крупный контракт (сумма составила 10 млрд долл.) на дополнительную поставку СПГ из США в течение 15 лет с возможностью продления на три года. Объем импортируемого газа составит 1 млн 580 тыс. т, что соответствует 5 % от годовых нужд РК²¹. Все это замедляет энергосотрудничество РФ и РК, и, несмотря на озвученную программу новой северной политики президента Мун Чжэ Ина, предполагающую расширение сотрудничества с РФ, в том числе и в энергосфере, РК не торопится переходить к реальным действиям.

Интересно, что у США совершенно иная схема работы на рынке СПГ. Обычно производитель газа сжижает его на своем заводе и в рамках долгосрочных контрактов транспортирует до рынков сбыта. В стране добывающей компанией, владельцем завода по сжижению и экспортером могут быть разные компании²². Каждый участник процесса стремится минимизировать свои риски. Например, каким образом это делает собственник завода СПГ Sabine Pass компания Cheniere Energy: все экспортеры СПГ с этого завода работают по системе «сжижай или плати», согласно которой экспортер обязан платить вне зависимости от того, сжижает он газ или нет. Таким образом собственник завода страхует себя от недозагрузки мощностей. Например, южнокорейская компания KOGAS с 1 июня 2017 г. в течение 20 лет должна ежегодно платить США 547,5 млн долл. за резер-

виrowанные мощности третьей технологической линии, что является серьезным стимулом для южнокорейской стороны использовать мощности и реализовать весь законтракованный газ для минимизации затрат²³.

Что касается двустороннего сотрудничества в нефтяной сфере, то здесь также могут быть позитивные подвижки. В настоящее время Южная Корея импортирует нефть в основном из стран Ближнего Востока, при этом, ввиду нестабильной ситуации в данном регионе, санкционной политики по отношению к Ирану, опасной ситуации с нападениями на флот, на наш взгляд, для РК жизненно важным является расширение поставщиков нефти.

Ситуацию с основными поставщиками РК осложняет бушующий коронавирус, обваливший не только фондовые рынки, но и негативно влияющий на энергосферу. В частности, в конце февраля 2020 г. было озвучено, что, скорее всего, страны — участницы ОПЕК существенно сократят добычу нефти во многом из-за снижения спроса и ухудшения экономической ситуации из-за охватившего мир коронавируса COVID 19. Согласно источнику, Саудовская Аравия рассчитывала подписать соглашение о сокращении совокупной добычи нефти дополнительно на 1 млн баррелей в сутки²⁴. Однако участники сделки по ограничению добычи ОПЕК+ не смогли прийти к единому решению в отношении дальнейшего регулирования производства сырья, что негативно повлияло на нефтяные цены: в результате цена нефти Brent упала ниже 23 долл. впервые с ноября 2002 г.²⁵ Ошибочно полагать, что нефтяное противостояние и падение цен наруку импортерам нефти, таким как Республика Корея. Скорее наоборот, высокая волатильность на нефтяном рынке, низкий спрос и отсутствие согласованных действий основных поставщиков нефти являются для РК новым вызовом. Под ударом оказалось производство нефтепродуктов, одной из основных экспортных статей страны. Например, в 2019 г. экспорт продукции нефтехимической отрасли РК составил более 83 млрд долл. Ведь вслед за падением цен на нефть и усилением распространения коронавирусной инфекции последовало снижение спроса на мировых рынках на нефтепродукты. В связи с этим прогнозируется значительное снижение операционной прибыли крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий страны (SK Innovation и S-Oil), более того, ожида-

ется, что операционный убыток SK Innovation может достичь 323 млн долл. в первом квартале 2020 г.²⁶ К тому же падение цены на нефть оказывает отрицательно влияние на внутренний рынок РК, так как может снизить и так уже падающие потребительские цены, что приведет к дефляции.

Нефтяной рынок, переживающий тяжелые времена, оказывает свое негативное влияние и на рынок СПГ, особенно в части длинных контрактов, как правило привязанных к нефтяным котировкам. Спотовый рынок замер на весьма низких ценовых значениях. Однако, как отмечают эксперты, на фоне усилий правительства КНР в борьбе с коронавирусом и увеличением круга покупателей, желающих расширить свои энергетические портфели за счет самого чистого, а теперь и дешевого энергоносителя — СПГ, ожидается укрепление рынка СПГ во втором полугодии 2020 г. при условии купирования распространения COVID-19 в других регионах мира²⁷.

Сложным у РК оказалось и сотрудничество с Ираном, который в 2018 г., как мы отмечали выше, поставил в страну более 5 % всей нефти. При этом здесь не обошлось, естественно, без внешнего игрока — США, которые в 2018 г. в одностороннем порядке вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, восстановив старые и введя новые санкции против Ирана (включая вторичные, т. е. касающиеся третьих стран, ведущих бизнес с Тегераном). Санкции вводились двумя пакетами, второй из которых, затрагивающий нефтяную промышленность страны, вступил в силу в ноябре 2018 г. При этом восьми крупнейшим импортерам иранской нефти (Китаю, Индии, Италии, Греции, Японии, Южной Корее, Тайваню и Турции) была дана 6-месячная отсрочка, позволившая продолжить закупку нефти в Иране. Однако 2 мая 2019 г. санкции США полностью вступили в силу, и госдеп заявил, что любые закупки иранской нефти, начиная с этой даты, будут наказываться санкциями²⁸. Необходимо отметить, что, несмотря на желание РК развивать сотрудничество с Ираном, США всячески противятся этому, в частности после обострения ирано-американских отношений США активно требовали от РК примкнуть к международной коалиции в Ормузском проливе, которую они формируют «для обеспечения безопасности судоходства у берегов Ирана», что, естественно, приведет к обострению отношений между Сеулом и

Ираном, и это, видимо, только на руку американской стороне. Южной Корее, оказавшейся в трудном положении, пришлось в итоге принять решение о расширении сферы действия своего подразделения «Чхонхэ», состоящего из боевого корабля, вертолёта и нескольких сотен спецназовцев, до Ормузского пролива, через который в РК поставляется около 70 % всей импортируемой ею нефти²⁹.

Диверсификация поставщиков энергоресурсов может положительно повлиять на объемы поставок российской нефти в РК. В частности, такой пример уже есть: в 2017 г. южнокорейская нефтеперерабатывающая компания SK Innovation впервые за последние 10 лет приобрела около 1 млн баррелей нефти марки Urals у российской компании «Лукойл»³⁰. В 2019 г. также наблюдался положительный тренд: по данным Минэнерго РФ, в период с января по апрель 2019 г. поставки нефти в РК увеличились на 2,9 млн т³¹.

Важным, на наш взгляд, является и активизация сотрудничества в таких отраслях, как электроэнергетическая, в которой российский опыт незаменим. Предлагаемые инициативы РФ в данной сфере, в том числе проект «Азиатское суперкольцо», могут значительно повысить энергобезопасность участников проектов. Однако, несмотря на то что в 2016 г. ПАО «Россети» (Россия), China State Grid Corporation (Китай), Korea Electric Power Corporation (Республика Корея) и Softbank Group (Япония) подписали в г. Пекин меморандум о совместном продвижении взаимосвязанной электрической энергосистемы, охватывающей Северо-Восточную Азию, данный проект стопорится. Что касается российско-южнокорейского партнерства в рамках данного проекта, то здесь также существенных подвижек нет. Реализация проекта затягивается, и, по мнению некоторых специалистов, дело тут в политической подоплеке и низком уровне доверия между КНР, РК и Японией, которые считают, что объединение энергосистем может негативно повлиять на их национальную энергобезопасность. И это несмотря на положительные примеры, в частности объединения энергосистем скандинавских стран Nord Pool, которое подтверждает обратное, что создание объединенной системы снижает риски³².

В заключение отметим, что в настоящий момент назрела объективная необходимость перехода от монополизма во всех его проявлениях. Сознательное лишение себя выбора или альтернативы ведет к

проблемам с решением вопроса энергетической безопасности страны. Диверсификация поставок, участие в энергетических проектах на территории России и в третьих странах, активизация сотрудничества финансовых институтов и возможность кредитования российских организаций южнокорейскими банками могла бы оградить РК от негативных последствий, а также дать доступ к существенным запасам нефти, угля и газа. При активизации сотрудничества с РФ, у РК есть реальная возможность усилить свои позиции как поставщика энергетического оборудования, так и инвестора в проектировании и строительстве энергетических объектов на территории России. При этом представляется возможной активизация двустороннего энергетического сотрудничества на новых перспективных направлениях, таких как использование и новые разработки в сфере ВИЭ, совместные научные исследования в области инновационных энерго-технологий, разработки в электроэнергетической сфере и др.

Примечания

¹ Monthly Energy Statistics. KEEI (Korea Energy Economics Institute, Republic of Korea). Vol 36-01. January 2020. P. 7.

² Рассчитано автором по Monthly Energy Statistics. Published by KEEI (Korea Energy Economics Institute, Republic of Korea). Vol 36-01. January 2020. P. 42.

³ Ibid. P. 57.

⁴ Distribution of coals imported into South Korea in 2017, by country of origin // Statista. 01.08.2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/884137/south-korea-coal-import-share-by-country-of-origin/#statisticContainer> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵ Improvement of Power Industry Regulations and Competition Policy in an Energy Transition Era. Heeseon Chang, Dongseok Rho // Korea Energy Economic Institute (KEEI), 2019. P. 1 (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ РК ужесточает меры борьбы с микропылью // *KBS Radio*. 21.01.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=56201. (дата обращения: 21.02.2020).

⁷ Страны Азии сильно зависят от угольных станций — ООН // REGNUM. 11.02.2020. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2855004.html> (дата обращения: 25.02.2020).

1. ⁸ South Korea plans energy U-turn away from coal, nuclear // Reuters. 04.06.17. URL: <http://www.reuters.com/article/us-southkorea-politics-energy-idUSKBN18V0E>

H?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=5934196b04d3017557fc3734&utm_medium=trueAnthem&utm_source=twitter (дата обращения: 02.02.2020).

⁹ Самсонова В.Г. Особенности и проблемы энергетического сотрудничества России и Южной Кореи на современном этапе // Материалы 29-й международной научной конференции ИДВ РАН — Центр АТР Ханьянского ун-та. «Новое правительство в РК и российско-корейские отношения». М: ИДВ РАН, 2017. С. 62—70.

¹⁰ История атомной промышленности в России // Росатом. URL: <http://www.rosatom.ru/about-nuclear-industry/history/> (дата обращения: 01.02.2020).

¹¹ Впервые в мире осуществлен вывод из эксплуатации промышленного уран-графитового ядерного реактора ЭИ-2 в Северске // *Атомная энергия*. 03.08.2015. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2015/08/03/58750> (дата обращения: 02.02.2020).

¹² РК и Россия наращивают сотрудничество в атомной энергетике // *KBS Radio*. 04.06.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=57784 (дата обращения: 02.02.2020).

¹³ Иванов А. Факторы, определяющие будущее мировой энергетики // *Независимая газета*. 09.09.2019. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-09-09/11_7671_factor.html (дата обращения: 10.02.2020)

3. ¹⁴ South Korea plans energy U-turn away from coal, nuclear // Reuters. 04.06.17. URL:http://www.reuters.com/article/us-southkorea-politics-energy-idUSKBN18V0EH?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=5934196b04d3017557fc3734&utm_medium=trueAnthem&utm_source=twitter (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁵ Газпром может увеличить экспорт СПГ в Корею после ввода третьей линии «Сахалин-2» // *RNS online*. 02.09.2016. URL: <https://rns.online/energy/Gazprom-mozhet-uvlichit-eksport-SPG-v-Koreyu-posle-vvoda-tretei-linii-Sahalina-2-2016-09-02/> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁶ СПГ-пощечина. Россия становится главным конкурентом США в сфере сжиженного газа // *Baltnews*. 18.01.2020. URL: https://baltnews.ee/Russia_West/20200118/1018273911/SPG-poshechina-Rossiya-stanovitsya-glavnym-konkurentom-SShA-v-sfere-szhizhennogo-gaza.html (дата обращения: 25.02.2020).

¹⁷ «Ямал СПГ» отгрузил тридцатый миллион тонн СПГ // *Ямал СПГ*. 26.02.2020. URL: <http://yamalng.ru/press/news/38150/> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁸ Александр Новак: «Энергетическое сотрудничество России с Южной Кореей демонстрирует поступательное развитие» // *Минэнерго РФ*. 28.06.2019. <https://minenergy.gov.ru/node/15193> (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁹ Газовоз российской сборки // *Коммерсантъ*. 02.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4178888?query=%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%20%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2%20ARC7> (дата обращения: 04.04.2020).

²⁰ *Иванов А.* Факторы, определяющие будущее мировой энергетики // Независимая газета. 09.09.2019. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-09-09/11_7671_factor.html (дата обращения: 20.03.2020).

²¹ РК заключила долговременный контракт на поставку газа из США // *KBS Radio*. 24.09.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=E&Seq_Code=59072 (дата обращения: 20.02.2020).

²² Страны Азии сильно зависят от угольных электростанций — ООН // *Regnum*. 11.02.2020. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2855004.html> (дата обращения: 20.03.2020).

²³ *Белова М., Колбикова Е.* Американский СПГ на мировых рынках: успех или фиаско // *Vygon consulting*. Апрель 2017.

URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/588/vygon_consulting_us_lng_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2020).

²⁴ FT: Эр-Рияд настаивает на существенном сокращении добычи нефти по сделке ОПЕК+ // *ТАСС*. 28.02.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7857495>. (дата обращения: 29.02.2020).

²⁵ Цена нефти Brent упала ниже 23 долл. впервые с ноября 2002 г. // *RBC*. 30.03.2020. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5e74bc049a794764b09c5827> (дата обращения: 30.03.2020).

²⁶ Как снижение цен на нефть ударило по южнокорейской экономике // *Novostivl*. 20.03.2020. URL: <https://novostivl.ru/post/80325/> (дата обращения: 10.04.2020).

²⁷ У российского СПГ есть свои конкурентные преимущества // *RBC+*. 27.03.2020. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5e7d68097a8aa9fc63618186> (дата обращения: 31.03.2020)

²⁸ США снова призывают Китай прекратить закупки нефти в Иране // *Neftegaz*. 21.02.2020. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/526222-ssha-snova-prizyvayut-kitay-prekratit-zakupki-nefti-v-irane/> (дата обращения: 20.03.2020).

²⁹ Войска Южной Кореи не будут принимать участие в конфликте США и Ирана // *RG*. 25.01.2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/25/vojska-iuzhnoj-korei-nebudut-prinimat-uchastie-v-konflikte-ssha-i-irana.html> (дата обращения: 01.04.2020).

³⁰ ЛУКОЙЛ продал Южной Корею первую за 10 лет партию нефти Urals // *Коммерсант*. 17.02.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3223570> (дата обращения: 02.04.2020).

³¹ Александр Новак: «Энергетическое сотрудничество России с Южной Кореей демонстрирует поступательное развитие» // *Минэнерго РФ*. 28.06.2019. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15193> (дата обращения: 01.04.2020).

³² *Щенкова Т.* Братство кольца: сможет ли Россия пробиться в электроэнергетику Восточной Азии // *Московский центр Карнеги*. 05.05.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/69851> (дата обращения: 23.03.2020).

References:

1. Aleksandr Novak: «Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii s Yuzhnoj Koreej demonstriruet postupatelnoe razvitie» [Cooperation in energy sphere between Russia and South Korea demonstrates the progressive development]. *Minenergo RF — Ministry of energy of Russia*. 28.06.2019. Available at: <https://minenergo.gov.ru/node/15193> (accessed: 20.02.2020)

2. Aleksandr Novak: «Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii s Yuzhnoj Koreej demonstriruet postupatelnoe razvitie» [Cooperation in energy sphere between Russia and South Korea demonstrates the progressive development]. *Minenergo RF — Ministry of energy of Russia*. 28.06.2019. Available at: <https://minenergo.gov.ru/node/15193> (accessed: 01.04.2020) (in Russian). Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=57784 (accessed: 02 February 2020) (in Russian).

3. *Belova M, Kolbikova E.* (2017). Amerikanskij SPG na mirovy'x ry'nkax: uspeh ili fiasco [American LNG in world markets: success or fiasco]. *Vygon consulting*. April 2017. Available at: https://vygon.consulting/upload/iblock/588/vygon_consulting_us_lng_2017.pdf (accessed: 01 March 2020) (in Russian).

4. Distribution of coals imported into South Korea in 2017, by country of origin. Statista. 01.08.2018. Available at: <https://www.statista.com/statistics/884137/south-korea-coal-import-share-by-country-of-origin/#statisticContainer> (accessed 03.04.2020).

5. FT: Er-Riyad nastai vaet na sushhestvennom sokrashhenii dobychi nefiti po sdelke OPEK+ [Riyadh insists on a significant reduction of oil production under the OPEC deal+]. *TASS*. 28.02.2020. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/7857495> (accessed: 29.02.2020) (in Russian).

6. Gazovoz rossijskoj sborki [Gas carrier of Russian assembling]. *Kommersant*. 02.12.2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4178888?query=%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%20%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2%20ARC7> (accessed: 04.04.2020) (in Russian).

7. Gazprom mozhet uvelichit eksport SPG v Koreyu posle vvoda tretej linii «Saxalin-2» [«Gazprom» can increase LNG export to South Korea after «Saxhalin-2» third line's launching]. *RNS online*. 02.09.2016. Available at: <https://rns.online/energy/>

Gazprom-mozhet-uvelichit-eksport-SPG-v-Koreyu-posle-vvoda-tretei-linii-Sahalina-2-2016-09-02/ (accessed: 01.02.2020) (in Russian).

8. Improvement of Power Industry Regulations and Competition Policy in an Energy Transition Era. Heeseon Chang, Dongseok Rho. Korea Energy Economic Institute (KEEI), Ulsan, 2019. P. 1.

9. Istoriya atomnoy promyshlennosti v Rossii, (the history of nuclear industry in Russia). *Rosatom*. Available at: <http://www.rosatom.ru/about-nuclear-industry/history/> (accessed: 01.02.2020) (in Russian).

10. *Ivanov A.* (2019). Faktory opredelyayushhie budushhee mirovoj energetiki [The factors determining the future of world power industry]. *Nezavisimaya gazeta- Independent journal*. 09.09.2019. Available at: http://www.ng.ru/energy/2019-09-09/11_7671_factor.html (accessed: 10.02.2020) (in Russian).

11. *Ivanov A.* (2019). Faktory opredelyayushhie budushhee mirovoj energetiki [The factors determining the future of world power industry]. *Nezavisimaya gazeta-Independent journal*. 09.09.2019. Available at: http://www.ng.ru/energy/2019-09-09/11_7671_factor.html http://www.ng.ru/energy/2019-09-09/11_7671_factor.html (accessed: 20.03.2020) (in Russian).

12. Kak snizhenie cen na nef't` udarilo po yuzhnokorejskoj e'konomike [The decline of oil prices hurt the South Korean economy]. *Novostivl*. 20.03.2020. Available at: <https://novostivl.ru/post/80325/> (accessed: 10.04.2020) (in Russian).

13. Lukoil prodal Yuzhnoj Koree pervuyu za 10 let partiyu nef'ti Urals [Lukoil sold the first Ural's oil lot to Korea for the first time over the past 10 years]. *Kommersant*. 17.02.2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3223570> (accessed: 02.04.2020) (in Russian).

14. Monthly Energy Statistics. KEEI (Korea Energy Economics Institute, Republic of Korea). Vol 36-01. January 2020. P. 7.

15. Monthly Energy Statistics. Published by KEEI (Korea Energy Economics Institute, Republic of Korea). Vol 36-01. January 2020. P. 57.

16. RK i Rossiya narashchivayut sotrudnichestvo v atomnoj e'nergetike [The ROK and Russia have scaling up the cooperation in nuclear power industry]. *KBS Radio*. 04.06.2019.

17. RK uzhestochayet mery borby s mikropyly [The ROK tightens dust's control measures]. *KBS Radio*. 21.01.2019. Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=56201 (accessed: 21.02.2020) (in Russian).

18. RK zaklyuchila dolgovremennyy kontrakt na postavku gaza iz SShA [The ROK signed the long-term LNG supply contract with USA]. *KBS Radio*. 24.09.19. Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=59072 (accessed: 20.02.2020) (in Russian).

19. *Samsonova V.G.* Osobennosti i problemy energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Yuzhnoy Korei na sovremennom etape [Peculiarities and Problems of Russia-South Korean Energy Cooperation at the Present Stage]. *Papers presented at the 29th IFES-APRC International Academic Conference Moscow, IFES, June 29—30, 2017 ROK's New Government and Russia-Korea Relations*, Moscow IFES RAS. P. 62—70 (in Russian).

20. *Shchenkova T.* (2017). Bratstvo kol'tsa: smozhet li Rossiya probit'sya v elektro energetiku Vostochnoj Azii [Ring's brotherhood: can Russia break into the electrical energy industry of East Asia]. *Carnegie, Moscow center*. 05.05.2017. Available at <https://carnegie.ru/commentary/69851> (accessed: 23.03.2020) (in Russian).

21. South Korea plans energy U-turn away from coal, nuclear. *Reuters*. 04.06.17. Available at: http://www.reuters.com/article/us-southkorea-politics-energy-idUSKBN18V0EH?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=5934196b04d3017557fc3734&utm_medium=trueAnthem&utm_source=twitter (accessed: 02.02.2020).

22. South Korea plans energy U-turn away from coal, nuclear. *Reuters*. 04.06.17. Available at: http://www.reuters.com/article/us-southkorea-politics-energy-idUSKBN18V0EH?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=5934196b04d3017557fc3734&utm_medium=trueAnthem&utm_source=twitter (accessed: 01.03.2020).

23. SPG-poshhechina. Rossiya stanovitsya glavnym konkurentom SShA v sfere szhizhennogo gaza [LNG- slap in the face. Russia becomes the main competitor of the USA in the field of LNG]. *Baltnews*. 18.01.2020. Available at: https://baltnews.ee/Russia_West/20200118/1018273911/SPG-poshechina-Rossiya-stanovitsya-glavnym-konkurentom-SShA-v-sfere-szhizhennogo-gaza.html (accessed: 25.02.2020) (in Russian).

24. SShA snova prizy'vayut Kitaj prekratit' zakupki nefti v Irane [USA again call China to cur off the Iran oil's purchase]. *Neftegas*. 21.02.2020. Available at: <https://neftegaz.ru/news/politics/526222-ssha-snova-prizyvayut-kitaj-prekratit-zakupki-nefti-v-irane/> (accessed: 30.03.2020) (in Russian).

25. Strany Azii silno zavisyat ot ugolnykh stantsiy- OON [Asian countries are highly dependent on the coal stations- UN]. *REGNUM*. 11.02.2020. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2855004.html> (accessed: 25.02.2020) (in Russian).

26. Strany Azii silno zavisyat ot ugolnyx elektrostancij — OON [Asian countries are highly dependent on coal plants — UN]. *Regnum*. 11.02.2020. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2855004.html> (accessed: 20.03.2020) (in Russian).

27. Tsena nefti Brent upala nizhe \$23 vpervy'e s noyabrya 2002 goda [Brent oil's price fell below \$23 for the first time since November 2002]. *RBC*. 30.03.2020. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/5e74bc049a794764b09c5827> (accessed: 31.03.2020) (in Russian).

28. U rossijskogo SPG est' svoi konkurentny'e preimushhestva [Russian gas has its own advantages]. *RBC+*. 27.03.2020. Available at: <https://plus.rbc.ru/news/5e7d68097a8aa9fc63618186> (accessed: 20.03.2020) (in Russian).

29. Vojska Yuzhnoj Korei ne budut prinimat` uchastie v konflikte SShA i Irana [South Korean troops will not take a part in a conflict between USA and Iran]. *RG*. 25.01.2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/25/vojska-iuzhnoj-korei-ne-budut-prinimat-uchastie-v-konflikte-ssha-i-irana.html> (accessed: 01.04.2020) (in Russian).

30. Vpervye v mire osushhestvlen vyvod iz ekspluatatsii promyshlennogo uran-grafitovogo yadernogo reaktora EI-2 v Severske. Atomnaya energiya [For the first time in the world, the industrial uranium-graphite nuclear reactor EI-2 in Seversk was decommissioned]. *Nuclear energy*. 03.08.2015. Available at: <https://www.atomic-energy.ru/news/2015/08/03/58750> (accessed: 02.02.2020) (in Russian).

31. Yamal SPG otgruzil tridczatyi? million tonn SPG [«Yamal SPG» shipped 30 mln. ton of LNG]. *Yamal SPG*. 26.02.2020. Available at: <http://yamallng.ru/press/news/38150/> (accessed: 01.03.2020) (in Russian).

А.А. Игнатов

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Российская Федерация и Республика Корея занимают взаимовыгодные позиции на международном энергетическом рынке. Углубление энергетического сотрудничества отвечает стратегическим приоритетам обеих стран. Тем не менее потенциал энергетического сотрудничества России и Южной Кореи не реализуется в полной мере. Статья содержит результаты анализа текущих показателей и факторов развития двусторонних отношений России и Южной Кореи в топливно-энергетической сфере. Актуальная статистика показывает, что за период с 2014 по 2018 г. доли российской нефти и угля в энергобалансе РК увеличились, тогда как присутствие российского газа сократилось. Автор определил, что сдерживающими факторами развития двусторонних связей выступает недостаточная пропускная способность транспортной инфраструктуры географически близких к Корейскому полуострову российских регионов, политическая нестабильность в Северо-Восточной Азии, а также переориентация российских поставщиков на сотрудничество с КНР. Разность подходов российского и южнокорейского руководства к развитию топливно-энергетического сектора рассматривается автором как стратегическое препятствие углублению двусторонних связей.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, энергетика, сотрудничество, инфраструктура.

На сегодняшний день устойчивое развитие энергетического сектора не только является определяющим фактором развития экономики в целом, но и входит в число приоритетов политики безопасности как в странах — поставщиках энергетических ресурсов, так и среди нетто-потребителей энергоносителей¹. Изучение энергетической политики того или иного государства, в частности её внешнеполитического аспекта, является актуальным направлением исследований.

Российская Федерация (РФ) относится к числу важнейших субъектов международной энергетической политики. РФ остается крупнейшим в мире экспортёром нефти и природного газа, несмотря на постепенное снижение доли страны в мировой добыче энергетического сырья². По итогам 2018 г. РФ находится на 6-м месте по мировой добыче угля, уступая Китаю, США, Индонезии, Индии и Австралии³.

Республика Корея (РК) представляет собой крупный и динамично развивающийся рынок энергоресурсов. С 2007 по 2017 г. среднегодовые темпы роста потребления РК основных видов ископаемых источников энергии — природного газа, сырой нефти и угля — составили 3,2 %, 1,6 % и 3,7 % соответственно, что превосходит как среднемировой показатель, так и средний показатель стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). По итогам 2018 г. на долю РК приходится 1,5 % мирового потребления природного газа, 2,8 % мирового потребления нефти и 2,3 % потребления угля⁴.

Хорошо известно, что зависимость экономики РК от импортных поставок достигает практически 100 %⁵. Импорт энергетических ресурсов в 2010—2017 гг. в среднем составлял около 28,9 % от суммы импортных закупок РК⁶.

Таким образом, РФ и РК занимают взаимодополняющие позиции на энергетическом рынке, что является основной предпосылкой для развития энергетического сотрудничества. В данном случае под «энергетическим сотрудничеством» понимается оборот отдельных видов ископаемых ресурсов, добываемых российскими предприятиями и экспортируемых в РК для дальнейшего производства электроэнергии.

Углубление сотрудничества между РФ и РК в энергетической сфере отвечает базовым приоритетам развития ТЭК двух стран. Ак-

туальная редакция проекта Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г. указывает в числе ключевых мер по развитию энергетики «стимулирование продуктовой и географической диверсификации экспортных поставок продукции и услуг российских организаций ТЭК». Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) рассматриваются в качестве основных стратегических партнёров: целевой показатель их доли в российском энергетическом экспорте установлен на уровне 50 % к 2035 г.⁷ В то же время диверсификация каналов импортных поставок входит в число стратегических приоритетов РК согласно действующему Национальному энергетическому плану⁸.

Основным фактором развития энергетического партнёрства РФ и РК выступает географическая близость двух стран. Например, расстояние между российским портом Козьмино — нефтеналивным терминалом трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) и ключевыми южнокорейскими портами в среднем составляет около 1038 км; среднее время в пути составляет около 46 ч (табл. 1). Поставки сырой нефти из стран Ближнего Востока и АТР в порт г. Пусан, являющегося одним из крупнейших в РК, по умолчанию являются более затратными из-за значительных временных издержек (табл. 2). Отметим, что посредством ВСТО доставляется нефть марки ESPO, которая не только не уступает по качеству, но и

Таблица 1. Расстояние между нефтеналивным портом Козьмино и портами Республики Корея

Нефтеналивные порты РК	Расстояние, км / миль	Среднее время в пути, ч
Тонхэ	717,79 / 387,58	30
Пхохан	828,24 / 447,21	37
Ульсан	891,00 / 481,10	40
Пусан	950,79 / 513,39	43
Йосу	1132,95 / 611,74	51
Мокпхо	1286,49 / 694,95	58
Кунсан	1464,95 / 791,01	64

Источник: составлено автором по данным Searates: Distances & Time // Searates. URL: <https://www.searates.com/services/distances-time/>

Таблица 2. Расстояние между ключевыми портами стран — партнёров Республики Корея и портом Пусан

Страна / порт	Расстояние, км / миль, до порта Пусан	Среднее время в пути
Катар / Доха	11 375,32 / 6142,18	19 дней 16 ч
Саудовская Аравия / Эль-Джубайль	11 545,37 / 6234,00	19 дней 23 ч
Кувейт / Эш-Шуайба	11 718,01 / 6327,22	20 дней 7 ч
Австралия / Карумба	6366,65 / 3437,32	11 дней
Индонезия / Танжунг-Приок -Тапак-Туан	5190,00 / 2802,38	8 дней 23 ч

Источник: составлено автором по данным Searates: Distances & Time // Searates. URL: <https://www.searates.com/services/distances-time/>

по ряду параметров превосходит эталонный сорт Dubai Crude, добываемый Саудовской Аравией.

Несмотря на то что ещё в 2008 г. РФ и РК договорились развивать отношения в духе стратегического партнёрства⁹, потенциал двустороннего сотрудничества в энергетике не реализуется в полном объеме. Об этом говорит статистика за 2018 г. доли российского энергетического сырья на рынке РК (табл. 3).

Таблица 3. Основные поставщики энергетических ресурсов на рынке Республики Корея, 2018 г.

Уголь						
Страна	Австралия	Россия	Индонезия	Канада	ЮАР	Остальные
Доля, %	36	21	16	11	4	12
Сырая нефть						
Страна	Саудовская Аравия	Кувейт	Ирак	Россия	ОАЭ	Остальные
Доля, %	29	14	12	7	7	31
Природный газ						
Страна	Катар	США	Австралия	Оман	Россия	Остальные
Доля, %	30	19	16	9	4	23

Источник: составлено автором по данным UN Comtrade Database за 2018 г. // UNCTAD. URL: <https://comtrade.un.org>

Анализ данных за 2014 г., представленных в табл. 4, показал, что в период с 2014 по 2018 г. доля российского угля возросла с 12 до 21 %, а сырой нефти — с 4 до 7 %. Доля российского газа за тот же период сократилась с 5 до 4 % (табл. 3, 4).

Таблица 4. Основные поставщики энергетических ресурсов на рынке Республики Корея, 2014 г.

Уголь								
Страна	Австралия	Индонезия	Россия	Канада	США	Китай	Вьетнам	Остальные
Доля, %	40	29	12	10	5	2	1	1
Сырая нефть								
Страна	Саудовская Аравия	Кувейт	Иран	Катар	ОАЭ	Ирак	Россия	Остальные
Доля, %	34	16	5	9	12	10	4	10
Природный газ								
Страна	Катар	Индонезия	Оман	Малайзия	Россия	Йемен	Тринидад и Тобаго	Нигерия
Доля, %	33	14	11	10	5	9	2	7

Источник: Игнатов А.А. (2016)¹⁰.

Позитивные изменения в показателе присутствия российской нефти на рынке РК за последние годы предположительно связаны с развитием транспортной инфраструктуры российских регионов. Например, существенно возросла пропускная способность трубопровода ВСТО, которая, по словам министра энергетики РФ А. Новака, достигла 50 млн т в год¹¹. Ожидается, что по итогам 2020 г. фактический объем поставок нефти по данному направлению достигнет показателя 34 млн т¹².

Рост доли российского угля на рынке РК в 2014—2018 гг. составил около 10 %, что можно связать с тарифной политикой ОАО «РЖД» (субсидирование поставок угля за счет других товарных групп)¹³. Руководством ОАО «РЖД» были предприняты дополнительные меры для увеличения загрузки угля на экспорт. Осуществляется постепенный ввод в эксплуатацию территориально близких к АТР угольных месторождений российского Дальнего Востока¹⁴.

Российский уголь потеснил конкурентов из АТР на рынке РК: например, доля Индонезии сократилась с 29 до 16 % (см. табл. 3 и 4).

В течение рассматриваемого периода относительный показатель присутствия российского газа на рынке РК сократился на 1 %. Вероятней всего, зафиксированное снижение обусловлено расширением энергетического сотрудничества РК с США, доля которых увеличилась с 5 до 19 %. По сравнению с 2016 г., объем торговли энергетическим сырьем между странами вырос почти в 9 раз и достиг отметки 9,5 млрд долл.; в 2018 г. РК стала крупнейшим импортёром американского сжиженного газа, потеснив Мексику и Японию¹⁵.

При анализе долгосрочных перспектив развития российско-южнокорейского энергетического сотрудничества следует принять во внимание следующие факторы.

Во-первых, РФ и РК придерживаются различных концепций развития топливно-энергетического комплекса. Выявленные автором ранее расхождения в подходах к стратегическому планированию развития энергетики двух стран актуальны по настоящий момент, в частности стремление Республики Корея нарастить долю возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе наряду со снижением доли ископаемых источников¹⁶. В апреле 2019 г. правительство Республики Корея изменило целевой показатель доли возобновляемых источников, повысив его до 30—35 % к 2040 г.¹⁷ Изначально этот показатель был установлен на уровне 11 % к 2035 г.¹⁸ Россия, напротив, в качестве приоритета выдвигает укрепление экспортного потенциала ископаемого топлива, в частности угля.

Во-вторых, концентрация российского экспорта на китайском направлении препятствует развитию отношений с другими странами региона. Сейчас до 80 % мощностей нефтепровода ВСТО задействованы исключительно на китайском направлении, при этом в ближайшие 2—3 года производство нефти в РФ будет увеличиваться «совсем незначительно»¹⁹.

В-третьих, сохраняется высокий уровень политических рисков, связанных с ситуацией на Корейском полуострове. Напряженность между КНДР и РК препятствует развитию совместных проектов в области трубопроводного и железнодорожного транспорта, реализация которых могла бы укрепить позиции РФ на местных рынках.

Тем не менее имеются основания для выдвижения позитивных прогнозов. В среднесрочной перспективе (до пяти лет) транспортно-логистические возможности российских поставщиков сжиженного природного газа (СПГ) в АТР существенно возрастут благодаря вводу в эксплуатацию новых танкеров: в 2020—2023 гг. ПАО «Современный коммерческий флот» (Совкомфлот) планирует расширить флотилию СПГ-танкеров на семь новых судов²⁰, строящихся на верфях Hyundai (РК) и «Звезда» (РФ). В перспективе, некоторые из этих судов могут использоваться на южнокорейском направлении.

Примечания

¹ Данилин Н.А. Восприятие энергетической безопасности и угроз энергетической зависимости от России в Европейском Союзе // *Мировая энергетика: конкуренция и сотрудничество*. Под ред. С.В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 111—127.

² BP Energy Outlook 2019 Edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2019.pdf>. С. 69 (дата обращения: 09.04.2020).

³ BP Statistical Review of World Energy 2019. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, с. 44 (дата обращения: 09.04.2020).

⁴ Там же. С. 20, 34, 45.

⁵ Yoon, Y. Energy import diversity of energy importing countries: focus on Korea and Japan. // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019. № 8. С. 34

⁶ Korean Statistical Information Service. URL: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1994027&themaId=#SelectStatsBoxDiv (дата обращения: 09.04.2020).

⁷ Проект энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 года (редакция от 18.12.2019) // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1920>. С. 57—58 (дата обращения: 09.04.2020).

⁸ Korea Energy Master Plan // Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея (Ministry of Trade, Industry & Energy). URL: http://www.motie.go.kr/common/download.do?fid=bbs&bbs_cd_n=72&bbs_seq_n=209286&file_seq_n=2 (дата обращения: 09.04.2020).

⁹ РФ и Южная Корея будут развивать отношения стратегического партнёрства // РИА Новости. 29.09.2008. URL: <https://ria.ru/20080929/151684062.html> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁰ *Игнатов А.А.* Стратегическое развитие энергетики в России и Республике Корея: перспективы долгосрочного сотрудничества двух стран // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны; отв. ред. Л.В. Захарова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 100—101.

¹¹ ВСТО выведена на максимальную мощность // *Электронное периодическое издание «Нефть и Капитал»*. 27.11.2019. URL: <https://oilcapital.ru/news/export/27-11-2019/vsto-vyvedena-na-maksimalnuyu-moschnost> (дата обращения: 09.04.2020).

¹² Нефть перетекает на Восток // Российская газета. 27.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/27/reg-dfo/nefteprovod-vsto-vyhodit-na-maksimalnuiu-moshchnost-raboty.html> (дата обращения: 09.04.2020).

¹³ *Хусаидов Ф.* Тарифные успехи угольщиков // Ведомости. 15.10.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/16/783761-tarifnie-uspehi> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁴ Добыча угля в РФ вырастет до 550 млн т: большая часть пойдёт в АТР через Дальний Восток // Медиахолдинг PrimaMedia. 25.08.2019. URL: <https://primamedia.ru/news/846616/> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁵ Korea Gas Corporation и ВР подписали 18-летний контракт на поставку СПГ // Regnum. 24.09.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2728037.html> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁶ *Игнатов А.А.* Сотрудничество России и Южной Кореи в энергетике в условиях экономических санкций // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии; отв. ред. Л.В. Захарова. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 198—206.

¹⁷ Korea raises renewable energy target to 30—35 percent by 2040 // *The Korea Herald*. 19.04.2019. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190419000498> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁸ Korea Energy Master Plan. P. 119.

¹⁹ Нефть перетекает на Восток // Российская газета. 27.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/27/reg-dfo/nefteprovod-vsto-vyhodit-na-maksimalnuiu-moshchnost-raboty.html> (дата обращения: 09.04.2020).

²⁰ Список судов // SCF Group. URL: <http://www.scf-group.com/fleet/fleetlist/> (дата обращения: 09.04.2020).

References

1. “East Siberia — Pacific Ocean” Pipeline on Maximum Capacity. *Online journal «Oil & Capital» — Neft’i Kapital*. 27.11.2019. Available at: <https://oilcapital.ru/news/export/27-11-2019/vsto-vyvedena-na-maksimalnuyu-moschnost> (accessed: 09.04.2020).

2. BP Energy Outlook 2019 Edition. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2019.pdf>. P. 69 (accessed: 09.04.2020).
3. BP Statistical Review of World Energy 2019. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>. P. 44 (accessed: 09.04.2020).
4. BP Statistical Review of World Energy 2019. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>. P. 20, 34, 45. (accessed: 09.04.2020).
5. Coal Production in Russia to Reach 550 mln tonnes, Majority Goes to Asia-Pacific via Russia's Far East. *PrimaMedia*. 25.08.2019. Available at: <https://prima.media.ru/news/846616/> (in Russian) (accessed: 09.04.2020).
6. *Danilin N.A.* (2019). Vospriyatie energeticheskoy bezopasnosti i ugroz energeticheskoy zavisimosti ot Rossii v Evropejskom Soyuze [EU's perception of energy security and energy dependency on Russia]. *Global Energy: Competition and Cooperation* / Zhukov S.V., ed. Moscow, IMEMO. P. 111—127.
7. *Husaidov F.* (2018) Tarifnye uspekhi ugol'shchikov [Tariff Developments of Russia's Coal Industry]. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/16/783761-tarifnie-uspehi> (accessed: 09.04.2020) (in Russian).
8. *Ignatov A.A.* (2016). Strategicheskoye razvitiye energetiki v Rossii i Respublike Koreya: perspektivy dolgosrochnogo sotrudnichestva dvukh stranakh [Strategic Development of Energy Industry in the Russian Federation and the Republic of Korea: Long-term Outlook of Prospects for Cooperation]. *Russia and East Asia: 70 Years after the Second World War*. Moscow, IFES RAS. Pp. 100—101 (in Russian).
9. *Ignatov A.A.* (2017). Sotrudnichestvo Rossii i Yuzhnoy Korei v energetike v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy. [Russia-South Korea Cooperation in the Energy Sphere under Economic Sanctions]. *Security and Cooperation Architecture in East Asia*. IFES RAS. P. 198—206. (in Russian).
10. Korea Energy Master Plan. Ministry of Trade, Industry & Energy. Available at: http://www.motie.go.kr/common/download.do?fid=bbs&bbs_cd_n=72&bbs_seq_n=209286&file_seq_n=2 (accessed: 09.04.2020).
11. Korea Gas Corporation i BP podpisali 18-letniy kontrakt na postavku SPG [Korea Gas Corporation, BP to Sign 18-Years Agreement on LNG]. *Regnum*. 24.09.2019. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2728037.html> (accessed: 09.04.2020) (in Russian).
12. Korea raises renewable energy target to 30—35 percent by 2040. *The Korea Herald*. 19.04.2019. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190419000498> (accessed: 09.04.2020).

13. Korean Statistical Information Service. Available at: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1994027&themeId=#SelectStatsBoxDiv (accessed: 09.04.2020).

14. List of vessels. *SCF Group*. Available at: <http://www.scf-group.com/en/fleet/fleetlist/> (accessed: 09 April 2020).

15. Neft' peretekayet na vostok [Oil Goes to the East]. *Rossiyskaya Gazeta*. 27.11.2019. Available at: <https://rg.ru/2019/11/27/reg-dfo/nefteprovod-vsto-vyhodit-na-maksimalnuiu-moshchnost-raboty.html>. (accessed: 09 April 2020) (in Russian).

16. Proyekt energostrategii rossiyskoy federatsii na period do 2035 goda [Draft energy strategy of Russia till 2035]. Ministry of Energy of the Russian Federation. P. 57—58. Available at: <https://minenergo.gov.ru/node/1920> (accessed: 09.04.2020) (in Russian).

17. RF i Yuzhnaya Koreya budut razvivat' otnosheniya strategicheskogo partnerstva [Russia — South Korea to Facilitate Strategic Partnership]. *RIA Novosti*. 29.09.2008. Available at: <https://ria.ru/20080929/151684062.html> (accessed: 09.04.2020) (in Russian).

18. Yoon, Y. (2019). Energy import diversity of energy importing countries: focus on Korea and Japan. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. — Intellect, Innovaions, Investment. No 8. P. 34.

К.А. Корнеев

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И НОВЫЕ РЕАЛИИ

В ретроспективе отношения Японии и Республики Корея представляют довольно сложную систему. По окончании Второй мировой войны сторонам потребовалось не одно десятилетие для выработки стабильной парадигмы двусторонних отношений с преобладанием взаимных экономических интересов, а не исторических обид. Япония первой из восточноазиатских стран встала на путь масштабной экономической модернизации в 1950-е; Республика Корея запустила эти процессы несколько позже и с оглядкой на японский опыт, однако о буквальном его копировании речи не идёт. На протяжении более чем пятидесяти лет странам удавалось сохранять сдержанный нейтралитет во взаимной внешнеполитической риторике, но в настоящее время по ряду причин, которые и будут рассмотрены в статье, происходит значительное охлаждение японо-корейских отношений.

Ключевые слова: японо-южнокорейские экономические отношения, исторический опыт, современный контекст, перспективы развития.

Основой японского «экономического чуда» стала политика, направленная на всестороннюю эксплуатацию собственных трудовых и финансовых ресурсов, совместно с активным импортом иностран-

ных технологий и научно-исследовательских разработок. Также эффективным оказался принцип «импортируй сырьё — экспортируй продукт»; недорогие и качественные японские товары в 1960-е стали пользоваться спросом на рынках стран Западной Европы и США. Сбалансированное развитие как базовых, так и наукоёмких отраслей промышленности привело к созданию в Японии к концу 1970-х собственного технологического базиса, благодаря чему удалось не только успешно заменить ранее заимствованные технологии, но и начать внедрение уже собственных разработок.

Южная Корея приступила к активным экономическим преобразованиям в 1960-е, во многом копируя японский опыт и адаптируя его под собственную специфику. Однако говорить о полном повторении пути Японии, конечно же, нельзя. РК опиралась на создание «точек роста» в лёгкой и обрабатывающей промышленности с последующим распространением полученных результатов на тяжёлую индустрию. Перед южнокорейской экономикой не стояла цель добиться в итоге значительных показателей импортозамещения. Скорее, требовалось реализовать программу ориентированной на экспорт индустриализации с активным привлечением иностранных государственных займов и промышленных капиталов. Этот подход, естественно, похож на японский, однако Южной Корее удалось легче преодолеть период первоначального накопления капитала и создания производственной инфраструктуры. Это произошло благодаря существенной помощи той же Японии и США, в равной мере заинтересованных в появлении эффективного противовеса КНДР (и влиянию СССР) на Корейском полуострове.

Существенным отличием экономической модели Республики Корея от японской является более предметная вовлечённость государства в управленческие процессы. По сути, речь идёт о государственно-частном партнёрстве, в качестве ключевого элемента которого выступают чеболи — южнокорейский вариант финансово-промышленных групп. Во многом поэтому власти Республики Корея на уровне официальной риторики всегда остро реагируют на попытки третьих стран именовать Японию «старшим партнёром», полагая свой путь вполне самостоятельным¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению преимущественно экономической проблематики, следует уточнить, что существуют и иные

факторы риска отношений между Японией и Республикой Кореей. Помимо непростого исторического наследия, имеются также территориальные споры. Речь идёт о двух небольших островах Токто, расположенных на примерно равном расстоянии между японским островом Хонсю и Корейским полуостровом. Япония считает их своей территорией (включены в состав префектуры Симанэ) и настаивает на том, что Республика Корея незаконно присвоила их после Второй мировой войны. Сеул, в свою очередь, полагает эти острова исконно корейскими территориями.

Тем не менее этот спор далёк от перехода в «горячую» фазу, поскольку Япония чувствует ответственность за события прошлого и не стремится нагнетать ситуацию в настоящем. Кроме того, желание сохранить сложившиеся тесные экономические отношения между странами пока превалирует над любыми политическими и культурно-историческими разногласиями; однако нет никаких гарантий, что эта практика «сдержанного нейтралитета» сохранится и в дальнейшем. Углубляющиеся противоречия между Японией и Республикой Корея дают основания для опасений со стороны аналитиков западных научно-исследовательских центров, а также СМИ, что в скором времени возможен пограничный военный конфликт и что США вряд ли смогут этому помешать, поскольку их влияние как регионального арбитра существенно снизилось за последнее десятилетие².

Следует отметить, что подобные алармистские высказывания всё-таки сомнительны с точки зрения реальной геополитической ситуации в регионе Восточной Азии, где, помимо проблемы КНДР, наблюдается резкое усиление позиций Китая, которому выгодна нестабильность в отношениях соседей. Правящие круги Японии и РК вполне осознают это, так что можно обоснованно предположить, что до «горячей стадии» имеющиеся противоречия не разовьются. Более того, позиции США в регионе всё ещё достаточно сильны, и Вашингтон сохраняет значительные рычаги влияния как на Сеул, так и на Токио.

Возвращаясь к сугубо экономической повестке, следует отметить впечатляющий прогресс экономики Республики Корея в 1990—2010-е годы. В то время как Япония попала в полосу затяжной рецессии и руководству страны никак не удавалось принять нужные меры для стимулирования экономического роста (кратковременный

эффект дала либерализация электроэнергетики в начале 2000-х годов), Корея демонстрировала устойчивые темпы развития. В период 1992—2016 гг. ВВП Южной Кореи рос в среднем на 5 % в год и увеличился за это время почти втрое, сократив разрыв с японским с 10 до 2,5 раза, причём в 2020—2022 гг. прогнозируется рост экономики Кореи на уровне 2—3 % в год, в то время как у Японии этот показатель вряд ли превысит 0,8 %³.

И южнокорейская, и японская экономика ориентированы на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью, поэтому остро реагируют на замедление глобальной торговли, особенно на снижение потребительского спроса со стороны развивающихся рынков Юго-Восточной и Южной Азии — основных покупателей электроники, промышленного оборудования, автомобилей. Однако Южная Корея грамотнее управляет своими финансами и не имеет такого огромного, как у Японии, госдолга (240 % ВВП), что позволяет ей активнее брать небольшие внешние займы, тем самым делая валютную политику более гибкой. К тому же она, в отличие от Японии, не исчерпала ещё всех направлений экстенсивного пути развития и активно конкурирует с последней, например, на мировом автомобильном рынке за счёт сохраняющихся возможностей по увеличению производства и удержанию цены, приемлемой для жителей развивающихся стран⁴.

На текущем этапе и в среднесрочной перспективе Республика Корея сохранит тенденцию к поступательному росту экономики и благосостояния населения. Однако не стоит забывать, что РК не абсолютно, но во многом идёт по японскому пути, с отставанием по времени в 10—15 лет, так что вряд ли экономике страны удастся избежать этапа перенасыщения внутреннего рынка товарами и услугами. С момента подписания в 1965 г. Договора о нормализации отношений между Республикой Корея и Японией (переговоры об этом велись с начала 1950-х) прошло 55 лет, и ситуация в двусторонних отношениях значительным образом изменилась. Сейчас в каких-то аспектах Сеул может позволить себе разговаривать с Токио даже с позиции силы, опираясь на здоровую экономику и развитые вооруженные силы, что ещё в 1970-х сложно было представить. Прагматичность молодых южнокорейских лидеров во главе с Пак Чон Хи, пришедших к власти в начале 1960-х, принесла свои плоды: страна

научилась жить по средствам, снизила уровень коррупции и успешно привлекла иностранных инвесторов — в первую очередь, японцев.

Действительно, у истоков корейского экономического чуда стоят японские компании. В рамках дополнительного Соглашения о репарациях и экономическом сотрудничестве 1965 г. Токио предоставил Сеулу безвозмездные субсидии на сумму более 300 млн долл., и ещё 200 млн долл. предоставлялись под 3,5 % годовых сроком на двадцать лет. Эти деньги пошли на строительство объектов тяжёлой промышленности и транспортной инфраструктуры. К концу 1960-х годов Япония вышла на первое место среди инвесторов в экономику Республики Корея, опередив США и страны Западной Европы. В период 1970—1980 годов межгосударственные отношения укреплялись, состоялось несколько встреч на высшем уровне. Росли и показатели торгово-экономического сотрудничества: например, торговый оборот увеличился более чем в три раза с конца 1960-х и составил порядка 3 млрд долл⁵.

Ставка на тесную экономическую кооперацию с Японией оправдала себя: за десять лет с момента нормализации отношений ВВП вырос почти в два раза (среднегодовые темпы роста достигали 8,5 %), доход на душу населения увеличился с 82 долл. до 253 долл., уровень безработицы упал с 8 % в 1965 г. до 4 % в 1975 г. Экспорт из страны продукции тяжёлой и лёгкой промышленности увеличивался на 38 % ежегодно. Среди наиболее значимых факторов этого успеха, помимо иностранных инвестиций, можно выделить следующие: недорогая рабочая сила, высокая трудовая дисциплина и ответственность сотрудников, благоприятный климат для ведения бизнеса, сформированный усилиями правительства, ставка на государственно-частное партнёрство по японскому образцу (семейные корпорации чеболи, во многом схожие с японскими дзайбацу)⁶.

С начала до середины 1980-х годов сформировалась торгово-экономическая модель взаимоотношений Японии и Республики Корея, с небольшими изменениями просуществовавшая вплоть до азиатского кризиса 1997 г. Также этот период характеризуется относительно стабильными и доброжелательными внешнеполитическими контактами между странами и усилением сотрудничества в области безопасности на Корейском полуострове. В 1980-е началась активная международная экспансия таких корейских высокотехнологич-

ных компаний, как Samsung, LG, Daewoo, что впоследствии привело к жёсткой конкуренции с японскими корпорациями (Sony, Toshiba, Panasonic и др.) на азиатских и мировых рынках.

К середине 1980-х сложилась значительная зависимость южнокорейской экономики от поставок из Японии материалов, станков и оборудования: доля японского экспорта в РК достигала 30 % от суммарного значения. Для сравнения: в 2015 г. этот показатель составил 10 %, что немало, но уже не столь масштабно. До конца 1990-х Япония оставалась основным инвестором в южнокорейскую промышленность и сферу высоких технологий (автомобилестроение, микроэлектроника, ИТ). За 1990-е годы суммарный накопленный объём японских инвестиций в Южную Корею составил 1,5 млрд долл., или до 70 % всех иностранных инвестиций. Можно смело утверждать, что на протяжении нескольких десятилетий Япония являлась главным экономическим ресурсом Республики Корея. В табл. 1 приведены ретроспективные данные по торговому обороту между странами⁷.

Таблица 1. Динамика торговли Республики Корея с Японией и Китаем, %

Торговый партнёр		1985	1990	1995	2000	2005	2010	2018
Япония	Экспорт	23	19	14	12	9	6	4
	Импорт	28	27	25	20	19	15	9
Китай	Экспорт	2	2	8	11	22	25	28
	Импорт	2	2	7	8	15	17	20

После азиатского кризиса 1997 г. объём торговли между странами неуклонно падал, поскольку изменилась ситуация в регионе Восточной Азии: появился новый претендент на региональное лидерство — Китай. Сокращение уровня экономической взаимозависимости (табл. 1) привело и к некоторому охлаждению во внешнеполитических отношениях, усилило тенденцию к «поиску самостоятельного пути» со стороны Республики Корея и привело к значительному снижению японского влияния. Такое развитие событий обусловило и формирование среды для конкуренции между Японией и РК за условную роль «второго регионального лидера»

после Китая, что запустило спящие механизмы взаимных исторических претензий и вывело их применение на новый уровень.

Тем не менее на протяжении 2000-х и 2010-х годов торгово-экономические связи оставались ещё достаточно тесными, и только к началу 2020-х становится понятно, что ситуация, когда политические желания и амбиции сторон будут превалировать над экономическими интересами, может воплотиться в реальность⁸. Во многом не совпадают взгляды стран и на доктрины международного сотрудничества; словом, почва для политического конфликта оказалась готова, и этот конфликт состоялся.

В июле 2019 г. правительство Японии ввело ограничения на поставки в Корею редких материалов, используемых для производства электротехники, а также на экспорт фторида водорода, который может применяться в военных целях. Запрет не является окончательным, однако японские компании должны иметь специальное разрешение на подобные торговые операции, процесс получения которого может растянуться на срок до 90 дней. Южнокорейские производители бытовой электроники, компьютерной техники и различных портативных электронных устройств в значительной мере зависят от японских материалов, что может привести к падению производства на 10 % в ближайшие два года. Если ограничения не будут сняты, южнокорейским компаниям придётся искать новых поставщиков, а это значит — заново выстраивать технологические цепочки и нести убытки⁹.

В ответ правительство Республики Корея пообещало исключить Японию из «белого списка» торговых партнёров и призвало граждан ограничить поездки в Страну восходящего солнца, а туристы из Южной Кореи — это примерно 13 % японского туристического рынка ежегодно. В РК начался активный бойкот японских товаров и развлекательной продукции. Торговый оборот между странами составил в 2018 г. порядка 80 млрд долл., и произошедший конфликт вполне может иметь долгосрочные негативные последствия вплоть до снижения объёмов взаимной торговли на несколько процентов.

Формально причина кроется в исторических обстоятельствах и противоречиях, однако раньше они не препятствовали успешному развитию двусторонних отношений и вполне успешно сглаживались. Сейчас же вдруг серьёзно обострилась риторика по поводу от-

ветственности Японии за угнетение корейцев в первой половине XX в. Однако она ещё по договору 1965 г. и в течение нескольких лет после него выплатила компенсации южнокорейским гражданам в размере 2 млрд долл. в пересчёте на современный курс, и проблема была официально признана закрытой¹⁰.

Следует предположить, что основной подоплёкой торговой войны является обострившееся противостояние двух стран, чьи экспортноориентированные модели развития очень похожи и напрямую конкурируют за рынки сбыта. Япония хочет вернуть себе позиции, утерянные на мировой арене, в том числе и по причине успехов Южной Кореи. Налицо протекционистская политика японского руководства, направленная на сдерживание соседа. С другой стороны, южнокорейская экономика, в отличие от японской, демонстрирует устойчивый рост и всё меньше нуждается в японских инвестициях и материалах, многие из которых сейчас вполне успешно замещает Китай.

Геополитическое пространство Восточной Азии в настоящее время претерпевает существенные изменения, вызванные глобальными амбициями расположенных в этом регионе стран. Сложно сказать, каким будет промежуточный результат этих изменений, однако очевидно, что нарождающаяся новая парадигма японо-корейских отношений однозначно выйдет за рамки сдержанного нейтралитета прошлых десятилетий.

Примечания

¹ *Hun-Chang Lee. How Geography and International Relations Shaped Economic Development in the Republic of Korea // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2010. № 2. P. 7208—7217.*

² *Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33—48.*

³ *Economic Snapshot for East and South Asia // Focus Economics. 25.03.2020. URL: <https://www.focus-economics.com/regions/east-and-south-asia> (дата обращения: 13.04.2020).*

⁴ *Додонов В.Ю. Экономическая ситуация в Японии и Южной Корее // Международный научный комплекс «Астана». 08.11.2016. URL: <http://isca.kz/ru/analytic-s-ru/1076> (дата обращения: 26.02.2020).*

⁵ Лобов Р.Н. Трансформация внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии: взгляд сквозь призму поколений // Корё Сарам. 22.04.2015. URL: <https://koryo-saram.ru/r-n-lobov-transformatsiya-vneshnepoliticheskogo-kursa-respubliki-koreya-v-otnoshenii-yaponii-vzglyad-skvoz-prizmu-pokolenij/> (дата обращения: 27.02.2020).

⁶ Jong-Dae Park. Korea's Path of Development in Retrospect // *Re-Inventing Africa's Development*. 01.11.2019. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-03946-2_7 (дата обращения: 25.02.2020).

⁷ Kim Gyu Pan. Korea's Economic Relations with Japan // *South Korea's Economic Relations with North-East Asia*. 2017. Part III. P. 23—29.

⁸ Alexandra Sakaki. Japan-South Korea Relations — a Downward Spiral // *SWP Comment*. 2019. № 35. 7 p.

⁹ Грозовский Б. Расстройство из-за памяти. Исторический спор привёл к торговой войне Японии и Южной Кореи // *The Insider*. 07.08.2019. URL: <https://theins.ru/ekonomika/170244> (дата обращения: 25.02.2020).

¹⁰ Сафронов А. Почему разругались Япония и Южная Корея? // *RBC*. 10.07.2019. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d234b7f9a79478e89a122ad> (дата обращения: 28.02.2020).

References

1. Alexandra Sakaki (2019). Japan-South Korea Relations — a Downward Spiral. *SWP Comment*. № 35. p. 7.

2. Dodonov V.Yu. (2016). Ekonomicheskaya situatsiya v Yaponii i Yuzhnoj Koree [Economic Situation in Japan and South Korea]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj kompleks «Astana» — International Science Complex “Astana”*. 08.11.2016. Available at <http://isca.kz/ru/analytics-ru/1076> (accessed: 26.02. 2020) (in Russian).

3. Economic Snapshot for East and South Asia (2020). *Focus Economics*. 25.03.2020. Available at: <https://www.focus-economics.com/regions/east-and-south-asia> (accessed: 13.04.2020).

4. Grozovsky B. (2019). Rasstrojstvo iz-za pamyati. Istoricheskij spor privyol k torgovoj vojne Yaponii i Yuzhnoj Korei [Memory Disorder. The Historic Dispute Led to a Trade War between Japan and South Korea]. *The Insider*. 07.08.2019. Available at: <https://theins.ru/ekonomika/170244> (accessed: 25.02.2020) (in Russian).

5. Hun-Chang Lee (2010). How Geography and International Relations Shaped Economic Development in the Republic of Korea. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. № 2. Pp. 7208—7217.

6. *Jong-Dae Park* (2019). Korea's Path of Development in Retrospect. Re-Inventing Africa's Development, 01.11.2019. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-03946-2_7 (accessed: 25.02.2020).

7. *Kim Gyu Pan* (2017). Korea's Economic Relations with Japan. South Korea's Economic Relations with North-East Asia. Part III. P. 23—29.

8. *Kistanov V.O.* (2019). Otnosheniya mezhdu Yaponiej i Yuzhnoj Koreej: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: Problems, Trends, Perspectives]. *Yaponskie Issledovaniya — Japanese Studies*. № 3. P. 33—48 (in Russian).

9. *Lobov R.N.* (2015). Transformatsiya vneshnepoliticheskogo kursa Respubliki Koreya v otnoshenii Yaponii: vzglyad skvoz' prizmu pokolenij [Transformation of the Republic of Korea's Foreign Policy towards Japan: Looking through the Lens of Generations]. *Koryo Saram*, 22.04.2015. Available at: <https://koryo-saram.ru/r-n-lobov-transformatsiya-vneshnepoliticheskogo-kursa-respubliki-koreya-v-otnoshenii-yaponii-vzglyad-skvoz-prizmu-pokolenij/> (accessed: 27.02.2020) (in Russian).

10. *Safronov A.* (2019). Pochemu razrugalis' Yaponiya i Yuzhnaya Koreya? [Why did Japan and South Korea Quarrel?]. *RBC*. 10.07.2019. Available at <https://quote.rbc.ru/news/article/5d234b7f9a79478e89a122ad> (accessed: 28.02.2020) (in Russian).

Л.В. Захарова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИМ ЧЕН ЫНА*

С начала своего правления Ким Чен Ын стал делать ставку на развитие экономики и повышение уровня жизни населения. В стране началось внедрение системы социалистической ответственности за управление сельхозкооперативами и предприятиями, которая предполагала повышение самостоятельности производственных единиц и расширила возможности материального стимулирования. В статье рассматриваются особенности и эволюция экономической политики Ким Чен Ына, анализируются перспективы экономических реформ с учетом текущей внутренней и внешней ситуации. Особое внимание уделено анализу речи северокорейского лидера на V Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва (декабрь 2019 г.).

Ключевые слова: КНДР, Ким Чен Ын, экономическая политика, опора на собственные силы, санкции.

Экономическая политика государства, как правило, неразрывно связана с реализуемой руководством страны экономической стратегией. В случае с КНДР, целью экономической стратегии уже многие годы является построение самостоятельной экономики, которая могла бы поступательно развиваться с опорой на собственные силы. При этом реализовано это должно быть в рамках построения «чуч-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00020.

хейского социализма». Последнее задает важные условия для реализации экономической политики — сохранение «коллективной собственности трудящихся» на средства производства, существование системы государственного планирования, большое значение политических методов управления экономикой и т. п.

Несмотря на стремление к самостоятельности, экономика КНДР продолжает в значительной мере зависеть от внешнеэкономических связей, полноценное развитие которых требует благоприятной внешнеполитической обстановки. Однако последние годы ознаменовались для Северной Кореи беспрецедентным усилением международных экономических санкций из-за развития Пхеньяном ракетно-ядерной программы. Санкции блокируют возможности привлечения существенных иностранных инвестиций, ограничивают экспортно-импортные операции и другие сферы заработка иностранной валюты. Кроме того, военно-политическое противостояние с США и Южной Кореей требует от КНДР направления существенных ресурсов (не только материальных, но и кадровых, научно-технических) в военную сферу, сужая возможности для вложения средств в развитие гражданских отраслей экономики.

Несмотря на не самые благоприятные условия, с самого начала своего правления молодой лидер особую ставку стал делать на достижение экономического роста и повышение уровня жизни населения, не забывая при этом и о необходимости укрепления обороны страны.

К началу 2010-х годов в Северной Корее особую роль в управлении экономикой играли военные, что являлось наследием суровых для КНДР 1990-х. В рамках политики «*приоритета армии*» развитие гражданских отраслей экономики финансировалось фактически по остаточному принципу. В апреле 2012 г. молодой лидер выступил со своей первой публичной речью на военном параде в честь столетия со дня рождения Ким Ир Сена. В ней он заявил, что важнейшей государственной целью является строительство «процветающей страны». Как отмечает А.З. Жебин, этот призыв вполне мог привести в дальнейшем к необходимости перераспределения ограниченных ресурсов из военных в гражданские сектора экономики¹.

В 2013 г. в своей первой новогодней речи Ким Чен Ын призвал прилагать усилия для строительства «государства с сильной экономикой» и повышения уровня жизни народа. Наметился отход от по-

литики «приоритета армии» к более сбалансированному курсу, ориентированному одновременно на экономическое развитие и поддержание обороны страны. При этом особую роль в формулировании стратегического курса КНДР, включая экономическую сферу, стали играть руководящие структуры Трудовой партии Кореи². В марте 2013 г. на пленуме ЦК ТПК была провозглашена «новая стратегическая линия по параллельному развитию экономического строительства и создания ядерных сил»³.

Роль военных в экономической сфере стала снижаться за счет выдвигания на первый план кабинета министров КНДР. В его ведение был передан ряд функций, ранее принадлежавших армейским структурам. С 2016 г. Ким Чен Ын стал настойчиво подчеркивать необходимость усилить руководящую роль кабинета министров, являющегося «экономическим командованием страны», в руках которого нужно сосредоточить все хозяйственные дела КНДР⁴, а также улучшить его работу в области планирования, ценообразования, денежно-финансовой сферы, использования экономических рычагов в целях стимулирования производства⁵.

Внешние условия для достижения новых экономических высот в 2016—2017 гг. оказались не самыми благоприятными в связи с происходившим в эти годы масштабным ужесточением санкционного режима СБ ООН в отношении КНДР. Тем не менее в апреле 2018 г. на III Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва было объявлено успешное выполнение поставленных задач «курса на параллельное развитие» и выдвинута новая стратегическая линия — сосредоточить все силы на строительстве социалистической экономики⁶.

Социалистическая система ответственности за управление предприятиями и сельскохозяйственными кооперативами

Еще при отце Ким Чен Ына, Ким Чен Ире, в КНДР были приняты меры, которые привели к росту экономической активности за рамками системы государственного планирования. В начале 2000-х годов, в частности, были узаконены рынки и расширена самостоятельность предприятий. После прихода к власти Ким Чен Ына некоторые зарубежные аналитики ожидали от него начала рыночных реформ, однако этого не произошло. Внедрение новых хо-

зяйственных элементов, призванных повысить эффективность экономики и поднять производительность труда, стало происходить в рамках прежней экономической системы. 1 января 2013 г. Ким Чен Ын объявил, что необходимо крепко держаться за «социалистическую экономическую систему нашего образца» и улучшать методы экономического управления, поощряя рабочие массы выполнять функции «хозяев производства».

В апреле 2013 г. на пост главы кабинета министров КНДР был назначен Пак Пон Чжу, который уже занимал эту должность в 2003—2007 гг. и считался сторонником прогрессивных экономических преобразований. В официальных сообщениях подчеркивалось, что «страна прилагает усилия по улучшению методов экономического управления параллельно с укреплением социалистической экономической системы»⁷. На практике это означало большую самостоятельность хозяйственных единиц в процессе планирования, производства и распоряжения сверхплановой продукцией, но при сохранении общенародной собственности на средства производства.

В деревне с 2012 г. началось внедрение «социалистической системы ответственности за управление сельхозкооперативами» (*нон-чжан чхегим квалличже*). До этого сельхозкооперативы в обязательном порядке заготавливали государству всю продукцию за вычетом продовольствия сельхозкооператоров и средств, необходимых для сельхозпроизводства и управления в следующем году (т. е. средств на собственный фонд). Согласно новой системе из полученного урожая вычитают расходы за использование земли, орошение и электроэнергию, плату за снабжение аграрных материалов, плату за вспомогательные рабочие силы — и заготавливают их государству в обязательном порядке по установленной государством цене. А остальная часть продукции используется для: 1) создания собственного фонда, куда входит приобретение семян, кормов домашних животных, сырья для производства комбинированных микроудобрений; 2) распределения членам кооператива; 3) расширения производства*. Таким образом, сельхозкооперативы получили возмож-

* Ответы сотрудников Института экономики АОН КНДР на вопросы Л. Захаровой (получены по электронной почте от Посольства КНДР в России 21 сентября 2017 г.)

ность самостоятельно распоряжаться существенной долей урожая (по разным оценкам — от 30 до 60 %) — как для распределения среди членов кооператива, так и для наращивания производства в будущем. О позитивном эффекте от введенных мер и других способов господдержки сельского хозяйства свидетельствовала аграрная статистика. Если объем собранного урожая в 2012 г. составлял около 5 млн т в зерновом эквиваленте, то в 2015 г., по северокорейским данным, он достиг уже 5,891 млн т⁸.

В промышленности с 2014 г. была введена «социалистическая система ответственности за управление предприятиями» (*кион чхегим квалличже*). Предприятия получили более широкие права на планирование, организацию производства, управление структурой предприятия и рабочей силой, продажу товаров и установку цен, внешнюю торговлю и совместное производство с иностранцами. Расширение самостоятельности предприятий потребовало внесения коррективов в существовавшую систему управления. Многие годы она строилась по принципу Тэанской системы работы, которая ограничивала полномочия директора завода за счет расширения прав партийного комитета предприятия. Согласно поправкам в Закон о государственных предприятиях от 2014 г., роль партии на производстве была уменьшена, а права директора по управлению предприятием существенно расширились. В частности, директорам были гарантированы широкие права по участию во внешней торговле, созданию совместных предприятий, а также предусмотрена возможность привлечения инвестиций от частных корейских инвесторов⁹.

Введение подобных мер свидетельствовало, с одной стороны, о нехватке у государства ресурсов для полноценной загрузки всех имеющихся производственных мощностей в рамках системы государственного планирования (поэтому необходимо стимулировать хозяйственные единицы к самостоятельному обеспечению ресурсами — как сырьевыми, так и финансовыми), а с другой — о желании руководства страны добиться расширения производства путем задействования не столько административно-политических (во многом выдохшихся), сколько экономических рычагов. Учитывая уже существовавший до этого «внеплановый» сектор экономики, расширение самостоятельности хозяйственных единиц и повышение мате-

риального стимулирования работников могло придать необходимый импульс экономическому развитию страны. При этом очень важно было обеспечить четкие условия, системность и последовательность реализации обнародованных мер на местах.

Отраслевые приоритеты экономической политики

Со времен отца Ким Чен Ына целью государственной экономической политики провозглашалось первоочередное развитие оборонной промышленности при одновременном увеличении производства в легкой индустрии и сельском хозяйстве. Исторически акцент делался на поддержку базовых отраслей промышленности (металлургии, энергетики, химической промышленности), от которых требовалось перейти на местное сырье, материалы и оборудование. Кроме того, среди передовых секторов экономики КНДР обычно выделялся железнодорожный транспорт, обеспечивающий основной объем транспортных перевозок в стране.

В первой новогодней речи Ким Чен Ына в 2013 г. в списке экономических приоритетов на первом месте было упомянуто развитие «передовых отраслей экономики», среди которых *угледобыча, электроэнергетика, металлургия*, а также *железнодорожный транспорт*. Затем отдельно подчеркивалась необходимость развития сфер, имеющих непосредственное влияние на уровень жизни людей, и повышение объема производства в них. *Сельское хозяйство и легкая промышленность* были названы «основными фронтами экономического строительства». Кроме того, руководитель страны подчеркнул особую роль *науки и техники* в создании государства с сильной экономикой, а именно в обеспечении перехода на местные ресурсы и технологии, внедрении автоматизации в производственные процессы.

В 2014 г. в новогодней речи Ким Чен Ына сохранился акцент на необходимости повышения уровня жизни народа. При этом были выделены *сельское хозяйство, строительство, наука и техника* как передовые сектора в области социалистического строительства¹⁰. В отличие от прошлых лет на высокое место в списке приоритетов поднялось строительство — «важная сфера для укрепления основ процветающего государства и создания базы для счастливой жизни

людей». Развитие строительства в Северной Корее имеет хорошие перспективы, поскольку значительная часть сырья и материалов производится внутри страны, масштабные стройки обеспечивают рабочие места для граждан, а результат государственной политики в этой сфере виден невооруженным глазом.

В 2016 г., помимо новогодней речи, приоритеты экономического развития КНДР были сформулированы Ким Чен Ыном в Отчетном докладе ЦК ТПК на VII съезде партии. В частности, для завершения дела «чучхейского социализма» была поставлена задача строительства «научно-технической державы», в которой экономика, оборона, культура и все другие отрасли быстро развиваются при главенствующей роли науки и техники¹¹.

В качестве основных проблем в строительстве «экономической державы» Ким Чен Ын выделил *энергетический и продовольственный вопросы*. Были поставлены задачи увеличить выработку электроэнергии при главной роли ГЭС, с использованием ТЭС и возобновляемых источников энергии, а также «трансформировать экономику страны в энергосберегающую». В области увеличения производства продовольствия не было предложено принципиально новых решений.

Для реализации пятилетней государственной стратегии экономического развития на 2016—2020 гг., обнародованной на VII съезде ТПК, Ким Чен Ыном были обозначены следующие отраслевые приоритеты (в порядке их упоминания):

- 1) сосредоточить государственные силы на решении проблемы с *электроэнергией*;
- 2) добиться значительного развития *угольной, металлургической промышленности и железнодорожного транспорта*;
- 3) добиться перелома в *машиностроении, химической промышленности, строительной отрасли* и промышленности стройматериалов;
- 4) в отраслях *сельского хозяйства, рыболовства и легкой промышленности* — энергично развернуть трудовую вахту производственников-ударников и открыть прорыв в деле улучшения благосостояния народа.

Новогодние речи Ким Чен Ына в 2017 и 2018 гг. в части экономики в целом сохраняли круг и порядок упоминания приоритетов, обозначенных в рамках 5-летней стратегии. При этом усилился при-

зыв ко всем отраслям обеспечить производство на основе отечественного сырья, топлива и оборудования.

В 2019 г. к науке и технике как главным стратегическим ресурсам в строительстве социализма Ким Чен Ын добавил кадры, призвав увеличивать государственные инвестиции для качественного развития образования¹². В новогодней речи 2019 г. в ряду отраслевых приоритетов за *электроэнергетикой* следовала *угольная промышленность*. Она была провозглашена «передовым отрядом на фронте развития самостоятельной экономики». За счет роста добычи угля предполагается решать проблемы нехватки электроэнергии, а также обеспечивать отечественным сырьем *металлургию* (совершенствуя методы получения чугуна-железа с использованием местного угля) и *химическую промышленность* (в процессе создания одноуглеродной химической промышленности на базе газификации угля). Значительное повышение благосостояния населения вновь было названо приоритетом для партии и государства. Ким Чен Ын призвал к увеличению производства в *сельском хозяйстве, рыболовстве, легкой промышленности и строительстве*.

Анализируя круг отраслевых приоритетов экономического развития КНДР и порядок их упоминания лидером в 2013—2015 гг., можно говорить о повышении внимания к легкой промышленности, особом выделении животноводства, рыболовства и строительства, а также выдвигании науки и техники на первый план. В то же время с 2016 г. актуализируются проблемы энергетического сектора и других базовых отраслей промышленности, а также неизменно подчеркивается важность решения продовольственного вопроса. В условиях ужесточения санкций на первый план выдвигаются задачи импортозамещения во всех сферах.

V пленум ЦК ТПК 7-го созыва и перспективы экономических реформ

На V пленуме ЦК ТПК 7-го созыва, прошедшем с 28 по 31 декабря 2019 г., председатель ТПК Ким Чен Ын выступил с «историческим» докладом, особое внимание в котором было уделено задачам в области экономики. Учитывая перспективу длительной военно-

политической конфронтации с США, Ким Чен Ын призвал граждан смириться с тем фактом, что им придется продолжать жить в условиях санкций и, возможно, вновь затягивать пояса в процессе «дальнейшего всестороннего укрепления внутренних сил»¹³.

В сложившейся внутренней и внешней ситуации председатель ТПК выдвинул *курс на фронтальный прорыв* в качестве очередного направления борьбы северокорейского народа. Основным фронтом на этом пути была объявлена экономика, нужды которой требуют «в достатке обеспечить спрос... посредством переналадки экономической базы страны и всеобщей мобилизации производственного потенциала во всех сферах»¹⁴.

Лидер КНДР подробно остановился на существующих внутренних проблемах в управлении государством, экономической и других областях. Ким Чен Ын потребовал принять радикальные меры по реализации единого государственного руководства хозяйственными делами посредством укрепления системы ответственности кабинета министров, который пока не выполняет должным образом обязанности экономического командования. От кабинета требуется укрепить государственные финансы и правильно наладить организаторскую работу для активизации деятельности производственных подразделений.

Ким Чен Ын выразил неудовлетворенность «застойным положением» практически во всех секторах экономики — металлургии, химической, электроэнергетической, угольной и машиностроительной промышленности, производстве стройматериалов и железнодорожном транспорте, а также легкой промышленности — и призвал принимать действенные практические меры по их развитию. Сельскохозяйственный фронт был объявлен «передовым участком» приложения усилий в борьбе за фронтальный прорыв, на котором требуется решительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции на основе научно обоснованной агротехники.

Особое внимание Ким Чен Ын уделил задачам в области науки, образования и здравоохранения, отметив важность государственного руководства научно-исследовательской работой, коренного обновления образования в соответствии с требованиями современной эпохи, а также укрепления материально-технической базы здравоохранения.

Для эффективного развития экономики в текущих условиях отдельный акцент северокорейского лидера был обращен на необходимость увеличивать производство в духе экономии, сберегая труд, электроэнергию, снижая себестоимость продукции, но без ущерба для ее качества.

В целом «курс на фронтальный прорыв», предполагающий борьбу за увеличение производства и модернизацию страны за счет собственных сил, вряд ли можно считать некой новой политической линией. Отказа от стратегии сосредоточения всех сил на экономическом строительстве пока объявлено не было, хотя вполне очевидно, что в случае «конфликта интересов» приоритетом направления ресурсов все же будет оборонная сфера, обеспечивающая гарантии суверенитета страны. В официальной северокорейской риторике пока что сохраняется акцент на развитие отраслей, позволяющих быстро улучшить жизненный уровень населения (например, строительство) и решить продовольственную проблему (сельское хозяйство), а также науки и техники, с помощью которых можно было бы повысить эффективность использования скудных внутренних ресурсов.

На V пленуме ЦК ТПК 7-го созыва вновь была подтверждена руководящая роль партии в определении направлений и методов экономического развития. Ким Чен Ын подчеркнул, что работа кабинета министров есть дело ЦК партии, а выполнение решений ЦК партии есть дело кабинета министров. Исходя из этого, экономическая политика КНДР и дальше будет завязана на идеологии ТПК и построении «чучхейского социализма», оставляя мало места для более глубоких системных реформ. В то же время при Ким Чен Ыне в системе управления экономикой место Тэанской системы прочно заняла «социалистическая система ответственности за управление предприятиями». Это свидетельствует о сохранении курса руководства страны на активизацию частной инициативы, чтобы заполнить пробелы плановой системы.

В то же время, как показывает жесткая критика Ким Чен Ыном системы государственного управления хозяйственными делами и текущего состояния конкретных отраслей экономики, внедряемые методы управления (или их практическая реализация) пока не привели к ожидаемым со стороны руководства страны результатам. Следовательно, будет необходимо либо добиться четкого выполнения мер

стимулирования производства на местах, обеспечив административно-хозяйственную поддержку государства, либо углубить реформы. Второй вариант представляется мало вероятным в условиях жестких экономических санкций СБ ООН. А учитывая призыв к усилению борьбы против антисоциалистических и несоциалистических явлений в постановлении по итогам декабрьского пленума, государство, видимо, продолжит тщательно следить за тем, чтобы минимизировать тлетворное влияние капиталистических элементов на северо-корейское общество.

Примечания

¹ *Жебин А.З.* КНДР: время перемен? // *Вестник Московского университета.* Секция 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 114.

² *Frank Ruediger.* The North Korean Parliamentary Session and Budget Report 2019: Signs of Economic Stagnation and an Open Claim to Leadership on the Korean Peninsula // *38 North.* 13.04.2019. URL: <https://www.38north.org/2019/04/rfrank041319/> (дата обращения: 13.03.2020).

³ Report on Plenary Meeting of WPK Central Committee // *KCNA.* 31.03.2013.

⁴ *Ким Чен Ын.* Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи VII Съезду Партии. 6 и 7 мая 2016. М.: Книжный мир, 2016. С. 58.

⁵ New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un // *KCNA.* 01.01.2019.

⁶ Социализм Кореи, вступающий в новый этап развития // *Корея сегодня.* 2018. № 6. С. 15.

⁷ International Conference on SEZ Development Opens in DPRK // *KCNA.* 16.10.2013.

⁸ *Захарова Л.В.* Экономика КНДР: взгляд изнутри // *Азия и Африка сегодня.* 2017. № 12. С. 41.

⁹ *Ward Peter.* Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises // *38 North.* 21.12.2017. URL: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (дата обращения: 15.09.2018).

¹⁰ Supreme Leader Kim Jong Un's New Year Address // *KCNA.* 01.01.2014.

¹¹ *Ким Чен Ын.* Отчетный доклад... С. 38.

¹² New Year Address.... 01.01.2019.

¹³ Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK // *KCNA.* 01.01.2020.

¹⁴ Ibid.

References

1. *Frank Ruediger*. The North Korean Parliamentary Session and Budget Report 2019: Signs of Economic Stagnation and an Open Claim to Leadership on the Korean Peninsula. *38 North*. 13.04.2019. Available at: <https://www.38north.org/2019/04/rfrank041319/> (accessed: 13.03.2020).
2. International Conference on SEZ Development Opens in DPRK. *KCNA*. 16.10.2013
3. *Kim Jong Un*. (2016). Otchetnyj doklad Central'nogo Komiteta Trudovoj partii Korei VII S"ezdu Partii. 6 i 7 maya 2016 [Report of the WPK Central Committee at Its 7th Congress. 6 and 7 May 2016]. Moscow, Knizhnyj Mir Publ. P.58 (in Russian).
4. *Kim Jong Un*. (2016). Otchetnyj doklad Central'nogo Komiteta Trudovoj partii Korei VII S"ezdu Partii. 6 i 7 maya 2016 [Report of the WPK Central Committee at Its 7th Congress. 6 and 7 May 2016]. Moscow: Knizhnyj Mir Publ. P.38 (in Russian).
5. New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un. *KCNA*. 01.01.2019.
6. New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un. *KCNA*. 01.01.2019.
7. Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK. *KCNA*. 01.01.2020.
8. Report on Plenary Meeting of WPK Central Committee. *KCNA*. 31.03.2013.
9. Socializm Korei, vstupayushchij v novyj etap razvitiya [Socialism of Korea, entering a new stage of development] (2018). *Koreya segodnya — Korea Today*. № 6. P. 15 (in Russian).
10. Supreme Leader Kim Jong Un's New Year Address. *KCNA*. 01.01.2014.
11. *Ward P*. Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises. *38 North*. 21.12.2017. Available at: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (accessed: 15.09.2018).
12. *Zakharova L.V.* (2017). Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri [The DPRK economy: a view from the inside]. *Aziya i Afrika segodnya — Asia and Africa today*. № 12. P. 41 (in Russian).
13. *Zhebin A.Z.* (2012). KNDR: vremya peremen? [DPRK: time for a change?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta — Bulletin of Moscow University*. Section 25. International Relations and World Politics. № 3. P. 114 (in Russian).

Г.Д. Толорая

САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ КНДР И СИТУАЦИЯ ВОКРУГ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

После принятия СБ ООН в декабре 2017 г. жёсткого санкционного пакета санкции стали восприниматься как центральный элемент воздействия на КНДР и важнейшая тема обсуждения в дипломатическом процессе. Зафиксированы многократные случаи нарушения санкций, что практически сводит на нет их эффект как политического инструмента. Тем не менее они имеют серьезные гуманитарные последствия для страны, особенно для уязвимой части её населения. Механизм негативного влияния санкций включает лишение гражданского населения дохода, перекрытие доступа к товарам и услугам, ущерб для производства продовольствия и для здравоохранения, углубление имущественного неравенства. Санкции также затрудняют оказание международной помощи КНДР. Все это заставляет руководство страны расценивать поддерживающих санкции международных акторов как врагов и скептически подходить к диалогу со своими противниками.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, КНДР, санкции, гуманитарные последствия, социально-экономическое положение КНДР.

Политика санкций, как согласованных в международном формате через механизм ООН, так и односторонних (а также вторичных), в последние годы, а особенно в 2019 г., стала центральным элементом

в инструментарии «максимального давления», которое США рассматривают как единственно реальный инструмент поворота ситуации на Корейском полуострове в свою пользу. Более того, в последнее время проблема санкций стала серьезным яблоком раздора между великими державами, вовлеченными в корейский конфликт, что наиболее наглядно проявляется в Совете Безопасности ООН.

Особенно острым стал вопрос об отрицательном гуманитарном воздействии санкций, по которому имеются существенные противоречия между странами и институтами, тогда как по вопросу необходимости соблюдения санкций противоречий подобного масштаба, во всяком случае открыто, не заметно. В последнее время Россия и Китай постоянно выражают обеспокоенность тем, что санкции наносят ущерб гражданскому населению Северной Кореи, и высказали надежду, что ослабление некоторых ограничений может помочь выйти из тупика в ядерных переговорах между Вашингтоном и Пхеньяном. Однако Соединенные Штаты, Франция и Великобритания резко против.

16 декабря 2019 г. Россия и Китай внесли проект резолюции на рассмотрение СБ ООН¹. В нем было предложено принять решение о смягчении санкций ООН с учетом позитивного развития ситуации после инициативных шагов КНДР по введению моратория на ядерные испытания и пуски МБР и других мер, направленных на ограничение ракетно-ядерной программы, развития диалоговых процессов, в том числе между Севером и Югом, КНДР и США. В частности, речь шла о приостановке действия положений прошлых санкционных резолюций о мерах, которые наиболее негативным образом влияют на гражданское население КНДР. Эти предложения касаются импорта определенных товаров, не имеющих военного назначения, а также товаров для инфраструктурного развития, в том числе в рамках межкорейских проектов сотрудничества. Предложено также приостановить действие определённых экспортных ограничений для облегчения гуманитарной ситуации в соответствующих отраслях экономики. Однако западные страны и ориентирующееся на них большинство в Совбезе ООН в категорической форме отвергли это предложение, так как оно «не вписывается» в контекст политики США по изоляции КНДР и нанесению ей максимального экономического ущерба, независимо от гуманитарных последствий.

Говоря об общей оценке ситуации на Корейском полуострове, следует заметить, что Запад воспринимает санкции как средство политического воздействия несколько гипертрофированно. Так, в определенных кругах США распространённой является точка зрения, что именно ущерб от санкций «заставил» Ким Чен Ына пойти на переговоры с Вашингтоном. В оценке эффективности этого механизма именно нарушения санкционного режима находятся в центре внимания ООН и западных стран: мол, если бы режим строго соблюдался, эффект был бы качественно лучшим.

В докладе Группы экспертов СБ ООН за 2019 г. обращено внимание прежде всего на то, что КНДР, несмотря на ужесточение санкций, не только не прекратила ракетно-ядерную программу, но и активизировала ее: Пхеньян провел не менее 25 испытательных пусков, включая новые типы баллистических ракет малой дальности и баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок. В докладе признается малая эффективность так называемых секторальных санкций. Продолжался импорт в КНДР нефти и нефтепродуктов в значительных объемах, других подсанкционных товаров, в том числе путем перегрузки с судна на судно в открытом море, что обесмысливает секторальные санкции. Страна также использует незаконные внешние закупки некоторых компонентов и технологий для ракетно-ядерной программы и предметов роскоши. Не прекратились традиционные способы зарабатывания валюты; КНДР экспортировала подсанкционных товаров (угля, песка) на сумму около 370 млн долл., в том числе в регионе с помощью барж. По расчетам США, таким способом осуществлялась большая часть экспорта угля из КНДР — до 2,8 млн т. Однако, похоже, главным источником поступлений стала деятельность по зарабатыванию денег в киберсфере, что позволяет с избытком покрыть убытки от запрета традиционной внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, запрет на легальный бизнес толкнул северокорейцев в бизнес нелегальный и в новые сферы, плохо поддающиеся регулированию. При этом формируются новые нелегальные цепочки поставок и сетевые структуры в мировом масштабе, которые могут развиваться и вне связи с КНДР.

Санкции также фактически укрепляют политический режим в КНДР и внутривнутриполитическую стабильность за счет оправдания

«закручивания гаек» и, по сути, укрепляют власть элиты и поддерживающего ее «нового среднего класса». Санкции способствовали возникновению хорошо известного в литературе парадокса, когда члены политической элиты, которым статус и приближенность к власти дают возможность *контролировать* новый (рыночный) сектор экономики, фактически получали выгоду от санкций (что, согласно научным исследованиям, случается в каждом эпизоде санкций в истории)². Кроме того, санкции для властей являются оправданием ужесточения контроля над обществом и государственных репрессий, что мы все чаще наблюдаем в КНДР в последнее время.

На деле санкции бьют прежде всего по слабым и беззащитным. В упомянутом докладе Группы экспертов говорится: «Нет никаких сомнений в том, что санкции ООН оказали непреднамеренное воздействие на гуманитарную ситуацию и операции по оказанию помощи, хотя доступ к данным и доказательствам ограничен». В июне 2019 г. Томас Кинтана, специальный докладчик ООН по правам человека в Северной Корее, заявил: «На мой взгляд, режим санкций, по сути, ставит под удар существование населения Северной Кореи»³.

Механизм негативного влияния санкций

Оценки ВВП КНДР варьируются от 18 до 32 млрд долл. (при всей условности этих данных). После введения жестких санкций в 2017 г., по оценочным данным, спад только в подвергнутых санкциям ключевых экспортноориентированных производствах является весьма существенным в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, производства чугуна и стали, производство удобрений, рыболовство, текстильная промышленность. Банк (Южной) Кореи оценивает спад в горнодобывающей промышленности (10,6 % от ВВП) в 2018 г. в 17,8 %, в обрабатывающей промышленности (18,8 % ВВП) — в 9,1 %, причем заметную долю в ее структуре составляет легкая промышленность (6,8 % ВВП). Оценки Банка (июль 2019 г.) говорят о сокращении экономики на 4,1 % в 2018 г.⁴, в 2019 падение продолжилось.

Расчеты показывают, что только упомянутые отрасли промышленности понесли ущерб в размере до 4,6—8,2 млрд долл., в значи-

тельной доле это сокращение было связано с санкциями ООН. Кроме того, ряд отраслей, ориентированных на внутренний рынок, не может функционировать должным образом из-за отсутствия доступа к внешним источникам сырья, материалов и запчастей. Все это ведет к скрытой безработице и падению оплаты труда. Таким образом, санкции стали причиной потери или радикального снижения в источниках средств к существованию для многих работников в экспортноориентированных отраслях. Ущерб от этого для населения, согласно оценкам Группы экспертов ООН, измеряется в сотнях миллионов долларов (при всей условности таких расчетов).

Существует также проблема исчезновения доходов и обеспечения трудоустройства работников, репатриированных из-за рубежа до конца 2019 г. согласно резолюции СБ ООН 2397 (п. 8). Это касается и членов их семей (по информации дипломатов, аккредитованных в Пхеньяне, каждый работник за границей, как правило, поддерживает от 3 до 10 родственников дома).

Санкции диспропорционально затрагивают наиболее уязвимых, прежде всего женщин, детей, стариков и инвалидов. Наблюдения на местах показывают, что санкции оказывают непропорциональное воздействие на женщин, что переключается с моделями, наблюдаемыми в других санкционированных странах: возникающее экономическое давление, как правило, усугубляет масштабы бытового и сексуального насилия, а также торговли людьми и проституции⁵. Реальность Северной Кореи такова, что на женщин ложится двойная нагрузка: необходимость как отчитываться по официальному месту работы, так и добывать пропитание для семьи за счёт торговли на рынке. Дети, особенно в раннем возрасте, первыми страдают от отсутствия питания и здравоохранения, связанного с санкциями. Санкции усложняют возможность оказывать поддержку инвалидам, особенно из-за ограничений на импорт металлических предметов.

Санкции привели к осложнению социальной обстановки из-за роста имущественного неравенства и увеличения территориального и профессионального дисбаланса. Механизм воздействия таков: доходы и доступность товаров и услуг для депрессивных регионов и низших классов уменьшаются из-за стагнации традиционных производительных отраслей экономики. Между тем непроизводительная рыночная экономическая деятельность, сконцентрированная в

городах и контролируемая более высокими социальными стратами, становится прибыльнее. Богатые становятся богаче, бедные — беднее. Это происходит на фоне распада государственной системы распределения (которая в прошлом обеспечивала неравномерный, но более или менее предопределенный уровень потребления).

Санкции негативно сказались на продовольственной безопасности населения — как за счет снижения возможности импортировать продовольствие в связи с уменьшением экспортной выручки и закрытием каналов международных расчётов, так и в связи с возникшим ущербом для местного сельскохозяйственного производства (в нем занято около трети рабочей силы и на него приходится около 28 % ВВП страны).

Конечно, производство продуктов питания в стране никогда не было достаточным, и не санкции явились причиной этого. По оценкам ФАО, в 2018 г. урожай продовольственных культур снизился на 12 % против предыдущего года, в 2019 — еще на 4 %, несмотря на заявления руководства о «рекордном урожае». Хотя в последние годы, благодаря развитию рыночных механизмов, положение в целом улучшается, по оценкам агентств ООН, около 10,4 млн человек все еще испытывают нехватку продовольствия (40 % населения)⁶.

Следствием санкций стало дальнейшее падение уровня механизации сельского хозяйств. Из-за импортного запрета снизилась поставка топлива для сельского хозяйства: оно его получает в последнюю очередь. По данным ФАО, квота топлива составляет всего лишь 31 кг дизельного топлива на гектар. По мере старения техники, она выходит из строя из-за отсутствия запасных частей и расходных материалов.

Нехватка топлива, электричества и насосного оборудования ограничивает возможности орошения, снижая урожайность и делая зерновые культуры подверженными экстремальным погодным воздействиям, таким как засуха и жара, обычным в последние годы, особенно в 2019 г., а также приводит к потере значительной части урожая⁷.

Санкции привели к сбоям в сфере здравоохранения и ограничению возможностей для оказания медицинской помощи. Глобальный индекс безопасности здоровья (октябрь 2019 г.) отводит КНДР 193-е место из 195 по степени готовности к эпидемии или пандемии⁸. Пол-

ное закрытие границ, как показал опыт борьбы с коронавирусом, по сути, — единственное средство борьбы в условиях полной деградации здравоохранения. Невозможность импортировать необходимое медицинское оборудование, запчасти, расходные материалы особенно опасна, когда 9 млн человек имеют ограниченный доступ к основным медицинским услугам⁹, и даже те, кто имеет доступ, получают меньшую помощь, чем до введения секторальных санкций, так как не хватает даже элементарных медицинских инструментов — ланцетов, стетоскопов, приборов для измерения давления.

Влияние санкций на механизм гуманитарной помощи КНДР

Внешняя гуманитарная помощь остается жизненно важной для миллионов людей в КНДР, прежде всего из низших классов и депрессивных регионов. По мнению УКГВ ООН, «ограничения для учреждений ООН и гуманитарных партнеров по предоставлению гуманитарной помощи, вероятно, сохранятся как из-за жестких санкций ООН, так и двусторонних санкций, которые непреднамеренно повлияли на гуманитарные операции, а также из-за продолжающегося недофинансирования»¹⁰.

Наблюдатели отмечают, что в первую очередь «пагубное воздействие санкций» стало причиной прекращения деятельности в КНДР некоторых давних операторов и их связей, которые эти организации годами строили с Пхеньяном. Дело как в усложнённой процедуре подачи заявок на разрешение, которое предполагает во многих случаях согласие США*, так и в снижении числа доноров и блокировании финансовых транзакций, что приводит к разрушению партнерских отношений¹¹.

Отказ от финансирования операций, связанных с КНДР, остается ключевым препятствием для гуманитарной работы в этой стране. В 2019 г. подготовленный ООН План потребностей и приоритетов был профинансирован лишь на 26,9 % (32,4 млн долл.)¹². Многие благотворительные организации и институты предпочитают не рис-

* Например, многие пожертвования от церкви Южной Кореи и США прекратились из-за сложных правил. Разрешения даются только на шесть месяцев, тогда как для многих поставок, например морем, требуется от шести до восьми месяцев.

ковать и воздерживаются от сделок, связанных с юрисдикциями высокого риска, такими как КНДР, в том числе из-за угрозы вторичных санкций США. Наибольшие проблемы вызывают ограничения, связанные с препонами в странах транзита и блокированием банковских переводов — при этом решения по их разблокировке не ожидается.

Вопрос о модификации режима санкций, в частности смягчения их гуманитарных последствий, пока не находит разрешения из-за позиции западных держав. Вместе с тем надо отметить, что Комитет по санкциям СБ ООН в 2019 г. значительно ускорил рассмотрение заявок на разрешение — в среднем в два раза. Однако значительное число заявок блокируется постоянными членами СБ ООН. Эксперты не ожидают серьёзного смягчения санкций, хотя Вашингтон, возможно, предпримет «косметические» меры в этом направлении для того, чтобы снизить вероятность провокаций со стороны КНДР в год выборов в США.

Примечания

¹ China, Russia propose lifting some U.N. sanctions on North Korea, U.S. says not the time // Reuters. 16.12.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-usa-un/china-russia-propose-lifting-of-some-u-n-sanctions-on-north-korea-idUSKBN1YK20W> (дата обращения: 10.02.2020).

² Wood, Reed M. (2008) A Hand upon the Throat of the Nation: Economic Sanctions and State Repression, 1976—2001 // *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52. P. 489—513. URL: <https://academic.oup.com/isq/article-abstract/52/3/489/1871290?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 10.02.2020).

³ U.N. official: Sanctions are harming ordinary North Koreans, should be eased // *UPI*. 21 June 2019. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2019/06/21/UN-official-Sanctions-are-harming-ordinary-North-Koreans-should-be-eased/3651561107977/ (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ Korea GDP Report (2018) // Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/portal/main/contents.do?menuNo=200091> (дата обращения: 10.02.2020).

⁵ The Human Costs and Gendered Impact of Sanctions on North Korea (2019) // Korea Peace Now. URL: <https://koreapeacenow.org/wp-content/uploads/2019/10/human-costs-and-gendered-impact-of-sanctions-on-north-korea.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

⁶ Provisional 2020 DPR Korea Needs and Priorities Overview (2020) // UN RC DPRK. 10.02.2020. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/provisional-2020-dpr-korea-needs-and-priorities-overview> (дата обращения: 10.02.2020).

⁷ FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment (2019). Democratic People's Republic of Korea. Bangkok. P. 14—15. URL: <http://www.fao.org/3/ca4447en/ca4447en.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

⁸ DPR Korea Multiple Indicator Cluster Survey (MICS) Findings Report (2017) // *Unicef*. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/better-indicators-children-dpr-korea-challenges-persist-new-data-situation-children> (дата обращения: 10.02.2020).

⁹ Needs and Priorities (2018). DPR KOREA // Reliefweb. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/DPRK%20NP%202018%20110418%20FINAL.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ The Global Humanitarian Overview (2020) // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHO-2020_v9.1.pdf (дата обращения: 10.02.2020)

¹¹ Letter from the UN Country team to the Panel of Experts on the Impact of Sanctions on Humanitarian Operations in DPRK. 14 December 2018. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/1912_Making-Sanctions-Smarter.pdf. 23 (дата обращения: 10.02.2020).

¹² Needs and Priorities (2018). DPR KOREA // Reliefweb. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/DPRK%20NP%202018%20110418%20FINAL.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

References

1. China, Russia propose lifting some U.N. sanctions on North Korea, U.S. says not the time. *Reuters*. 16.12.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-usa-un/china-russia-propose-lifting-of-some-u-n-sanctions-on-north-korea-idUSKBN1YK20W> (accessed: 10.02.2020).

2. DPR Korea Multiple Indicator Cluster Survey (MICS) Findings Report (2017). *Unicef*. Available at: <https://www.unicef.org/press-releases/better-indicators-children-dpr-korea-challenges-persist-new-data-situation-children> (accessed: 10.02.2020)

3. FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment (2019). Democratic People's Republic of Korea. Bangkok. P. 14—15. Available at: <http://www.fao.org/3/ca4447en/ca4447en.pdf> (accessed: 10.02.2020).

4. Korea GDP Report (2018). Bank of Korea. Available at: <https://www.bok.or.kr/portal/main/contents.do?menuNo=200091> (accessed: 10.02.2020).

5. Letter from the UN Country team to the Panel of Experts on the Impact of Sanctions on Humanitarian Operations in DPRK. 14 December 2018. Available at: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/1912_Making-Sanctions-Smar-ter.pdf p. 23 (accessed: 10.02.2020).

6. Needs and Priorities (2018). DPR KOREA. Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/DPRK%20NP%202018%20110418%20FINAL.pdf> (accessed: 10.02.2020).

7. Provisional 2020 DPR Korea Needs and Priorities Overview (2020). UN RC DPRK. Available at: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/provisional-2020-dpr-korea-needs-and-priorities-overview> (accessed: 10.02.2020)

8. The Global Humanitarian Overview (2020). United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). Available at: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHO-2020_v9.1.pdf (accessed: 10.02.2020).

9. The Human Costs and Gendered Impact of Sanctions on North Korea (2019). Korea Peace Now. Available at: <https://koreapeacenow.org/wp-content/uploads/2019/10/human-costs-and-gendered-impact-of-sanctions-on-north-korea.pdf> (accessed: 10 February 2020)

10. U.N. official: Sanctions are harming ordinary North Koreans, should be eased. UPI. 21.06.2019. Available at: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2019/06/21/UN-official-Sanctions-are-harming-ordinary-North-Koreans-should-be-eased/3651561107977/ (accessed: 10.02.2020).

11. Wood, Reed M. (2008) A Hand upon the Throat of the Nation: Economic Sanctions and State Repression, 1976—2001. *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52. P. 489—513. Available at: <https://academic.oup.com/isq/article-abstract/52/3/489/1871290?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 10.02.2020).

Л.Е. Козлов

СВЯЗИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И КНДР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *

Регионы Дальнего Востока в советское время поддерживали сравнительно тесные связи с КНДР. После распада СССР эти связи хотя и сократились, но перешли на устойчивые рыночные рельсы. В 2010-е в условиях роста российской и северокорейской экономик наблюдалось значительное оживление сотрудничества Дальнего Востока и КНДР, однако дальнейшее ухудшение отношений двух стран с Западом свело торговлю и трудовую миграцию практически к нулю. Социальные и культурные связи носят фрагментарный характер. Впрочем, если международно-политическая ситуация станет менее напряжённой, связи Дальнего Востока и КНДР снова пойдут в рост.

Ключевые слова: Дальний Восток, КНДР, межрегиональные связи, санкции.

* Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

Регионы Дальнего Востока в советское время поддерживали сравнительно тесные связи с КНДР. После Корейской войны СССР оказывал помощь в восстановлении промышленности Северной Кореи, в чём были широко задействованы дальневосточные портовики и моряки. В обратном направлении поступала рабочая сила из КНДР, занятая преимущественно на лесозаготовках и рыбодобыче. Приводимые в литературе данные позволяют предположить 20—30 тыс. человек, что составляло примерно 1 % от общей численности рабочей силы Дальнего Востока¹. Особое положение в советско-северокорейских отношениях занимал Приморский край. Помимо экономических связей и культурных обменов, через Владивосток осуществлялась двусторонняя политическая коммуникация на уровне региональных партаппаратов².

После распада СССР двусторонняя торговля радикально сократилась, культурные связи практически исчезли, а трудовые мигранты переместились в другие отрасли. Впрочем, теперь эти связи базировались на рыночном фундаменте и отражали объективный уровень двусторонней заинтересованности. Хотя официальные политические отношения России и КНДР в 1990-е годы находились на низком уровне, федеральный центр гораздо меньше, чем сейчас, контролировал регионы, поэтому связи Дальнего Востока и КНДР оказались свободными от идеологии и геополитики и продолжили своё развитие.

На рубеже 2000—2010-х годов в условиях роста российской и северокорейской экономик экономическое сотрудничество Дальнего Востока и КНДР значительно оживилось. В основном это выразилось в увеличении числа северокорейских трудовых мигрантов. Не стоит преувеличивать масштаб этого явления: по нашей оценке на основе данных МВД России, даже в Приморском крае, куда направлялась их самая большая группа в рамках Дальневосточного федерального округа, граждане КНДР составляли примерно 8—10 % иностранной рабочей силы и 0,7—0,8 % общей численности рабочей силы региона³. Отраслевой приоритет в 2000—2010-е годы явно принадлежал строительным и отделочным работам: именно они составляли почти все рекламные объявления северокорейцев в России. Обширно они были представлены на популярном региональном сайте товаров и услуг «Фарпост» (farpost.ru), главным образом в

Приморском крае, где в 2016 г. было размещено 126 активных и 819 архивных объявлений. Северокорейские строители не выполняли полный цикл проектирования и строительства, тем более речь не шла о том, чтобы северокорейские компании выступали в России самостоятельными застройщиками, как это пытаются делать китайский бизнес. Северокорейцы не садились за руль специальной строительной техники типа экскаватора или крана, фактически они ограничивались ручным трудом, а всё остальное при необходимости брал на себя российский генпорядчик.

Резолюция СБ ООН № 2375 от 11 сентября 2017 г., предусматривающая прекращение экспорта рабочей силы из КНДР, вызвала панику среди строительных компаний Приморья. Они неоднократно пытались получить у федерального центра разрешение на работу северокорейцев, в чём их поддерживали региональные губернаторы, но не имели в этом успеха. Несмотря на то что иностранные журналисты до сих пор настойчиво ищут следы нарушения Россией санкций ООН, в течение 2019 г. северокорейские строители исчезли с приморских строек. На февраль 2020 г. в базе «Фарпост» осталось всего 40 объявлений корейских отделочников и ремонтников.

В плане торговли КНДР является для Дальнего Востока таким же малозначимым партнером, как и для России в целом. Для сравнения: торговля ДФО с не самым близким и не самым экономически развитым Вьетнамом в 2016 г. в 11 раз превышала торговлю с КНДР⁴. Туристические связи тоже были слишком малы, чтобы иметь значение в данном сегменте регионального бизнеса. В настоящее время санкции ООН и США свели почти к нулю торговые связи ДФО и КНДР, среди прочего чрезвычайно осложнив валютные расчёты по контрактам.

Транспортная инфраструктура, как и санкции, не способствовала развитию двусторонней торговли. Большие надежды Дальневосточной железной дороги были связаны с обслуживанием грузового транзита по проекту «Хасан — Раджин». К сожалению, на фоне санкций угольный экспорт через Раджин в 2018 г. остановился⁵. Хотя данный проект был изъят из санкций СБ ООН, российские компании стали опасаться одностороннего американского давления, после того как власти США подвергли преследованию несколько дальневосточных компаний и бизнесменов, например из-за этого

в портах Пусан и Сингапур были задержаны российские торговые суда⁶. Санкции ООН свели к минимуму заход иностранных торговых судов в порты КНДР и северокорейских судов в порты других стран. В 2017 г. регулярные рейсы между Владивостоком и Раджином совершал небольшой грузопассажирский паром «Мангёнбон», который постоянно имел проблемы с администрацией порта Владивосток и местной таможней, а в феврале 2018 г. получил запрет на вход во Владивосток под предлогом нарушения санкций СБ ООН. Эпидемия коронавируса привела к полной остановке пассажирского сообщения между Приморьем и КНДР в феврале 2020 г.⁷

Сегодня двусторонние контакты дальневосточных регионов и КНДР сохранились в следующих форматах. Владивосток стал площадкой регулярных политических встреч российского руководства с лидерами стран СВА. Помимо саммита Путина и Ким Чен Ына весной 2019 г., делегация КНДР регулярно посещает Восточный экономический форум, обычно на уровне министра внешней торговли. На форуме делегация держится скрытно, уклоняется от общения с журналистами, в 2019 г. сессия с участием спикера из КНДР сорвалась. Саммит глав России и КНДР вызвал ажиотаж, в первую очередь среди российских и зарубежных журналистов. Учитывая характер дипломатии КНДР, скорее всего, это было разовое для Владивостока мероприятие.

Продолжают работу на Дальнем Востоке северокорейские рестораны. В одном Владивостоке в 2018 г. их число достигало пяти. Особенно интересны эти рестораны для иностранных туристов, поток которых на Дальний Восток после девальвации рубля и до эпидемии коронавируса непрерывно возрастал и шёл на сотни тысяч. Без каких-либо проблем эти рестораны посещают южнокорейские, японские, американские туристы.

Сохраняются нечастые, но регулярные контакты по линии КПРФ и комсомола, диаспоральных и некоторых других общественных организаций, выражающиеся, прежде всего, в обмене делегациями. Корейские делегации любого статуса при этом проявляют крайнюю заинтересованность в изучении российского опыта образования, науки и техники.

В дальневосточных вузах обучается небольшое число северокорейских студентов. В основном их интересуют инженерно-техниче-

ские специальности, но дети дипломатов учатся также на гуманитарных специальностях. Учебный процесс у них не вызывает проблем, российские и другие иностранные студенты с ними общаются нормально, в том числе южнокорейские и японские студенты Дальневосточного федерального университета (ДФУ).

В последние годы в ДФУ активизировалось изучение северокорейской проблематики: ежегодно организуются круглые столы, делаются доклады на Международной корееведческой конференции ДФУ, приглашаются для чтения лекций авторитетные корееведы (А.Н. Ланьков, К.В. Асмолов, П.П. Эм, Н.Н. Ким), северокорейские сюжеты включаются в грантовые проекты, сотрудники ДФУ совершили несколько поездок в КНДР. Особенно полезным было проведение в университете в 2018—2019 гг. четырёх многосторонних семинаров с участием делегаций академических институтов и аппарата Верховного народного собрания КНДР. По вопросам экономики инициатором этих семинаров стал японский Институт экономических исследований СВА (ERINA), отражающий интерес малого и среднего бизнеса Японии к ведению дел с КНДР в случае смягчения санкций. По вопросам здравоохранения и защиты окружающей среды семинары инициировал немецкий Фонд Ганса Зайделя, активно работающий как на юге, так и на севере Корейского полуострова в целях повышения статуса Германии как посредника в урегулировании международных конфликтов. От подобных семинаров, конечно, не следует ожидать открытого диалога с северокорейскими гостями, но всё равно удаётся понять многое и о текущей ситуации, и о перспективных задачах КНДР. Общение с этими делегациями свидетельствует о том, что северокорейское правительство не находится в ситуации хаотичного реагирования на внешние вызовы, но планирует развитие страны в долгосрочной перспективе.

Генеральное консульство КНДР во Владивостоке, имеющее отделение в Хабаровске, один-два раза в год проводит выставки национальных товаров и предметов искусства, чаще во Владивостоке и Комсомольске-на-Амуре, которые в большей степени привлекают внимание иностранных туристов. Местной публике они малоинтересны и, откровенно говоря, проводятся на уровне самодеятельности. Отметим, что на выставке в Приморской краевой библиотеке в конце 2019 г. желающие могли подписаться на доставку печатных

изданий КНДР. Гастрольные обмены художественных коллективов Дальнего Востока и КНДР отсутствуют, при том что дальневосточные филармонии, драмтеатры, академии культуры, Владивостокский филиал Мариинского театра оперы и балета поддерживают тесные связи с другими восточноазиатскими коллегами.

Надежды на повышение открытости КНДР при Ким Чен Ыне не оправдались: требуются титанические усилия, чтобы организовать поездку в страну научной или вузовской делегации. Если местному журналисту, даже работающему в государственном СМИ, удастся посетить КНДР как туристу, это уже является для него удачей. В то же время южнокорейская сторона не забывает регулярно разъяснять на различных мероприятиях своё видение международных процессов на Корейском полуострове дальневосточным лидерам общественного мнения.

Общее отношение населения Дальнего Востока к КНДР спокойнее, чем в западных странах, но не слишком благожелательное. В комментариях к новостям дальневосточных СМИ о КНДР, например на популярном информационном портале «Вл.Ру», явно преобладают высказывания о том, что это отсталая страна, угроза международной безопасности и т. п. Заметно добавили негатива в отношении дальневосточников к КНДР северокорейские рыбаки, которые занимались браконьерством в прибрежных водах Приморья. Отдельные инциденты в этой сфере случались и раньше, но в 2018—2019 гг. они приобрели массовый характер и происходили очень далеко от морской границы России и КНДР. В одной только бухте Ольга, отстоящей более чем на 200 морских миль от границы, в 2018 г. во время шторма укрылось более 150 северокорейских судов⁸. В окрестностях Владивостока, Находки, других населённых пунктов в 2018 г. штормами выбросило несколько северокорейских лодок: некоторые с погибшими, некоторые с выжившими рыбаками. Пограничники и другие контролирующие органы в этой связи бездействовали, что вызывало возмущение местных жителей. В 2019 г. ситуация усугубилась⁹. В сентябре, очевидно, поступила соответствующая команда из Москвы, и пограничники начали арестовывать и выдворять из России северокорейских рыбаков, за редким исключением не имевших разрешений на вылов биоресурсов. 17 сентября одно из таких судов оказало активное сопротивление,

пограничники вынуждены были применить оружие, один из корейских рыбаков погиб¹⁰.

В заключение отметим, что сегодня сложился крайне неблагоприятный макрополитический фон для региональных связей Дальнего Востока и КНДР. Их экономическая основа и без того была довольно шаткой, имея значение лишь в строительной индустрии и в морских и железнодорожных грузоперевозках. Без связей с КНДР регионы Дальнего Востока в любом случае могут обойтись. Однако желающие работать на этом направлении, безусловно, существуют, и если международная ситуация станет менее напряжённой, связи Дальнего Востока и КНДР пойдут в рост.

Примечания

¹ *Шарафетдинова А.И.* Сотрудничество России и КНДР в области привлечения трудовых ресурсов в условиях международных санкций // *Корея перед новыми вызовами*. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 312—322.

² *Толстоулаков И.А.* Советский Дальний Восток и КНДР: основные направления сотрудничества в 1960—80-х гг. // *Россия и государства Корейского полуострова: становление отношений и перспективы взаимодействия*. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2016. С. 148—166.

³ Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением по регионам // МВД России. 30.01.2017. URL: <https://мвд.пф/Dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228> (дата обращения: 10.06.2017).

⁴ Внешняя торговля ДФО // Дальневосточное таможенное управление ФТС. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=295&Itemid=307 (дата обращения: 05.09.2017).

⁵ «Американцы пугают»: экспорт угля из Приморья через КНДР прекращен // *Примамедиа*. 11.02.2018. URL: <https://primamedia.ru/news/668601/> (дата обращения: 22.02.2020).

⁶ Владелец конфискованного в Сингапуре судна «Севастополь» просит помощи у правительства России // *Новости Владивостока на VL.RU*. 18.12.2019. URL: <https://www.newsvl.ru/society/2019/12/18/186300/> (дата обращения: 22.02.2020).

⁷ Власти КНДР организуют первый за время карантина спецрейс во Владивосток для иностранцев // *TACC*. 26.02.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7838477> (дата обращения: 26.02.2020).

⁸ Более 150 корейских лодок укрылись от шторма у берегов Приморья в заливе Ольги // *Новости Владивостока на VL.RU*. 15.09.2018. URL: <https://www.newsvl.ru/society/2018/09/04/173341/> (дата обращения: 22.02.2020).

⁹ Утром 7 сентября в заливах Ольга, Владимир и в морских акваториях береговых бухт в районе населенного пункта Морьяк-Рыболов уже находятся около 500 зарубежных рыболовецких шхун // *Новости Владивостока на VL.RU*. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/09/07/183690/> (дата обращения: 22.02.2020).

¹⁰ У 262 рыбаков из КНДР изъяли 30 тыс. туш кальмара в Приморье // *Новости Владивостока на VL.RU*. 27.09.2019. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/09/27/184209/> (дата обращения: 22.02.2020).

References

1. «Amerikancy pугayut»: export uglya iz Primorya cherez KNDR prekrashchon [“The Americans scare”: coal export from Primorye through North Korea stopped]. *Primamedia*. 11.02.2018. Available at: <https://primamedia.ru/news/668601/> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

2. Bolee 150 korejskikh lodok ukrylis ot shtorma u beregov Primorya v zalive Olgi [More than 150 Korean boats shelter from a storm off the coast of Primorye in Olga Bay]. *Novosti Vladivostoka na VL.RU — Vladivostok News on VL.ru*. 15.09.2018. Available at: <https://www.newsvl.ru/society/2018/09/04/173341/> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

3. *Sharafetdinova A.I.* (2017). Sotrudnichestvo Rossii i KNDR v oblasti privlecheniya trudovykh resursov v usloviyakh mezhdunarodnykh sanktsiy [Cooperation between Russia and the DPRK in attracting labor resources amid tightening international sanctions]. *Koreya pered novymi vyzovami — Korea before new challenges*. M.: IFES RAS. Pp. 312—322 (in Russian).

4. Statisticheskie svedeniya po migratsionnoj situatsii v Rossijskoj Federatsii za 12 mesyacev 2016 goda s raspredeleniem po regionam [Statistical information on the migration situation in the Russian Federation for 12 months of 2016 with the distribution by region]. MVD Rossii — The Ministry of Internal Affairs of Russia. 30.01.2017. Available at: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228> (accessed 10.06.2017) (in Russian).

5. *Tolstokulakov I.A.* (2016). Sovetskiy Dalniy Vostok i KNDR: osnovnye napravleniya sotrudnichestva v 1960–80-kh gg. [The Soviet Far East and the DPRK: the main areas of cooperation in the 1960—80s]. *Rossiya i gosudarstva Korejskogo poluostrova: stanovlenie otnosheniy i perspektivy vzaimodejstviya — Russia and the states of the Korean peninsula: the formation of relations and the prospects for interaction*. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU. Pp. 148—166 (in Russian).

6. U 262 rybakov iz KNDR izyali 30 tysyach tush kalmara v Primorye [30 thousand squid carcasses were seized from 262 fishermen from the DPRK in Primorye]. *Novosti Vladivostoka na VL.RU — Vladivostok News on VL.RU*. 27.09.2019. Available at: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/09/27/184209/> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

7. Utrom 7 sentyabrya v zalivakh Olga, Vladimir i v morskikh akvatoriyakh beregovykh bukht v rayone naselenного пункта Moryak-Rybolov uzhe nahodyatsya okolo 500 zarubezhnykh ryboloveckikh shkhun [On the morning of September 7, in the bays of Olga, Vladimir and in the marine areas of coastal bays in the area of the village of Moryak-Rybolov, there are already about 500 foreign fishing schooners]. *Novosti Vladivostoka na VL.RU — Vladivostok News on VL.RU*. Available at: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/09/07/183690/> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

8. Vladelec konfiskovannogo v Singapore sudna «Sevastopol» prosit pomoshchi u pravitelstva Rossii [The owner of the Sevastopol vessel confiscated in Singapore asks for help from the Russian government. *Novosti Vladivostoka na VL.RU — Vladivostok News on VL.RU*. 18.12.2019. Available at: <https://www.newsvl.ru/society/2019/12/18/186300/> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

9. Vlasti KNDR organizuyut pervyj za vremya karantina spetsrejs vo Vladivostok dlya inostrancev [The DPRK authorities organize the first special flight to Vladivostok for foreigners during quarantine]. *TASS*. 26.02.2020. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/7838477> (accessed: 22.02.2020) (in Russian).

10. Vneshnyaya torgovlya DFO [Foreign Trade of the Far Eastern Federal District]. Dalnevostochnoe tamozhennoe upravlenie FTS — Far Eastern Customs Directorate. Available at: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=295&Itemid=307 (accessed: 05.09.2017) (in Russian).

Раздел III

ИСТОРИЯ

Л.В. Овчинникова

БОРЬБА КОРЕЙЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА)

2020 г. — год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и освобождения Кореи. В связи с этим новое обращение к истории борьбы корейского народа против японского колониального господства представляется вполне оправданным. Данное исследование корейского сопротивления проведено с использованием служебных материалов японского генерал-губернаторства в Корее. Все потоки, все участники движения за освобождение Кореи внесли свой вклад в борьбу за независимость. Это касается деятельности групп, подпольных союзов и партизан в Маньчжурии. Корейское сопротивление подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне и освобождения Кореи.

Ключевые слова: генерал-губернаторство, Япония, Корея, колониальная администрация, борьба за освобождение.

2020 г. — год 75-летия победы в Великой Отечественной войне, разгрома милитаристской Японии и освобождения Кореи. В связи с этим представляется оправданным еще раз напомнить о том, что движение сопротивления в Корее было одним из факторов победы над милитаристской Японией. Эта тема освещалась в трудах отечественных востоковедов. Российские корееведы — Ф.И. Шабшина (Куликова), В.И. Шипаев, М.Н. Пак, Ю.М. Ванин и др. — создали немало трудов на тему борьбы корейского народа за освобождение.

Они высоко оценивали патриотизм, самоотверженность корейских борцов за свободу. В то же время освободительное движение часто ассоциировалось с коммунистами, хотя кроме борьбы леворадикальных сил были и другие направления движения за независимость. Националистическое течение тоже было, и источники, в частности доступные автору издания японского генерал-губернаторства, имея огромный фактический материал, дают много тому подтверждений.

Проблематика истории борьбы корейского народа за освобождение остаётся актуальной. Источниковедческая база исследований по рассматриваемому периоду представляется недостаточной, и поиск новых источников приобретает большое значение. Такими источниками можно считать служебные издания и материалы японского генерал-губернаторства в Корее, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они, словно зеркало, раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в стране, развитие антияпонских настроений и выступлений, помогают проследить этапы корейского сопротивления. Эти закрытые издания были выпущены японским генерал-губернаторством на японском языке в Сеуле в 1920-х — начале 1940-х годов и были рассчитаны на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации; их издание имело прагматические, прикладные цели.

При исследовании темы борьбы корейского сопротивления в период японского колониального господства необходимо рассмотреть все его этапы (1910—1945). Как же излагаются и трактуются властями колониальной администрации события каждого из этих этапов?

К началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождение. Исследуемые материалы раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в обстановке «сабельного режима». Издания генерал-губернаторства приводят сведения о «первомартовском» выступлении 1919 г.; это движение за провозглашение независимости распространилось по всей территории Кореи. Руководителями и участниками его были представители интеллигенции, молодежи и учащихся, предприниматели, крестьяне, религиозные деятели. «Первомартовское» выступление было жестоко подавлено¹.

Сборники «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции» приводят данные, которые свидетельствуют, что после народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ, в частности сменить методы управления и контроля в Корее и перейти на так называемую политику культурного управления (об этом свидетельствует и специальная секретная публикация издания штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее», «Тё:сэн со:дзё дзикё»). Реформы охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но всё же ощутимые для народа. Наиболее существенным их результатом было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии — укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен Закон о компаниях, существенно ограничивавший возможность корейцам создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления». В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление политических свобод. Разрешился выпуск корейских газет. Свобода организаций свелась к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности реформ, они привели к определенной либерализации режима, облегчали условия антияпонской борьбы².

В этот период в зоне борьбы за национальное освобождение образовалось два течения: правое, унаследовавшее традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии, и левое движение, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. В данный период оба крыла национально-освободительного движения — левое и правое — охватило состояние кризиса, но в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе народа за освобождение. Движение за сотрудничество между правыми и левыми проявилось в деятельности с 1927 г. «Синганхве» («Общества новых деяний»). Инициаторами его создания были члены националистических групп и компартия, представители христианских организаций, старой ветви «Чондогё»,

буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов³. Как известно, общество «Синганхве» было распущено в 1931 г.

1930-е годы стали особым этапом в борьбе корейцев за своё освобождение. С одной стороны, в рассматриваемое время нарастают милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созданию прочного тыла, особенно после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Придавая особое значение Корее как плацдарму продвижения на материк и «успокоению» народа колонии, японская администрация усилила полицейский террор, отбирала у народа остатки тех частичных свобод, которые была вынуждена провозгласить после движения 1919 г., ужесточила карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи. С другой стороны, освободительная борьба в Корее в данный период приобрела новые черты. Прежде всего это касается левого движения: в нем усилились левацкие ультрареволюционные наслоения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI конгресса Коминтерна. Японские издания приводят сведения об огромном количестве так называемых красных рабочих и крестьянских союзов, подпольных организаций интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Явно повышенное внимание источники уделяют левым союзам интеллигентов; «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы.

К ценным, во многом новым можно отнести материалы источников, касающиеся умеренного крыла интеллигенции, центристов, часть которых хотя и входила в «красные» союзы, но не поддерживала их левацкий курс, выступая за первоочередность национально-освободительных задач, за блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. «Центристы» старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, особенно в деревне, связывались с красными союзами трудящихся, участвовали в их выступлениях, хотя не

были сторонниками насильственных форм борьбы. Они ратовали за духовное развитие деревни и вообще корейского общества. К сожалению, в рассматриваемое время не они — умеренные — играли ведущую роль в левом движении.

В рассматриваемое время резко усилился процесс дифференциации в среде национал-реформистов. Это было связано не только с приобщением Японией корейской буржуазии к военно-промышленному строительству, но в большей мере и с крайним левачеством в подполье страны. Одних патриотов, не согласных с этим, оно толкало вправо. Другие вовсе отходили от освободительной борьбы. Отток, как явствует из материалов, был очень значительным. Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаявшиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей, что некоторые из них снова нарушали закон об общественном спокойствии. «Предотвратить это — наша задача»⁴. Но японские материалы позволяют судить и о мужестве и самоотверженности оставшихся в подполье патриотов. Вместо репрессированных активистов приходили новые, взамен разгромленных организаций создавались под разными названиями другие. Несмотря на глубокую ошибочность курса, на драматизм его последствий, на заведомо обреченные на провал выступления и многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать.

В эти годы велась и партизанская борьба; по материалам японских служебных изданий можно сделать вывод, что по сравнению с 1920-ми годами активность партизан в первой половине 1930-х годов снижается. «Во время маньчжурских событий, — говорится в книге Состояние общественного спокойствия...», — в Маньчжурии насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года [1931] число партизан сократилось до 10 тыс. С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс. человек»⁵.

В пограничных с Маньчжурией провинциях, по сведениям японских материалов, действовала наиболее широкая сеть подпольных групп. Японские издания указывают, что членами их была главным

образом молодёжь, что из пограничных районов они распространяли свою деятельность на юг, что, организуя диверсии на транспорте, военных объектах, подпольные группы намечали организовать совместно с партизанами вооружённое восстание в Корее⁶.

Вторая половина 1930-х годов была периодом серьезных перемен в мире. Менялась обстановка и в зоне корейской освободительной борьбы. Подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилили ее бдительность в колонии, еще более ужесточили репрессии в отношении антияпонских сил. Но одновременно с этим в левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», что было в немалой степени связано с решениями VII конгресса Коминтерна.

Борьба корейского народа за своё освобождение велась в рассматриваемое время по двум потокам: и в самой стране, и в Маньчжурии. Материалы японских изданий свидетельствуют, что к середине 1930-х годов центр партизанского движения переместился в Маньчжурию, так как в Корее, наводненной японскими войсками, действия партизан были почти невозможны. В это время именно Маньчжурия стала активной ареной антияпонской борьбы корейцев-партизан. Как известно, там были сильны традиции вооружённых форм борьбы. Партизанская борьба велась там ещё с начала XX в.; здесь действовали «Армия справедливости» (Ыйбён) и «Армия независимости» (Топпункун). Точнее говоря, это были не армии — так называли совокупность отрядов, организаторами и руководителями которых были члены националистических групп. Способствовало ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенности ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн корейцев, многие из которых включились в антияпонскую борьбу. Кроме того, там обособилось значительное количество коммунистов, которые до роспуска корейской компартии (1925) входили в неё как составная часть. Позже (в марте 1930 г.) они объявили о своём слиянии с Компартией Китая. Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Народно-освободительную армию Китая. Помощь Компартии Китая корейским коммунистам-партизанам концентрировалась в основном на «кадровом» фронте; китайцы часто являлись комиссарами в корейских партизанских отрядах. Вот что пишет о партизанах

японское издание «Состояние общественного спокойствия...»: «Приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию 8.1 («Спасение страны и борьба с Японией»), объединив на базе прежней Северо-Восточной народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Северо-Восточную антияпонскую объединенную армию, КПК подчинила её своему руководству. Каждой армии или дивизии был определён свой участок действий; в каждую такую армию, дивизию или группу были посланы политработники. Находившийся по ту сторону границы от пров. Южная Хамгён маньчжурский уезд Чанбай был определён районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе антияпонской объединённой армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц и нанесением им ранений. По указанию Коминтерна и Компартии Китая эта дивизия, как и другие подобные соединения, развернула работу по расширению организаций антияпонского фронта»⁷.

Сравнительно большой материал приводится в изданиях о связях партизан и Общества возрождения отечества с Кореей. Он показывает, что такие связи были установлены, несмотря на усилившиеся репрессии японских властей. Политработники, посланные в Корею руководством партизан, часто работали с коммунистами и подпольными организациями, которые функционировали в стране. К примеру в книге «Состояние общественного спокойствия» сказано, что «Ким Ир Сен привлёк некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамгён волости Унхын, поручил им развернуть там активную деятельность»⁸. В том же издании говорится, что политработники 6-й дивизии были командированы на важные военные базы Кореи в Хыннам, Хамхын, Вонсан, Синьиджу, а также на другие пункты в провинции Северная Пхённан, Южная и Северная Хамгён (более 10 пунктов), где были созданы антияпонские организации». По сведениям рассматриваемых изданий, «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, ра-

зоружали японские гарнизоны»⁹. Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, были приняты в Корее совместные меры, проводились массовые аресты¹⁰.

Издание «Состояние общественного спокойствия...» отмечает, что 1937 г. отмечен возросшей активностью партизанских отрядов. Там сказано, что действия партизан «имеют самое непосредственное отношение к происходящим в настоящее время событиям. Если не будут проведены аресты, всё это может привести к дезорганизации тыла, результатов которой следует опасаться»¹¹.

Партизаны продолжали действовать и во время усилившейся подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе оз. Хасан и в 1939 г. в Монголии, у р. Халхин-гол, имели место японские провокации. В это время в промышленных центрах Северной Кореи усилились саботаж и диверсии на военных объектах, были случаи ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, и ранее аналогичные факты имели место и в других районах северной Кореи¹².

Выше отмечалось, что борьба корейцев за освобождение от японского колониализма в 1930-е годы была представлена двумя потоками: движением непосредственно в стране и действиями партизан, база которых находилась в Маньчжурии. Материалы служебных изданий, скорее, опровергают утверждение, что главной являлась партизанская борьба в Маньчжурии, и подтверждают приоритет хотя и ослабленного, но продолжающего свою деятельность сопротивления в самой Корее. Думается, эти потоки не стоит противопоставлять. Ведь они были взаимосвязаны, подпитывали друг друга. Материалы свидетельствуют, что и в эти годы крепили анти-японские настроения и выступления, деятельность немногочисленного, но мобильного и мужественного подполья. Оно не в меньшей степени тревожило японскую администрацию, чем действия партизан. При этом внимание японских властей приковано не к ущербу, который партизаны наносили японским подразделениям — он был, по нашему мнению, незначителен, — а к напряжению, создаваемому ими в японских тылах. Нельзя исключить, что японскую колониальную администрацию меньше беспокоили действия партизан в Маньчжурии — потому что там была другая епархия, — за которые

администрация в Сеуле не несла ответственности. Чисто бюрократический подход, вполне могущий иметь место в то сложное время.

Корейские партизанские подразделения рассматриваются закрытыми изданиями японской администрации как составная часть китайской освободительной армии, слепо следовавшая её установкам и указаниям. Но подходя к оценке событий всесторонне, нельзя отрицать и того, что корейские партизаны — члены китайской компартии — одновременно ставили и задачи достижения корейской независимости. Это нашло отражение в разработанных ими документах, особенно в программе Общества возрождения отечества». Судя по материалам, Общество действительно существовало, роль его как организации единого фронта могла бы быть значительной, оно имело филиалы по стране, но общенациональной организацией, консолидирующей все разнородные силы против колониализма и войны, оно не стало.

Исследуя материалы изданий генерал-губернаторства, можно сделать вывод, что в данный период японская администрация усилила и идеологическую обработку народа. Была активизирована борьба с «идеологическими преступлениями», власти всячески старались подорвать влияние антияпонских, антивоенных сил. Была создана сеть новых прояпонских организаций, в частности, «Лига патриотических идей» (1937), «Союз всеобщей мобилизации духа нации» (1938). «Словарь тайной полиции» пишет, что ячейки его — патриотические группы — были созданы по всей стране и механически охватывали все население поголовно. В 1939 г. в Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. — 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. человек (учитывались только главы семей.)¹³.

Вторая мировая война изменила ситуацию в корейском освободительном движении. Его основной задачей было сплочение всех антияпонских сил. Япония, увязшая в агрессии против Китая, продолжала готовиться к большой войне. Обстановку в мире усложнила начавшаяся в 1941 г. агрессия Японии на юге и юго-востоке Азии. В 1940-е годы в методах колониального управления в Корее проявилась еще большая маневренность, сочетание жестких методов полицейского контроля и террора с идеологическими формами воздействия на население. В декабре 1941 г. был принят указ об обеспечении

общественного спокойствия в чрезвычайное военное время. Проводилось разъяснение указа в газетах, а также в специальных агитационных группах¹⁴. Весь этот период японские колониальные власти сочетали военно-полицейский террор и идеологическую экспансию, насаждая паназиатизм. Лозунг «Азия для азиатов» под эгидой Японии как нации, якобы призванной историей стать руководителем «сферы совместного процветания», был его идеологическим обоснованием. Эта политика проникла во все поры общественной жизни и особенно глубоко в бытовые сферы. Деятельность союзов по мобилизации сил нации, «патриотических групп», а также доносы, обязательная подача сведений в полицию обо всех подозрительных лицах и т. п. порождали недоверие, враждебность, разобщение людей.

Если первое время после событий 1919 г. именуется периодом «культурного управления», временем «бархатной кошачьей лапки», то период второй Вировой войны правомерно характеризовать как сочетание полицейского террора и политико-идеологической обработки населения, которое менялось и усиливалось по мере изменения обстановки на фронтах. Естественно, все антияпонские, антиколониальные выступления в Корее были строго запрещены. Но сопротивление японскому колониальному господству продолжались. Роль китайской зарубежной базы корейской освободительной борьбы резко снизилась. Руководители крупных отрядов перебрасались в Советский Союз, а мелкие партизанские группы действовали непосредственно в Корее. Существовавшие в стране архипастыри, сложнейшие условия многих патриотов надломили. Отход от борьбы был очень значительный. Действовавшие подпольные группы проявляли большое мужество и стойкость. В это время наметилась тенденция к тому, что потоки национально-освободительного движения снова сливались. Из Северо-Восточного Китая в Корею время от времени тайно перебирались члены партизанских отрядов, связывались с местными левыми группами; вместе с ними они проводили среди населения разъяснительную работу.

В годы войны возникли различные группы, провозглашавшие своей задачей освобождение Кореи от колониального господства. Например, сеульская группа, возглавляемая Пак Хон Ёном, деятельность которой выходила за рамки столицы; другие, более мелкие ле-

вые группы. В августе 1944 г. Ё Ун Хёном был создан Союз возрождения государства, провозгласивший одной из своих задач «создание объединенного антияпонского фронта». Союз просуществовал недолго, но сумел оставить свой след в антияпонском сопротивлении корейского народа. Продолжали свою деятельность и корейцы-патриоты в Китае. Ким Ду Бон, Цой Чан Ик и др. создали там в качестве организации единого фронта «Лигу независимости Кореи».

В лагере национал-реформистов было много искренних патриотов, ратовавших не за соглашательство с колонизаторами, а лишь за временные компромиссы, дабы избежать крови и насилия. Заслуживает также внимания заметно усилившаяся в годы войны деятельность корейских эмигрантских организаций в США и других странах.

Итак, в годы Второй мировой войны открытые формы борьбы, массовые выступления были невозможны. Что же происходило в военные годы в самой Корее? Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали сведения о растущем брожении в стране. Так, широко практиковался саботаж рабочих на заводах, шахтах, в портах, на транспорте. В промышленных районах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама, несмотря на строжайший запрет властей, проходили стачки. В годы войны получили распространение диверсии на военных заводах и шахтах; взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах. Выводились из строя станки, оборудование. Это была одна из форм антивоенной борьбы, антияпонского сопротивления. Японские власти отводили Корею важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьёзный ущерб японскому милитаризму. 180 дней в году японская полиция, как указывают служебные японские издания, относила к числу «опасных».

«Брожение» происходило не только в городе, но и в деревне, где усилилось недовольство крестьян. Весной 1943 г. в городах прошли «рисовые волнения». Ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызывали недовольство. Так, в 1941 г. было отмечено более 4850 арендных конфликтов, в которых участвовали 10,4 тыс. человек¹⁵.

Сопrotивление крестьян мероприятиям властей выражалось в невыполнении программы военных обложений, плана поставок риса.

Протест в разных слоях населения вызвали закон о всеобщей воинской повинности для корейцев и закон об их трудовой мобилизации. Многие из студентов не вняли призывам колониальных властей и ушли в горы к партизанам. В своеобразные демонстрации протеста превращались проводы корейцев, отправляемых в Японию по трудовой мобилизации. Уклонившиеся от мобилизации уходили в горы, вливались в отряды сопротивления. Они разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии. Массовые аресты, облавы, полицейские угрозы создавали в стране обстановку предельной напряженности, но не могли ослабить народное сопротивление. Оно уходило глубже в подполье.

Призывы властей «думать, говорить и писать по-японски, ибо это необходимо для участия Кореи в построении Великой Восточной Азии» не встречали ожидаемого ими отклика. В движении против ассимиляторских акций властей участвовала прогрессивная корейская интеллигенция. Нараставшее в колонии недовольство и волнения вынудили японские власти принять дополнительные меры по «успокоению корейского тыла». В 1944 г. был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав, по которому членами верхней палаты японского парламента указом императора по рекомендации генерал-губернатора Кореи Н. Абэ были назначены несколько наиболее активных японских пособников из числа корейских крупных помещиков и капиталистов. В том же году был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав и провозглашены другие меры.

Продолжались выступления интеллигенции, студенчества. Отказ многих студентов идти добровольцами в японскую армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция. Для борьбы с ней власти задабривали молодежь, заигрывали с ней, в то же время запугивали её и наказывали. Следует отметить, что настроение молодежи, студентов, как и профессуры, интеллигентской элиты, не было единым и однозначным. Антияпонские, антивоенные настроения были не у всех, некоторые группы находились в плену идеологической пропаганды. Часть интеллигенции продолжала ориентироваться на ожидаемую ею помощь США. Дру-

гие же в условиях жестокого военно-полицейского режима, чтобы выжить, выполняли требования властей, но оставались при этом патриотами. Были и такие, которые искренне надеялись, что победа Японии принесет корейскому народу если не свободу, то какое-то облегчение, верила лозунгам единства метрополии и колонии.

Итак, в период Второй мировой войны в Корее действовало патриотическое подполье. На первый взгляд могло казаться, что оно полностью стерто с лица земли японскими карательными органами. Но это отнюдь не так. Ослабленное, малочисленное, обескровленное, оно все же продолжало жить.

Антияпонские выступления в Корее в годы Второй мировой войны проходили по следующим основным направлениям: борьба отрядов сопротивления и партизанских групп; саботаж и забастовки на предприятиях, диверсионные акты на железных дорогах; движение протеста против призыва в японскую армию, отказ некоторых студентов идти в неё добровольцами; подпольная работа по сохранению и развитию корейского языка, культуры. Партизаны, разбившись на небольшие группы, продолжали борьбу.

Таким образом, как корейское подполье, действовавшее внутри страны, так и группы и организации, ведущие свою деятельность за пределами страны, в том числе и партизаны в Маньчжурии, внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это корейское сопротивление подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне.

Примечания

¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. II. М.: Наука, 1974. С. 37—58.

² Тё:сэн кэйсацугайё: [Корейская полиция]. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1938. С. 23.

³ Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё: [Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время]. Сеул : Издание генерал-губернаторства, 1939. С. 74 .

⁴ Сисо: ихо: [Вестник идеологии]. 1936. № 6. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1936. С. 93.

⁵ Сайкин-ни окэру тө:сэндзиан дзё:кё: [Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время]. Сеул : Издание генерал-губернаторства, 1939. С. 412—413.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 409—410.

⁸ Там же. С. 410.

⁹ Сисо: ихо: [Вестник идеологии]. 1937. № 11. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1937. С. 9—14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сайкин-ни окэру тө:сэндзиан дзё:кё: [Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время]. Сеул : Издание генерал-губернаторства, 1939. С. 418—419.

¹² Сисо: ихо: [Вестник идеологии]. 1937. № 11. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1937. С. 84—85, 92.

¹³ Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн [Словарь тайной полиции]. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1935. С. 21—22

¹⁴ *Шабина Ф.И.* В колониальной Корее (1940—1945). Записки и размышления очевидца. Москва: Наука, 1982. С. 101—102.

¹⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. II. М.: Наука, 1974. С. 144.

References

1. Cho:sen keisatsu gaiyou [Outline of Korean Police]. (1938). Seoul, Governor-general Office Publ. P. 23 (in Japanese).

2. *Istoriia Korei* [History of Korea]. Vol. 2. (1974). Moscow, Nauka. P. 37—58. (in Russian).

3. *Istoriia Korei* [History of Korea]. Vol. 2. (1974). Moscow, Nauka. P. 144. (in Russian).

4. Koutou keisatsu yougojiten [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms]. (1935). Seoul, Governor-general Office Publ. (1935). P. 21—22 (in Japanese).

5. Saikin-ni okeru chousenjian joukyou [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. (1939). Seoul, Governor-general Office Publ. P. 74. (in Japanese).

6. Saikin-ni okeru chousenjian joukyou [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. (1939). Seoul, Governor-general Office Publ. P. 412—413. (in Japanese).

7. Saikin-ni okeru chousenjian joukyou [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. (1939). Seoul, Governor-general Office Publ. P. 409—410. (in Japanese).

8. Saikin-ni okeru chousenjian joukyou [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. (1939). Seoul, Governor-general Office Publ. P. 418—419. (in Japanese).

9. *Shabshina F.I.* (1982) V kolonial'noi Koree (1940—1945). Zapiski i razmysleniya ochevidtса [In colonial Korea (1940—1945). Notes and thoughts of an eyewitness]. Moscow, Nauka. P. 101—102 (in Russian).

10. Shisou ihou [Thought Control in Korea]. (1936). № 6. Seoul, Governor-general Office Publ. P. 93 (in Japanese).

11. Shisou ihou [Thought Control in Korea]. (1937). № 11, Seoul, Governor-general Office Publ. P. 9—14 (in Japanese).

12. Shisou ihou [Thought Control in Korea]. (1937). № 11, Seoul, Governor-general Office Publ. P. 84—85, 92 (in Japanese).

С.О. Курбанов

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИАЛИЗМЕ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В 1945 г. при участии Советского Союза Корея была освобождена от японского колониального господства. Ограниченный контингент частей Красной Армии был расквартирован в северной части Корейского полуострова для принятия японской капитуляции и обеспечения правопорядка на время до создания национальной администрации. Положительный социалистический опыт Советского Союза, рассказы о нём как самих советских граждан, так и новых северокорейских властей приводили население Севера Кореи к естественному выбору своего пути развития в пользу социализма. Учебник «Родная речь», изданный в 1947 г., даёт наглядный пример того, каким образом положительный опыт СССР в развитии села был представлен корейскому подрастающему поколению в рамках традиционных представлений о жизни крестьян.

Ключевые слова: Советский Союз, социализм, корейское крестьянство, идеальный образ села.

СССР как страна-освободительница

Понятие «социализм» — это не догма, содержание которой было постоянным на протяжении всей истории существования этого концепта. В различные исторические эпохи и в разных частях света под словом «социализм» понималось разное. Тем более, в переводе на языки народов Востока — слово могло приобретать особые смысловые оттенки.

Так, на корейском языке в термин «социализм» (*сахвечжужуй*) вкладывалось представление о том, что главным в жизни государства должна быть забота об обществе, т. е. — о коллективе, а не об отдельно взятом индивидууме. Такое представление о системе ценностей хорошо ложилось на сознание традиционного коллективизма, которое отражено, в частности, и в северокорейской конституции редакций 1972 г. и позже¹.

В 1945 г. СССР не только стал страной — освободительницей Кореи от японского колониального господства, но прежде всего — победителем во Второй мировой войне, продемонстрировав всему миру силу, мощь и перспективность социалистической модели развития, оказывавшей влияние на бывшие колониально-зависимые страны. Ведь колониализм распространялся в рамках капиталистической системы производства, поэтому вполне естественно, что у народов бывших колоний не только власть колонизаторов, но и вся социально-экономическая система, в рамках которой происходил колониальный захват, могла вызвать отторжение.

Когда Красная Армия в августе 1945 г. вступила на Корейский полуостров, основной целью ее было освобождение Кореи от японской оккупации и последующее принятие капитуляции японских войск. Каких-либо планов насаждать в северной части Кореи советские порядки не было. Это подтверждается, прежде всего, приказом ставки Верховного Главнокомандующего Красной Армии за № 1130 от 20 сентября 1945 г. В нем четко говорилось о том, чтобы «на территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать, советских порядков не вводить» и, кроме того, «содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе блока всех антияпонских демократических партий и организаций»².

Уже с первых дней между народом северной части Кореи и советской администрацией установились теплые отношения. Стали создаваться так называемые народные комитеты. Представители северо-корейской интеллигенции и органов местного самоуправления потянулись в Москву для обучения и за опытом³.

Одной из причин положительного отношения к социалистическому пути развития был тот образ, то представление о Советском Союзе и социализме, которые доходили до населения Северной Кореи.

С одной стороны, можно говорить о влиянии «рассказов советских воинов о социализме и советских порядках»⁴.

С другой стороны, сами северо-корейские власти, еще до официального провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики (09.09.1948), будучи вовлечёнными в налаживание мирной жизни и создание новых органов государственного управления, занимались массовым распространением информации об опыте Советского Союза среди населения Северной Кореи.

В феврале 1947 г. был создан Народный комитет Северной Кореи, сменивший Временный народный комитет⁵. В том же году Управление образования при Народном комитете выпустило школьный учебник под названием «Родная речь» (*Куго*) для 1-го класса средней школы начального уровня. Само по себе это учебное пособие весьма интересно с той точки зрения, что представляет набор идейных и идеологических посылов, которые служили основой идеологии новой власти на севере Корейского полуострова.

Начинается учебное пособие с текста под названием «Полководец Ким Ир Сен». В нём кратко рассказывается о жизни «полководца» и о том, что этот знаменитый борец за независимость Кореи теперь «становится непосредственным руководителем нации».

Вторым текстом учебного пособия стал рассказ под названием «Первый день поездки в Москву». Третьим — «[Традиционный день поминовения предков] Чхусок», а четвертым... «Развивается [национальный флаг] *тхэгыкки*». *Тхэгыкки* — это национальное знамя, которое впервые появилось в Корее в 1882 г. при государе конца эпохи Чосон Кочжоне, стало государственным флагом в годы Корейской империи (1897—1910) и использовалось патриотами — борцами за

независимость Кореи, в том числе — Временным правительством Республики Корея в эмиграции (1919—1945)⁶.

Таким образом, новые народные власти Северной Кореи, с одной стороны, уделяли особое внимание «революционной борьбе Ким Ир Сена» и отношениям с Москвой, но с другой — придавали особое значение традиционной корейской культуре, обрядам и обычаям, а также — общей корейской истории движения за независимость страны, учитывая самые разные политические движения.

Несколько текстов учебника «Родная речь» посвящено описанию реалий Советского Союза. Один из них называется так: «Урок 19. Жизнь советских крестьян». Для условий бывшей колониальной Кореи с преобладанием аграрной сферы экономики и сельского населения опыт Советского Союза именно в этой сфере деятельности представлялся наиболее важным.

Образ советской сельской жизни в северокорейском учебнике 1947 г.

Северокорейский учебник «Родная речь» представлял собой весьма привлекательный образ советского села, образ, который хорошо ложился на традиционные представления и чаяния крестьян, находившихся в экономической зависимости от землевладельцев.

Самым важным и самым болезненным вопросом для корейских крестьян был вопрос земельной собственности. По состоянию на 1939 г. 57,4 % работавших в сельскохозяйственной сфере вообще не имели земли, а в дополнение к неимущим 23,6 % сельскохозяйственных работников относились к категории «полусобственников-полуарендаторов»⁷. Иными словами, 81 % работавших на селе не были полноценными собственниками земли, на которой трудились. Соответственно, понятно, насколько велико было желание крестьян стать хозяевами своей корейской земли.

Именно это чаяние крестьян, с точки зрения «Родной речи», мог дать социализм «советского образца». Насчёт земельной собственности в учебнике сказано следующее: «Земля — это не собственность самого государства, но крестьяне, собранные вместе в кооператив, навечно владеют землей»⁸. Иными словами, при социализме

не должно быть никакого государственного контроля, и уж тем более — государственной собственности. Земля при социализме должна быть исключительно у крестьян. Единственное условие, правда, состоит в том, что крестьяне должны владеть землей коллективно.

Однако встает вопрос: насколько близким для традиционного корейского крестьянства был опыт коллективной собственности как в сфере землепользования, так и в сфере владения сельскохозяйственными орудиями? Ответ на него может показаться удивительным для читателя, не имеющего специальной подготовки в сфере изучения традиций коллективизма в старой Корее. Дело в том, что, по крайней мере начиная с эпохи Корё, население Кореи стало объединяться в различные деревенские организации (*ке, туре, хванду* и т. п.), целью которых была и совместная обработка полей, прополка и сбор урожая⁹. Причем некоторые организации предполагали совместное использование тяглового скота и сельскохозяйственных орудий. Таким образом, указанные в учебнике «Родная речь» представления о негосударственной, а именно о коллективной собственности крестьян, объединённых в сельские трудовые организации, как нельзя лучше ложились на традиции и реалии старой доколониальной и даже колониальной Кореи (поскольку и в условиях колониального господства на селе сохранялись деревенские трудовые организации).

Однако в новом социалистическом обществе, согласно учебнику, не только собственность на землю, но и сам урожай, «подобно Советскому Союзу», также будет находиться исключительно в распоряжении крестьян. Крестьяне не будут должны сдавать государству урожай. Они будут нести на себе только одну обязанность по отношению к государству: сдать 1/10 урожая. А оставшийся урожай будут распределять между членами кооператива¹⁰. Каким образом?

В «Родной речи» говорится о советском опыте «трудодней». «Трудодни» определяются из того, тяжёлую или сложную работу выполнял крестьянин, а также — из времени, потраченного на работу. Кооператив, исходя из «трудодней», заработанных за год, определяет, какое количество *риса* и других зерновых, а также овощей, мяса, предметов первой необходимости получит работник¹¹.

Любопытно отметить, что, хотя в учебнике речь идет вроде бы о Советском Союзе, указание на рис (*ссылка*) как главный продукт сельского хозяйства, очевидно, должно было подвигнуть читателя (ученика) к мысли о том, что именно такой, как в Советском Союзе, жизнь будет и в Корее, если её население твёрдо ступит на путь построения социализма. Говоря об урожае и его использовании, в тексте урока № 19 нигде не упоминая о том, что урожай будет *продаваться*, будет частью рыночного обмена. «Трудодни», представляемые в тексте, дают альтернативу рыночному регулированию. Качество жизни и уровень доходов определяет прежде всего сам человек, вкладывающая больше или меньше в общее дело, а также коллектив, который определяет этот вклад. Таким образом, реализуется принцип: «Кто не работает, тот не ест».

«Родная речь», ратуя именно за социалистические формы хозяйствования и ссылаясь при этом на положительный опыт Советского Союза, использует любопытный пример, с помощью которого подводит читателя (ученика) к безальтернативности выбора будущего пути развития.

Авторы учебника спрашивают: кто критиковал социализм и за что? Социализм критиковали «японские колонизаторы», говоря, что «в СССР, стране коммунизма, и работающий и неработающий едят одинаково». Но это не так. Просто японские капиталисты и помещики боялись социализма, поэтому и говорили о нём всякую ложь¹².

Подобная аргументация не могла не подействовать на корейского читателя. Всё, что было связано с Японией, которая на протяжении 40 лет, начиная с объявления протектората в 1905 г., хозяйничала на Корейском полуострове, вызывало чувство отторжения. Поэтому всякая японская полукритика воспринималась крайне отрицательно. Как раз наоборот, именно японские капиталисты и помещики, с точки зрения корейского крестьянина, «ничего не делали», эксплуатируя корейское население, и получали всё. Желание раз и навсегда покончить с подобной ситуацией было настолько велико, что нашло свое отражение даже в конституции «капиталистической» Республики Корея, согласно которой не работающий на сельскохозяйственных угодьях не может иметь их в собственности, и запрещено сдавать землю в аренду только лишь с целью получения личной выгоды (ст. 121¹³).

Продолжая рассказ о чудесах социалистического сельского хозяйства, учебный текст «Жизнь советских крестьян» продолжает: именно благодаря тому, что СССР — социалистическая страна, кооперативы как помощью государства, так и собственными силами добиваются такого уровня механизации в сельском хозяйстве, которого нет и в таких развитых странах капитализма, как США или Англия.

Целая страница учебника посвящена описанию того, какие преимущества дает крестьянину механизация. В СССР не бывает так, чтобы работник села нёс что-либо на себе (взвалив груз на «традиционные корейские заплечные носилки» *чиге!*¹⁴) или перевозил что-либо на телеге, запряжённой лошастью. Все работы в полях — и пахота, и сеяние, и прополка, и сбор урожая, и доставка урожая до хранилищ — всё это делают машины. Поэтому крестьянину достаточно работать в поле от шести до восьми часов в день. И это не всё. Благодаря механизации и использованию химических удобрений урожайность по сравнению с дореволюционным периодом выросла в два-три раза¹⁵.

Благодаря всему этому, а также отсутствию эксплуатации со стороны помещиков и капиталистов, советский крестьянин живёт в полном достатке. И здесь авторы «Родной речи» прибегают к конкретному перечислению тех материальных благ, доступных советскому труженику села, которые, судя по всему, являлись предметом вождения жителей села Корейского полуострова. Советский крестьянин «всё время ест закуску из мяса (*коги панчхан*), вдоволь пьёт молоко и ест яйца»¹⁶. У каждого крестьянина есть более десяти комплектов одежды и более пяти пар обуви. В каждом крестьянском доме электрическое освещение и радио, а для отопления вместо дров советские крестьяне используют уголь или нефть. Кроме того, для того, чтобы крестьянин мог жить культурной жизнью, в каждом селе есть клуб.

Действительно, поскольку крестьяне проводят в поле не более чем шести—восемью часов, у них есть время и возможность отправиться в клуб, куда, кроме взрослых, конечно же, ходят и дети, и старики. Собираясь в клубе, крестьяне слушают хорошую музыку, танцуют, а могут смотреть кинофильмы, играть в игры и весело проводить время.

В любом советском селении, «куда бы ни пошёл», кооперативы строят общие столовые для тех, кто работает в поле. (В корейском тексте используется слово *сиктан*, которым в корейском языке передаётся также и понятие «ресторан».) Столовые расположены рядом с полями, и еда в них всегда «вкусная и питательная». Авторы учебника сетуют на то, что «у нас в Корее» всё совсем не так, еду приходится готовить дома, затем нести её в поле на специальных заплечных носилках. И вот эта советская реальность вызывает чувство «зависти»¹⁷.

Особое место в учебнике уделено положению советских женщин, крестьянок. С одной стороны, у них равные с мужчинами права, и работают они вместе с мужчинами. Однако когда женщина готовится рожать, то за полгода до родов и на полгода после родов получает отпуск, на время которого кооператив предоставляет ей все необходимые средства к существованию. За две недели до родов женщина ложится в больницу, где находится под наблюдением врачей, заботящихся и о здоровье ребенка, и о здоровье матери. Причём, в отличие от капиталистических стран, ей не требуется оплачивать расходы на это¹⁸.

Далее «Родная речь» описывает, как в Советском Союзе происходит дошкольное и школьное воспитание ребенка. Для самых маленьких детей, практически от самого рождения и до четырёх лет, существуют ясли, которые «напоминают подобные корейские учреждения», называемые *тхагасо*. Обычно в такие ясли детей приводят к девяти утра, а забирают в три или четыре часа дня. В яслях детей кормят, укладывают спать; за ними наблюдают врачи. Таким образом, ребёнок может расти крепким и здоровым. От четырех до девяти лет ребёнка отдают в детский сад. Любопытно, что в учебнике термин дан в дословном переводе с русского языка как «*адон кон-вон*», где первое слово действительно означает понятие «ребенок», а второе — «сад». В современном корейском языке такое словосочетание не используется. В настоящее время говорят *ючхивон*¹⁹. В детские сады детей приводят также к девяти часам утра, а забирают от четырех до шести часов вечера. В детских садах детей учат петь, рисовать, а также грамоте. Когда ребёнок вырастает, он идёт в школу, затем — в высшее учебное заведение. За образование, даже за высшее, платить не нужно²⁰.

Особое внимание учебник «Родная речь» уделяет положению престарелых. Для традиционной Кореи это особый вопрос. Прежде он решался с помощью отношений сыновней почтительности, когда старшие в семье сыновья брали на себя обязанность заботы о пожилых родителях²¹. Корейский учебник ничего не говорит о традициях. В нём есть лишь указание на то, что, в отличие от капиталистических государств, в которых крестьянину приходится «работать до самой смерти», мужчина может не работать начиная с пятидесяти лет, а женщина — с сорока пяти. При этом кооператив полностью обеспечивает «расходы на жизнь». Кроме того, все крестьяне совершенно бесплатно могут лечиться в больнице.

Завершая рассказ об идеальном обществе для крестьян, о таком, какое удалось построить в Советском Союзе, «Родная речь» поднимает очень важный для корейских крестьян вопрос: а есть ли в СССР «личная частная собственность»? И отвечает на этот вопрос положительно: есть. Советский крестьянин может иметь в своей собственности дом, в котором он живет, предметы домашнего обихода, огород (*чхэсонат*), коров (до пяти голов), свиней (до пяти голов), кур (до 50). При этом всю свою собственность он может использовать свободно, по своему усмотрению. Однако поскольку всё это уже есть в кооперативе (и коровы, и свиньи, и куры), то крестьяне просто не чувствуют особой необходимости вести свое личное хозяйство²².

На этом урок 19 учебника «Родная речь» завершает представление «идеальной» жизни советских крестьян. Основная мысль повествования состоит в том, что не государство управляет жизнью крестьян, а они сами, совершенно свободно и самостоятельно, будучи членами кооперативов. Подобная модель будущей жизни при социализме, прекрасно ложившаяся на многовековые традиции коллективизма в корейской деревне, не могла не привлекать жителей корейского села.

Заключение

После освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 г. и последующего временного расквартирования советской Красной Армии на территории севера Корейского полуост-

рова, в корейских средствах массовой информации, в частности через газету «Корейско-советская культура» (*Чоссо мунхва*), через непосредственное общение корейского населения с советскими людьми так или иначе распространялась положительная информация о Советском Союзе. При этом особое значение имели учебники. Только одно рассмотренное в настоящей статье школьное учебное пособие (1-е издание) было напечатано тиражом в 97 100 экземпляров. Практически всё молодое поколение Северной Кореи вместе с изучением родного языка также воспринимало положительный, идеальный образ Советского Союза, дававший населению освобождённой Кореи надежду на скорую счастливую жизнь в условиях социально-экономической системы социализма.

Примечания

¹ Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1975. Ст. 49. С. 18.

² *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948. М.: ИВ РАН, 2016. С. 43.

³ СССР и Корея // СССР и страны Востока; отв. ред. Ю.В. Ванин. М.: Наука, 1988. С. 155—160.

⁴ *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948. М.: ИВ РАН, 2016. С. 51.

⁵ Хангук кхын хёндэса сачжон [Энциклопедия Новой и новейшей истории Кореи]. Сеул: Карам кихвек, 1990. С. 300.

⁶ Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон [Большая энциклопедия корейской национальной культуры]. Т. 23. Сеул: Институт духовной культуры Кореи, 1991. С. 19—22.

⁷ *Гражданцев А.* Корея / пер. с англ. З.А. Рыбниковой, ред., вводн. статья В.Т. Зайчикова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. С. 227.

⁸ *Хан Суям, Ли Чжонгу, Син Гухён, Пак Чонсик.* Куго. Чхогып чун хаккё че иль ханнён ён [Родная речь. Для 1 класса средней школы начального уровня]. Синчжун: Издательское управление Народного отдела информации провинции Северная Пхёнан, 1947. С. 102.

⁹ Чосон-ый минсок [Этнография Кореи]. Пхеньян: Изд-во Академии общественных наук, 1986. С. 198—215.

¹⁰ Хан Суям, Ли Чжонгу, Син Гухён, Пак Чонсик. Куго. Чхогып чун хаккё че иль ханнён ён [Родная речь. Для 1 класса средней школы начального уровня]. Синийчжу: Издательское управление Народного отдела информации провинции Северная Пхёнан, 1947. С. 102.

¹¹ Там же. С. 103.

¹² Там же.

¹³ Тэхан мингук хонбоп // Пёль чхэк кибон юкпопо [Конституция Республики Корея // Отдельное издание. Шесть основных законов]. Сеул: Изд-во Муниль, 1996. С. 10.

¹⁴ Использование слов и терминов, отражающих исконно корейские реалии (а другое было и невозможно), должно было показать читателю, что подобное радужное будущее ожидает и Корею в случае выбора социалистического пути развития.

¹⁵ Хан Суям, Ли Чжонгу, Син Гухён, Пак Чонсик. Куго. Чхогып чун хаккё че иль ханнён ён [Родная речь. Для 1 класса средней школы начального уровня]. Синийчжу: Издательское управление Народного отдела информации провинции Северная Пхёнан, 1947. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 105.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 106.

¹⁹ Чоро со сачжо [Краткий русско-корейский словарь]. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1992. С. 678.

²⁰ Хан Суям, Ли Чжонгу, Син Гухён, Пак Чонсик. Куго. Чхогып чун хаккё че иль ханнён ён [Родная речь. Для 1 класса средней школы начального уровня]. Синийчжу: Издательское управление Народного отдела информации провинции Северная Пхёнан, 1947. С. 106—107.

²¹ Подробнее см.: Курбанов С.О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

²² Хан Суям, Ли Чжонгу, Син Гухён, Пак Чонсик. Куго. Чхогып чун хаккё че иль ханнён ён [Родная речь. Для 1 класса средней школы начального уровня]. Синийчжу: Издательское управление Народного отдела информации провинции Северная Пхёнан, 1947. С. 107.

References

1. Daehan minguk heonbeop. Byeol chaek gibbon yukbeop. [Constitution of the Republic of Korea. Separate publication. Six basic laws]. (1996). Seoul, Munil Publishing House. P. 10 (in Korean).
2. *Kurbanov S.O.* (2007). Konfutsianskiy klassicheskiy «Kanon synovney pochtitel'nosti» v koreyskoy traktovke. Koreyskoye vospriyatiye universal'noy kategorii «pochtitel'nosti k roditelyam» [Confucian classic “Canon of filial piety” in the Korean interpretation. Korean perception of the universal category of “respect for parents”. St. Petersburg.: St. Petersburg University Publishing House. (in Russian).
3. *Grajdantsev, Andrew J.* (1948). Koreya [Korea]. Tr. from Eng. by Z.A. Rybnikova / ed. by V.T. Zaichikov. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature. P. 227 (in Russian).
4. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 102 (in Korean).
5. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 103 (in Korean).
6. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 104 (in Korean).
7. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 105 (in Korean).
8. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 106 (in Korean).
9. *Han Suyam, Yi Jeonggu, Sin Guhyeon, Pak Jeongsik.* (1947). Guko. Chogeuip junghakgyo je il haknyeon yong. [Native Speech. For grade 1 of the elementary school]. Sinuiju, Publishing Department of the People's Information Department of North Pyeongan Province. P. 106—107 (in Korean).
10. Hanguk keun hyundaesa sajeon [Encyclopedia of New and Contemporary History of Korea.] Seoul, Garam gihwek, 1990. P. 300 (in Korean).

11. Hanguk minjeok daebaekgwa sajeon [Big Encyclopedia of Korean National Culture. T. 23.] Seoul, Korean Institute of Spiritual Culture, 1991. P. 19–22 (in Korean).
12. Joseon-ui minsok. [Ethnography of Korea.] Pyongyang, Publishing House of the Academy of Social Sciences, 1986. P. 198–215 (in Korean).
13. Nojo so sajeon [Brief Russian-Korean dictionary.]. (1992). Pyongyang, Publishing House of Literature in Foreign Languages. P. 678 (in Russian and Korean).
14. Socialisticheskaja Konstitucija Korejskoj Narodno-Demokraticeskoj Respubliki. [Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea]. (1975). Pyongyang, Publishing House of Literature in Foreign Languages. Article 49. P. 18 (in Russian).
15. SSSR i Koreja. SSSR i strany Vostoka [USSR and Korea. USSR and countries of the East.] (1988) /ed. by Yu.V. Vanin. Moscow, Nauka. P. 155–160 (in Russian).
16. *Vanin Yu.V.* (2016). Sovetskij Sojuz i Severnaja Koreja, 1945–1948 [The Soviet Union and North Korea, 1945–1948.]. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. P. 43 (in Russian).

Д.А. Садаков

АМЕРИКАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА МЕСТО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1940—1950 ГОДЫ*

В докладе анализируются цели, которые преследовали Соединённые Штаты, встраивая Республику Корея в свою систему безопасности в 1948—1950 и 1953—1954 гг., определяются результаты их действий на полуострове в рассматриваемый период. В 1950 г. полученный американцами результат в короткий срок был нивелирован скорым вовлечением США в вооружённый конфликт на территории Кореи. Три года спустя, в 1953—1954 гг., с ростом потенциала южнокорейской армии гораздо большее внимание уделялось контролю над президентом Республики Корея Ли Сын Маном, стремившимся к возобновлению войны на полуострове. В итоге он был вынужден соблюдать условия перемирия в обмен на создание американо-корейского альянса и реализацию программ экономической и военной помощи.

Ключевые слова: СНБ США, Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Ли Сын Ман, Республика Корея.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

This work was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 19-18-00501).

В настоящее время Корейский полуостров является одним из главных центров международной напряжённости, а политика США вносит значительный вклад в поддержание этого статуса. Место Кореи в системе тихоокеанской безопасности США в значительной степени было обусловлено итогами Корейской войны, однако контуры американско-южнокорейского взаимодействия были определены ранее, в первые годы существования Республики Корея. Итогом этого процесса стало формирование конфигурации американского «оборонного периметра» в Восточной Азии, в котором Южной Корее предстояло занять своё место.

Провозглашение южнокорейского государства стало закономерным итогом курса на раскол страны, взятого администрацией США осенью 1947 г. Стратегическая значимость Кореи для Вашингтона определялась тем, что она стала местом непосредственного соприкосновения сфер влияния СССР и США на Дальнем Востоке. Полуостров не имел большого военного значения, однако неспособность американцев выполнить свои обязательства в отношении Южной Кореи привела бы к потере престижа. С точки зрения долгосрочной перспективы значение полуострова преумножалось в связи с тем, что успех Северной Кореи представлял угрозу для планов США в отношении Китая и Японии, а значит — и всего Тихоокеанского региона¹.

В начале апреля 1948 г. президентом США Г. Трумэнном был подписан меморандум СНБ-8, в котором формулировались цели политики Вашингтона в отношении Кореи. Главной целью США было провозглашено создание единого демократического корейского государства. Кроме того, американцы намеревались оказывать корейцам помощь в развитии экономики. Ещё одна задача носила более прагматический характер: в Вашингтоне стремились снизить риск втягивания своей страны в большую войну путём редуцирования вовлеченности в военный аспект корейских дел².

Важной мерой в рамках указанного курса должна была стать эвакуация дислоцированных в Корее американских войск. Начало этого процесса было намечено на 15 сентября 1948 г.³ Успешный вывод войск показал нежелание Вашингтона продолжать единолично нести бремя гарантий безопасности Южной Кореи. Выбор политического инструментария для достижения поставленных целей на полу-

острове должен был осуществляться в том числе с учётом финансовой эффективности, каковой военная оккупация не отличалась.

Перспективы новых подходов США к корейской политике зависели от объёмов предусмотренной в СНБ-8 экономической помощи. В документе подчёркивалось, что именно от американской поддержки зависит, удастся ли предотвратить экономический коллапс юга полуострова. В то же время помощь должна была ограничиваться «реальными и выполнимыми пределами»⁴.

Однако процесс принятия решения об оказании помощи Корее затянулся. У Конгресса США появились большие вопросы о целесообразности вкладывания 150 млн долл. в страну, которая с уходом американских войск станет ещё более богатой добычей для коммунистов⁵. В итоге к февралю 1950 г. комитет палаты представителей по международным отношениям снизил указанную сумму до 60 млн⁶. Таким образом, реальные объёмы американской экономической помощи оказались значительно ниже предложенных госдепартаментом. Проблемы возникли и с программой поддержки южнокорейских вооружённых сил. Корее, Филиппинам и Ирану в совокупности было выделено 27,6 млн долл.⁷ (из них Корее — 10,2 млн⁸).

В 1949 г. начало расти значение фактора КНР в контексте опасений Вашингтона перспективы «агрессии коммунизма в Корее»⁹. Ещё с 1947 г. периодически возникали слухи о том, что китайские коммунисты осуществили скрытый ввод войск на север полуострова¹⁰.

Однако эти опасения имели и обратную сторону: в Вашингтоне начинали с сомнением относиться к наличию у северокорейской армии возможностей для ведения самостоятельных наступательных операций против Юга.

Менялась ситуация и на глобальном уровне. В начале 1950 г. под руководством нового главы отдела планирования внешней политики П. Нитце была разработана директива СНБ-68. Этот документ вскоре стал одним из ключевых документов стратегии сдерживания. В нём говорилось об опасности для «свободного мира», исходящей от СССР. Директива допускала, что Москва встанет на путь «малых» агрессий в различных регионах¹¹. Работавшими над директивой аналитиками Республика Корея рассматривалась как потенциально угро-

жаемое направление¹². Нитце настаивал на необходимости противостояния агрессии коммунизма в любом регионе мира. В то же время в начале 1950 г. директива СНБ-68 не являлась бесспорным документом и подвергалась критике¹³.

Что касается Кореи, то госсекретарь США Д. Ачесон полностью осознавал уязвимость её стратегического положения. Дипломат считал, что её невозможно защитить только военными методами, и настаивал на предоставлении стране масштабной экономической и военной помощи для того, чтобы она смогла сама постоять за себя¹⁴.

Взгляды Ачесона отразились в директиве СНБ-48, утверждённой 30 декабря 1949 г. Документ гласил, что США должны оказывать Республике Корея необходимую политическую, техническую и экономическую поддержку, чтобы она могла успешно сдерживать угрозу распространения коммунистического влияния, опирающегося на «агрессивный северокорейский режим», а также послужить в будущем ядром мирного объединения страны на демократической основе¹⁵.

Публично позиция США по Корее была озвучена Ачесоном 12 января 1950 г. в Национальном пресс-клубе. Вслед за СНБ-48 и более ранними высказываниями генерала Макартура¹⁶ он проводил линию обороны «свободного мира» через Алеутские острова, Японию, Рюкю и Филиппины. По факту госсекретарь не исключал Корею из числа поддерживаемых США государств, а лишь предупреждал, что первое время после атаки ей, как и другим второстепенным государствам региона, придётся уповать на собственные силы и помощь ООН¹⁷.

Реакция США на события в Корее летом 1950 г. в общих чертах развивалась именно по описанному Ачесоном сценарию.

Таким образом, в 1948—1950 гг. Вашингтону удалось достичь определённых результатов — «не допустить победы коммунистов на всей территории полуострова», «предотвратить формирование коммунистического монолита в Северо-Восточной Азии» и на короткий срок существенно облегчить материальное бремя своего участия в делах Республики Корея. В то же время обороноспособность сеульского режима так и не была доведена до необходимого уровня, и полученные результаты в короткий срок были нивелированы вовлечением США в вооружённый конфликт на территории Кореи летом 1950 г.

В ходе Корейской войны 1950—1953 гг. южнокорейский режим сумел с помощью США противостоять натиску КНДР. С другой стороны, на завершающем этапе конфликта южнокорейский президент Ли Сын Ман стал представлять существенную проблему для планов США по заключению мира он никак не желал смириться с тем, что провалился в своей мессианской миссии по объединению Кореи¹⁸.

Соглашение о перемирии, принятое по завершении Корейской войны, было подписано 27 июля 1953 г. Оно предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны. Вопрос восстановления единства страны был отнесён на рассмотрение международной политической конференции¹⁹, которая проходила в Женеве с 27 апреля по 15 июня 1954 г.

Своеобразной «платой» за участие Ли Сын Мана в мирном процессе и Женевской конференции стал американско-корейский Договор о взаимной обороне, подписанный 1 октября 1953 г. (ратифицирован обеими сторонами в январе 1954 г.)²⁰ Согласно ст. 5, действие этого договора начиналось с момента обмена ратификационными грамотами²¹. Одновременно были намечены щедрые программы военной и экономической помощи. В совместном американско-корейском заявлении сообщалось, что вплоть до вступления договора в силу вооружённые силы РК будут подчинены командованию ООН и не нарушат условия перемирия²².

9 ноября 1953 г. Советом по планированию национальной безопасности был подготовлен меморандум СНБ-170. Номинальной долговременной целью Соединённых Штатов в документе провозглашалось «объединение свободной Кореи», причём независимость и территориальная целостность этого государства должны были гарантироваться международным соглашением и корейскими вооружёнными силами, достаточными для защиты страны от атаки со стороны крупного государства²³.

В ходе обсуждения этого документа Эйзенхауэр подчеркнул, что уверен в неизменном стремлении коммунистов подчинить Республику Корея своему влиянию, а потому конечная цель США — «нейтральная Корея на нашей стороне»²⁴.

В то же время реальный поиск путей воссоединения не входил в число актуальных задач американской дипломатии. 20 ноября 1953 г. администрация Эйзенхауэра одобрила директиву «О целях и

задачах политики США в Корею» (СНБ 170/1), в которой возможность объединения страны отодвигалась на неопределённое будущее, зато приоритет текущего этапа был определён как «создание в Корею ситуации силы» для того, чтобы «а) обеспечить Объединённым Нациям возможность исполнить свой долг по отпору агрессии; б) предотвратить установление коммунистического доминирования над этой территорией; и в) обеспечить сохранение на полуострове свободного правительства»²⁵.

Важным шагом на пути к этой цели должно было стать перебазирование значительной части американских войск с территории Кореи с одновременным увеличением южнокорейской армии до 20 дивизий. Сторонниками этой идеи являлись Эйзенхауэр, госсекретарь Дж. Даллес, министр обороны Ч. Уилсон и др.²⁶ При этом в госдепартаменте стремились сохранить ядро коалиции ООН и предотвратить возможный массовый вывод войск союзниками США²⁷.

На Женевской конференции (корейская фаза продолжалась с 26 апреля по 15 июня 1954 г.) делегация США стала инициатором прекращения поиска компромисса и закрепления разделённого статуса Кореи. Подобный исход устраивал Ли Сын Мана, для которого провал объединения страны путём переговоров означал сохранение на неопределённый срок возможности оказывать давление на американцев с целью получения всевозможных финансово-экономических и военных преференций. Он не терял надежды на то, что при благоприятном стечении обстоятельств удастся склонить США к осуществлению плана силового воссоединения Кореи под своим руководством²⁸.

Американо-корейские переговоры о дальнейшем формате двустороннего сотрудничества начались 27 июля 1954 г. в ходе визита Ли Сын Мана в Вашингтон. Попыткам Ли убедить своего коллегу в необходимости продолжения военных действий или хотя бы выторговать новые уступки американцы противопоставили тактику документирования взаимных обязательств в виде Согласованного протокола. США обещали оказывать помощь Республике Корея, сохранить ограниченное присутствие своих войск на полуострове, а также защищать страну в случае неспровоцированного нападения коммунистов²⁹. Ответные обязательства Республики Корея включали раз-

личные экономические меры, нормализацию отношений с Японией, а также сотрудничество в деле реализации инициатив Вашингтона, направленных на восстановление единства страны. Важное значение имел пункт, предусматривавший сохранение за командованием силами ООН оперативного контроля над южнокорейской армией³⁰.

Ли Сын Ман принимал участие в обсуждении этого документа лишь на начальном этапе, а затем отложил его подписание до выяснения деталей программ экономической и военной помощи³¹. В ответ американцы решили добиться подписи южнокорейского президента, а до тех пор не брать на себя никаких обязательств, отложив вступление в силу Договора о взаимной обороне³².

В корейской прессе разгорелась антиамериканская кампания. Одновременно возобновились сигналы о возрастающей воинственности южан³³. Нервозность в двусторонних отношениях нагнеталась также в связи с обострением разногласий из-за курса обмена валют³⁴. Однако сейчас американцы уже гораздо спокойнее относились к подобным сообщениям. Посол США в Корее Э. Бриггс отмечал, что народ юга Кореи не будет приветствовать возобновление войны, а Ли Сын Ман должен будет смириться с условиями Согласованного протокола³⁵.

9 сентября 1954 г. СНБ утвердил окончательную редакцию Согласованного протокола, доработанного при участии военных экспертов и экономистов³⁶. На следующий день текст был одобрен президентом США³⁷. По сравнению с июльской версией в документе более точно были определены параметры программ помощи Корее. Обязательства южнокорейского правительства оставались прежними. В госдепартаменте полагали, что в документе были учтены все пожелания Ли Сын Мана, а потому не были настроены на внесение в проект существенных изменений³⁸.

Ли пытался добиться переработки текста Согласованного протокола так, чтобы уменьшить обязательства Республики Корея и увеличить американские³⁹. Рассмотрев корейские предложения, Даллес поручил Бриггсу напомнить властям РК, что минула уже треть финансового года⁴⁰, и нежелание подписывать согласованный в Вашингтоне протокол обходится этой стране в миллионы долларов⁴¹.

В течение первой половины ноября 1954 г. Ли пытался выдвигать новые требования, но, столкнувшись с твёрдой позицией США, отступил и согласился по всем основным пунктам. Существенную роль в этом сыграло разочарование многих южных корейцев, ранее поддерживавших жёсткость своего президента в отношении американцев⁴². Церемония подписания документов состоялась 17 ноября и, как отметил Бриггс, прошла гладко и в дружественной атмосфере⁴³. В тот же день вступил в силу американо-корейский Договор о взаимной обороне⁴⁴.

Таким образом, в 1953—1954 гг. контекст развития американо-корейских отношений был конфликтным. Если целью американцев была стабилизация ситуации на полуострове и создание руководимой ими системы безопасности в Северо-Восточной Азии, то корейцы в первую очередь стремились к восстановлению единства страны. В течение 1954 г. совместить данные приоритеты было непросто.

Находясь в полной зависимости от американцев в военной и экономической сферах, Ли Сын Ман был вынужден уступить в главном: он согласился соблюдать условия перемирия. Альтернативный список требований корейского президента включал создание американо-корейского альянса и реализацию программ экономической и военной помощи. Сделав формальные уступки по всем пунктам, США сумели создать достаточные противовесы для сдерживания военных амбиций Ли Сын Мана: установить оперативный контроль над южнокорейской армией; закрепить широкие полномочия за Администрацией координатора программ экономической помощи; сохранить на территории Кореи значительный, но ограниченный вооружённый контингент. Включение Республики Корея в региональную систему безопасности США произошло на американских условиях.

Примечания

¹ Korea intelligence records. 1950 // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A001400030001-2.pdf> P. 1. (дата обращения: 05.01.2020).

² Foreign Relations of the United States. 1948. The Far East and Australia. Vol. VI. Washington: United States Government Printing Office, 1974. P. 1164.

- ³ Ibid. P. 1276.
- ⁴ Ibid. P. 1169.
- ⁵ *Jongsuk Chay*. *Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948—1953*. Westport: Praeger, 2002. P. 141.
- ⁶ Aid to Korea // *CQ Almanac 1949*. URL: <https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal49-1400125> (дата обращения: 05.01.2020); Korean-Formosan Aid // *CQ Almanac 1950*. URL: <http://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal50-1377531> (дата обращения: 05.01.2020).
- ⁷ Congressional Record. Vol. 95. Washington: The Congress, 1949. P. 13022.
- ⁸ National Security Council Progress Report on the Implementation of National Security Council Report 8/2, February 10, 1950. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-1.pdf#zoom=100 P. 2 (дата обращения: 05.01.2020).
- ⁹ Foreign Relations of the United States. 1949. The Far East and Australia. Vol. VII. Washington: United States Government Printing Office, 1976. P. 987.
- ¹⁰ Military Information: Chinese Communist Army In North Korea // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R000600160001-1.pdf> (дата обращения: 05.01.2020); Foreign Relations of the United States. 1949. The Far East and Australia. Vol. VII. Washington: United States Government Printing Office, 1976. P. 1078.
- ¹¹ Задачи и программы национальной безопасности США. Директива СНБ 68, 14 апреля 1950 г. // Портал «Холодная война». URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php> (дата обращения: 05.01.2020).
- ¹² *Seung-young Kim*. *American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 193.
- ¹³ *Martin Shaw*. *War, State and Society*. London: Macmillan, 1984. P. 147—148.
- ¹⁴ *Jongsuk Chay*. *Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948—1953*. Westport: Praeger, 2002. P. 141.
- ¹⁵ *Thomas H. Etzold, John Lewis Gaddis*. *Containment: documents on American policy and Strategy, 1945—1950*. New York: Columbia University Press, 1978. P. 256.
- ¹⁶ *Matray J*. Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined // *The Journal of Conflict Studies*. 2002. Vol. 22. № 1. P. 28—55
- ¹⁷ *Acheson D*. Speech on the Far East. January 12, 1950 // Teaching American History. URL: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full> (дата обращения: 05.01.2020).

¹⁸ Rhee gives assurance against unilateral step // CIA. 06.06.1953. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp91t01172r000200310009-8> (дата обращения: 05.01.2020).

¹⁹ Armistice agreement (July 27, 1953) // Korean War educator. URL: <http://www.koreanwar-educator.org/topics/armistice/armistice.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).

²⁰ Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1800—1802.

²¹ The Cold War: interpreting conflict through primary documents / ed. Priscilla Roberts. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2018. P. 365—367.

²² Results of Secretary Dulles' Consultations with president Rhee // *Department of State Bulletin*. 1953. Vol. 29. № 732. P. 203.

²³ Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1600—1601.

²⁴ Ibid. P. 1617—1618, 1620—1621, 1626.

²⁵ Ibid. P. 1621.

²⁶ Ibid. P. 1642—1643.

²⁷ Re US Decision to Withdraw Two American Divisions from Korea. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950—1954. Box 4292. 795.00/1—854.

²⁸ Foreign Relations of the United States. 1952—1954. The Geneva Conference. Vol. XVI. Washington: United States Government Printing Office, 1981. P. 391.

²⁹ Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1860.

³⁰ Ibid. P. 1859.

³¹ Ibid. P. 1857—1858.

³² Ibid. P. 1866.

³³ Ibid. P. 1870, 1874.

³⁴ Ibid. P. 1891.

³⁵ Ibid. P. 1871.

³⁶ Ibid. P. 1944; *Brands H.* The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the “Other” Geneva Conference of 1954 // *Pacific Historical Review*. February 1987. Vol. 56. No. 1. P. 82.

³⁷ Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1877.

³⁸ Ibid. P. 1882.

³⁹ *Yong-Pyo Hong*. *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60*. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 76.

⁴⁰ В США в 1954 г. финансовый год начинался 1 июля. Такая практика существовала до 1976 г., когда начало финансового года было перенесено на 1 октября, а его завершение, соответственно, на 31 сентября следующего года.

⁴¹ *Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Korea. Vol. XV. Part 2*. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1915.

⁴² *Yong-Pyo Hong*. *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60*. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 78.

⁴³ *Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Korea. Vol. XV. Part 2*. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1923.

⁴⁴ *Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Korea. Vol. XV. Part 2*. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1944.

References

1. *Acheson D.* Speech on the Far East. January 12, 1950. Teaching American History. Available at: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full> (accessed: 05.01.2020).

2. Aid to Korea. *CQ Almanac 1949*. Available at: <https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal49-1400125> (accessed: 05.01.2020); Korean-Formosan Aid. *CQ Almanac 1950*. Available at: <http://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal50-1377531> (accessed: 05.01.2020)

3. Armistice agreement (July 27, 1953). Korean War educator. Available at: <http://www.koreanwar-educator.org/topics/armistice/armistice.pdf> (accessed: 05.01.2020).

4. *Congressional Record. Vol. 95*. Washington: The Congress, 1949. P. 13022.

5. *Foreign Relations of the United States. 1948. The Far East and Australia. Vol. VI*. Washington: United States Government Printing Office, 1974. P. 1164.

6. *Foreign Relations of the United States. 1948. The Far East and Australia. Vol. VI*. Washington: United States Government Printing Office, 1974. P. 1276.

7. *Foreign Relations of the United States. 1948. The Far East and Australia. Vol. VI*. Washington: United States Government Printing Office, 1974. P. 1169.

8. *Foreign Relations of the United States. 1949. The Far East and Australia. Vol. VII*. Washington: United States Government Printing Office, 1976. P. 987.

9. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Washington, United States Government Printing Office, 1984. P. 1800—1802.
10. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington, United States Government Printing Office, 1984. P. 1600—1601.
11. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington, United States Government Printing Office, 1984. P. 1617—1618, 1620—1621, 1626.
12. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington, United States Government Printing Office, 1984. P. 1621.
13. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington, United States Government Printing Office, 1984. P. 1642—1643.
14. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1860.
15. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1859.
16. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1857—1858.
17. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1866.
18. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1870, 1874.
19. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1891.
20. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1871.
21. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1944; *Brands H.* (1987). The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the “Other” Geneva Conference of 1954. *Pacific Historical Review*. February 1987. Vol. 56. No. 1. P. 82.
22. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1877.
23. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1882.
24. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1915.

25. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1923.
- Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Korea. Vol. XV. Part 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984. P. 1944.
26. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. The Geneva Conference. Vol. XVI. Washington: United States Government Printing Office, 1981. P. 391.
27. *Jongsuk Chay*. (2002). *Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948—1953*. Westport, Praeger. P. 141.
28. *Jongsuk Chay*. (2002). *Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948—1953*. Westport: Praeger. P. 141.
29. Korea intelligence records. 1950. CIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A001400030001-2.pdf> P. 1. (accessed: 05.01.2020).
30. *Martin Shaw*. (1984). *War, State and Society*. London, Macmillan. P. 147—148.
31. *Matray J*. (2002). Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined. *The Journal of Conflict Studies*. 2002. Vol. 22. № 1. P. 28—55
32. Military Information: Chinese Communist Army In North Korea. CIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R000600160001-1.pdf> (accessed: 05.01.2020); Foreign Relations of the United States. 1949. The Far East and Australia. Vol. VII. Washington: United States Government Printing Office, 1976. P. 1078.
33. National Security Council Progress Report on the Implementation of National Security Council Report 8/2, February 10, 1950. Available at: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-1.pdf#zoom=100 P. 2. (accessed: 05.01.2020).
34. Re US Decision to Withdraw Two American Divisions from Korea. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950—1954. Box 4292. 795.00/1—854.
35. Results of Secretary Dulles' Consultations with president Rhee. *Department of State Bulletin*. 1953. Vol. 29. № 732. P. 203.
36. Rhee gives assurance against unilateral step. CIA. 06.06.1953. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp91t01172r000200310009-8> (accessed: 05.01.2020).
37. *Seung-young Kim*. (2009). *American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery*. London, Palgrave Macmillan. P. 193.
38. The Cold War: interpreting conflict through primary documents / ed. Priscilla Roberts. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2018. P. 365—367.

-
39. *Thomas H. Etzold, John Lewis Gaddis.* (1978). *Containment: documents on American policy and Strategy, 1945—1950.* New York: Columbia University Press. P. 256.
40. *Yong-Pyo Hong.* (2000). *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953—60.* London, Palgrave Macmillan. P. 76.
41. *Yong-Pyo Hong.* (2000). *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953—60.* London, Palgrave Macmillan. P. 78.
42. *Zadachi i programmy natsional'noy bezopasnosti SShA. Direktiva SNB 68, 14 aprelya 1950 g.* [US National Security Tasks and Programs. NSA Directive 68, April 14, 1950]. ColdWar.ru. Available at: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php> (accessed: 05.01.2020).

К.В. Асмолов

ДВИЖЕНИЕ ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ И ПРОБЛЕМЫ

В 2020 г. Республика Корея отмечает ряд знаковых дат, связанных «движением за демократизацию». Победы этого движения во многом были обусловлены не только активностью демократически настроенных масс, но и готовностью Вашингтона сдать скомпрометированный режим. В РК уход от авторитарного правления не стал прямым транзитом к демократии. Хотя за истекший период позиции гражданского общества в стране существенно окрепли, с учетом методов политической борьбы и действия Закона о национальной безопасности и иных элементов корейской политической культуры, РК сложно назвать демократической страной в классическом понимании этих слов.

Ключевые слова: история Кореи, движение за демократизацию в Корее, внутренняя политика Республики Корея.

2020 г. — юбилей важных событий корейской истории, в том числе связанных с так называемым движением за демократизацию (60-летие Апрельской революции 1960 г. и 40-летие восстания в Кванчжу 1980 г.), наследниками которого считает себя нынешняя администрация Мун Джэ Ина, позиционирующая Республику Корея как демократическое государство. Для нас же это повод не только отдать должное движению и вспомнить его основные вехи, тем

более что в ходе дискуссии, посвященной демократическому транзиту в Восточной Азии, корейский кейс недостаточно рассмотрен. Между тем падение режима Ли Сын Мана и неудачный демократический эксперимент Второй республики, восстание в Кванчжу и успех попытки демократизации во время военной диктатуры Чон Ду Хвана имеют важное иллюстративное значение.

Кроме того, многие аспекты политической жизни Шестой республики вынуждают подумать над тем, насколько после того, как «демократия победила», Республика Корея действительно строит демократию, а не власть демократов.

Часть указанных рассуждений уже была опубликована в англоязычной статье автора¹, но на русском материал на эту тему выходит впервые.

Для понимания нынешней ситуации в этом контексте имеет смысл проследить основные вехи и знаковые даты движения и посмотреть, как развивался тренд после того как, согласно официальной версии, демократизация случилась.

Начнем с Апрельской революции. Режим Ли Сын Мана был классическим примером «банановой республики», поддерживаемой Соединенными Штатами исключительно из идеологических соображений и представлявшей собой диктатуру, куда более тоталитарную, чем на современном ему Севере. 60-метровый монумент в честь Ли Сын Мана на горе Намсан был самой высокой статуей в Азии², показательные процессы над политическими противниками напоминали сталинские 1937 г.³, а Закон о национальной безопасности предусматривал тюремное заключение сроком до пяти лет за «сознательное распространение фальшивой информации, способной принести пользу врагу».

19 апреля 1960 г. демонстрация протеста, вызванная фальсификациями на президентских выборах марта 1960 г., в которой было минимум 100 тыс. участников, направилась к президентскому дворцу, охрана которого открыла по ней огонь, убив, по разным данным, от 115 до 130 человек и ранив около тысячи⁴.

Ли Сын Ман объявил, что волнения спровоцированы коммунистическими подстрекателями, однако это явно опровергалось тем, что один из лозунгов, с которыми студенты вышли на улицы, был «Даёшь демократию, долой коммунизм!»⁵, а значительное количест-

во людей, поддержавших лидеров оппозиции, было хорошо известно своими антикоммунистическими взглядами.

Массовые демонстрации проходили каждый день. Было объявлено военное положение, однако армия не стремилась силой подавлять выступления народа так, как это делала полиция. Тем временем от критики выборов демонстранты перешли к требованию немедленной отставки Ли Сын Мана. США также подвергли его режим публичной критике, указав на необходимость реформ и свобод.

Подсознательно американцы уже были готовы сдать Ли Сын Мана: в госдепартаменте его почитали упрямым и неблагодарным эгоистом, чьё правительство было коррумпировано и не соответствовало требованиям времени. Б. Камингс упоминает, что термин «маразматик» фигурировал в посвященных ему отчетах ЦРУ ещё за 10 лет до 1960 г., в котором Ли Сын Ману исполнилось 85 лет⁶. Вашингтон прорабатывал варианты его смещения ещё со времени Корейской войны⁷. Однако проблемы упирались в отсутствие подходящей кандидатуры и несоответствующую политическую обстановку⁸.

26 апреля 1960 г. на экстренном заседании Национального собрания была принята резолюция, объявившая результаты президентских выборов недействительными и потребовавшая отставки Ли Сын Мана. В тот же день американский посол и командующий войсками США в Корее прошли через толпу демонстрантов, приветствовавшую их овацией, и потребовали от Ли Сын Мана уйти в отставку, а Госдепартамент США сделал официальное заявление о своём несогласии с «нарушениями демократии» в Южной Корее.

Вмешательство представителей США и готовность Америки сдать Ли Сын Мана окончательно подтолкнули события. 27 апреля министр иностранных дел Хо Чжон объявил о создании правительства переходного периода, которому подчинилось подавляющее большинство силовиков, а 29 апреля Ли Сын Ман покинул страну. Однако первый опыт демократического эксперимента потерпел неудачу практически по всем направлениям. Выборы 29 декабря 1960 г. не отличались от предыдущих по уровню насилия и жульничества при подсчете голосов⁹, а попытка властей реорганизовать систему командными методами привела её в состояние коллапса.

Оппозиция, взявшая власть, до того момента была типичным «союзом против», и как только она стала правящей, начался внутрен-

ний разлад. Фракционеры по-прежнему ставили свои интересы выше общенациональных, не уделяя должного внимания социально-экономическим проблемам, которые только росли.

В условиях дефицита управленческих кадров, не запятнанного сотрудничеством со старым режимом, критерием для занятия должности нередко становился не профессионализм кандидата, а его личные связи или «анкета», говорящая о его оппозиционном прошлом. Новые управленцы уступали чиновникам старого образца, но отличались не меньшим коррупционным аппетитом.

Разгром старых кадров и общее ослабление репрессивного аппарата подстегнули деятельность криминалитета: «нейтрализованные» органы оказались бессильны пресечь волну организованной преступности и рост коррупции. К тому же многие силовики стали жертвами самосудов, за которыми часто стояло не справедливое возмездие, а сведение личных счётов¹⁰. Распустились и студенты, которые давили на правительство своими массовыми выступлениями и несколько раз даже врываются в здание Национального собрания, укоряя депутатов в отсутствии революционного духа¹¹. «Телефонное» право фактически сменилось «мегафонным». В результате практически через год власть перешла в руки военных в ходе бескровного переворота.

Американский политолог Джонсон в связи с этим полагает, что неудача Второй республики была связана с тем, что демократизация началась до развития плюрализма или либерализации¹². Действительно, до провозглашения Республики Корея в 1948 г. корейцы не были знакомы с основами демократии и не имели представления о демократических институтах: ни элита, ни общество не обладали пониманием того, что такое гражданское общество, и воспринимали демократию как авторитарный режим фракции демократов. Налицо была неготовность к восприятию демократии западного толка ни на уровне создания действенных институтов гражданского общества, ни на уровне грамотного использования элементов западной демократической системы.

По сути, политическая модель Второй республики во многом соответствовала тому, что Томас Карозерс называл «бесплодным плюрализмом»¹³, многие элементы которого остались в политической культуре и позднее.

Шанс на устойчивую демократизацию появился, когда социальная структура общества начала меняться и сложился средний класс, который мог стать основой для построения гражданского общества. Однако эти процессы начались только в правление Пак Чон Хи (при котором в Сеуле в 1969 г. к среднему классу было отнесено 37,9 % населения¹⁴) и вылились наружу как в массовых демонстрациях в Пусане и Масане, повлекших за собой кризис во власти и убийство Пака, так и в ответ на переворот Чон Ду Хвана.

14 мая 1980 г. в Сеуле развернулась массовая студенческая демонстрация, названная «сеульской весной» и провозгласившая приверженность «великому шествию демократизации», но 17—18 мая Чон Ду Хван провел широкомасштабные аресты среди членов оппозиции, разогнал Национальное собрание и объявил полное военное положение.

Реакцией на это стало восстание в Кванчжу, на подавление которого 18—20 мая были брошены не только 18 тыс. полицейских, но и 3 тыс. солдат и офицеров парашютно-десантных войск, не имевших опыта разгона демонстраций. Дело дошло до применения штыков и огнемётов против безоружных людей¹⁵, и число жертв разгона даже по средним оценкам было больше, чем при подавлении волнений на площади Тяньаньмэнь¹⁶. Известия о жертвах только подстегнули восстание. К студентам присоединились горожане, вынудившие власти отвести войска из города.

Организаторы восстания принадлежали к демократической оппозиции и во многом ожидали, что восстание получит поддержку мирового сообщества, в том числе США, по аналогии с событиями 1960 г.¹⁷ Однако утром 27 мая город штурмовали танки, и надо иметь в виду, что на тот момент, согласно Договору о совместной обороне 1953 г., южнокорейская армия подчинялась не столько президенту РК, сколько руководителю Объединенного командования, и переброска танковых частей из демилитаризованной зоны в Кванчжу была невозможна без американского разрешения.

США побоялись создавать опасный прецедент, а решающую роль в выработке политического решения сыграл известный по событиям в Югославии Ричард Холбрук, заявивший, что вопрос привлекает слишком много внимания, в то время как его нужно рас-

смаатривать более широко и с точки зрения интересов национальной безопасности¹⁸.

В течение второй половины своего правления Чон начал постепенно отпускать вожжи, отменив наиболее одиозные пережитки военного режима (комендантский час, «черные списки», поражение в правах деятелей оппозиции и др.) и начав подготовку официального преемника, генерала Ро Дэ У, его однокашника и близкого друга.

Любопытно, что в XX в. события в Кванчжу пытаются подогнать под современные критерии движения за демократизацию, которому полагается быть мирным и ненасильственным. В результате те активисты, которые сражались против режима с оружием в руках, выдаются за провокаторов и переодетых солдат. Впрочем, то, как на исторические мифы консерваторов демократы отвечают своими (так же далекими от реальности), — тема отдельного разговора.

С конца апреля 1986 г. на фоне раскола в стане оппозиции Чон решил прервать конституционный процесс для того, чтобы силовым способом продлить свои властные полномочия, которые по Конституции заканчивались в 1987 г. Страну снова захлестнула волна протеста, особенно после того как 14 января 1987 г. стало известно о гибели студента Сеульского университета Пак Чон Чоля, замученного в ходе допросов. С июня начались непрерывные демонстрации, в Сеуле более напоминавшие уличные бои, хотя авангард сражавшихся всё еще состоял почти исключительно из студентов, а не из представителей среднего класса¹⁹.

Бурные события поставили под вопрос проведение в Сеуле Олимпийских игр 1988 г., которые задумывались и осуществлялись в виде демонстрации всему миру Южной Кореи как развитой страны, что предполагало и наличие определенного политического климата. Перенос Игр в другое место нанёс бы режиму сильнейший репутационный удар, и Чон не мог снова «сделать, как в Кванчжу»²⁰.

Соединенные Штаты также давили на Чона, чтобы он избежал силового решения проблемы, и под общим давлением 29 июня 1987 г. Ро Дэ У внезапно выступил с программой демократических реформ, несмотря на то что был одним из ближайших соратников экс-президента. 16 декабря 1987 г. была принята новая Конституция, а 25 февраля 1988 г. впервые со времени образования РК в стране совершилась мирная передача власти от одного президента другому.

Впрочем, даже политическую борьбу 1980-х не следует рассматривать как борьбу благородных гражданских демократов против brutalного военного режима. И оппозиция, и власти принадлежали к одной и той же авторитарной политической культуре, и ни один политический лидер или партия не являлись демократической альтернативой²¹. С одной стороны, по данным опросов общественного мнения от 1989 г., 78,8 % респондентов считали, что Корею нужно больше демократии. С другой стороны, согласно данным совместного опроса газеты «Чосон Ильбо» и Института Гэллага, опубликованным 6 марта 1990 г., в перечне насущных проблем корейцы ответили вопросу демократизации 16-е место из 18, явно не считая этот вопрос животрепещущим²².

Представляется, что такой разброс оценок связан с вульгарным восприятием демократии. Хорошим примером был ответ Ким Дэ Чжун автору статьи в 1992 г. после его лекции в МГУ. Главными признаками демократии тот посчитал, в первую очередь, ослабление репрессивной системы и расширение активности оппозиционных партий, во вторую — позитивные сдвиги в отношениях между Севером и Югом, в третью — ослабление информационного контроля и свободу критики. Таким образом, под демократией Ким Дэ Чжун понимал объективные процессы, ведущие к изменению ситуации в стране в сторону, благоприятную для его политической группировки.

Кроме того, можно обратить внимание на важный момент. В тех двух случаях, когда борьба за демократию увенчалась успехом, давление на режим осуществлялось не только «снизу», но и «сверху»: решающую роль сыграли не народные выступления, а окрик из Вашингтона и его нежелание поддерживать правителя, который себя дискредитировал. Возможно, что без американского фактора демократия всё равно бы победила, только большей кровью, но этот вопрос представляется дискуссионным.

Хотя 1987 годом официальные даты, связанные с Движением, заканчиваются и считается, что в течение Шестой республики демократизация уже наступила и вопросы о том, является ли РК демократической страной, неактуальны, рассмотрение дальнейших событий позволяет сделать вывод, что это не совсем так.

Основная работа по выдавливанию военных из политики была проделана президентом Ким Ён Самом. Однако его приход во власть

отнюдь не был примером победы демократов над своими противниками: Ким Ен Сам вошёл в правящую партию после 9 февраля 1990 г., когда Ро Дэ У, Ким Ен Сам и Ким Чжон Пхиль объединили свои партии в одну и в обмен на абсолютное большинство в парламенте лидер одной из ведущих оппозиционных партий влился в правящий блок и шёл на выборы как его представитель, имея за плечами административный ресурс.

Далее можно вспомнить процесс над бывшими президентами: после того как посадить Чон Ду Хвана и Ро Дэ У за коррупцию не удалось, их пришлось сажать за политику и по специальному закону. Был принят Специальный закон о событиях в Кванчжу от 20 декабря 1995 г., который был наделён обратной силой и на основании которого Чону и Ро были предъявлены дополнительные обвинения²³.

Отметим и события июня 1995 г., когда, для того чтобы схватить укрывавшихся в храмах профсоюзных лидеров, полиция вломилась не только в буддийские храмы, но и в католический собор Мендон, неприкосновенность которого не нарушалась военными даже в худшие времена Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана²⁴; и разгон студентов в университете Ёнсе в 1996 г., когда также было сломано табу, редко нарушаемое даже военными²⁵.

Первым представителем оппозиции, который победил на выборах, оказался следующий президент Ким Дэ Чжун, хотя следует отметить, что его приход к власти оказался возможен в чрезвычайной ситуации финансового кризиса 1997 г. и раскола внутри правящего блока. Отдавая должное заслугам Кима в распространении демократии в стране и преодолении эры МВФ, стоит отметить его достаточно авторитарный стиль поведения, хотя из всех «демократических» президентов РК, занимавших это место, Ким Дэ Джун представляется автору человеком, в наименьшей мере зараженным вирусом популизма.

К сожалению, этого нельзя сказать о его преемнике Но Му Хёне, который показал себя популистом чистой воды. К власти он пришёл во многом благодаря раскрученной антиамериканской истерии на фоне инцидента с погибшими школьницами²⁶. Кроме того, сработала «интернет-мобилизация»: к полудню дня выборов, когда стало ясно, что Но Му Хён проигрывает, его сторонники «ринулись» в Ин-

тернет и стали рассылать сотни тысяч писем с призывами проголосовать за их кандидата²⁷.

Однако и в этом случае разрыв между ним и кандидатом от консерваторов был одним из самых минимальных в истории президентских выборов в РК²⁸.

Затем «икона демократического движения» Но Му Хён отметил-ся такими действиями на ниве продвижения демократии, как системное доведение политических противников (Чон Мон Хун, Ан Сан Ен, Нам Сон Гук и др.) до самоубийства путем организованных государством кампаний травли, введение в РК «Интернета по паспорту» или попытки вернуть в политическую практику понятие «члены семьи изменника родины» благодаря закону, который должен был карать не только собственно коллаборационистов и национальных предателей, но их потомков²⁹. Отметим и то, как быстро «выключилась по команде» антиамериканская риторика либо риторика сохранялась, но на ее фоне требования США выполнялись с не меньшей сервильностью: впервые после вьетнамской войны южнокорейские военные отправились сражаться в качестве союзников США не при консерваторах, а при Но Му Хёне.

В правление Но Му Хёна произошла и первая попытка импичмента президента, которую иногда воспринимают как доказательство развитой демократической традиции. Однако стоит отметить, что основания для него были довольно слабыми, и во многом это была попытка старого парламента дать бой новому президенту. Не случайно конституционный суд отменил импичмент после того, как на прошедших после голосования парламентских выборах расклад сил радикально изменился в пользу сторонников президента.

Тем не менее в итоге своими действиями Но Му Хён дискредитировал свой лагерь, что хорошо показывает очень большой разрыв в процентах голосов на выборах 2007 г.: представитель консерваторов Ли Мён Бак получил 48,7 % голосов и почти в два раза опередил кандидата от демократов, за которого проголосовали 26,2 % избирателей. Только то, что доказательно обвинённый в коррупции экс-президент нашёл в себе силы смыть будущий позор кровью, превратило его в культовую фигуру среди левых и именно его окружение правит бал сейчас.

Наконец, так называемая свечная революция 2016—2017 гг., приведшая к власти правительство Мун Чжэ Ина. Исследование этого события должно быть целью отдельной и серьёзной работы, и, ввиду ограниченности материала, будут отмечены только некоторые критичные для него моменты:

- большинство тех феерических обвинений, которые непосредственно вывели на улицы сотни тысяч разгневанных граждан, не подтвердилось в суде, а какие-то оказались плодом политтехнологий желтой прессы и блогеров, связанных с окружением Мун Чжэ Ина;
- происхождение и личные особенности Пак Кын Хе сразу сделали ее белой вороной и объектом концентрированной ненависти «демократов», так как статус дочери Пак Чжон Хи вызывал не столько ажиотаж «дочь придёт, порядок наведёт», сколько то, что дочь диктатора тоже диктатор;
- соратники по консервативному лагерю сыграли в падении Пак Кын Хе не меньшую роль, чем «демократы»: если посмотреть их клановый состав, то значительная часть их была или сторонниками Ли Мен Бака, с которыми Пак Кын Хе была на ножах, или сторонниками Ким Ен Сама, который начал свою карьеру на противостоянии Пак Чжон Хи, открыто называя его фашистом;
- в результате у Пак Кын Хе не было ни поддержки в правящей партии, ни контроля над прессой, который бы позволил сформировать социальный миф, противоположный антивластному мифу о том, что страной «из-за её спины управляли сектанты, гадалки и жиголо»;
- в 2015 г. Ким Ен Сам умер и «молодые политики» из его фракции стали самостоятельными, после чего начали активно интриговать против Пак Кын Хе (см. законодательные инициативы Ю Сын Мина в 2015 г.), особенно на фоне консервативного наступления 2016 г., когда им удалось поставить на пост премьер-министра своего человека в лице Хван Ге Ана. Во время «народных гуляний за импичмент» они поддержали свержение Пак, рассчитывая на то, что исполняющим обязанности президента станет премьер-министр. Однако Мун Чжэ Ин «как более опытный игрок в престолы» их переиграл: раз-

мах левого движения не оставил правым шансов, и разрыв в пользу Муна был сравним с разрывом в пользу Ли Мен Бака за 10 лет до того.

Скандалы, которые сопровождают президентство Муна, также указывают на то, что в попытке поставить под контроль административную систему демократы идут на куда более этически спорные действия, чем их противники. Достаточно вспомнить дело Чо Гука, скандал с комментариями в Интернете, откровенное вмешательство Голубого дома в выборы в Ульсане и т. п.

На взгляд автора, это означает, что цели движения за демократизацию ещё не выполнены в полном объёме и до статуса полноценной демократической страны Республике Корея ещё расти. Грань между демократией и популизмом чрезвычайно зыбкая. Это способствует представлению о том, что демократия — это просто власть демократов, методы политборьбы которых не особенно отличаются от методов их противников. Даже практика сажать президентов может быть оценена не как элемент демократической политической культуры, а как сочетание двух трендов. Первый — это фракционная борьба, предполагающая расправу с политическими противниками, второй — распространённость коррупционных практик, при которых политик обязательно будет в них вовлечён.

Таким образом, современная РК с ее Законом о национальной безопасности³⁰, запретом на аборт или «Интернетом по паспорту»³¹ представляется лишь частично демократической страной, местами напоминая illiberal democracy, о которой пишет Фарид Закариа³².

Примечания

¹ *Asmolov K.V.* Lessons of Korean democratization for modern Russia // Russia in global affairs. Vol. 17. No. 2. 2019. P. 174—200.

² *Baek Okkyoung.* Understanding Korean History. Seoul: Jimoondang, 2011. P. 246.

³ *Henderson, Gregory.* Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978. P. 428.

⁴ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 218.

⁵ *Мазуров В. М.* Южная Корея и США (1950—1970 годы). М., Наука. 1971. С. 77.

- ⁶ *Cumings B.* Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. P. 340.
- ⁷ *Садаков Д.А., Юнблюд В.Т.* Дипломатическое обеспечение вмешательства США в корейскую войну. Опыт кризисного реагирования // *Вестник МГИМО-университета*. 2018. № 4(61). С. 241—261.
- ⁸ *Ким Н.Н.* Южная Корея (1945—1948 гг.) // *Политическая история*. М., 2015.
- ⁹ *Прошин А.А., Тимонин А.А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М.: Наука, 1985. С. 10.
- ¹⁰ *Cumings B.* Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. P. 345.
- ¹¹ *История Кореи (с древнейших времен до наших дней)*. Том II. М.: Наука, 1974. С. 378.
- ¹² *Johnson, Chalmers.* The Democratization of South Korea: What Role Does Economic Development Play? // *Copenhagen Papers*. April 1989. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/51177568.pdf> (дата обращения: 18.03.2020).
- ¹³ *Carothers, Thomas.* The end of the transition paradigm // *Journal of Democracy*. 13:1. 2002.
- ¹⁴ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Указ. соч. С. 292.
- ¹⁵ Там же. С. 293—294.
- ¹⁶ *Cumings B.* Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. P. 338.
- ¹⁷ *Breen M.* The Koreans. Who they are, what they want, where their future lies. New York, 1998, 2004. P. 210.
- ¹⁸ *Cumings B.* Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. P. 377—378.
- ¹⁹ *Johnson, Chalmers.* The Democratization of South Korea: What Role Does Economic Development Play? // *Copenhagen Papers*. April 1989. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/51177568.pdf> (дата обращения: 18.03.2020).
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Breen M.* Op. cit. P. 217.
- ²² *Kim, Bun Woong & Kim. Pan Suk.* Korean Public Administration. Managing the uneven development. Seoul, 1997. P. 23—24.
- ²³ *Толстоулаков И.А.* Развитие демократического процесса в южной Корее в период VI республики. Владивосток, 2003. С. 225—227.
- ²⁴ Там же. С. 239.
- ²⁵ Там же. С. 246.
- ²⁶ *Breen M.* Op. cit. P. 253.
- ²⁷ Ibid. P. 254.

- ²⁸ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Указ. соч. С. 391.
- ²⁹ «Ёллин ури» внесла в Национальное собрание новый вариант Закона о прояпонских элементах. // Международное радио Кореи, 08.09.2004. URL: <http://www.koreana.ru/?pg=10&id=5336> (дата обращения: 11.03.2020).
- ³⁰ S Korea's National Security Law. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/78388/83810/F1415015785/KOR78388.pdf> (дата обращения: 09.03.2020).
- ³¹ Asmolov, K.V. Can the Republic of Korea be Called a Role-Model of Democracy? // New Eastern Outlook. 12.01.2015. URL: <https://journal-neo.org/2015/01/12/rus-grazhdanskije-svobody-na-korejskom-poluostrove-est-li-oni/> (дата обращения: 09.03.2020).
- ³² Zakaria, Fareed. The rise of illiberal democracy // Foreign affairs. Nov/Dec 1997. 76, 6.

References

1. Asmolov K. V. (2019). Lessons of Korean democratization for modern Russia. *Russia in global affairs*. Volume 17, № 2. P. 174–200.
2. Asmolov, K.V. (2015). Yavlyayetsya li Respublika Koreya vitrinoy demokratii? [Can the Republic of Korea be Called a Role-Model of Democracy?]. *New Eastern Outlook*. Available at: <https://journal-neo.org/2015/01/12/rus-grazhdanskije-svobody-na-korejskom-poluostrove-est-li-oni/> (accessed 09.03.2020) (in Russian).
3. Baek Okkyoung (2011). *Understanding Korean History*. Seoul, Jimoondang. P. 246.
4. Breen M. (1998). *The Koreans. Who they are, what they want, where their future lies*. New York, Thomas Dunne Books.
5. Carothers, Thomas (2002). The end of the transition paradigm. *Journal of Democracy*. 13:1.
6. Cumings B. (1998). *Korea's place in the sun. A modern history*. New York, New York and London, W. W. Norton & Company. P. 340–343.
7. Henderson, Gregory (1978). *Korea. The policy of the vortex*. Cambridge, London. P. 428.
8. Istorija Korei s drevnejshih vremen do nashih dnei [History of Korea from the ancient to the present]. (1974). Volume II. Moscow, Nauka. (in Russian).
9. Johnson, Chalmers. The Democratization of South Korea: What Role Does Economic Development Play? *Copenhagen Papers April 89*. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/51177568.pdf> (accessed: 01.03.2020).

10. *Kim N.N.* Yuzhnaya Koreya (1945—1948 gg.) Politicheskaya istoriya [South Korea 1945—1948 yrs.) Political history]. (2015). Moscow, Vostochnaya literatura (in Russian).
11. *Kim, Bun Woong & Kim, Pan Suk.* (1997). Korean Public Administration. Managing the uneven development. Seoul, Hollym. P. 23—24.
12. *Mazurov V. M.* Yuzhnaya Koreya i SSHA (1950—1970 gody) [South Korea & USA (1950—1970 yrs)]. Moscow, Nauka, 1971. P. 77 (in Russian).
13. *Proshin A.A., Timonin A. A.* Neokolonializm SSHA i Yuzhnaya Koreya [American neo-colonialism & South Korea] .(1985). Moscow, Nauka. (in Russian)
14. S. Korea's National Security Law. Available at: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/78388/83810/F1415015785/KOR78388.pdf> (accessed 09.03.2020).
15. *Sadakov D. A., Yungblyud V. T.* Diplomaticeskoe obespechenie vmeshatel'stva SSHA v korejskuyu vojnu. Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic support for US intervention in the Korean war. Experience in crisis management]. *Vestnik MGIMO-universiteta — MGIMO Review of International Relations*. 2018. № 4(61). P. 241—261. (in Russian).
16. *Tolstokulakov I.A.* Razvitie demokraticeskogo processa v yuzhnoj Koree v period VI respubliki [Evolution of the democratic process in South Korea during the Sixth Republic]. (2003). Vladivostok, DVGU. (in Russian). P. 225, 239, 246.
17. *Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.* Korejskij poluostrov: metamorfozy poslevoennoj istorii [Korean peninsula: transformations of post-war history]. (2008). Moscow, Olmamedia grupp. P. 218. (in Russian).
18. «Yollin uri» vnesla v Nacional'noe sobranie novyj variant Zakona o proyaponskih elementah [Yollin uri introduced the new law on Pro-Japanese elements]. Radio Korea, 08.09.2004. Available at: <http://www.koreana.ru/?pg=10&id=5336> (accessed 11.03.2020). (in Russian).
19. Zakaria, Fareed. (1997). The rise of illiberal democracy. *Foreign affairs*. Nov/Dec 1997. P. 76.

Н.А. Чеснокова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КНДР И РК*

Исследование обращено к процессу формирования национальной идентичности в КНДР и РК в 1945—2020 гг. через изменение семантического значения территорий и находящихся на них объектов с целью легитимации действующей власти. Опираясь на примеры, мы склонны считать, что в то время как в КНДР национальная идентичность сформирована благодаря сакрализации власти Ким Ир Сена и его потомков, в РК национальная идентичность все ещё нуждается в ориентирах, способных объединить население страны. Выдвинут прогноз о возможных направлениях развития диалога между КНДР и РК через обращение к характерным для обоих государств символам национальной идентичности всего корейского народа.

Ключевые слова: национальная идентичность, Республика Корея, КНДР, межкультурный диалог, историческая память.

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 20-01-068 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020—2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020—2021 (grant № 20-01-068) and within the framework of the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

...идеология не в состоянии удержать вместе людей, лишённых расового, этнического и культурного единства <...> отдельные общества, сталкиваясь с серьёзными вызовами своему существованию, находили возможность отсрочить упадок и предотвратить дезинтеграцию; эта возможность заключалась в возрождении национальной идентичности, национальной идеи и общих культурных ценностей.

*Политолог Сэмюэль Хантингтон (1927—2008)*¹

Национальная идентичность — многомерное понятие, частично охватывающее понятия исторической, политической идентичности, политической культуры, гражданства, патриотизма, связанное с ощущаемой человеком принадлежностью к определённому этносу или нации.

«Ощущение принадлежности», по мнению политолога Бенедикта Андерсона (1936—2015), «воображаемо», так как члены даже самой маленькой нации никогда не будут знакомы с большинством своих соплеменников, никогда не встретятся с ними и не услышат от них, но при этом у каждого человека в голове будет представление об их общности².

Ниже рассмотрим, как в 1945—2020 гг. формировалась и формируется национальная идентичность в государствах Корейского полуострова. В связи с тем что «национальная идентичность» — понятие достаточно многогранное, обратимся к её изучению через переосмысление исторической памяти, связанной с региональным пространством. Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой в настоящий момент национальная идентичность как в КНДР, так и в РК формируется благодаря сохранению и переосмыслению своего исторического прошлого через «присвоение» и «вовлечение» в сферу культурной государственной политики тех или иных территорий и их исторического наследия.

Несмотря на то что мы говорим о населении Корейского полуострова как этнически едином, велика опасность формирования и закрепления в умах граждан РК и КНДР представления о себе как о двух различных нациях, разделённых по географическому принципу. Опасность обусловлена тем, что жителей стран уже сейчас разделяют

представления о законах, нормах культуры и исторической памяти. Уже сейчас, как отмечает кореевед К.В. Асмолов, РК «стирает с карты» КНДР, т. е. продвигает страну на международном уровне так, чтобы «навязать ситуацию, при которой РК называли бы не “Республика Корея” и не “Южная Корея”, а просто “Корея”. КНДР, таким образом, как бы не существует или отсекается и не воспринимается как часть Корейского полуострова»³.

Исследование важно в связи с прогнозированием перспектив развития государств Корейского полуострова — склонной к сохранению традиционных ценностей КНДР, вертикаль власти в которой опирается на тоталитарное подчинение лидеру страны, наследующему «харизматическую легитимность» основателя государства; и поддерживающей ценности «гражданского общества» РК, при этом все ещё, как мы считаем, находящейся в поиске источника, вокруг которого сформируется культурная политика страны.

Мы разделяем мнение политолога Этнони Смита (1939—2016): создание политической нации не может быть выстроено только на общих институтах и системах коммуникации — новая общность должна быть эмоционально значимой, рождать определенные общие образы — единых героев, культурную традицию и др.⁴

Ключевой вопрос, который должен нас волновать, — причины выбора в актуальной политике лидеров КНДР и РК определенного пространства и того семантического значения, которым данное пространство наделяется для реализации той или иной цели.

Национальная идентичность в КНДР

Хотя уже 10 июля 1948 г. на территории КНДР была введена в действие собственная Конституция и принят свой флаг, в связи с тем, что первое десятилетие после основания страна оказывается под сильным влиянием СССР, говорить о собственном пути развития мы можем только с укреплением в северокорейском политическом дискурсе идеи *чучхе*.

Термин впервые появляется в политическом дискурсе КНДР 28 декабря 1955 г., когда в речи «Об искоренении догматизма и формализма в идеологической работе и об установлении *чучхе*» Ким Ир Сен (1912—1994) обратился к *чучхе* как способу упрочения незави-

симости КНДР от СССР и Китая и, неявно, легитимации власти — своей и потомков. В 1970 г. *чучхе* получает статус официальной идеологической платформы ТПК, а с 1972 г. прописывается в Конституции КНДР. С июля 1997 г. КНДР использует «летоисчисление *чучхе*», ведя отсчет от рождения Ким Ир Сена.

Но нас интересует иная речь Ким Ир Сена, а именно закрытая речь 25 мая 1967 г. «О необходимых направлениях в партийной пропагандистской работе», с которой начинается строительство системы тотального контроля над обществом⁵. Полагаем, именно после 1967 г. формируется полновесный «комплект» национальных ценностей.

В рамках настоящей статьи обратимся к проблеме «вписывания» конкретной территории в культурную политику государства и надления её новым семантическим значением. Для этого рассмотрим объекты материальной культуры, доступной каждому северному корейцу, а именно — денежные знаки. Первые северокорейские воны были введены в обращение в 1947 г., но, ожидаемо, на них национальные символы отсутствуют: единственная представленная гора на банкнотах в 1, 5, 10, 100 вон безымянна. Объект ландшафта, характерный для корейской природы. Проанализируем денежные знаки, выпущенные позднее.

Ниже в таблице зафиксируем только упоминание на северокорейских банкнотах *территорий и расположенных на них объектов*, а затем проанализируем их⁶.

Как следует из приведенной табл. 1, символы на банкнотах КНДР тесно связаны с культом личности Ким Ир Сена и членов его семьи: жены Ким Чен Сук (1917—1949) и их сына Ким Чен Ира (1941 или 1942—2011).

Ким Чен Сук символизирует банкнота номиналом в 1000 вон, на которой изображён дом в г. Хверён, где, по официальной «легенде», Ким Чен Сук родилась. Это одна из поздних банкнот — выпуск 2009 г. На банкноте в 2000 вон, выпущенной в том же году, изображено место рождения Ким Чен Ира — по «официальным данным», это хижина на горе Пэктусан.

Первое изображение Ким Ир Сена на денежных знаках — 1978 г. Номинал 100 вон, наиболее крупная купюра. На обратной стороне — место его рождения, Мангёндэ. В 1992—2009 гг. Ким Ир Сен и

Таблица 1. Денежные знаки КНДР

Изображения на денежных знаках	1959	1978	1992	1998	2002	2008—2009
Площадь	+					
Кымгансан	+	+	+			
Река Тэдонган и железная дорога / мост	+	+				
Тэдонмун	+					
Ун-т им. Ким Ир Сена	+		+	+		
Мангёндэ		+	+	+	+	+ (2008)
Пэктусан		+	+			+ (2008) (2009)
Статуя Чхоллима		+	+	+		+ (2008)
Кымсусанский дворец Солнца				+		+
Памятник идеям чучхе			+			
Шлюз Нампхо			+	+		
Дворец школьников района Мангёндэ			+	+		
Народный дворец учебы / Национальная библиотека КНДР		+	+			
Триумфальная арка						+ (2008)
Монумент основания ТПК					+	
Хверён						+ (2009)
Международная выставка дружбы (г. Мёхянсан)						+

Мангёндэ изображены на банкнотах номиналом 100, 1000, 5000 вон. Мангёндэ — неотчуждаемый «атрибут» личности и власти Ким Ир Сена. Однако здание связано только с личностью Ким Ир Сена и не может быть ассоциировано ни с кем из его потомков.

Иная ситуация с Пэктусаном. На банкнотах гора представлена как: гора; гора и озеро Самчжиён одноименного уезда пров. Янгандо; расположенный на горе секретный лагерь; пик Чонильбон (назван в честь Ким Чен Ира).

Таким образом, Пэктусан становится единым неотчуждаемым символом правления клана Ким. Гора связана с партизанской деятельностью Ким Ир Сена и Ким Чен Сук, рождением Ким Чен Ира: это «гора предков нашей страны» и «театр будущей священной войны»⁷. Секретные лагеря, расположенные в районе Пэктусана, равно как и стоянки, где была разбита походная кухня⁸, — «места паломничества».

С Пэктусаном связывается правление Тангуна, легендарного основателя государства Древний Чосон. Вопрос о его существовании был поднят Ким Ир Сеном в 1960-х годах, что обуславливалось укреплением идей *чучхе* и укреплением легитимности клана Ким через «эмоционально значимую общность». В 1993 г. северокорейские археологи обнаружили гробницу с 86 костями — лабораторные исследования позволили заявить об обнаружении костей Тангуна и его жены.

Что касается пришедшего к власти в 2011 г. Ким Чен Ына (1982 или 1984 г. р.), то он неоднократно поднимался на Пэктусан: в апреле 2015 г., декабре 2017 г., сентябре 2018 г. (вместе с Мун Чжэ Ином (род. 1956; президент РК с 2017 г.), октябре 2019 г. Пэктусан — часть его культурной политики, направленной на укрепление статуса правящей фамилии.

По нашему мнению, Пэктусан в настоящий момент — центральная часть культурного пространства КНДР, что подтверждают изображения горы на национальной печати, почтовых марках, военной технике, стенах архитектурных сооружений; упоминания в художественных произведениях и популярных песнях.

Из пяти «географических» символов, зафиксированных на денежных знаках 1959 г., позднее сохранили свою актуальность только горы Кымгансан и университет им. Ким Ир Сена. Если второй не-

посредственно связан с культом личности, то Кымгансан не ассоциируемы с деятельностью конкретного человека и представляют собой общекорейское наследие, запечатлённое в работах средневековых и современных корейских интеллектуалов.

В настоящий момент Кымгансан — часть политики объединения. Это не только реализация «Кымгансанского туристического проекта» (1998—2008), но и встреча Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина в Пханмунчжоме 27 апреля 2018 г.: картина «Кымгансан, увиденный с озёр Санпхаль» (*Санпхальдам-есо пон Кымгансан*) современного художника Син Чан Сика (р. 1959) стала «визитной карточкой» успешного диалога, так как была избрана в качестве фона для совместной фотографии лидеров государств. Были представлены и другие работы современных корейских художников и мастеров инсталляции. Например, «движущаяся картина» Ли И Нама (р. 1969) «Вид на горы Кымгансан с перевала Танбалль» (*Танбалльён ман Кымган*), прообразом которой стала одноименная картина Чон Сола (1676—1759).

В июле 2018 г. горы Кымгансан были включены в список биосферных заповедников ЮНЕСКО.

Национальная идентичность в РК

Разметив на системе координат события, связанные с обращением к символам национальной идентичности, в КНДР мы получим постепенное «усиление» одних и тех же объектов. Они зафиксированы как национальные символы, связаны с культом личности клана Ким и ассоциируемы с уникальным путем КНДР и успешной борьбой против японского колониального правления.

В РК же нет единого «послания», так как рождение «эмоционально значимой общности» связано преимущественно с периодом военного правления и деятельностью Пак Чжон Хи (1917—1979 гг.: лидер Верховного совета национальной перестройки в 1961—1963 гг., президент РК в 1963—1979 гг.), а проводимая им политика по-прежнему оценивается в РК неоднозначно.

Как и при изучении КНДР, обратимся к контент-анализу репрезентации национальной валюты, так как это наиболее удобная форма демонстрации значимых для государства объектов (табл. 2).

Таблица 2. Денежные знаки РК

Изображения на денежных знаках	1962—1972	1972—1973	1983	с 2006
Каменный остров Хэгымган рядом с г. Кодже	+			
Ворота Независимости	+			
Намдэмун (Суннемун)	+			
Чхомсондэ	+			
Кёнбоккун (отдельные объекты)	+	+	+	
Парк Пагода	+			
Главное здание Банка Кореи	+	+		
Хёнчхунса (храм Ли Сун Син)		+		
Тосан совон (асс. Ли Хван)		+	+	
Оджуххон (асс. Ли И, Син Саимдан)		+	+	+
Сонгюнгван (асс. Ли Хван)				+
Картина Чон Сона (асс. Тосан совон, асс. Ли Хван)				+
Телескоп из обсерватории в горах Похёнсан (асс. Седжон Великий)				+

На монетах, помимо «цветочных мотивов» (рис и национальный цветок РК — гибискус) и традиционного для культуры Дальнего Востока журавля, присутствует изображение адмирала Ли Сун Сина и «изобретенного им» корабля *кобуксон*, а также пагоды Таботхап, символа храма Пульгукса близ г. Кёнджу. Все символы, кроме цветка риса и журавля, появляются в период правления Пак Чжон Хи, в дальнейшем внешний вид не меняют.

Упоминание пагоды Таботхап — яркий пример того, как визуальное изображение пространства может заявлять об успешной деятельности правителя государства. В 1966 г. Пак Чжон Хи начал реставрацию Пульгукса, что совпадает с первым появлением пагоды на денежных знаках РК.

Ли Сун Син тоже прямо связан с политикой Пака. Один из, вероятно, любимых исторических героев президента, он с 1968 г. пре-

вращается в объект государственного почитания. 27 апреля 1968 г. на центральной столичной площади Кванхвамун установлена его статуя, а следом происходит реновация храма Хёнчхунса.

«Пространство», представленное на банкнотах РК, вначале абстрактное и «общенациональное», постепенно стало связываться с «великим прошлым» Кореи периода Чосон (1392—1897). Начиная с 2006—2007 гг. при президенте Но Му Хёне (1946—2009, президент 2003—2008) явно заметен отказ от «географических объектов», выбранных в период правления Пак Чжон Хи, с сохранением «исторической персоны» (1962—1973 гг. — Ли Сун Син, Ли И, ван Седжон; с 1973 г. — Ли Хван) в окружении новых символов. Единственная же женщина, Син Саимдан, появляется на денежных знаках в 2009 г., в правление президента Ли Мён Бака (род. 1941; президент 2008—2013). Примечательно, что в том же году в КНДР появляются банкноты, символизирующие Ким Чен Сук.

То есть, в отличие от КНДР, в РК не формируется национальная идентичность, связанная с конкретным местом и стоящим за данным местом правителем, — за исключением, пожалуй, дворцов Сеула, в первую очередь — Кёнбоккуна, но ассоциируется он со средневековой историей.

Что касается Мун Чжэ Ина, то в его предвыборной кампании прослеживался явный «политический подтекст» обращения к исторической памяти и демократическим ценностям, а именно восстанию 18—27 мая 1980 г. в г. Кванчжу. В 2020 г. исполняется 40 лет с указанных событий, и, в случае благоприятного разрешения текущей ситуации с COVID-19 в Корее, предполагаем, что президент Мун вновь включит Кванчжу в свой политический дискурс и акцентирует внимание на укреплении демократических ценностей.

Заключение

Два национальных государства, путь которых разошёлся чуть более 70 лет назад, всё ещё выстраивают форму своей идентичности — более жёсткую, подчинённую идеологии (КНДР), более гибкую и подверженную влиянию актуальной расстановки политических сил (РК).

Для развития диалога между государствами обе страны могут использовать категории символов, находящихся в общей культурной парадигме (например, горы Пэктусан, Кымгансан, Халласан).

Возможно развитие диалога через обращение к общим культурным и историческим ценностям, не хранящим «культурный код» только одной из стран; находящимся под угрозой повреждения, исчезновения либо на территории иного государства (пр.: дольмены, о-в Токто); а также нематериальным ценностям, характерным для всего корейского народа (пр.: культура проведения определенного ритуала, приготовление национального блюда).

Так при сохранении двух государств на Корейском полуострове каждое из них может выстроить многогранную национальную идентичность с сохранением диалога через взаимодействие общих национальных ценностей и укрепление национального самосознания.

Примечания

¹ Хангтингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2018. С. 32.

² Anderson, Benedict. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. P.14

³ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2017. С. 265.

⁴ Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. P. 17.

⁵ Терпицкий Ф. Речь, которая изменила КНДР. Что сделало диктатуру Кимов самой стабильной в мире // Портал Republic. URL: <https://republic.ru/posts/83286> (дата обращения: 05.03.2020).

⁶ Информация о существующих северокорейских денежных знаках была получена благодаря контент-анализу электронных ресурсов, среди которых: URL: https://ccoins.ru/pages/koreja_severnaja_monety.html; https://www.numizmatik.ru/shopcoins/banknoti/severnaya-koreya_g624; <https://coins-mos.ru/category/severnaja-koreja/?page=1>; <https://www.uritours.com/blog/banknotes-of-north-korea-north-korean-won/> (дата обращения: 1—9.03.2020).

⁷ Biography of Kim Jong-suk. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 2005. P.61.

⁸ Mt. Paektu: Sacred to Revolution. Pyongyang, Korea Pictorial, 1989. P. 19.

References

1. *Anderson, B.* (1983). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London, Verso. P.14.
2. *Asmolov K.V.* (2017). *Koreiskaya politicheskaya cultura: Traditsii i transformatsii* [Korean political culture: Traditions and Transformation]. Moscow. Russian Foundation for education and Science, Dmitry Pozharsky University Press, P. 265 (in Russian)
3. *Biography of Kim Jong-suk.* Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 2005. P.61.
4. *Huntington S.* (2018). *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoi identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST. P. 32 (in Russian) *Mt. Paektu: Sacred to Revolution.* Pyongyang, Korea Pictorial, 1989. P. 19.
5. *Smith A.* *The Ethnic Origin of Nations.* Oxford, 1986. P. 17.
6. *Tertitskiy F.* (2017). *Rech', kotoraya izmenila KNDR. Chto sdelalo diktaturu Kimov samoi stabilnoi v mire* [Speech that changed the DPRK. What did made the Kim's dictatorship the most powerful in the world]. Republic. 2017. Available at: <https://republic.ru/posts/83286> (accessed: 05.03.2020) (in Russian).

А.В. Пак

РОЛЬ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО КОРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В составе первого южнокорейского правительства, которое возглавил Ли Сын Ман, было 40 % христиан; христианская церковь стала близка к власти и активно поддерживала ее политику. Однако после военного переворота 1961 г. часть христиан решила бороться против авторитарного режима, сумев не только сформировать сеть своих организаций для сопротивления, но и создать свою оригинальную религиозную доктрину *минджун*. Христиане не только внесли немалый вклад в формирование идеологии сегодняшней правящей элиты, но и в период нахождения у власти военных авторитарных режимов активно боролись за демократические права и свободы, не упуская из виду и проблем национального объединения. Сегодня корейская церковь является не только важной частью корейской национальной традиции и культуры, но и продолжает играть немаловажную роль в политической жизни Южной Кореи.

Ключевые слова: христианство в Корее, христианская церковь, католицизм, протестантизм, христианская теология освобождения *минджун*.

Религиозные верования всегда играли важную роль в истории нации и государства, формируя их культурную, политическую и общественную жизнь. Корейская церковь не является исключением.

История христианства в Корее насчитывает несколько веков. Начавшись с первых подпольных церквей и маленьких кружков по изучению западного учения, оно постепенно стало неотъемлемой частью национальной культуры, истории и политики. Условно историю корейской церкви можно разделить на несколько периодов:

1. *Период проникновения христианства в Корею (с 30-х гг. XVII по конец XIX в.).* В этот период католицизм поначалу проникает в сравнительно небольшую часть корейской элиты, чтобы постепенно распространиться среди простого народа¹. К сожалению автора, несмотря на все усилия первопроходцев христианства, католическая церковь на тот момент не смогла добиться большого успеха. Ведь католики вошли в Корею задолго до начала политики «открытых дверей» и модернизации страны.

2. *Период становления и формирования протестантской церкви в условиях кризиса традиционного общества, начала модернизации и раннего японского колониального периода (1883—1910 гг.)*². На этом этапе корейской истории на первый план выдвинулись американские миссионеры. К моменту открытия страны для контактов с европейскими державами и Японией лишь христианские проповедники из Америки сумели добиться в Корее наибольшего успеха. Миссионеры из этой страны были первыми, кто в конце XIX — начале XX в. привнёс в тогда ещё единое корейское государство прогрессивные идеи западной культуры. Именно они активно создавали европейские больницы, учебные заведения нового западного типа, типографии, книгоиздательства и благотворительные общества³. Не случайно имена прогрессивных христианских миссионеров — Хораса Аллена, Генри Аппенцеллера, Мери Скэрнтон, Хораса Андервуда, Уильяма Маккензи и др. — занимают достойное место в истории Кореи нового времени.

Всё это объективно способствовало не только ускорению процесса модернизации и трансформации традиционного корейского общества, но формированию в среде будущей корейской интеллигенции национально-освободительной идеологии. Известно, что многие корейские лидеры, такие, например, как Со Чжэ Пхиль, Юн Чхи Хо, Намгун Ок и пр., получившие образование в христианских школах, наиболее ярко проявили себя уже в японский колониаль-

ный период, активно участвуя в национально-освободительном движении.

3. *Особое место в истории христианской церкви занимает японский колониальный период (с 1910 по 1945 г.),* вместивший в себя множество исторических событий, которые позднее преопределили судьбы будущих самостоятельных корейских государств. Именно в этот период корейская церковь, формально продолжая оставаться под руководством и опекой иностранных миссионеров, обретает своё национальное лицо. Конечно, это в первую очередь относится к протестантам, однако и корейские католики в это время также сумели укрепить свои позиции.

Духовный имидж классического католицизма в лице Франции (основного источника миссионеров) оказался на тот момент менее привлекательным для корейской элиты и широких слоёв народа, поскольку мало ориентировался на реальные потребности страны. Французские священники уделяли больше внимания эстетически значимым церковным ритуалам и архитектуре своих храмов, чем современному образованию и медицине, которые стояли на первом месте у их коллег — протестантов⁴. Католики не были ретроградами и консерваторами, но их политика в области образования была недостаточно современной, чтобы привлечь прогрессивных янбанов и простых корейцев, которые стремились сделать Корею развитым и сильным государством.

Развитие христианской церкви продолжилось и в трагический для истории Кореи период с 1905 по 1910 г., когда страна под агрессивным натиском японского империализма фактически утратила свою государственность. Причём корейская церковь не только продолжала развиваться как религиозно-культурная организация, но и как легальное прикрытие для национально-патриотической деятельности, поскольку указами колониальных властей корейцам было запрещено участвовать в любых общественных организациях, за исключением религиозных⁵.

Всё это закономерно привело к тому, что множество корейцев стало активно пополнять ряды протестантов. В 1910 г. в Корею насчитывалось 687 церквей, а из 200 тыс. верующих христиан 144 261 были пресвитерианами и 37 722 — методистами⁶. И хотя структура церкви, христианские идеи и просветительство не были напрямую

приспособлены для политической деятельности, корейцы в особых условиях колониального правления сумели адаптировать их для нужд национально-освободительного движения. Именно стихийный союз между церковью и корейским антияпонским движением стал основной причиной быстрого роста протестантизма во время раннего колониального периода. Не случайно во время Первоапрельского движения за независимость 1919 г. корейские христиане, как католики, так и протестанты, оказались в первых рядах активистов уличных митингов и демонстраций.

Как известно, одна из особенностей восстания 1919 г. заключалась в том, что основная роль в нём отводилась не политическим партиям и лидерам, а представителям различных религий: христиан, чхондогёсцев, буддистов и т. д. Одним из итогов этого восстания, помимо протестов корейцев против системы колониального угнетения, стало изменение политики властей. С лёгкой руки губернатора Сайто Макото была введена политика «культурного управления», которая сказалась и на положении христианской церкви в Корее.

Японские власти сделали верные выводы из событий 1919 г., одним из которых было то, что они позволили более свободно отправлять религиозные обряды официально признанным религиям, к числу которых относилось и христианство. С другой стороны, предоставив определённые гражданские права, религиозные свободы и привилегии, колониальные власти взамен потребовали от корейских христиан лояльности и неучастия в общественно-политической деятельности. По этой причине, полагаем, можно считать 20-е годы XX в. своеобразным водоразделом, определившим новые тренды в жизни корейской церкви.

Во-первых, введение, пусть даже и ограниченных, свобод в отношении печати, собраний и создания новых организаций привело к тому, что в этот период в стране появляются сотни различных организаций, и они действуют уже вне христианства⁷. Ранее политически активная часть корейского общества стала постепенно покидать церковное сообщество. Отныне церковь уже не ратовала за реформы и перемены в обществе, поскольку всё, что было ей необходимо и за что она так долго боролась раньше — религиозные права и свободы, возможность учиться и создавать свои школы и т. д., — уже было достигнуто.

Во-вторых, изменился и социальный статус корейского христианина. В эти годы, благодаря гибкой и умелой политике японцев, ему уже не нужно было находиться в оппозиции к власти, быть своеобразным духовным диссидентом, а, напротив, следовало всеми силами стараться интегрироваться в новое колониальное сообщество, чтобы получить возможность зарабатывать деньги и добиваться карьерного роста.

В-третьих, именно в это время в христианской церкви усиливается роль фундаменталистов-консерваторов — проповедников, ратующих за «чистую религию без политики», милленаризм как представление о том, что вся земная жизнь является по сути лишь ожиданием прихода Христа. Они поддерживали политику власти, исповедовали антикоммунизм. И это было не случайно, поскольку в 1920-х годах социалистические и коммунистические идеи всё более активно проникают в Корею, постепенно заполняя собою ту нишу, из которой ушло христианство. Именно на почве воинствующего антикоммунизма немалый процент корейских христиан стал активно сотрудничать с японской колониальной властью в борьбе со своими духовными оппонентами.

Антикоммунизм в колониальную эпоху оказал негативное влияние на развитие корейского общества, поскольку подобное идейное разделение не оставило места для выбора в будущем третьего пути (например, демократического социализма, который выходил за рамки коммунизма и либерализма), тем самым став одной из причин для послевоенного раскола на Корейском полуострове, ибо в колониальную эпоху те, кого называли коммунистами, на самом деле принадлежали к более широкому спектру левых сил. Поэтому после освобождения Кореи в 1945 г. у будущей корейской элиты как Севера, так и Юга фактически не было иного выбора, кроме одного из двух вариантов: либо антикоммунистический либерализм Южной Кореи, либо северокорейский вариант коммунизма.

Таким образом, после поражения в Первомартовском движении 1919 г., в котором христианские активисты играли ведущую роль, в новый период своей истории, благодаря стараниям консерваторов, протестантская церковь отошла даже от умеренной патриотической деятельности, взяв курс на так называемую чистую веру (сунсу синан), свободную от всякой политики⁸.

Естественно, подобное идейное расхождение и противопоставление мира Бога реальным чаяниям общества вызвало то, чего никогда не случалось раньше, — протестантская церковь стала подвергаться суровой и справедливой публичной критике, причём не только со стороны левых, но и со стороны умеренных националистов. Вот, например, как об этом писала популярная в то время газета «Тонъя ильбо»:

«Где ваше послание о милости Божьей посреди мира убийства, грабежей, конфликтов, зависти и клеветы? Где практикуется священная любовь в мире голода? Это ли было на улицах, где каждый день видели смерть от холода и ударов железных прутьев?

Вы, христиане, правите миром, правите небом и землей. Так измените общественные устои и нанесите сокрушительный удар по несправедливости.

Вы должны жить среди слабых и беззащитных. Истинная жизнь народа достигается только путём реализации равенства людей. Поэтому сражайтесь во имя людей, которые являются главной ценностью этого мира, и лишь затем благословляйте их.

Разве это не единственно верный путь к реформированию общества сверху донизу и путь к осознанию Царства Небесного в этом мире, который вы, христиане, никогда не переставали признавать? Бесполезно быть просветленным только Небесной Истиной; это возможно лишь тогда, когда она существует в реальной жизни. Благословение после смерти на небесах — это прекрасно, но разве не лучше узреть небеса до конца наших дней?

Спуститесь, наконец, с церковной кафедры, чтобы выйти на улицу. Зажгите факел жизни и свет справедливости для народа, истинного сына человеческого, который страдает сегодня под муками несправедливости»⁹.

Даже христианский националист-протестант Ким Вон Бёк говорил о христианстве того времени как о религии богатых. В 1923 г. он подверг критике лидеров церкви:

«Послушайте! Вы, чья миссия состоит в том, чтобы приумножать идеи и Веру Христа! Разве Иисус когда-либо просил, чтобы Вы защищали богатых и угнетали бедных?»¹⁰

Поворот христианства к богатым и влиятельным произошёл не в один день, но был вызван объективными изменениями, которые

сама церковь претерпела как социальный институт. Дело в том, что значительный прирост местных религиозных общин и приходов автоматически вызвал потребность в большем количестве священников, учителей, врачей и администраторов для более эффективного управления. К 1920-м годам корейская протестантская церковь закономерно пришла к тому, чтобы содержать значительное число сотрудников, которые работали за зарплату (понгып чханчжи). В 1924 г. у одних только методистов в церквях было 1266 пасторов и около 1844 церковных работников. Число учителей и административный персонал в основанных их церквями школах увеличился с 1517 в 1919 г. до 2789 в 1926. В 1933 г. у одной только корейской пресвитерианской церкви было 1103 получающих зарплату пасторов и евангелистских помощников, 1608 учителей, получающих зарплату, и 1170 волонтеров в аффилированных церковью школах¹¹. Тысячи религиозных, образовательных и культурных профессионалов достигли в 1920—1930-х годах относительно безопасного существования и материального положения корейского среднего класса, извлекая немалую выгоду из своего нового положения в религиозной общине.

Раскол Кореи (1945—1948) и период Корейской войны 1950—1953 гг. не только не уменьшили влияния корейской церкви, но, напротив, в силу объективных исторических причин, таких как поддержка американской военной администрацией протестантов в Южной Корее, массовый исход христиан из северной части Корейского полуострова вследствие Корейской войны и т. д., объективно поспособствовали ещё большему её численному росту. Большинство из вновь прибывших в Южную Корею религиозных лидеров составляли именно представители консервативного направления, которые негативно относились к политике Ким Ир Сена¹². Не случайно в составе первого южнокорейского правительства, которое возглавил Ли Сын Ман, было 40 % христиан, а сам президент принёс присягу при вступлении в должность рукой, лежащей на Библии, — жест, не имевший до этого момента аналогов в истории Кореи.

Именно при президенте Ли Сын Мане христианская церковь стала близка к власти и активно поддерживала его политику, тем самым продолжив преемственность японской колониальной традиции успешной интеграции христианского сообщества в государственные структуры. Христиане в этот период продолжали следовать своему

привычному тренду — поддерживать власть и при этом держаться в стороне от оппозиционной политики¹³. Именно по этой причине христианская церковь довольно равнодушно отнеслась к Апрельской демократической революции 1960 г.

Однако всё изменилось после событий военного переворота 1961 г., когда к власти в Южной Корее нелегитимным путём пришёл Пак Чжон Хи (1961—1979). Несмотря на то что большая часть религиозных лидеров из числа консерваторов признала диктатуру Пака, часть протестантов решила бороться против авторитарного режима.

Сразу после переворота Пак Чжон Хи распустил Национальное собрание и учредил Высший совет по национальной реконструкции в качестве основного правительственного органа. Было введено военное положение, и новый глава страны начал кампанию по консолидации своей власти, подвергая арестам, угрозам и физическому уничтожению своих политических оппонентов.

Конечно, жизнь при диктатуре в Южной Корее имела и положительные моменты. Так, в течение 1960-х годов Пак сосредоточил усилия правительства на индустриализации и развитии экономики страны с помощью серии пятилетних планов. Организованный Советом по экономическому планированию первый пятилетний план (1962—1966) сумел объединить растущую экономику Кореи в единое целое, сконцентрировавшись на экспорте (главным образом в текстильной промышленности). Благодаря этим согласованным усилиям удалось увеличить ВВП на 7,8 % за эти пять лет¹⁴. Второй пятилетний план (1967—1971) продолжил тенденцию первого, и ВВП вырос еще на 10,5 %. Общий реальный доход на душу населения вырос с 87 долл. в 1962 г. до 293 долл. в 1972 г. Поскольку экономика, обусловленная экспортом, создала спрос на рабочую силу, безработица также снизилась с 8,3 % в 1963 г. до 4,5 % в 1971 г.

Проблема, однако, заключалась в том, что Пак не отказался от поста президента в конце своего второго срока, как он обещал ранее, а, напротив, специально вынудил Национальное собрание изменить существующую Конституцию, что позволило бы ему баллотироваться на третий срок. С помощью таких мер Пак вновь победил на выборах, но к концу 1972 г. разочарование части корейского общества в существующей политической системе привело Пака к

авторитарному решению принять Конституцию Юсин. Юсин положила конец краткой эре корейской демократии и сосредоточила всю полноту власти в руках одного человека¹⁵. Хотя Национальному собранию было разрешено собираться снова, в соответствии с новой Конституцией президент имел право непосредственно назначать треть Собрания. Конституция Юсин также позволяла распространять и применять особые чрезвычайные указы, которые президент мог использовать по своему личному усмотрению. Все эти политические шаги разрушили все демократические процессы, которые были начаты в 1960-х, и практически превратили президентство в правовую диктатуру.

Чтобы придать своим действиям легитимный характер, 30 ноября 1972 г. Пак заявил: «Цель проводимых нами [политических] реформ состоит в том, чтобы <...> обеспечить национальное процветание путем укрепления нашей государственной мощи». При этом стоит отметить, что для Пак Чжон Хи цели экономического прогресса всегда стояли выше, чем все прочие политические и морально-этические ценности, включая формирование свободного демократического государства, и он всегда подчеркивал, что без «экономического процветания» политическая демократия является не более чем «абстрактной и бесполезной концепцией»¹⁶.

Борьба корейских христиан против режима Юсин началась с создания общественных христианских организаций Social movement organization (SMO), которые как правило создавались в крупных мегаполисах, например таких, как Сеул, и имели самую разнообразную направленность. Одни из них занимались гуманитарными проблемами, другие боролись за права женщин, третьи оказывали помощь политзаключённым, пострадавшим от власти.

Проблема нарушений прав человека была одной из наиболее значимых тем для христианских активистов. Комитет по правам человека, Human Rights Committee (HRC), при Национальном совете церковью Кореи был сформирован 11 апреля 1974 г., чтобы специально расследовать случаи нарушения прав человека. HRC стал краеугольным камнем в сети христианских SMO, создав централизованную структуру для межорганизационной работы. Возглавляемая видным правозащитником Ким Гван Соком, его деятельность включала в себя организацию ежегодной Недели прав человека, публикацию

бюллетеня по правам человека, организацию выступлений против жестокого применения силы при подавлении антиправительственных демонстраций, распространение петиций за освобождение политзаключенных и организацию публичных выступлений уже освободившихся. Вместе с Кон Док Кви, женой бывшего президента Юн По Сона, НРС помог сформировать Ассоциацию семей узников совести, Association of Families of Prisoners (AFPC, сентябрь 1974 г.), и Ассоциацию узников за восстановление демократии, Association of Prisoners for the Restoration of Democracy (APRD, март 1975 г.). Эти организации предоставили заключенным и их семьям возможность поделиться своим опытом гонений и заручиться поддержкой. Деятельность AFPC включала мониторинг судебных процессов над арестованными гражданами за антиправительственные акции и демонстрации, ходатайства об освобождении заключенных, сбор материальных средств и пожертвований, а также организацию специальных молитвенных собраний¹⁷.

Именно в период правления Пак Чжон Хи создана и сформирована демократическая христианская теология *минджун*. Её появление было очень важно в религиозно-философском плане, поскольку сам термин «*минджун*», состоявший из сочетания двух китайских иероглифов, один из которых обозначает народ (мин), а второй массы, толпу (джун) прямо противопоставлял себя официально-пропагандистской идеологии и риторике президента. Последний, оправдывая авторитаризм власти и подавление демократических свобод, часто использовал термин «нация» (*минджок*), постоянно ссылаясь на то, что интересы нации всегда должны находиться выше прав и свобод граждан. Поэтому христианский термин «*минджун*», к стати одинаково признанный как католиками, так и протестантами, выступал как бы своеобразным духовным противовесом «*минджок*» как олицетворение справедливой воли всего корейского народа, страдающего от нужды и репрессий в период Юсин.

Наиболее полно эта идея стремления к социальной справедливости была отражена в Декларации корейских христиан 1973 г. В ней, в частности, говорилось:

«Нынешняя диктатура несет всю полноту ответственности за экономическую систему в Корее, при которой сильные и богатые доминируют над бедными. Обездоленные городские рабочие и кре-

стьяне, становятся жертвами жестокой эксплуатации, социальной и экономической несправедливости. Так называемое экономическое процветание в Корее на деле оказалось заговором кучки правителей против бедных и проклятием нашего общества»¹⁸.

После падения режима Пак Чжон Хи и воцарения Чон Ду Хвана лучшие из представителей христианской церкви продолжили борьбу за демократические права и свободы, вплоть до начала 1990-х годов, когда РК сумев отринуть наследие прошлого, вступила в период формальной демократии. Часть из них мужественно сражалась в рядах восставших в Кванчжу, другие помогали рабочим отстаивать свои права в борьбе с несправедливыми действиями администрации, оказывали помощь опальным студентам, профессорам, политзаключённым и т. д.

К сожалению, стоит отметить, что христиане, боровшиеся против несправедливости, в рядах корейской оппозиции оставались в меньшинстве. Одной из причин этого была общая разобщённость христианского сообщества. Именно по этой причине многих из теологов *минджун* можно охарактеризовать даже не классическими пасторами, а, скорее, либеральными христианскими интеллектуалами, так называемыми *кигван мокса*, которые работали в церкви не напрямую, а в связанных с нею общественных организациях¹⁹.

Тем не менее христиане Южной Кореи не только внесли немалый вклад в формирование идеологии сегодняшней правящей элиты, но в период нахождения у власти военных авторитарных режимов активно боролись за демократические права и свободы, не упуская из виду и проблем национального объединения. В частности, христианская церковь была одной из первых, кто протянул руку помощи Северной Корее во время продовольственного кризиса 1990-х²⁰.

Сегодня корейская церковь является не только важной частью корейской национальной традиции и культуры, но и продолжает играть немаловажную роль в общественной жизни Южной Кореи. Согласно результатам соцопросов, в РК сегодня лишь 55 % позиционировали себя как неверующие, а остальные 45 % заявили, что они исповедуют ту или иную религию. По религиозным конфессиям опрос показал, что протестанты составили 45 %, католики — 18 %, буддисты — 35 %, а 2 % — представители других религиозных культов (по данным 2015 г.)²¹.

Примечания

¹ Пак А.В. Религиозная ситуация в Корее и деятельность христианских миссионеров в конце XIX — начале XX в. М.: Институт востоковедения РАН. С. 204—205.

² *Wonsik Ma, Kyo Seong Ahn. Korean Church, God's Mission, Global Christianity.* Edinburgh: Regnum Studues in Mission, 2010. P. 169.

³ Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность. М.: Ключ-С, 2016. С. 130.

⁴ *Bonwick, Gerald. Catholic Missions in Korea // КМЫВ, 1932. P.121.*

⁵ Ibid. P.33.

⁶ *Park Chung-Shin. Protestantism and Politics in Korea.* Seattle and London: University Of Washington Press, 2003. P. 33.

⁷ Ibid. P. 23.

⁸ *Park Chung-Shin. Op. cit. P. 147.*

⁹ Цит. по *Min Kyoung Bae. A History of Christian Churches in Korea.* Seoul: Yonsei University Press, 2005. P. 346.

¹⁰ Цит. по *Park Chung-Shin. Protestantism and Politics in Korea.* Seattle and London: University Of Washington Press, 2003. P. 152.

¹¹ Ibid.

¹² *Park Chung-Shin. Op. cit. P. 46.*

¹³ Ibid. P. 182.

¹⁴ *Christianity in Korea / ed. Robert E. Buswell, Jr., and Timothy S. Lee.* Honolulu: University of Hawaii, 2005. P.198.

¹⁵ Ibid. P. 199.

¹⁶ Цит. по: *Christianity in Korea / ed. Robert E. Buswell, Jr., and Timothy S. Lee.* Honolulu: University of Hawaii, 2005. P.199.

¹⁷ Ibid. P. 203.

¹⁸ Ibid. P. 213.

¹⁹ *Park Chung-Shin. Op. cit. P. 197.*

²⁰ *Christianity in Korea... P. 253.*

²¹ Religion // KOREA.net. URL: <http://www.korea.net/AboutKorea/Korean-Life/Religion> (accessed: 07.12.2019).

References

1. *Bonwick, Gerald.* (1932). Catholic Missions in Korea. *KMYB*. P. 121.
2. Christianity in Korea / ed. Robert E. Buswell, Jr., and Timothy S. Lee. Honolulu: University of Hawaii, 2005.
3. Hristianstvo v Juzhnoj i Vostochnoj Azii: istorija i sovremennost'. [Christianity in South and East Asia: history and modernity]. (2016). Moscow, «Kljuch-S». P. 130. (in Russian).
4. *Min Kyoung Bae* (2005). A History of Christian Churches in Korea. Seoul, Yonsei University Press. P. 346.
5. *Park A.V.* (2017). Religioznaja situacija v Koree i dejatel'nost' hristianskih missionerov v konce XIX — nachale XX vv. [The Religious situation in Korea and the activities of Christian missionaries in the late XIX — early XX centuries.]. (2017). Moscow, Institute of Oriental studies RAS. Pp. 204—205. (in Russian).
6. *Park Chung-Shin.* (2003). Protestantism and Politics in Korea. Seattle and London: University Of Washington Press.
7. Religion. KOREA.net. Available at: <http://www.korea.net/AboutKorea/Korean-Life/Religion> (accessed: 07.12.2019).
8. *Wonsik Ma, Kyo Seong Ahn* (2010). Korean Church, God's Mission, Global Christianity. Edinburgh, Regnum Studues in Mission. P. 169.

Раздел IV КУЛЬТУРА

Глава 1 СВЯЗИ РОССИИ И КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

М.Е. Осетрова

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (1990—2020)

В статье анализируется современное состояние российско-южнокорейских связей в области культуры, сложившееся за 30 лет с момента установления дипотношений между Россией и Республикой Корея в 1990 г. Отмечая определённые успехи, достигнутые за этот срок, автор рассматривает и проблемные точки, препятствующие дальнейшему качественному развитию отношений в данной области, и предлагает идеи для их преодоления. Основным материалом для анализа послужил непосредственный опыт автора по подготовке и проведению российско-корейского гуманитарного форума «Мост дружбы» с 2014 по 2019 г., а также данные взаимных соцопросов корейцев и россиян (2013, 2016—2018 гг.) и различные отчёты по двусторонним мероприятиям и проектам из сферы культуры.

Ключевые слова: культурные связи России и Республики Корея, 30-летие межгосударственных отношений России и Республики Корея, Российско-корейский гуманитарный форум «Мост дружбы».

На официальном межгосударственном уровне сотрудничество в области культуры обычно занимает второстепенное положение, уступая первенство политическим и экономическим вопросам. Однако именно национальная культура прежде всего формирует международный образ страны, наполняет его живым, ярким и запоминающимся содержанием. Эта та самая «мягкая сила», которая на слуху у всех в последние годы. К тому же в периоды политических охлаждений или напряжённости именно культурные и гуманитарные связи позволяют поддержать отношения стран, не дать им скатиться на уровень безразличия или негатива. Поэтому значения двусторонних связей в области культуры не стоит преуменьшать.

Данная статья анализирует современное состояние российско-южнокорейских связей в области культуры, сложившееся за 30 лет с момента установления дипотношений между Россией и Республикой Корея в 1990 г. Под термином «культурные связи» будет пониматься вся совокупность контактов, мероприятий и проектов, осуществленных Россией и РК в области культуры с момента заключения дипломатических отношений в 1990 г. по настоящее время. И это не только и не столько гастроли художественных коллективов, выставки, кинопоказы, литературные переводы, фестивали, установки памятников, конференции, официально провозглашаемые годовые программы культурных обменов и т. п., но в первую очередь уровень осведомлённости о культурных достижениях друг друга, интерес к ним, их профессиональное изучение и качество популяризации, уровень взаимного влияния двух стран на их культуры.

Разумеется, данная статья не предполагает полного перечисления и обзора всех культурных событий, произошедших за последние 30 лет, что невозможно в рамках небольшой работы. Вместо этого автор предпринимает попытку выделить основные тенденции развития культурных связей РФ и РК, отметить успехи, но главное — показать проблемные точки, препятствующие дальнейшему качествен-

ному развитию отношений в данной области. Также предлагаются идеи для их преодоления.

Основным материалом для анализа послужил непосредственный опыт автора по подготовке и проведению Российско-корейского гуманитарного форума «Мост дружбы» с 2014 по 2019 гг., а также данные социологических исследований общественного мнения двух стран друг о друге (2013, 2016—2018 гг.) и различные отчёты по двусторонним мероприятиям и проектам из сферы культурного сотрудничества.

Общий обзор

Ранний этап российско-корейских отношений, официально начавшийся в 1884 г. с подписанием договора о дружбе и торговле, заложил хорошую базу для развития культурных связей между двумя народами. Контакты как на официальном, так и на простом межчеловеческом уровне имели в большинстве своём положительный, дружественный характер, стороны демонстрировали искренний взаимный интерес и стремление к диалогу. Однако политические события конца XIX в. и позднейшая колонизация Кореи Японией не дали этому потенциалу реализоваться. В дальнейшем большую часть XX в. между Россией и Кореей не было прямых контактов, а с 1948 г. СССР воспринимался в Республике Корея почти как вражеское государство, оплот мирового коммунизма. Но, несмотря на подобный пугающий образ, для многих корейцев Россия — культурно — оставалась, да и до сих пор остаётся страной большой литературы и великого искусства: классической музыки, балета, театра. Поэтому к моменту, когда стало возможно заключить межгосударственные отношения в 1990 г. и открыть новый этап культурных контактов, стартовые позиции у России были весьма выигрышные. По мнению наблюдателей, в 1990-х годах в РК случился настоящий «бум России». Многие поехали к нам изучать русский язык, поступать в консерваторию, аспирантуры российских вузов, работать в архивах, просто путешествовать. Корейские университеты стали наперебой открывать у себя русские отделения. РК активно приглашала на гастроли российские творческие коллективы. Правда, к 2000-м годам интерес стал понемногу иссякать, восторги сменились разочарованием, так как корейские ожи-

дания часто не оправдывались. С тех пор ситуация чуть выровнялась, но качественного улучшения не претерпела. Как отмечает известный корейский русист Ким Хёнтхэк, когда интерес к России в РК был на пике в 1990-е годы, внимание страны, охваченной ветром перемен, не доходило до системного сотрудничества с Кореей в сфере культуры и искусства. А позже, когда Россия сама начала искать такие возможности, интерес корейцев к ней остыл¹. Шанс снова был упущен, как и в начале XX в. Современная российская литература, кино, музыка, изобразительное искусство широким признанием в РК не пользуются.

С корейской культурой в России ситуация обратная: традиционная культура Кореи была и остается знакомой лишь узким специалистам, тогда как современная музыка, кино, телесериалы, анимация, живопись, дизайн понемногу вызывают всё возрастающий интерес среди россиян. Но это тенденция последних 5—7 лет. А до этого корейская культура вовсе не была на слуху у россиян. Так, в соцопросе, проведённом Левада-центром в 2013 г., на вопрос «Что прежде всего связывается в вашем представлении со словами “Корея”, “корейцы”?» только во второй десятке ответов появляются упоминания культурных элементов (тхэквондо — 14-е место, 8 %; шлягер «Kangnam style» — 21-е место, 2 %; корейские фильмы и телесериалы — 25-е место, 1 %), тогда как первые строчки приходятся на корейские автомобили (1-е место, 27 %), корейские компании (2-е место, 24 %), телефоны и средства связи (3-е место, 24 %), электроприборы (6-е место, 18 %), высокие технологии (8-е место, 12 %) и т. п.² Сегодня картина несколько меняется: по данным опроса 2017 г., промышленное и технологическое развитие продолжает оставаться главной ассоциацией россиян с Южной Кореей (1-е место, 30 %), однако культуру упоминают чаще (5-е место, 4 %). При этом отмечается, что большая половина россиян (52 %) не имеет чётких ассоциаций со словом «Южная Корея»³.

Другая тенденция заключается в некотором изменении аудитории, интересующейся корейской современной массовой культурой. Если 10 лет назад это были преимущественно поклонники «корейской волны» (а именно, подростки и молодёжь до 25 лет), то сейчас, с изменением самого наполнения понятия «корейская волна», расширяется и аудитория, в ней появляются более взрослые люди,

представители профессиональных сообществ. Рост числа интересующихся Кореей подтверждается и статистикой: если соцопрос 2013 г. фиксировал 14 % таких россиян⁴, то в 2016 г. эта цифра выросла до 30 %⁵, в 2017 г. — до 38⁶, в 2018 — до 46 %⁷. Интересно отметить, что некоторые из этих людей начинают самостоятельно искать выходы на корейских партнёров, не прибегая к официальным каналам и часто не привлекая корееведов. С одной стороны, эту тенденцию можно рассматривать как положительную, но с другой — часто такой подход чреват проблемами в коммуникации, стереотипными ошибками, что часто не даёт довести до успешного завершения потенциально перспективные проекты.

Если рассматривать культурные связи между Россией и РК по конкретным областям, то можно заметить, что некоторые из них сумели добиться больших успехов, другие — меньших. Так, очевидно, что область кино может служить примером наиболее успешного сотрудничества. Важно отметить, что интерес друг к другу у деятелей киноискусства развивался автономно, без серьёзной системной поддержки органов власти. История взаимоотношений началась ещё в 1990-х годах, когда в конкурсе Московского международного кинофестиваля приняла участие лента классика корейского кинематографа Им Квонтхэка «Вознесись». Фильм абсолютно поразил русских зрителей, на него обратили внимания известные критики, в частности Сергей Лаврентьев. В дальнейшем именно он станет активно продвигать корейское кино на российских фестивальных экранах, а позже совместно с независимым кинопрокатчиком Сэмом Клебано-вым познакомит наших зрителей с работами Ким Кидока, который надолго станет «главным корейским режиссёром» в России, а для некоторых — даже лицом корейской культуры в целом. Российское новое кино, в свою очередь, было частым гостем на Пусанском кинофестивале, чей основатель — режиссёр Ким Донхо позже стал членом жюри основного конкурса на Московском международном кинофестивале⁸. И это только наиболее заметные гуманитарные, межличностные контакты двух стран в сфере кино. А есть и множество других примеров. Но главное: именно эта область демонстрирует удачный кейс сотрудничества и поэтому является наиболее перспективной для стимулирования дальнейшего культурного сближения народов России и РК.

А область художественной литературы, несмотря на своё особое положение (признание заслуг русских классиков XIX — начала XX в. в Корее и традиционный интерес к зарубежной литературе в России), пока не смогла стать силой, способной оживить культурное взаимодействие между странами. Хотя, в отличие от сферы кино, здесь были приложены большие финансовые и организационные ресурсы, а также поддержка соответствующих государственных ведомств, особенно с корейской стороны. Тем не менее до сих пор ни одно корейское литературное произведение не стало событием в российском книжном мире, да и российские новинки пока не смогли покорить широкого корейского читателя. И это на фоне того, что в Корею на сегодняшний день переведены почти все громкие российские писательские имена, а в России ежегодно растёт количество переводных корейских изданий⁹. Такое положение объясняется комплексом причин¹⁰, но основная очевидно кроется не в качестве литератур, а в том, что обеим сторонам пока не удалось отыскать ту точку, в которой пересекутся русские и корейские коллективные литературные вкусы. А, возможно, пока просто не произошла встреча тех людей, чья совместная работа позволит, наконец, отыскать эту точку. Именно для того, чтобы подобные встречи произошли, и был задуман российско-корейский форум гуманитарных контактов «Мост дружбы».

Российско-корейский форум гуманитарных контактов «Мост дружбы»

В 2015 г. Россия и РК готовились праздновать 25-летие дипотношений. Естественно, подготовка началась загодя, шло много разговоров о том, с чем мы пришли к такой дате и как следует её отмечать. В какой-то момент стало очевидно, что и у бизнеса, и в научных кругах, и у российских корейцев, не говоря уже о высшем уровне, дипломатах и государственных ведомствах, есть свои постоянные каналы, где они могут регулярно поддерживать контакт с корейскими партнерами, обсуждать текущую повестку, обмениваться информацией. А для деятелей культуры и искусства если встречи и проводились, то редко и бессистемно. В такой ситуации корейские

русисты совместно с российскими корееведами выступили с инициативой организовать специальную площадку, получившую название Форум гуманитарных контактов «Мост дружбы».

Важно отметить, что изначально форум задумывался не как академический диалог, но именно как зона практического общения представителей профессиональных сообществ, т. е. то пространство, где люди из разных областей культуры, искусства, а также профильных медиа могли бы познакомиться, получить достоверную информацию из первых рук, обменяться новостями и уже имеющимся опытом взаимных контактов, договориться о возможной совместной деятельности. А российские корееведы и корейские русисты в данном случае лишь обеспечивают тему, программу, спикеров и целевую аудиторию. Кроме того, в течение года между форумами оргкомитет проводит мониторинг событий в сфере российско-корейских гуманитарных контактов, систематизирует и описывает их, помогает желающим найти необходимые контакты и информацию.

До настоящего времени уже было проведено шесть форумов. Первый открылся в Москве в сентябре 2014 г. В нём участвовали российские и корейские специалисты по литературе, а также переводчики и критики, представители музеев, кинофестивалей, исследователи театральных контактов между двумя странами. На втором форуме (2015) говорилось о сотрудничестве в области анимации, комиксов, медиа, распространении в России «корейской волны». На третьем форуме (2016) многие из этих тем были продолжены, а также добавилось современное искусство и освещение на российском телевидении приближающейся Олимпиады в Пхёнчхане. Четвёртый форум прошёл в Сеуле (2017), он был посвящён взаимовлиянию культур России и РК на уровне повседневной жизни. В качестве новых направлений были рассмотрены сферы туризма, национальной кухни и даже роль блогеров в сближении двух стран. На пятом форуме (Санкт-Петербург, 2018) из новых были также рассмотрены совместные проекты в области классической музыки. Шестой форум (Москва, 2019) прошёл во ВГИКе и был полностью посвящён сотрудничеству в области кино.

За шесть лет работы форум накопил не только большой объём данных по российско-корейским гуманитарным контактам, но и

способствовал зарождению и реализации конкретных проектов. Так, именно на форуме 2016 г. встретились телепродюсер Екатерина Арбатова и спортивный тележурналист Кирилл Кикнадзе, которые в дальнейшем при содействии корейских русистов и российских корееведов создали документальный фильм «Дорога в Корею» о подготовке российских спортсменов к зимней Олимпиаде в 2018 г. Фильм демонстрировался в ноябре 2017 г. на российском телеканале Матч ТВ. Есть и другие успешные примеры: именно благодаря знакомству на форуме нескольких переводчиков и издателей в свет вышел ряд новых художественных произведений корейских и русских авторов (например, несколько переводов литературных версий известных южнокорейских телесериалов, популярных среди российской молодёжи).

Однако не все проекты, о которых было заявлено на форуме, завершились успешно. Многие до конца довести не удалось. Вообще, следует отметить, что в шестилетней работе форума, как в капле воды, отразилась вся современная механика российско-корейских гуманитарных контактов в целом, во всей её комплексности, разбалансированности и, порой, незрелости. Очень часто сотрудничество начинается с громких обещаний и радужных перспектив, но вскоре обрывается, так как стороны не находят взаимопонимания. И зачастую причина кроется не в финансовых недоговорённостях, а элементарно в разном видении конечной цели. Кроме того, есть и объективные факторы, которые препятствуют качественному развитию культурных связей двух стран в целом, что тоже выявила работа форума.

Проблемные точки межкультурных связей и возможности их преодоления

Несмотря на бесспорный прогресс и поступательное развитие культурных связей России и РК с 1990 г., нужно признать, что развиваются они сегодня скорее вширь, нежели вглубь. Растёт число областей, в которых идёт сотрудничество, проводится всё больше мероприятий, проектов, но качественного прорыва добиться пока не удаётся. Складывается ощущение, что развитие достигло какого-то невидимого барьера, и пока он не будет удалён, никакие уси-

лия не принесут желаемого результата. Можно выделить несколько причин такого положения:

а) всё ещё *низкий уровень осведомлённости о культуре друг друга*;
б) *недостаточные или не всегда верно направленные усилия по взаимной популяризации наших культур*. Отсутствие системных программ с обеих сторон. Действительно, информированность друг о друге у нас оставляет желать лучшего, что порой приводит не просто к созданию примитивного образа стран, но формированию искажённых образов, что не способствует налаживанию устойчивых связей. Несмотря на то что на программы популяризации культур выделяются значительные бюджеты и разрабатываются соответствующие планы, эффект явно не соответствует прикладываемым усилиям. Часто выбираются не самые перспективные площадки, сферы, посредники и инструменты для более качественного промоушена России в РК и РК в России. Это подтверждается и данными соцопросов. Так, исследование 2017 г. показывает, что россияне и корейцы плохо информированы о реальной ситуации в другой стране, их знания ограничиваются самыми общими ассоциациями, преимущественно историческими (Корея) или географическими (Россия). Однако с другой стороны, отмечается, что восприятие сторонами друг друга исключительно позитивное.¹¹ Поэтому качественная просветительская работа должна занять надлежащее место в усилиях по улучшению гуманитарного сотрудничества между странами;

в) *дисбаланс работы сторон*. Как уже отмечалось выше, в начале 1990-х со стороны РК наблюдался повышенный интерес к культуре России, но нашей стране в то время не удалось воспользоваться предоставленным историческим шансом. Сейчас период «бума» в прошлом, но всё же определённый интерес к некоторым сферам российской культуры у корейцев присутствует. Благодаря этому у России есть возможность усилить свои культурные позиции и влияние в Корею. Однако по-прежнему в большинстве случаев инициатива по культурному взаимодействию исходит от корейской стороны, а Россия играет в этом процессе довольно пассивную роль;

г) *проблемы в межличностной коммуникации*. Успешному развитию культурных контактов между странами препятствуют проблемы в коммуникации. Удивительным образом обе стороны отмечают этот факт. Буквально корейцы говорят, что русские партнёры «никогда

вовремя не отвечают на и-мейлы», а русские жалуются на те же проблемы со стороны корейцев;

д) *разобщённость усилий*. Существует несколько каналов, по которым возникает и развивается российско-корейское взаимодействие в области культуры: через официальные органы (часто государственные); через российских корейцев и их ассоциации; при содействии академических и образовательных институций; напрямую между организациями, самостоятельно ищущими контакты с корейскими/российскими партнёрами. Разумеется, утопично и излишне было бы желать привести эти каналы к какой-то системе, требовать координации их действий. Тем не менее наличие определённой базы данных, собирающей и фиксирующей подобные контакты, могло хотя бы в какой-то степени помочь представить более широкую картину подобного взаимодействия, выявлять тенденции, нащупывать проблемные зоны и помогать их преодолевать. В этом деле как раз могли бы пригодиться опыт и знания российских корееведов и корейских русистов.

Заключение

Анализ состояния культурных связей России и Республики Корея за последние 30 лет показал, что они развивались сдержанными темпами и больше количественно, нежели качественно. Несмотря на определённый усилия обеих сторон, мы всё ещё мало знаем друг о друге, не достаточно доверяем, не всегда понимаем мотивации друг друга. Отсутствуют системные просветительские программы, нацеленные на эффективное знакомство людей с обеими культурами. Усилия стран разобщены. Чтобы преодолеть эти трудности, нужна большая слаженная работа самых разных участников, а также серьёзные ресурсы. Кроме того, требуется и время. 30 лет — срок приличный, но всё же не такой длительный, чтобы сблизить народы по-настоящему. Сегодня у наших культурных связей есть неплохие наработки и уже определенный опыт, который в дальнейшем, при условии решения проблемных моментов, может дать более качественные результаты.

Примечания

¹ *Ким Хён Тхэк*. Корейско-российские контакты в сфере культуры и искусства: взгляд в прошлое и перспективы. Доклад, представленный на 1-м российско-корейском форуме гуманитарных контактов «Мост дружбы». 19 сентября 2014 г., Москва.

² *Овакимян Адель*. Образ Кореи в общественном мнении россиян // *Вестник общественного мнения*. № 2 (115). Апрель—июнь 2013. С. 47.

³ ВЦИОМ, Институт российских исследований ун-та Ханкук. Россия и Корея: образы стран по данным сравнительного исследования. Сеул: Ихван, 2017. С. 18.

⁴ *Овакимян Адель*. Цит. соч. С. 46.

⁵ ВЦИОМ, Институт российских исследований ун-та Ханкук... С. 14.

⁶ ВЦИОМ, Институт российских исследований ун-та Ханкук... С. 15.

⁷ ВЦИОМ, Институт российских исследований ун-та Ханкук. Корея и Россия — перспективы сотрудничества между странами. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9169> (дата обращения: 15.04.2020).

⁸ *Алиева Ситора*. Не история кино. Доклад, представленный на 1-м российско-корейском форуме гуманитарных контактов «Мост дружбы», 19 сентября 2014 г., Москва.

⁹ См. статьи М.В. Солдаговой и И.В. Цой в данной коллективной монографии.

¹⁰ *Осетрова Мария*. Ждать ли нам корейского бестселлера? // *Мосты*. № 4 (44). 2014. С. 35—38.

¹¹ ВЦИОМ, Институт российских исследований ун-та Ханкук... С. 11.

References

1. *Alieva, Sitora* (2014) Ne istoria kino [Non-history of cinema]. A paper presented at the 1st Russian-Korean Humanitarian contacts, Moscow, September 19.

2. *Kim Hyun Taek, Lee Eun Gyeong, Ra Seung Do* (2018) Ot Posieta do Arbata: 150 let koreiskoi kultury v Rossii [From Posiet to Arbat: 150 years of Korean culture in Russia]. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies Press.

3. *Kim Hyun Taek, Lee Jiyeon, Ra Seung Do* (2016) Ot Sabatina do Pushkina: 150 let russkoi kultury v Koree [From Sabatin to Pushkin: 150 years of Russian culture in Korea]. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies Press.

4. *Ovakimyan Adel* (2013) Obraz Korei v obschestvennom mnenii rossiyan [The image of Korea studied through the Russian public opinion survey]. *Vestnik obschestvennogo mneniya [Public Opinion Herald]* No.2(115) April-June: 45—55.

5. *Osetrova Maria* (2014) *Zhdad li nam koreiskogo bestsellera?* [Shall we wait for a Korean bestseller?]. *Mosty [Bridges]*, No.4 (44): 35–38.

6. VCIOM and Institute of Russian Studies (Hankuk University of Foreign Studies) (2016) *Rossia i Korea po dannym sravnitel'nogo issledovaniya* [Russia and Korea: images of the countries studied through the comparative research]. Seoul: Ihwan.

7. VCIOM and Institute of Russian Studies (Hankuk University of Foreign Studies) (2017) *Rossia i Korea po dannym sravnitel'nogo issledovaniya* [Russia and Korea: images of the countries studied through the comparative research]. Seoul: Ihwan.

8. VCIOM and Institute of Russian Studies (Hankuk University of Foreign Studies) (2018) *Rossia i Korea: perspektivy sotrudnichestva mezhdur stranami* [Russia and Korea: the perspectives of the cooperation between the countries]. VCIOM website 21.06.2018. Available at <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9169> (accessed: 15.04.2020).

М.В. Солдатова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ С КОРЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Прямые контакты русской и корейской культур стали возможны по установлению в 1884 г. дипломатических отношений между двумя странами. В то время литературы России и Кореи находились на разных этапах развития. Литературные связи между двумя странами в первой половине XX в. оставались односторонними. После освобождения и разделения Корейского полуострова в СССР стало уделяться внимание литературе КНДР, пролетарской литературе колониального периода и классической корейской литературе. С распадом СССР в нашей стране начал расти интерес переводчиков и издательств к литературе РК, а интерес к литературе КНДР угас. При этом на корейском языке сейчас можно прочитать произведения большинства значимых русских литераторов.

Ключевые слова: русская литература, корейская литература, литературные связи.

Можно с уверенностью сказать, что переводная литература играет важную роль в межкультурной коммуникации. Знакомство с художественной культурой другого народа зачастую дает толчок развитию глубокого интереса к нему.

Сведения о Корее начали поступать в Россию во второй половине XVII в., после налаживания последних официальных связей с Ки-

таем, однако непосредственные контакты русской и корейской культур стали возможны по установлению в 1884 г. дипломатических отношений между двумя странами.

В 1890-е годы в Сеуле уже работала Русская общественная библиотека. В письме, которое ее секретарь В. Поляновский отправил в 1897 г. А.П. Чехову, чтобы поблагодарить за присылку книги «Каштанка», есть такие строки: «Наша библиотека не смотря на небольшая, имеющаяся въ нашемъ распоряжении средства, удовлетворяетъ больше или меньше своему назначению: оба отделения ея: для образованной части нашей русской колонии и для необразованной (солдаты, матросы, и русские корейцы) — открыты и действуют, хотя во второмъ пока еще книгъ и журналовъ мало»¹.

Следует отметить, что на рубеже XIX—XX вв. литературы России и Кореи находились на разных этапах развития. Не случайно русские читатели начали знакомство с корейской литературой со сказочной «Повести о Чхунхян», а корейские читатели познакомились с русской литературой с притч Л.Н. Толстого «Вражье лепко, а божье крепко» («Сарань-е сынъчжон»), «Зерно с куриное яйцо» («Чосон-самдэ»), «Девчонки умнее стариков» («Орун-гва ахэ»), которые в 1909 г. перевел с японского и опубликовал в своем журнале «Сонён» знаменитый корейский литератор Чхе Намсон. Примечательно, что на корейском притчи вышли под названиями, весьма далекими от оригинальных.

В первое десятилетие после аннексии Кореи Японией, в 1910-е годы, переводы зарубежных, в том числе русских, произведений публиковались на полуострове не так уж часто. И все же в этот период были переведены на корейский язык такие произведения, как «Воскресение» Л.Н. Толстого, рассказ «Альбом» А.П. Чехова, «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, а также «Порог» и другие стихотворения в прозе И.С. Тургенева.

Движение за независимость 1 марта 1919 г. привело к изменению ситуации в литературном мире Кореи. Вновь стали выходить газеты и журналы на корейском языке. С начала 1920-х до середины 1930-х годов многие периодические издания активно знакомили читателей с зарубежной литературой². Переводились произведения не только таких знаменитых на весь мир русских писателей, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, М. Горький³, но также

Л.Н. Андреева, Ф.М. Сологуба, А.Т. Аверченко и др. При этом не удостоивались внимания произведения Н.В. Гоголя и крупнейших русских поэтов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова⁴, что не удивительно, поскольку корейские интеллектуалы в первой половине XX в. интересовались содержанием зарубежных произведений куда больше, чем формой. Отдельные произведения Ф.М. Достоевского переводились, но не пользовались в то время широкой популярностью, скорее всего, ввиду своей сложности⁵.

Многие корейские исследователи отмечают, что русская литература оказала огромное влияние на развитие современной литературы в Корее, и к ее важнейшим чертам относят историзм и гуманизм. Ан Бёнён пишет о чуткой реакции русской литературы на общественные процессы, предполагая, что её идейная насыщенность может быть обусловлена отсутствием в России возможности ведения свободной дискуссии в общественно-политическом пространстве⁶. Ким Гынсик подчеркивает, что русская литература всегда была для корейцев литературой «великих идей»⁷.

Утверждение советской власти в России определило увлечение целого ряда корейских литераторов — так же, как литераторов многих других стран, в том числе и Японии — социализмом. С 1925 г. функционировала Корейская ассоциация пролетарских писателей (КАПП)⁸, члены которой не только создавали произведения в социалистическом духе, но и знакомили соотечественников со взглядами В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского на искусство. Виднейшим членом КАПП был Ли Гиён, впоследствии признававшийся: «Горький! Вот кто поразил меня и зажег желанием разобратсья в судьбах своего народа и писать о нем!.. Горький — мой учитель и наставник!»⁹ В 1935 г. ассоциация, не выдержав давления японских властей, прекратила свое существование.

В целом с середины 1930-х годов переводы зарубежных произведений стали выходить в Корею все реже, что, похоже, было связано как с ужесточением цензуры, так и с насаждением на полуострове японского языка. Однако к тому времени с русского на корейский уже было переведено более двух сотен произведений¹⁰.

Непосредственное влияние русской литературы прослеживается в произведениях многих известных корейских писателей первой половины XX в. Корейские исследователи отмечают, что рассказы Хён

Джингона «Удачный день» («Унсу чоын наль», 1924) и «Жмурки» («Ккамак-чапки», 1924) перекликаются с рассказами А.П. Чехова «Тоска» и «Поцелуй» соответственно, роман Ём Сансопа «Три поколения» («Самдэ», 1932) — с романом И.С. Тургенева «Отцы и дети», роман Ли Гвансу «Сердечность» («Ючжонъ», 1933) — с романом Л.Н. Толстого «Воскресение», роман Сим Хуна «Вечнозеленое дерево» («Санъноксу», 1936) — с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?»¹¹. В 1939 г. по мотивам стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Нищий» Юн Донджу написал стихотворение «Тургеневский холм».

Со времени освобождения Кореи от японского владычества в 1945 г. и разделения полуострова до окончания Корейской войны (1950—1953 гг.) в Южной Корее русская литература оставалась в тени американской и западноевропейской. Потом начали переиздаваться старые и делаться новые переводы произведений русских литераторов, но только тех, которые творили до возникновения СССР. В частности, корейские читатели получили возможность познакомиться с творчеством А.С. Пушкина.

Не будет преувеличением сказать, что из произведений русской поэзии наибольшей популярностью в Южной Корее пользуется стихотворение А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» в переводе поэта Пэк Сока. По словам исследователя Ким Гынсика, в послевоенные десятилетия картины со строками из этого стихотворения можно было увидеть и в парикмахерских, и в гостиницах частных домов¹².

Если жизнь тебя обманет,	삶이 그대를 속일지라도
Не печалься, не сердись!	슬퍼하거나 노여워하지 말라
В день уныния смиришь:	슬픈 날을 참고 견디면
День веселья, верь, настанет.	즐거운 날이 오리니
Сердце в будущем живет;	마음은 앞날에 살고
Настоящее уныло:	지금은 언제나 슬픈 것이니
Все мгновенно, все пройдет;	모든 것은 덧없이 사라지고
Что пройдет, то будет мило.	지나간 것은 또 그리워지나니

Следует отметить, что корейцы понимают его по-своему. Вроде бы, корейский перевод красив и лексико-грамматически достаточно точен, но спроси у русского, о чем это стихотворение, и точно не услышишь в ответ, будто оно о том, что нужно «терпеть и еще раз терпеть», надеясь на лучшее будущее. Как-то по-другому расставлены у русского поэта акценты.

Постепенно в Южной Корее завоевал признание Ф.М. Достоевский. Но сравняться по популярности у корейских читателей с Л.Н. Толстым ему не удалось до сих пор. Между тем как в Японии вышло наоборот.

Переводчица и исследовательница русской литературы Ким Джинён пишет, что Толстой воспринимался в Корее в первую очередь, как святой, как мыслитель-моралист, а Достоевский — как гуманист, сочувствовавший бедным и оскорбленным¹³. При этом она же подчеркивает, что японцы с удовольствием читают длинные романы обоих русских писателей, а корейцам из всех произведений Толстого особенно полюбили короткие народные сказки^{14,15}.

Т.М. Симбирцева справедливо утверждает, что в целом в Южной Корее «переводная литература осмысливалась... через призму национального менталитета при отсутствии знаний русской истории и реалий»^{16,17}. При этом Л.Ю. Юшина и Р.А. Кулькова, которые имеют богатый опыт работы в РК со студентами, изучающими русский язык, замечают, что им интересно следить, «как русские сюжеты, темы, идеи преломляются в сознании носителей корейской культуры», а также что общение с иностранными студентами помогает непредвзято взглянуть на знакомые произведения родной литературы¹⁸. Хочется добавить, что глубокие высказывания корейских исследователей о русской литературе, случается, заставляют серьезно задуматься. Например, в эссе «Грезы о Неве. Петербургские прогулки с Раскольниковым» знаменитый литературовед Ким Юнсик пишет: «Родион Раскольников являет собой русскую интеллигенцию, ищущую ответ на вопрос: <...>. Как жить, если с одной стороны — глупость самодержавного монарха, а с другой — молчание угнетенного народа?»¹⁹

Вплоть до конца 1980-х годов художественные тексты, написанные в СССР, практически не переводились и не публиковались в Южной Корее. К исключениям можно отнести «Доктора Живаго»

Б.Л. Пастернака, а также «Архипелаг Гулаг» и «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, представлявших не советскую, а антисоветскую прозу. Демократизация южнокорейского общества и установление дипломатических отношений с СССР в 1990 г. обусловили всплеск интереса к советской литературе. В Южной Корее вышли такие романы, как «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Разгром» А.А. Фадеева. Но в 1991 г. СССР распался, и спрос на советскую литературу упал. В целом же с конца 1980-х в южнокорейских издательствах вышло множество переводов с русского. По данным исследователя Ом Сунчхона, уже на начало 2000-х годов общее число переводов на корейский произведений русской поэзии и прозы приближалось к 10 тыс., а число книг, в которые они вошли, превышало 1500^{20,21}. Сейчас на корейском языке можно прочитать стихи русских поэтов Серебряного века, И.А. Бродского и Е.А. Евтушенко, детективы А. Марининой и Б. Акунина. В Южной Корее В.О. Пелевин посещал буддийские монастыри, а Л.Е. Улицкая была награждена литературной премией имени Пак Кённи. Однако если вы спросите случайных прохожих на улицах Сеула о русской литературе, скорее всего, услышите про Толстого, Достоевского и Пушкина, написавшего мудрое стихотворение «Если жизнь тебя обманет»...

В Северной Корее после разделения полуострова литераторы в основном писали о строительстве социализма в городах и селах, о формировании нового человека в условиях этого строительства.

Важнейшую роль в развитии социалистической поэзии в Северной Корее сыграл уроженец Приморья Чо Гичхон, попавший на Корейский полуостров в 1945 г. вместе с частями Советской армии и погибший в 1951 г. Чо Гичхон успел перевести на корейский язык стихи В.В. Маяковского, Н.М. Грибачёва²² и даже Дж. Джабаева²³.

Упомянутый выше Ли Гиён, перебравшись после освобождения Кореи на север, возглавил там Общество культурной связи с СССР. В мае 1946 г. Ли Гиён и его заместитель, писатель Хан Соря обратились с письмом к В.С. Кеменову, возглавлявшему в СССР Всесоюзное общество культурной связи с границей. В письме говорилось: «Желая ускорить развитие своей национальной культуры, мы считаем необходимым установить самую тесную связь с великим

нашим соседом Советским Союзом <...> с целью изучать, пропагандировать и заимствовать его достижения в области науки, культуры и искусства»²⁴. В августе того же года делегация Общества, состоявшая из 25 человек, отправилась в СССР, где пробыла более двух месяцев.

А.Т. Иргебаев и А.А. Тимонин подтверждают, что художественные переводы с русского пользовались у северокорейских читателей большой популярностью. В Северной Корее выходили произведения русских классиков (включая М. Горького), чьи имена были известны корейцам еще до разделения полуострова, а также М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова и многих литераторов, творивших в советский период: Д.А. Фурманова, А.А. Фадеева, А.С. Серафимовича, А.А. Суркова, М.А. Шолохова, Б.Н. Полевого, А.Б. Чаковского²⁵, Г.М. Маркова, Ю.В. Бондарева, Ч.Т. Айтматова, К.М. Симонова, С.А. Есенина, М.В. Исаковского и др. В северокорейских театрах ставились советские пьесы²⁶.

По свидетельствам русских специалистов, работавших в КНДР, с началом в 1967 г. Движения за установление единой идеологии партии под лозунгом «Не знать никаких других идей, кроме идей великого вождя товарища Ким Ирсена» многие книги, в том числе переводные, были изъяты из мелких библиотек, а в крупных переведены в хранилища. Однако впоследствии книги, прошедшие проверку, вернулись к читателям, а с начала 1980-х годов снова стали достаточно активно издаваться переводы зарубежной литературы.

В 100-томную «Библиотеку мировой литературы», публикация которой началась в 1988 г., из русской литературы вошли, в частности, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.В. Гоголя, «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Мать» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Блокада» А.Б. Чаковского, а в «Библиотеку мировой детской литературы» — например, «Сказка о Мальчише-Кибальчише» А.П. Гайдара²⁷. Есть сведения, что в конце 1990-х большой популярностью в Северной Корее пользовались книги Ю.С. Семенова о Штирлице²⁸.

Т.В. Габрусенко отмечает, что в северокорейской литературе нередко появляются русские герои, причем, как правило, вызывающие симпатию. Они красивы, умны, музыкальны. Даже в произведениях,

написанных после распада СССР, русские предстают людьми душевными и образованными, построившими прекрасную справедливую страну, но не сумевшими ее сохранить²⁹.

Следует отметить, что в целом в России вышло существенно меньше корейских произведений, чем на Корейском полуострове русских. Зато русские читатели начали знакомиться с корейской литературой еще в конце XIX в. В 1894 г. в типографии И.Д. Сытина с пометкой «перевод с китайского» (а на самом деле, вероятно, с французского) и без указания имени переводчика был напечатан под названием «Душистая весна» перевод «Повести о Чхунхян». А в 1895 г. в журнале «Вестник иностранной литературы» появился под названием «Любовь И-Торенга к прекрасной Чун-Хианг» перевод этой повести с французского, выполненный М.П. Чеховым, младшим братом знаменитого писателя³⁰.

Вскоре на русском языке вышли корейские сказки, записанные Н.Г. Гариним-Михайловским осенью 1898 г. в ходе путешествия из Владивостока в Порт-Артур с заездами в Корею и Манчжурию.

К сожалению, едва начавшись, культурный обмен между странами оказался затруднен из-за аннексии Кореи Японией. Другие произведения корейских литераторов, в том числе написанные в колониальный период, попали в Россию только после освобождения Корейского полуострова. Можно сказать, что литературные связи между Россией и Кореей в первой половине XX в. носили односторонний характер.

После окончания Второй мировой войны, освобождения и раздела Корейского полуострова в СССР пристальное внимание стало уделяться литературе дружественной КНДР и пролетарской литературе колониального периода как ее предшественнице, а также классической корейской литературе.

В годы Корейской войны в СССР публиковались военные стихи и рассказы северо-корейских авторов. Позже вышли написанные в колониальный период и до сих пор ценимые не только на Севере, но и на Юге рассказы Чхве Сохэ «Исповедь беглеца», роман Ли Гиёна «Родная сторона» и некоторые другие произведения с выраженной социалистической направленностью. Переводились и новые произведения таких видных северо-корейских писателей, как Ли Гиён и Хан Соря. Роман Ли Гиёна «Земля» был издан в нашей стра-

не и для слепых³¹. Культовые для северных корейцев романы «Море крови» и «Цветочница» об издевательствах японцев над поработенными корейцами вышли на русском языке в Пхеньяне. К сожалению, в условиях полного отсутствия свободы творчества литературная деятельность в КНДР быстро превратилась в профанацию, и произведения северокорейских писателей перестали интересовать российских переводчиков. Но до сих пор в русскоязычном журнале «Корея сегодня» наряду с мемуарами Ким Ирсена публикуются наивно-пафосные рассказы северокорейских писателей, которые едва ли можно воспринимать всерьез. Следует сказать, что зарубежные читатели очень ждут от писателей КНДР достойных произведений, надеясь понять, что происходит в этой закрытой от них стране. И такие произведения иногда появляются. Например, недавно на английском языке вышел роман северокорейского писателя Пэк Намёна «Друг» — можно надеяться, что он будет переведен и на русский язык.

С середины 1950-х годов до распада СССР с ханмуна и с корейского языка были переведены многие важнейшие памятники традиционной литературы Кореи. Это сборники миниатюр *пхэсоль*, фантастические новеллы Ким Сисыпа «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи» (в новом издании — «Истории, записанные на горе Золотая Черепаха»), аллегории Лим Дже, роман Ким Манджуна «Облачный сон девяти» («Сон в заоблачных высях»), популярнейшие повести о Хон Гильдоне, о Чхунхян, о Симчхон. Вышло пять научных комментированных переводов с факсимиле оригиналов.

Широко известен факт участия в работе над переводами традиционной корейской поэзии А.А. Ахматовой³². По утверждению людей, лично знавших Ахматову, сама поэтесса, вынужденная ради денег заниматься переводами, относилась к ним, «как к необходимой тягостной работе»³³, и делилась этой работой с коллегами. Но, вроде бы, именно переводы корейских трехстиший *сиджо*³⁴, а также египетской поэзии были выполнены ею без соавторов³⁵.

В 200-томной «Библиотеке всемирной литературы», публиковавшейся в СССР с 1967 по 1977 г., традиционная корейская литература была представлена в томах «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» и «Классическая проза Дальнего

Востока». Никто из корейских литераторов XX в. в «Библиотеку» не попал³⁶.

После установления дипломатических отношений между нашей страной и Республикой Корея и последовавшего вскоре распада СССР произошел всплеск интереса русских переводчиков и издательств к южнокорейской литературе и непролетарской корейской литературе первой половины XX в. На русский язык были переведены произведения крупнейших писателей колониального периода Ли Гвансу, Ким Донина, Ём Сансопа, Хён Джингона, знаменитого поэта Ким Соволя, а также южнокорейских писателей Ким Сынока, Ли Мунёля, Хван Согёна, Ким Ёнсу, Пак Мингю, Ким Ёнха, писательниц Пак Кённи, Пак Вансо, Кон Джиён, О Джонхи, Ын Хигён, Хан Ган, поэтов Чон Джиёна, Ко Ына, О Сеёна, Чхве Донхо, поэтесс Ким Намджу, Мун Джонхи и многое другое. Вышли специальные корейские выпуски журналов «Нева» и «Иностранная литература». Количество переведенных с корейского книг, публикация которых в России была поддержана Корейским институтом литературных переводов (LTI of Korea), приближается к сотне³⁷. Кое-что было опубликовано при поддержке других фондов или без привлечения спонсорских средств. Около трех четвертей изданных в XXI в. в России корейских художественных книг составляют переводы современной литературы. При этом традиционная корейская литература не перестала пользоваться в нашей стране вниманием: были переизданы переводы, сделанные в эпоху СССР, вышли новые переводы стихов, написанных на ханмуне, и таких важных памятников корейской словесности, как «Жизнеописание достойных монахов Страны, что к востоку от моря» Какхуна, «Оставшиеся сведения о трёх государствах» Ирёна, «Ода о драконах, летящих к небу», дневник Ли Сунсина.

Традиционную литературу читают в основном специалисты. А вот интерес читателей к современной корейской литературе мог бы на фоне популярности массовой корейской культуры расти быстрее, будь в целом повыше качество переводов. Невероятно, но факт: два романа, разошедшихся в Южной Корее рекордными тиражами — «Прошу за маму» Син Гёнсук и «Ким Джиён 82 года рождения» Чо Намджу, — вышли в России во вторичных переводах с английского. Хотелось бы надеяться, что со временем качество

культурной коммуникации между странами будет только улучшаться.

В честь 30-летия установления дипломатических отношений в России и РК будут опубликованы параллельные собрания сочинений корейской и русской литературы. В этих собраниях корейская литература будет представлена романами «В эпоху великого спокойствия» Чхэ Мансика и «Империя света» Ким Ёнха, рассказами Ли Мунёля и Пан Хёнсока, стихами Хан Ёнуна, Юн Донджу, Пак Кённи, Ким Намджо. А русская — рассказами Ф.М. Достоевского и Ю.П. Казакова, эссе А.И. Солженицына, романами «Зулейха открывает глаза» Г.Ш. Яхиной и «iPhuck 10» В.О. Пелевина.

Примечания

¹ Цит. по: *Капустин Д.Н.* Чехов и Корея. Два эссе // Нева. 2013. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/3/k12.html> (дата обращения: 13.02.2020).

² В периодических изданиях публиковались не только полные тексты, но и отрывки из них и пересказы, а также аннотации к произведениям зарубежных писателей.

³ Помимо сюжетной прозы большой интерес вызывали публицистические эссе Л.Н. Толстого, пьесы Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького.

⁴ *Gwon Yeong-min et al.* Hanguk geundae muhag-ui geosia munhak suyong [Восприятие русской литературы современной корейской литературой]. Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2016. С. XI.

⁵ См.: *Ан Бен Ён.* История распространения русской литературы в Корею // Seullabeu hakbo [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18 (2). С. 445—458. С. 450.

⁶ Там же. С. 445.

⁷ *Ким Гын Сик.* Как в Корею воспринимается А.С. Пушкин // Noso pomunhak [Русский язык и русская литература]. 1997.12. № 9. С. 229—252. С. 234.

⁸ В КАПП также состоял известный поэт Чо Мёнхи, уехавший в 1928 г. в СССР и расстрелянный там в 1938 г.

⁹ Первенцев А. Предисловие // Ли Ги Ен. Земля / пер. с кор. Тё Е., Ю. Карасев. М.: Иностр. лит-ра, 1953. С. 3—14.

¹⁰ См.: *Ан Бен Ён*. История распространения русской литературы в Корее // *Seullabeu hakbo* [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18(2). С. 445—458. С. 450.

¹¹ См.: *Ким Хёнтхэк*. Русская литература в Корее: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21—22 декабря 2009 г.) М.: Восточная литература, 2010. С. 5—10. С. 6—7; *Gwon Yeong-min et al.* [Квон Ёнмин и др.] *Hanguk geundae muhag-ui geosia munhak suyong* [Восприятие русской литературы современной корейской литературой]. Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2016. С. 114.

¹² *Ким Гын Сик*. Как русские стихотворения воспринимаются в Корее // *Seullabeu hakbo* [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18(2). С. 401—414. С. 404.

¹³ См.: *Ким Чинён*. Корейская литература 1920-х гг. сквозь призму спора о Толстом и Достоевском // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. Материалы Международной конференции 3—6 сентября 2001 года / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2003. С. 109—119.

¹⁴ *Ким Джинён*. Как вчерашняя классика становится сегодняшним бестселлером (Л.Н. Толстой в Корее) // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21—22 декабря 2009 г.) М.: Восточная литература, 2010. С. 62—69.

¹⁵ Сборник народных сказок Л.Н. Толстого разошелся в Южной Корее миллионными тиражами.

¹⁶ *Симбирцева Т.М.* Россия и русские — глазами южнокорейских писателей / Материалы конференции «Корейский язык, литература, культура. Взгляд из С.-Петербурга». СПб., 2003. С. 63—76.

¹⁷ Очевидно, такова же ситуация с восприятием корейской литературы русскими читателями.

¹⁸ *Юшина Л.Ю., Кулькова Р.А.* Из наблюдений над восприятием русской литературы в Республике Корея // *Русский язык за рубежом*. 2014. № 2. С. 74—81. С. 77.

¹⁹ *Ким Юнстик*. Грезы о Неве. Петербургские прогулки с Раскольниковым / пер. с кор. И. Цой // *Иностранная литература*. 2016. № 11. С. 198—223. С. 220.

²⁰ *Eom Sun-cheon* [Ом Сунчхон]. *Hangugeseo-ui geosiamunhak beonyeokhy eonhwang josa mit bunseok* [Изучение и анализ ситуации с переводами русской литературы в Республике Корея] // *Ноео потунhak* [Русский язык и русская литература]. 2005.12. № 17(3). Р. 241—272. Р. 242.

²¹ Следует упомянуть, что чуть не треть этих изданий составляли книги Л.Н. Толстого.

²² Н.М. Грибачёв, в свою очередь, выступил составителем сборника корейской поэзии «Непокоренная Корея».

²³ При переводе на корейский язык стихов казахского поэта Дж. Джабаева, очевидно, использовались их русские переводы, выполненные другими поэтами.

²⁴ Цит. по: *Ванин Ю.В.* Первое знакомство // Ванин Ю.В. История Кореи: Избранные статьи. М.: ИВ РАН, 2016. С. 353—362. С. 353—354.

²⁵ В 1952 г. в СССР вышла повесть «Хван Чер стоит на посту», которую А.Б. Чаковский написал, съездив корреспондентом на Корейский полуостров.

²⁶ *Иргебаев А.Т., Тимонин А.А.* Корейская Народно-Демократическая Республика: Справочник. М.: Политиздат, 1988; личное свидетельство В.Е. Сухинина.

²⁷ *Толстокулаков И.А.* Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. С. 144—145; *Lee Su-jin* [И Суджин]. Bukhane gathin oegukmunhak [Иностранная литература в заключении в Северной Корее]. Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2018.

²⁸ *Yun Jeong-hun* [Юн Джонхун]. Bukhan-ŭi 'chaeg-ŭi hyanggi'neun... oeguksoseol — cheorbomuringi [«Книжный дух» Северной Кореи... Популярность зарубежных шпионских романов] // *Donga Ilbo*. 13.06.2000. URL: <http://www.donga.com/news/article/all/20000613/7546171/1> (дата обращения: 05.02.2020).

²⁹ *Габрусенко Т.В.* Златокудрые красавцы, склонные к рефлексии: Как изображают русских в северокорейской литературе // *Лента.ру*. 20.02.2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/19/fromkoreawithlove/> (дата обращения: 02.03.2020).

³⁰ Подробнее об этих публикациях см.: *Симбирцева Т.М.* Возвращение души-стой весны // *Нева*. 2010. № 3 С. 201—214; *Капустин Д.Н.* Чехов и Корея. Два эссе // *Нева*. 2013. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/3/k12.html> (дата обращения: 13.02.2020).

³¹ *Ли Сан Юн.* Корейская литература в России / СССР / РФ (произведения писателей Севера и Юга на русском языке) // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 3. С. 70—76.

³² См.: *Корейская классическая поэзия / Поэтич. пер. А. Ахматовой*. М.: Худож. лит-ра, 1956.

³³ *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит-ра, 1989. С. 157.

³⁴ Трехстишия были переведены на русский шестистишиями.

³⁵ В записных книжках Ахматовой было обнаружено много черновых переводов этих произведений.

³⁶ Из японцев в нее попал Р. Акутагава, а из китайцев — Лу Синь.

³⁷ Информация любезно предоставлена сотрудниками LTI of Korea.

References

1. *An Byeong-yong*. (2003). Istoriya rasprostraneniya russkoy literatury v Koreye [The History of the Reception of Russian Literature in Korea]. *Seullabeu hakbo [Journal of Slavic Studies]*. № 18(2). P. 445. (in Russian).
2. *An Byeong-yong*. (2003). Istoriya rasprostraneniya russkoy literatury v Koreye [The History of the Reception of Russian Literature in Korea]. *Seullabeu hakbo [Journal of Slavic Studies]*. № 18(2). P. 445—458. P. 450. (in Russian).
3. *Eom Sun-cheon*. (2005). Hangugeo-*ui* reosiamunhak beonyeokhyeonhwang josa mit bunseok [Study and Analysis of the Situation with Translations of Russian Literature in the Republic of Korea]. *Noeo nomunhak [Russian Language and Russian Literature]*. № 17(3). P. 241—272, p. 242. (in Korean).
4. *Gabrusenko T.V.* (2016). Zlatokudryye krasavtsy, sklonnyye k refleksii: Kak izobrazhayut russkikh v severokoreyskoy literature [Reflective Golden-Haired Good-Lookers: How Russians are depicted in North Korean literature]. Lenta.ru. 20.02.2016. Available at: <https://lenta.ru/articles/2016/02/19/fromkoreawithlove/> (accessed: 02.03.2020) (in Russian).
5. *Gim Geun-sik*. (1997). Kak v Koreye vosprinimayetsya A.S. Pushkin [A Study on the Korean Reception of A.S Pushkin]. *Noeo nomunhak [Russian Language and Russian Literature]*. № 9. Pp. 229—252, p. 234. (in Russian).
6. *Gim Geun-sik*. (2003). Kak russkiye stihotvoreniya vosprinimayutsya v Koreye [A Study on the Korean Reception of Russian Poetry]. *Seullabeu hakbo [Journal of Slavic Studies]*. № 18(2). Pp. 401—414. P. 404. (in Russian).
7. *Gim Hyeon-taek*. (2010). Russkaya literatura v Koreye: istoricheskiy obzor [Russian Literature in Korea: Historical Review] in *Proceedings of the I Russian-Korean Scientific and Practical Conference of Literary Translators (Moscow, December, 21—22, 2009)*. Moscow, Vostochnaya Literatura. Pp. 5—10. (in Russian); *Gwon Yeong-min et al.* (2016). Hanguk geundae muhag-*ui* reosia munhak suyong [The Reception and Influence of Russian Literature on Modern Korean Literature]. Seoul, Seoul University Press. P. 114. (in Korean).
8. *Gim Jin-yeong*. (2003). Koreyskaya literatura 1920-h gg. skvoz prizmu spora o Tolstom i Dostoevskom [Korean Literature of the 1920s through the Prism of a Dispute about Tolstoy and Dostoevsky]. *Tolstoy ili Dostoevsky? Filosofsko-esteticheskiye iskaniya v kulturah Vostoka i Zapada. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 3—6 sentyabrya 2001 goda / Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Tolstoy or Dostoevsky? Philosophical and Aesthetic Searches in the Eastern and Western Cultures. Proceedings of the International Conference. September, 3—6, 2001 / Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]*. St. Petersburg, Nauka. Pp. 109—119. (in Russian).
9. *Gim Jin-yeong*. (2010). Kak vcherashnyaya klassika stanovitsya segodnyashnim bestsellerom (L.N. Tolstoy v Koreye) [How yesterday's classics become today's

bestsellers (L.N. Tolstoy in Korea)]. *Proceedings of the I Russian-Korean Scientific and Practical Conference of Literary Translators (Moscow, December, 21–22, 2009)*. Moscow, Vostochnaya Literatura. Pp. 62–69. (in Russian).

10. *Gim Yun-sik*. (2016). Grezy o Neve. Peterburgskiy progulki s Raskolnikovym [Dreams of the Neva. Petersburg walks with Raskolnikov]. Translated by Choe I. *Inostrannaya literatura [Foreign Literature]*. № 11. Pp. 198–223. P. 220. (in Russian).

11. *Gwon Yeong-min et al.* (2016). Hanguk geundae muhag-ui reosia munhak suyong [The Reception and Influence of Russian Literature on Modern Korean Literature]. Seoul, Seoul University Press. P. XI. (in Korean).

12. *Irgebayev A.T., Timonin A.A.* (1988). Koreyskaya Narodno-Demokraticeskaya Respublika: Spravochnik [Democratic People's Republic of Korea: Reference Book]. Moscow, Politizdat. (in Russian).

13. *Kapustin D.N.* (2013). Chekhov i Koreya. Dva esse [Chekhov and Korea. Two essays]. *Neva [Neva]*. № 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/3/k12.html> (accessed: 13.02.2020) (in Russian).

14. Koreyskaya klassicheskaya poeziya [Classical Korean poetry]. (1956). Translated by A. Akhmatova. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (in Russian).

15. *Lee Sang-yun*. (2019). Koreyskaya literatura v Rossii / SSSR / RF (proizvedeniya pisateley Severa i Yuga na russkom yazyke) [Korean Literature in Russia / USSR / RF (Works of North Korean and South Korean Writers in Russian)]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*. № 3. Pp. 70–76. (in Russian).

16. *Nayman A.* (1989). Rasskazy o Anne Akhmatovoy [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. P. 157. (in Russian).

17. *Perventsev A.* Predisloviye [Foreword]. *Lee Gi-yeong. Zemlya [The Land]*. Translated by Cho E., Karasev Yu. Moscow, Inostrannaya Literatura. P. 3–14 (in Russian).

18. *Simbirtseva T.M.* (2003). Rossiya i russkiye — glazami yuzhnokoreyskih pisateley [Russia and Russians through the eyes of South Korean writers] in *Proceedings of the Conference «Korean Language, Literature, Culture. View from St. Petersburg»*. St. Petersburg. P. 63–76. (in Russian).

19. *Simbirtseva T.M.* (2010). Vozvrashcheniye dushistoy vesny [The Return of Fragrant Spring]. *Neva [Neva]*. № 3 Pp. 201–214 (in Russian); *Kapustin D.N.* (2013). Chekhov i Koreya. Dva esse [Chekhov and Korea. Two essays]. *Neva [Neva]*. № 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/3/k12.html> (accessed: 13.02.2020). (in Russian).

20. *Tolstokulakov I.A.* (2002). Oчерк istorii koreyskoy kultury [The Outline of History of Korean Culture]. Vladivostok, Far Eastern State University Press. Pp. 144–145 (in Russian); *Lee Su-jin*. (2018). Bukhane gathin oegukmunhak [Foreign literature imprisoned in North Korea]. Seoul, Seoul University Press. (in Korean).

-
21. Vanin Yu.V. (2016). Pervoye znacomstvo [First acquaintance] in *Vanin Yu.V. Istoriya Korei. Izbrannyye statyi [History of Korea. Selected Articles]*. Moscow, Institute of Oriental Studies. P. 353—362. P. 353—354. (in Russian).
22. Yun Jeong-hun. (2000). Bukhan-ui 'chaeg-ui hyanggi'neun... oeguksoseol — cheopbomuringi [North Korean Books Fragrance... The Popularity of Foreign Spy Novels]. *Donga Ilbo*. 13.06.2000. Available at: <http://www.donga.com/news/article/all/20000613/7546171/1> (accessed: 05.02.2020) (in Korean).
23. Yushina L.Yu., Kulkova R.A. (2014). Iz nablyudeniy nad vospriyatiyem ruuskoy literatury v Respublike Koreya [From observations of the Perception of Russian Literature in the Republic of Korea]. *Russkiy yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*. № 2. Pp. 74—81. P.77. (in Russian).

И.В. Цой

МЕСТО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ*

Настало время подвести некоторые итоги в сфере знакомства русского читателя с художественной литературой Кореи. Автор представляет статистику изданных за это время переводов, рассказывает о деятельности отдельных организаций и о переводчиках, о новых литературных проектах, резюмирует объективные и субъективные факторы, которые замедляют продвижение корейской прозы в России. В связи с таким явлением, как «корейская волна», у современных читателей постепенно повышается интерес к корейской литературе — как традиционной, так и современной. Это означает, что в рамках политики «мягкой силы» по популяризации корейской культуры существуют все перспективы дальнейшего продвижения на книжные рынки и корейской литературы.

Ключевые слова: корейская литература, современная проза, популяризация, восточная литература.

В психологии принято делить жизнь человека на определенные периоды. Наверное, настал тот момент, когда можно подвести некоторые предварительные итоги и в нашем случае, когда речь идет о

* Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (AKS=2016=OLU=2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS=2016=OLU=2250002).

знакомстве российского читателя и отечественных исследователей с современной художественной литературой Республики Корея¹. И назвать этот период можно, говоря языком психологии, ранней взрослостью². Можно сказать, что ранняя взрослость — это время, когда осуществляются первые значимые достижения в жизни, и если говорить об истории изучения корейской литературы за последние 30 лет, то это как раз тот период, который можно сопоставить с периодом жизни тридцатилетнего человека: он уже далеко не тот незрелый подросток, но еще не достиг уровня сознания мудрого старца.

Ранее советские и российские литературоведы в основном занимались изучением классической, традиционной корейской литературы и достигли в этой области значительных результатов³. По сравнению с этим периодом научных трудов и работ по современной прозе и поэзии Южной Кореи пока не так много. Открытие в 1990 г. границ с Республикой Корея предоставило отечественным исследователям огромный пласт нового материала⁴. Так, например, благодаря усилиям российских переводчиков⁵, при поддержке Корейского института переводов литературы (KLTPI) в России началась популяризация южнокорейской современной прозы и поэзии⁶. В Россию с творческими вечерами стали приезжать известные и начинающие корейские писатели и поэты, на полях крупных региональных и международных мероприятий организуются лектории и книжные выставки, проводятся мастер-классы по переводу произведений современной прозы. В последние годы при поддержке Корейского института переводов, ИСАА МГУ и Московского общества переводчиков корейской художественной литературы устраиваются всероссийские конкурсы эссе по прочитанным произведениям⁷.

В последнее время активной просветительской и переводческой деятельностью занимаются представители вузов Санкт-Петербурга⁸, Москвы и Владивостока: выпускники и преподаватели кафедры корееведения СПбГУ Надежда Белова, Анастасия Гурьева, Инна Цой⁹, переводческого факультета МГЛУ Екатерина Похолкова, Татьяна Мозоль, Мария Осетрова, коллеги из ИСАА МГУ — Ирина Касаткина и Чон Инсун, преподаватели ВШЭ — Ли Санюн, Мария Солдатова, Елена Хохлова; преподаватель ДВФУ Ксения Пак, переводчики, которые живут внутри и за пределами России, — Мария

Кузнецова, Анастасия Погадаева, Татьяна Акимова, Александра Гуделева, Камилла Пак, Михаил Пак¹⁰ и др.

В целом за период с 1990-го по настоящее время было издано более 150 книг по корейской литературе (согласно данным Корейского института переводов). Ниже представлена сводная таблица статистики переводов корейской литературы (табл. 1).

Хотелось бы еще отдельно упомянуть самые свежие новинки. Книги вышли из печати за последние два года. Это такие романы, как «Вегетарианка» Хан Ган (в пер. Ли Санюн), «Кит» Чхон Мёнгвана (в пер. Ли Санюн и Ким Хвана), «Семилетняя ночь» Чон Ючжон (в пер. А. Погадаевой и Чон Инсун), «Планировщики»¹¹ Ким Онсу (в пер. Ли Санюн и Ким Хвана). Особой похвалы, на взгляд автора, заслуживают добротные и качественные переводы этих романов, а также удачный выбор самих произведений, в которых многослойный сюжет и коллизии переплетаются с элементами фильма в жанре детектива, где под пластом современности умело и органично проглядывает традиция и корейские корни.

Помимо Корейского института переводов переводческой деятельностью занимаются и такие организации, как Корейский фонд международных обменов (Korea Foundation) или такая структура, как форум гражданских обществ «Диалог Россия—Республика Корея» (ДППК KRD), которая издает книги под своим логотипом KRD.

Так, к примеру, в 2018 г. при поддержке Корейского фонда вышла книга под названием «Дом из прошлого» (пер. Татьяна Акимова), где представлены рассказы, написанные авторами разных поколений¹². Рассказы, вошедшие в данный сборник, изначально были опубликованы на корейском языке в литературных журналах и книгах, изданных в Республике Корея, а переводы на русский язык были опубликованы в журнале «Кореана»¹³.

Если говорить об изданных переводах под логотипом «Диалог Россия—Республика Корея», то, например, это такие книги, как: роман Ли Мунёля «Сын человека» в пер. Михаила Пака и Хо Сынчхоля¹⁴ (2012), роман Хван Согёна «Паридеги» в пер. Андрея Рыжкова и Хо Сынчхоля (2012)¹⁵; вместе с Пушкинским домом (РК) издан «Сборник стихов Сонгана» в 2013 г. (пер. сотрудники Пушкинского дома)¹⁶, в 2017 г. в преддверии установки памятника Пак Кённи вышла книга на двух языках под названием «Пак Кённи, как

Таблица 1. Статистика переводов корейской литературы

Период	Жанры	Количес- венный по- казатель	Авторы	Издательства
1990—2019	Новая и современная проза (сборники и отдельные издания)	61	Ким Тонни, Ём Сансоп, Ким Сынок, Чхве Инхун, Чхве Инхо, Хван Сунвон, О Чонхи, Ким Вониль, Ли Чхончжун, Ли Мунёль, Хван Согён, Ли Хочхоль, Юн Хумён, Пак Кённи, Пак Вансо, Ын Хигён, Син Кёнсук, Ли Сыну, Ли Хёнсу, Чхон Мёнгван, Пак Мингю, Ли Сонбок, Чон Ючжон, Ким Онсу, Кон Чиён, Ким Эран, Ким Ёнсу, Ким Ёнха, Чхон Унён, Ким Чунхёк, Чон Ихён, Хан Ган, Чо Хечжин	Петербургское востоковедение (СПб), РИК «Культура» (М.), Готика (М.), МГУ (М.), Текст (М.), Пушкинский дом (СПб), Время (М.), Гиперион (СПб), Э.РА (М.), Центр полиграф (М.), Святигор (М.), Pushkin House (Сеул), Наталис (М.), Литературная учеба (М.), Новый хронограф (М.), Центр книги Рудомино (М.), АСТ (М.), Художественная литература (М.)
	Традиционная и современная поэзия (сборники и отдельные издания)	28	Чхве Чхивон, Ким Со-воль, Ким Саккат, Чон Чхоль, Ко Ын, Ким Чиха, Ким Намчжо, Сон Чханхо, Мун Чонхи, О Сеён, Чон Хосын и др.	Московский лицей (М.), Дайк-Пресс (М.), БЛИЦ (М.), Святигор (М.), МГТУ им. М.Э Баумана (М.), Первое марта (М.), ИМЛИ РАН (М.), Pushkin House (Сеул), МГУ (М.), Наталис (М.), Художественная литература (М.), Гиперион (СПб), ДЖЕМ (М.), Союз российских писателей (М.), Центр книги Рудомино (М.), АСТ (М.)
	Образцы классической литературы	6	Хо Гюн, Ирён, Ким Сисып и др.	Художественная литература (М.), Петербургское востоковедение (СПб), БОНФИ (М.), Восточная литература (М.), Гиперион (СПб)

Продолжение табл. 1

Период	Жанры	Количес- твенный по- казатель	Авторы	Издательства
1990—2019	Исторические трактаты	4	Самгук Саги, Самгук Юса	Восточная литература (М.), Гиперион (СПб.)
	Исторические записи	2	«Жизнеописания достойных монахов Страны, что к Востоку от моря» Какхуна, «Военный дневник» Ли Сунсина	СПбГУ (СПб.), Восточная литература (М.)
	Фольклор (сказки)	9		Художественная литература (М.), Ориентир (М.), Эгрет (Таллин), ДВФУ (Владивосток), НИГМА (М.), Pushkin House (Сеул)
	Документальная проза	3	Ким Ён Чхоль, Ким Дэ Чжун, Ли Мён Бак	Известия (М.), Республика (М.), Ewhan (Сеул)
	Эссе	4	Чон Сукхи, Ким Хёчжа, Пхи Чхондык, Ли Орён	Наталис (М.), МГУ (М.), Петербургское востоковедение (СПб.)
	Комиксы	14 выпусков «Невеста речного бога»	Юн Мигён	Истари комикс (Москва)
	Детская литература	2	«Тайна Флоры» О Чинвон, «Курочка, которая мечтала летать» Хван Сонми	Гиперион (СПб.), Центр полиграф (М.)
	Специальные выпуски литературных журналов «Нева» и «Иностранная литература»	3 номера (2010, 2010, 2016)	Писатели: Ли Сынюн, Ким Тонин, Пак Вансо, Сон Ён, Ли Мунёль, Чхве Инхо, Син Кёнсук, Ын Хигён, Хван Сунвон, Ку Хёсо, Ким Ёнсу, О Чонжи, Ким Эран, Ан Тохён, Ким Чунхёк, Чхэ Мансик, Ким Хун, Ли Орён.	Нева (СПб), Иностранка (М.)

Окончание табл. 1

Период	Жанры	Количес- венный по- казатель	Авторы	Издательства
1990—2019			Поэты: Чон Хосын, Чхве Тонхо, Ким Чиха, Мун Чонхи, Чо Чонквон, Ко Ын, Со Чончжу и др.	
	Серия «Золотой фонд корейской литературы»	10	Высокая проза XI—XVIII вв., рассказы XV—XIX вв., повести XIX в., поэзия VIII—XIX вв. на корейском языке, на китайском, Ким Манчжун и др.	Гиперион (СПб.)
	Пьесы	1	Чхве Инхун	Культ Информ Пресс (СПб.)

широкое и глубокое море...»¹⁷, куда вошли статьи о жизни и творчестве писательницы, а также фрагменты из ее произведений в переводах российских и корейских коллег.

Как человек, живущий в Санкт-Петербурге, автор с удовольствием хотела бы представить и такой культурный проект, как «Читающий Петербург», который стартовал в 2009 г. на базе Центральной городской публичной библиотеки имени В.В. Маяковского и продолжает успешно развиваться и в настоящее время. Цель данного проекта — привлечь внимание жителей города к творчеству лучших современных зарубежных писателей. В рамках проекта партнеры библиотеки из иностранных культурных центров и генеральных консульств 23 стран представляют российскому читателю писатель-соотечественников и рекомендуют их литературные произведения для выдвижения по одной из следующих номинаций: 1-я номинация — лучший зарубежный писатель, произведения которого не изданы в переводе на русский язык; 2-я номинация — лучший зарубежный писатель, произведения которого изданы в переводе на русский язык. В 2018 г. Республика Корея впервые присоединилась к проекту и настолько удачно, что в этот же год корейский писатель

Ким Чжунхёк и его сборник рассказов «Библиотека музыкальных инструментов»¹⁸ заняли второе место в номинации № 2. В прошлом году на конкурс были рекомендованы такие авторы, как Пак Мингю со сборником рассказов «Коврижка»¹⁹ и Кан Бёнюн с романом «Я — Виктор Цой»²⁰. Условия голосования следующие: в течение текущего года любой читатель может проголосовать за писателей, которых посчитал лучшими в 1-й и 2-й номинациях. На сайте в помощь читающим даются ссылки на адреса сайтов иностранных участников проекта со сведениями об авторах и их произведениях, публикуются фрагменты произведений, а сами книги предоставляются читателям при непосредственном посещении библиотеки. Кроме того, организаторы приглашают всех желающих проявить себя, приняв участие в конкурсах любительских переводов. Подведение итогов голосования завершается награждением писателей, названных лучшими в каждой из номинаций, с вручением дипломов и специальных памятных знаков. Писателей из Кореи представляет Анастасия Гурьева (доцент кафедры корееведения СПбГУ).

Значимый вклад в продвижение корейской литературы в России и в странах СНГ вносят и такие известные интернет-ресурсы, как сайт «Корё сарам» (Владислав Хан, Ташкент) и сайт «РАУК» (Сергей Алкин, Новосибирск, Татьяна Симбирцева, Москва), которые стараются отслеживать информацию по книжным новинкам, размещают анонсы и освещают связанные с презентацией корейской литературы события.

Тем не менее, несмотря на активизацию в последние годы деятельности по продвижению корейской литературы на российский книжный рынок, эта работа сопровождается рядом сложностей объективного и субъективного характера. Первая проблема, о которой следует упомянуть, это выбор произведения для российской читательской аудитории. Зачастую он основан на предпочтениях корейских читателей и степени известности корейского автора внутри и за пределами Кореи. Однако не всегда эти предпочтения могут совпадать с эстетическими вкусами иностранных читателей. Но это объективная причина. Для того чтобы владеть информацией о литературных предпочтениях в России и знать последние тенденции, нужно системно заниматься маркетинговыми исследованиями российского книжного рынка, но это уже другая история и другие финансовые вложения.

С другой стороны, в настоящее время все же не так много профессиональных переводчиков художественной литературы в паре «корейский — русский». Следует подчеркнуть, что проблемы перевода текстов художественных произведений исследуются особой лингвистической наукой — теорией художественного перевода, у истоков которой стоял еще А.М. Горький, основавший издательство «Всемирная литература». Во времена СССР среди характерных особенностей советского искусства перевода можно было выделить следующие: широта и разнообразие переводимого материала; принципиальность и плановость отбора переводимых произведений; общий высокий уровень переводческого мастерства; творческое отношение к переводу и наличие научной основы в организации работы по переводу. Отсюда было и соответствующее качество перевода. Ведь художественный перевод в равной степени факт и языковой, и литературный. Проблема заключается в том, что в большинстве случаев исходный язык и переводящий язык оказываются довольно разными по внутренней структуре. Несовпадения в строе двух языков неизменно вызывают необходимость в грамматических трансформациях. Каждый переводчик художественного произведения по-своему решает основной вопрос языкового перевода: точность или красота. Переводы, слишком близкие к тексту оригинала или, что еще хуже, слишком далекие от него, — являются неудачными. Должна существовать некая золотая середина, создающая своего рода баланс между всеми усилиями и попытками переводчика. Конечно же, вопрос о достоинствах и недостатках в художественном переводе очень сложный. Перевод всегда можно подвергнуть критике, и эта критика будет обоснованной, поскольку (за редкими исключениями) не бывает идеального перевода, переводчик предлагает лишь одно из решений. Ведь образное мышление, языковая грамотность, отсутствие дословного перевода, отличное знание культуры, традиций, религии страны, обладание определенным стилем художественного перевода, мастерство писателя — именно те качества, которыми должен отличаться переводчик художественной литературы. Возможно, что в некоторых случаях все вышеперечисленные факторы присутствуют лишь частично, не в полной мере, что и приводит к отсутствию должного эстетического воздействия на читателя.

В некоторых случаях произведения переводят не с языка оригинала, а с европейских языков (например, такие романы, как «Пожалуйста, позаботься о маме» и «Я буду рядом» Син Кёнсук, перевод с английского языка, или «Птица» О Чонхи, перевод с французского языка). Отсюда страдает качество переводов, что влияет на адекватное восприятие сути корейской литературы и правильного ее понимания. В некоторых случаях переводчик делает подстрочник с оригинала, а далее подстрочник подвергается литературной обработке. С другой стороны, не всегда есть возможность найти хорошего редактора или корректора. Еще одна рекомендация — это возможность издавать книги с хорошими предисловиями, благодаря которым читатель может получить общее представление о литературе определенного периода.

Вот так, на взгляд автора, выглядит на сегодняшний день *ранняя зрелость* художественной литературы Южной Кореи в России. При этом есть очевидные и не столь очевидные вещи. Из очевидных можно выделить следующие моменты: 1) молодые исследователи продолжают традиции отечественных корееведческих школ Владивостока, Москвы, Петербурга и стараются сохранить и приумножить то наследие, которое оставили наши учителя (практически на любых крупных корееведческих конференциях работают секции по корейской литературе); 2) по-прежнему продолжает развиваться несколько направлений — педагогическое, научное и популяризаторское (просветительское и переводческое), больше стало возможностей для очного и заочного знакомства с литераторами и литературой Кореи. Очевидно, что корейский кинематограф более узнаваем и популярен²¹, нежели художественная литература, однако в последнее время интерес к восточной, в частности к корейской, литературе, возрастает. Все же определенные сдвиги есть, может быть, благодаря возрастанию общего интереса к Корее на фоне «корейской волны». К сожалению, пока еще нет четкой концепции книжной полки художественной литературы Кореи в российских крупных сетевых магазинах, но есть перспективы наращивать качественные и количественные показатели. С другой стороны, возможности Интернета позволяют развивать деятельность в формате онлайн. Так, например, среди молодых пользователей Сети интерес в последнее время вызывают блоги, на которых выкладывают корейские web-романы, *манхва* и другие сюжетные

повествования. Почему бы не попробовать помимо бумажных форматов литературно-художественных изданий выкладывать в Интернет и электронные форматы книг?

Все мы трудимся не только ради того, чтобы делиться собственными знаниями и открытиями в своей профессиональной среде, но и ради того, чтобы как можно больше неспециалистов узнавало и читало корейскую литературу. Ведь и нам должно быть интересно, что говорят и думают о корейских книгах простые читатели²². Для таких целей можно использовать Интернет²³.

Примечания

¹ Когда речь идет о книгах, изданных в России за последние 30 лет, надо учитывать, что корейские авторы, которых перевели или переводят, это представители разных поколений писателей, — и тех, кто родился еще до разделения страны, и тех, кто родился уже в Республике Корея.

² Об этом периоде подробно пишут такие авторы, как Грейс Крайг в книге «Психология развития». См. также книгу «Психология человека от рождения до смерти» под ред. А.А. Реана. СПб., 2006.

³ *Концевич Л.Р.* Библиография работ по Корее на русском языке, изданная в России и странах СНГ с 1991 г. по настоящее время / Российская ассоциация университетского корееведения. URL: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=125%3A2011-04-02+19%3A33%3A16&Itemid=140&lang=ru. (дата обращения: 02.02.2020).

⁴ *Ли Сан Юн.* Критический обзор переводов корейской литературы в России в 1990—2010 гг. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 15. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 146—159; *Ли Сан Юн.* Новые тенденции в современной корейской литературе (1990—2010 гг.) / Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 297—304.

⁵ Речь идет и о тех российских переводчиках, которые в настоящее время проживают в Республике Корея и в других странах.

⁶ Наряду с книжными новинками стоит упомянуть и о переизданиях классической корейской литературы. Так, например, поступил и Издательский дом «Гиперион» (Санкт-Петербург), который при поддержке корееведов Санкт-Петербурга — профессоров А.Ф. Троцевич и С.О. Курбанова — инициировал проект из 10 книг под названием «Золотой фонд корейской литературы», куда вошли как произведения, которые были изданы в советский период, так и новые переводы корейской классики (прозы и поэзии).

⁷ Как правило, на конкурс эссе даются не сами оригиналы, а переводы книг на русский язык, чтобы увеличить число участников и вовлечь в широкое обсуждение не только тех, кто владеет корейским языком и изучает корейскую литературу, но и тех, кто интересуется восточной литературой в целом и следит за книжными новинками. За это время прошло уже 12 таких конкурсов (последний конкурс в 2019 г. был проведен по роману писательницы Чон Ихён «Милый мой город»).

⁸ Предыдущее поколение корееведов Санкт-Петербургского университета Геннадий Евгеньевич Рачков и Виктор Данилович Аткин, выпускники корееведческих отделений СПбГУ Владимир Тихонов, Сергей Сухачев, Нина Заславская участвовали в переводах современной корейской прозы при составлении ранних сборников, таких как «Золотая птица Гаруда» или «Сезон дождей». Книги были опубликованы соответственно в 1994 и 1995 г.

⁹ Цой И.В. Эволюция тем художественной литературы Республики Корея (1948—2018) / КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 317—328; Цой И.В. Тенденции развития новой прозы в XX веке / Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 349—357.

¹⁰ Летом 2018 г. в Парке современной скульптуры СПбГУ при участии министров культуры двух стран, представителей общественности России и Республики Корея, дипломатов и высоких гостей прошла церемония установки памятника Пак Кённи (1926—2008), автора знаменитого исторического романа «Земля», вышедшего в двадцати томах и переведенного на европейские языки. В России первый и второй тома романа были переведены Михаилом Паком — писателем и художником, который не только перевел, но и сделал иллюстрации к переводным изданиям. В то же время преподаватели СПбГУ и МГЛУ перевели цикл стихотворений Пак Кённи и выступают с гостевыми лекциями по корейской литературе.

¹¹ Роман «Планировщики» в 2010 г. был переведен на английский язык и вышел под названием «The Plotters».

¹² Дом из прошлого. Рассказы современных корейских авторов / пер. с кор. Т. Акимовой. Сеул: Корейский фонд международных обменов, 2018; Корейский стандарт. Рассказы современных корейских авторов / пер. с кор. Т. Акимовой. Сеул: Корейский фонд международных обменов, 2019.

¹³ В каждом выпуске журнала печатается рассказ современного автора, рекомендованный известными корейскими литературными критиками.

¹⁴ Хо Сынчоль — профессор университета Корё, ответственный секретарь со стороны корейского Координационного комитета форума «Диалог Россия—Республика Корея»; инициатор установки памятника А.С. Пушкину в Сеуле и памятника Пак Кённи в Санкт-Петербурге.

¹⁵ Ханно тэхва чхонсо (росиаобон) 1, 2 [Книжная серия Диалога Россия—Республика Корея (издания на русском языке) 1,2] // Korea-Russia Dialogue. URL: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=32 (дата обращения: 16.04.2020).

¹⁶ Ханно тэхва чхонсо (росиаобон) 3, 4 [Книжная серия Диалога Россия—Республика Корея (издания на русском языке) 3,4] // Korea-Russia Dialogue. URL: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=33 (дата обращения: 16.04.2020).

¹⁷ Ханно тэхва чхонсо (росиаобон) 7, 8 [Книжная серия Диалога Россия—Республика Корея (издания на русском языке) 7, 8] // Korea-Russia Dialogue. URL: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=36 (дата обращения: 16.04.2020).

¹⁸ *Ким Чжун Хёк*. Библиотека музыкальных инструментов / пер. с кор. Т. Тянь. СПб.: Гиперион, 2017.

¹⁹ *Пак Мингю*. Коврижка / пер. с кор. Е. Выскребенцева. СПб.: Гиперион, 2019.

²⁰ *Кан Бён Юн*. Я — Виктор Цой. Перевод с корейского Надежды Беловой. СПб.: Гиперион, 2018.

²¹ См. рецензии кинокритика Антона Долина в журнале «Искусство кино». URL: <https://kinoart.ru/tags/korean-cinema>

²² Вот несколько примеров открытых обсуждений в пространстве Интернета: URL: <https://polusharie.com/index.php?topic=1154.0> (дата обращения: 13.02.2020); <https://www.diary.ru/~bookstore/p177832146.htm> (дата обращения: 13.02.2020); <https://www.labirint.ru/reviews/goods/622868/> (дата обращения: 13.02.2020); <https://haveaniceread.com/2018/04/10/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8/> (дата обращения: 13.02.2020); https://aminoapps.com/c/k-pop-rus/page/item/sovremennye-koreiskie-knigi/dB4g_1khaIEJvYgaoZaPG2paoNqLeq1G2r (дата обращения: 13.02.2020).

²³ Например, в 2018 г. на сайте СПбГУ и Президентской библиотеки были размещены видео-лекции о жизни и творчестве Пак Кённи. Проект был приурочен к церемонии установки памятника Пак Кённи в Санкт-Петербурге. Лекции прочитали преподаватели кафедры корееведения Анастасия Гурьева и Инна Цой.

References

1. Dom iz proshlogo. Rasskazy sovremennykh koreyskikh avtorov [That Boy's House. Korean Contemporary Short Stories] / Rus. tr. T. Akimova. Seoul, The Korean Foundation. 2018 (in Russian); Koreyskiy standart. Rasskazy sovremennykh koreyskikh pisateley [Korean standarts. Korean Contemporary Short Stories] / Rus. tr. T. Akimova. Seoul, The Korean Foundation. 2019 (in Russian)

2. Hanno taehwa chonseo (rosiaeobon) 1, 2 [Korea-Russia Dialogue Book Series (in Russian) 1, 2]. Korea-Russia Dialogue. Available at: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=32 (accessed: 16.04.2020).
3. Hanno taehwa chonseo (rosiaeobon) 3, 4 [Korea-Russia Dialogue Book Series (in Russian) 3, 4]. Korea-Russia Dialogue. Available at: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=33 (accessed: 16.04.2020).
4. Hanno taehwa chonseo (rosiaeobon) 7, 8 [Korea-Russia Dialogue Book Series (in Russian) 7, 8]. Korea-Russia Dialogue. Available at: http://ekrd.or.kr/bbs/board.php?bo_table=pds&wr_id=36 (accessed: 16.04.2020).
5. *Kang Byoung-yoong*. (2018). Ya — Viktor Tsoi [Aluminum Cucumber] / Rus. tr. N. Belova. St. Petersburg: Giperion (in Russian).
6. *Kim Jung-hyuk*. (2017). Biblioteka muzykal'nykh instrumentov [The Library of Musical Instruments] / Rus. tr. T. Tyan. St. Petersburg: Giperion (in Russian).
7. *Kontsevich L. R.* Bibliografiya rabot po Koreye na russkom yazyke, izdannaya v Rossii i stranakh SNG s 1991 g. po nastoyashcheye vremya [Bibliography of Works on Korea in Russian, published in Russia and CIS countries from 1991 to the present] (in Russian) // Russian University Korean Studies Association. Available at: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=125%3A2011-04-02+19%3A33%3A16&Itemid=140&lang=ru (accessed: 02.02.2020).
8. *Lee San Yoon*. (2013). Kriticheskiy obzor perevodov koreyskoy literatury v Rossii v 1990—2010 gg. [Critical Review of Translations of Korean Literature in Russia in 1990—2010]. Proceedings of the Center for Korean language and culture. Issue 15. Saint Petersburg, SPBU. Vol. 15. P. 146—159 (in Russian); *Lee San Yoon*. (2013). Novyye tendentsii v sovremennoy koreyskoy literature (1990—2010 gg.) [New Trends in Modern Korean Literature (1990—2010)]. Korea: the lessons of history and the challenges of modernity. Moscow, RAS IFES Press. Pp. 297—304 (in Russian).
9. *Pak Mingyu*. (2019). Kovryzhka [Castella] / Rus. tr. E. Vyskrebentsev. St. Petersburg: Giperion (in Russian).
10. *Tsoy I.V.* (2018). Evolyutsiya tem khudozhestvennoy literatury Respubliki Koreya (1948—2018) [Evolution of Main Themes in South Korean Fiction]. The DPRK and the ROK: the 70th anniversary of foundation. Moscow, RAS IFES Press, 2018. Pp. 317—328 (in Russian). *Tsoy I.V.* (2017). Tendentsii razvitiya novoy prozy v XX veke [Development Trends of Modern Korean Prose in the 20th Century]. Korea before new challenges. Moscow, RAS IFES Press, 2017. P. 349—357 (in Russian).

Е.А. Похолкова

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ В ПЕРЕВОДАХ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена обзору переводческих комментариев, которые являются частью переводческого процесса, однако редко подвергаются критическому непредвзятому анализу. Примечание переводчика является одним из способов экспликации неявного и неочевидного для читателя иной лингвокультуры. Материалом исследования послужили переводы современной художественной литературы 2000—2020 гг. с корейского языка на русский. В результате сплошной выборки были типизированы и описаны наименее оправданные сноски, не соответствующие прагматике и общей коммуникативной задаче текста. Сноски требуют создания особого переводческого метадискурса, для которого необходимо понимание не только картины мира, психологии, авторского стиля и задумки писателя, но и национальных особенностей принимающей языковой культуры и менталитета.

Ключевые слова: художественный перевод, корейская литература, переводческая сноска, переводческий метадискурс, реалия, комментарий.

Переводческий комментарий — это особый элемент переводного текста: с одной стороны, связан с текстом оригинала, а с другой — прагматически ориентирован вовне и обращен к иноязычному чита-

телю. Принцип использования переводческих сносок или периферийных микротекстов был сформулирован в XVII в. Особенность этого текста в том, что переводческая сноска имеет иного автора и иного читателя, она создается в контексте взгляда на произведение из иной культуры, а иногда — иной эпохи.

Комментирование текста перевода в виде сносок приводит к дилемме и поиску баланса между пониманием текста перевода в его поэтической функции и восприятием произведения как единого целого в полном многообразии социокультурных, исторических, географических, этнографических смыслов и кодов.

В теории перевода XX в. интерпретация реалий является одной из популярных тем (Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Н. Галь, С. Влахов, С. Флорин, Н.К. Гарбовский, И.С. Алексеева)¹. Большинство исследований сводятся к двум основным аспектам, несмотря на разнообразие и объем материала. С одной стороны, комментарии в сноске рассматриваются, как способ интерпретации реалии в силу ее ограниченной переводимости, и сопоставляются с другими: перифразом, генерализацией, подбором функционального аналога и т. д. В этом случае сноска рассматривается как толкование или пояснение, способствующее реализации когнитивной функции. С другой стороны, полагается, что сноска принадлежит не автору и тем самым противоречит основной функции художественного текста — поэтической. Зачастую в пособиях по теории и практике перевода сноска сама по себе квалифицируется как «крайняя» переводческая мера, которая возможна только в том случае, когда все средства внутритекстовой интерпретации переводимой номинации исчерпаны.

Выделяют различные типы переводческих комментариев, которые в разных контекстах называются пояснениями, примечаниями, сносками. Нередко одно трактуется, как родовое понятие по отношению к другому. Наиболее широким по значению является термин «переводческие пояснения», а к его разновидностям относятся постраничные сноски, затекстовые примечания и комментарии.

С одной стороны, переводческий комментарий определяется как разновидность компенсаторной переводческой трансформации (например, в соответствии с классификацией А.Д. Швейцера²), вид переводческого приема. С другой стороны, переводческие пояснения, предисловия, послесловия, сноски и комментарии, которые

формируются вокруг авторской коммуникации, воспринимаются как особый тип текста, дискурса и коммуникации: метатекст, метадискурс, метакоммуникация³.

Субъектом комментария является не автор, а переводчик, разъясняющий специфические номинации и реалии, без которых художественный текст не будет воспринят полноценно. Наличие переводческого комментария всегда должно быть нацелено на то, чтобы снизить вероятность возникновения диссонанса в восприятии текста иноязычным читателем. Таким образом, функция сносок в тексте оказывается комплексной: они не только сообщают дополнительную информацию, но и представляют собой сложную призму, сквозь которую преломляется художественное повествование.

Корейскую и русскую социо- и лингвокультуру можно отнести к так называемой высококонтекстной культуре⁴ в соответствии с теориями, предложенными Э. Холлом, Э. Хиршем и Г. Хофстеде. Это означает, что среднестатистический русскоговорящий читатель имеет ограниченные знания о стране, поэтому принципиально важным для переводчика становится понять, что именно для этого читателя в иноязычном произведении относится к общекультурному и общечеловеческому пласту, что является культурно обусловленным чужеродным элементом, а что авторским и какие элементы художественного текста в переводе потребует комментирования.

Антрополог и специалист по кросскультурным исследованиям Э. Холл пришел к выводу, что системы коммуникаций управляются невысказанными, скрытыми правилами, необходимыми для адекватного понимания текста, а трудности в осуществлении межкультурной коммуникации возникают не из-за языкового кода или набора символов, а контекста, содержащего несколько значений. Контекст и степень информированности являются параметрами, по которым можно сравнить культурные социумы и определить характер и результаты процесса коммуникации. Таким образом, разные культуры отличаются степенью контекстуальной зависимости, использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждое передаваемое сообщение. Сложность культуры определяется объемом контекстуальной информации, необходимой для оценки социальной ситуации⁵. Таким образом, переводчик, осознавая, что имеет дело с двумя высококонтекстными культурами (реализован-

ными в корейском и русском языке), сталкивается с проблемой прагматической адаптации текста в процессе межкультурной коммуникации.

Прагматическая теория рассматривает текст как целенаправленное социальное действие адресанта, формулирующего свое коммуникативное намерение исходя из ситуации общения, общей стратегии речевого поведения и тактик взаимодействия с адресатом. В случае соблюдения переводчиком названных условий, достигается коммуникативный успех. Причинами коммуникативных неудач являются различия эмоциональных культур коммуникантов, неверное понимание речевой интенции автора, несовпадения оценок действительности и культурного кода.

Использование переводческого комментария является средством снятия перечисленных трудностей и предупреждения коммуникативных неудач в целях достижения адекватного восприятия текста и его смысла. Главная задача адекватного перевода состоит в сохранении характера воздействия на читателя (прагматических отношений). Переводческий комментарий позволяет создать смычку между двумя языковыми культурами и сам по себе является средством межкультурной языковой адаптации.

В соответствии с классификацией Т.А. Казаковой⁶ с точки зрения выполняемой функции и формы переводческие пояснения могут быть: 1) словарные; 2) сопоставительные; 3) дополняющие; 4) пояснительные; 5) нулевые. Особого внимания заслуживают нулевые сноски, когда а) в комментарии есть необходимость, но переводчик его не предоставляет; б) комментарий есть, однако содержание реалии остается нераскрытым, что осложняет восприятие текста в целом и снижает адекватность и точность перевода.

Ниже мы представляем примеры нецелесообразных переводческих сносок, выявленных нами путем сплошной выборки сносок из более чем сорока опубликованных в 2000—2020 гг. на русском языке южнокорейских произведений художественной литературы, которые были классифицированы по нескольким группам. Эта категория не претендует на полноту и не носит всеобъемлющий характер, ее целью является совершенствование процесса межкультурной коммуникации и взаимодействия двух изучаемых лингвокультур.

1. Нецелесообразное введение транскрибированных реалий

Введение корейских реалий в русскоязычный текст в транскрибированном виде с постраничной сноской словарного типа не представляется адекватным и целесообразным приемом ввиду нескольких причин:

1.1. Потенциал внутритекстовой интерпретации не реализован в полной мере. Переводчик может не прибегать к комментированию, добавив в тело текста классифицирующее или объясняющее понятие, генерализацию, перифраз, использовав функциональный аналог (это относится к часто встречающимся в переводах южнокорейской литературы реалиям).

Пример 1: «Женщины из дома, где торгуют макколи, тоже говорят, что лето будет неважная торговля»⁷. Сноска: Макколи — название неочищенного рисового вина, издавна пользующегося популярностью в Корее. Оно имеет молочный цвет, и его обычно пьют охлажденным. (Достаточным был бы перевод «рисовая бражка макколи».)

Пример 2: «Недалеко от дома его взгляд падает на ёгван... В переулке светилось несколько вывесок ёинсуков»⁸. Сноска: Ёгван — вид дешёвой гостиницы. Ёинсук — вид самого дешевого мотеля в Корее. (Достаточным был бы перевод «дешевый мотель, дешевая гостиница», можно ввести в текст вместе с реалией, но без сноски.)

Пример 3: «Мне пришла в голову мысль, что хорошо бы снимать на нее свадебные церемонии или дольжанчи, но потом я оставил эту идею»⁹. Сноска: Дольжанчи — празднование дня рождения ребенка. (Достаточным был бы перевод «дни рождения» или «застолья в честь первого дня рождения ребенка».)

1.2. Полностью отсутствует необходимость вводить термин в транскрипции, так как введение реалии не способствует глубинному пониманию ни задумки автора, ни корейской культуры.

Пример 1: «Опаловая заколка бинё покатила по полу, попала под ногу Боннёна и разлетелась на части»¹⁰. Сноска: Бинё — головной аксессуар в виде палочки, был не только украшением, но и отличительным знаком определенного сословия. (Достаточным был бы перевод «шпилька для волос».)

Пример 2: «Таблетки для похудения. Одна штука стоит всего пять юаней, но говорят, в заведении типа цимдильбана за нее можно

выручить пять тысяч вон»¹¹. Сноска: Цимдильбан — название корейской бани, ставшей одним из элементов корейской культуры. (Достаточным был бы перевод «в банях».)

Пример 3: «Покупайте прохладный кисель из гречневой муки или слаще меда хлеб из чхапсари. Есть горячая пхатчжуг»¹². Сноска: Чхапсари (чхальбсари) — название корейского клейкого риса. Из сваренного чхапсари делают корейский хлеб чхальтог, без которого не обходится ни один большой праздник. Пхатчжуг — жидкая каша с фасолью. (Достаточным был бы перевод «сладости из клейкого риса» и «фасолевая каша».)

Пример 4: «И сегодня, когда я поднялся в одиночестве на гору, / Белые цветы сочувственно улыбались мне. / Пхульпхири, как в детстве, не свистела, / И пересохшие губы невыносимо горчили»¹³. Сноска: Пхульпхири — свистулька, сделанная из травинки. Если одну травинку сложить с другой и подуть в щель между ними, то раздается свист. (Достаточным был бы перевод «свистулька из осоки» или «травинка».)

Пример 5: «В тот период хорошо ели, жили и беспорядочно тратили деньги представители зажиточного класса, те, у кого был пэг»¹⁴. Сноска: Пэг — синоним выражения «волосатая рука», т. е. человек, имеющий большие связи во властных коридорах. (Достаточным был бы перевод «связи; блат».)

Пример 6: «Сонсэн, пожалуйста, не дразните меня»¹⁵. Сноска: Сонсэн — обращение к старшему постороннему человеку. «Мне все равно, что пить. Сачжаним, закажите вы»¹⁶. Сноска: Обращение к директору фирмы.

(Нет необходимости вводить в русскоязычный текст корейскую традицию обращений с разъяснениями, наиболее целесообразным было бы их опускать.)

Пример 7: «Дух, Дух, Главный Дух горы, покрытой зелеными ивами, мы положим тебя в нокбан, а тело положим в гроб, после этого посмотрим вверх и увидим множество глубоких долин и множество вершин, а вниз посмотрим — увидим белый песок»¹⁷. Сноска: Нокбан — сосуд, в котором хранится дух умершего. (Достаточным был бы генерализированный перевод без введения реалии и сноски «сосуд».)

2. Избыточность переводческого комментария

2.1. Сноска нецелесообразна, так как комментирует общечеловеческие ценности, не являющиеся культурно обусловленными, следовательно, понятные иноязычному читателю, относящиеся к сфере общего развития и кругозора, который пополняется не за счет вводимых переводчиком сносок.

Пример 1: «Их музыку трудно было отнести к какому-либо направлению, но все люди чувствовали ее душой. Она была сильнее, чем рок, свободней, чем джаз, обладала большим достоинством, чем классика, была ритмичнее, чем фанк». Сноска: Фанк — одно из основополагающих течений афроамериканской музыки. «Во время нашего выступления из-за неосторожного обращения М. с огнем сработал прикрепленный к потолку спринклер»¹⁸. Сноска: Противопожарный разбрызгиватель воды.

Пример 2: «Твой обожаемый учитель Боб Дилан тоже ведь сначала подражал Вуди Гатри». Сноска: Вуди Гатри (1912—1967) — американский поэт, музыкант, певец, представитель направлений кантри и фолк. «Брюс Науман, фиксируя фотографией язык тела, выразил свою концепцию искусства»¹⁹. Сноска: Современный американский художник и скульптор-концептуалист.

Пример 3: «Каждую неделю, по средам, одна ученица средней школы приходила брать уроки скрипки, но однажды, подойдя к кассе, она спросила: — Дядя, а у вас нет ситара?»²⁰ Сноска: В Корее учатся 12 лет. Все школы делятся на начальную (1—6 классы), среднюю (1—3 классы) и высшую школы (1—3 классы). Каждая из школ является административно и территориально самостоятельной единицей, подчиняющейся Министерству образования Кореи.

Пример 4: «Небо над Берлином, как же»²¹. Сноска: «Небо над Берлином» (1987) (нем. «Der Himmel uber Berlin», английское название — «Wings of Desire» [«Крылья желания»]) — один из самых известных фильмов немецкого кинорежиссёра Вима Вендерса.

Пример 5: «Повсюду развевались объявления о лекциях по TOEIC и TOEFL и плакат с призывами протестовать против повышения платы за обучение»²². Сноска: TOEIC, TOEFL — международные экзамены на знание английского языка.

2.2. Сноски, комментирующие авторские метафоры и поэтическую образность, которая в силу интеллекта и эмпатии читателя доступна для понимания.

Пример 1: «Юная госпожа, нежная подруга, тайно приютившись, / На твоей груди дремлет белых зайцев пара. / В старом пруду белые рыбы — плавающие пальцы, пальцы. / Одиноко и легко дрожат серебряные нити, серебряные нити»²³. Сноска: В грустном размышлении о прошедшей любви плавающие в пруду белые рыбы кажутся пальцами.

Пример 2: «Лицо / Ладонями / Полностью прикрываю, / Но желание видеть / Озеру равно. / Остается лишь закрыть глаза»²⁴. Сноска: Через образ озера поэт описывает любовь и тоску, показывая, насколько они глубокие и огромные.

2.3. Сноски, комментирующие элементы корейской культуры, которые из контекста становятся очевидны читателю, а следовательно, нулевые по своей функции.

Пример 1: «Сезон дождей лета 1954 г. был продолжительным и утомительным»²⁵. Сноска: Сезон дождей, который приходится обычно на июль месяц, в Корее называется «чанма».

Пример 2: «Запрет показываться в том месте, где работала мать, был для нас таким же безусловным, а нарушение его таким же святотатственным, как для самой матери нарушение запрета показываться босоножой в доме мужа»²⁶. Сноска: Показываться с босыми ногами пред родственниками мужа корейская невестка не имела права. Это правило приличия сохранялось в Корее до недавнего времени.

Пример 3: «Брат зловредно ответил: “А чего мне бояться. Пока тигрёнок с горы спустится и до деревни дойдёт, полночи пройдёт”»²⁷. Сноска: В корейском фольклоре тигр часто играет роль «буки» или «серенького волчка», которым пугают детей.

Пример 4: «Чего это ты на меня уставился, будто съесть хочешь? Чего это вытарачился?»²⁸ Сноска: Смотреть в глаза в Корее считается неуважением к собеседнику.

Пример 5: «Вдруг из дома Боннёна раздался отчетливый звук отбивания белья»²⁹. Сноска: Отбивание белья — после стирки белье отбивалось плоскими деревянными палками.

Пример 6: «Какой там капитан, весь корабль величает его “кхым-кхым”, “кхым-кхым” он и есть. Лучше бы не о других беспо-

коился, а гайморит свой вылечил»³⁰. Сноска: Имеется в виду звук, издаваемый при гайморите или когда нос заложен при простуде.

3. Переводческие комментарии, искажающие задумку автора, ошибочные по сути или по форме

3.1. Нулевые комментарии, не раскрывающие суть авторской задумки и коммуникативной цели высказывания.

Пример 1: «В самом деле, почему так сильно идет дождь! Двор стал, как Тэдонган»³¹. Сноска: Тэдонган — река на севере Корейского полуострова, в КНДР. Длина — 439 км, площадь бассейна — около 20,1 тыс. кв. км. Берет начало в Северокорейских горах и впадает в Западно-Корейский залив Желтого моря. Протекает через города Сунчхон, Пхеньян. (Цель коммуникации — не дать энциклопедическое представление о географических свойствах, а привлечь внимание к тому, что автор с юмором отмечает, насколько сильным был дождь).

Пример 2: «Наволочка, которую, казалось, не стирали со времён Корейской войны»³². Сноска: Корейская война — вооружённый конфликт между Северной и Южной Кореей, длившийся с 25 июня 1950 по 27 июля 1953 г. Война закончилась перемирием, официального окончания войны объявлено не было. (Нарушение коммуникативной задачи: автор с юмором сообщает о том, что белье давно не стирали, контекст предполагает наличие у читателя общей эрудиции о том, что Корейская война была более полувека назад).

Пример 3: «Я понимаю, взрослым еще простительно, что они до сих пор говорят “якимо” или “бенто”»³³. Сноска: Якимо — японское название жаренного батата. Бенто — японское название доширака, коробки с едой. (Нарушение функции сноски заключается не в том, чтобы сообщить, из каких ингредиентов делали некие блюда, а то, что старшее поколение должно было произносить многие слова на японский манер даже после освобождения Корейского полуострова после японского колониализма).

Пример 4: «Но на этот раз, немного осмелев, я достал тарелку кимчи из шкафа»³⁴. Сноска: Кимчи (кимчи, ким-чи, гимчи, в диалектах российских корейцев — чимчи) — остро приправленные квашенные овощи, капуста. Оно является основным блюдом, без которого не обходится ни одна трапеза. Обычно его приправляют крас-

ным перцем, луком, чесноком, имбирем и т. д. Считается, что умеренное потребление кимчхи способствует рассасыванию жировых отложений, а острое кимчхи — хорошее противопростудное средство, а также эффективное средство против похмелья. (Сноска нерелевантна ввиду того, что художественное произведение не является энциклопедическим справочником о традициях корейского народа, поэтому сноски и комментарии в нем должны соответствовать его прагматической задаче).

3.2. Нулевые сноски, не дающие представления о форме и сути объекта либо дающие ложные представления об описываемом объекте.

Пример 1: «Я никогда не видел китайский падуб. / Даже если увижу китайский падуб, / Я не узнаю его. / Но полмесяца назад / Привел больную мать, / Уложил ее в детской комнате. / Заглядываю в комнату, и кажется, / Будто это китайский падуб, / укрытый снегом. / Лежит. Видны ее кости»³⁵. Сноска: Субтропическое вечнозеленое растение.

(Хоран-каси-наму имеет словарное значение «китайский падуб», однако наиболее релевантным был бы перевод «остролист», так как сразу рисует образ исхудавшей матери поэта, которая лежит при смерти. Кроме того, ошибочную смысловую доминанту приобретает слово «китайский». Одной из деликатных переводческих проблем является перевод названий растений и животных, ареал распространения которых находится в Северо-Восточной Азии. Во многие русскоязычные справочники они вошли с прилагательным «китайский» или «японский», однако в художественном тексте эти реалии должны заменяться на соответствующие коммуникативной задумке автору аналогии.)

Пример 2: «Все спешат куда-то, / Кто в горы, кто к морю, / Встречать зеленый май. / Я вышел на поле около дома — / В тени листьев крошечный цветок салата—васаби»³⁶. Сноска: Васаби — разновидность японской капусты, хрен. (Похожий пример в переводе стихотворения Хан Ён Уна. Цветок васаби по-корейски «кочху-нэни», в корейском стихотворении семантика «японского» абсолютно не активирована, важным элементом смысла является лишь деревенское умиротворение и спокойствие, заключенное в этом скромном цветке.)

Одним из подвидов в данной категории можно считать комментарии, в которых переводчик, являясь по происхождению этническим корейцем, стремится рассказать читателю не только о южно-корейских традициях, но и о традициях корейских переселенцев, проживающих в странах СНГ. Реалии представляются не в стандартизованном транскрибировании, а в фонетической адаптации: дыби, дубу, мяунтхан, гудуру, ёси, норянбан, чабсари и пр.

Группа примеров 4: 1) «Подрабатывая по ночам в норябане, я иногда прислушивался к тому, как люди поют»³⁷. Сноска: Специально оборудованная комната для пения, где все песни идут с титрами. В странах СНГ известна как караоке; 2) «Выпив свою порцию одним глотком, она, не дожидаясь, пока сварится бульон, вытащила из латунного котелка недоваренный тофу и отправила его себе в рот». Сноска: Тофу — блюдо из соевого гороха. Корейцы стран СНГ называют его «дыби» или «дубу»; 3) «Приходи в соседнюю комнату, я заказал суп мяунтхан и кое-что из закусок». Сноска: Мяунтхан — суп, в состав которого входят мясо, рыба, овощи, соевое дубу, приправленный специями и острым красным перцем; 4) «Лежа на теплом гудури, я чувствовала, как в комнату проникают аппетитные запахи только сваренного риса; вместе с ними до меня донесся голос мамы»³⁸. Сноска: Гудури — название отапливаемого пола чосончжогами. В Корее отапливаемый пол называют «ондол», корейцы СНГ — «гудури».

3.3. Нерелевантные сноски, содержащие фактологические, смысловые и переводческие ошибки.

Пример 1: «Сумимасен дэсу, а сколько стоят только кости?»³⁹
Сноска: Сумимасен дэсу (*кор.*) — Прошу вас меня простить. (Переводческая ошибка связана с незнанием корейского языка, так как перевод осуществлялся с английского языка, однако в данном произведении переход героев с корейского на японский язык является важным смыслообразующим элементом построения текста и приводит к непониманию читателем авторской задумки.)

Пример 2: «Я пыталась представить что-нибудь хорошее, что родило бы у меня ощущение счастья: сладкий сон солнечным днем, холм, над которым ветер носит лепестки цветов сагвабэ, фейерверк в честь праздника кукгёнчжоль, каменную комнату внутри гробницы, где властвовала таинственная красная энергия и — его

голос, неразрывно связанный с ней»⁴⁰. Сноска: Кукгёнчжоль — национальный китайский праздник в честь Синьхайской революции в 1911—1912 гг. (Текст не требует введения реалии в транскрипции, гораздо более серьезной становится смысловая ошибка, которая касается выверки фактологической информации. Имеется в виду День образования КНР, а не вышеуказанный праздник.)

Пример 3: «Выпьешь немного? Китайцы ведь пьют крепкую водку? Вы и соджу водкой не считаете, — директор улыбнулся. — Воншня, первую рюмку пьют до дна, ты же знаешь, что значит воншня?»⁴¹. Сноска: Воншня в переводе с китайского означает «за ваше здоровье» или «выпить до дна». (Вышеуказанная реалия не является китайским словом, а является заимствованием из английского языка «one shot» и означает «залпом». Ввиду того, что в корейском оригинальном тексте написано было по-корейски и его этимология переводчику была непонятна, комментарий привел к смысловому искажению.)

Пример 4: «На нем стояли плошка с миёкгуком и несколько свежих овощных салатов»⁴². Сноска: Миёкгук — суп из морских водорослей. (В данном комментарии важным элементом восприятия и понимания текста является не способ приготовления блюда и его ингредиенты, а то, что корейцы его неизменно готовят в день рождения.)

Пример 5: «А когда наступит этот день, я, сложив у груди ладони, молча и тожественно поклонюсь на юг, брошу под ноги цветок азалии и растопчу его своими тонкими острыми каблуками»⁴³. Сноска: Из стихотворения Ким Соволь «Цветы азалии»*. (Фраза, которую говорит главная героиня, не является строкой из стихотворения Ким Соволя; это аллюзия на его стихотворение с элементами сарказма главной героини.)

Подводя итоги данного исследования, следует отметить, что полноценный и адекватный контакт двух лингвокультур зависит в полной мере от переводчика, так как за словами стоит невыражен-

* Когда ты, устав от меня / Уйдешь, / Молча тебя отпущу. / В горах Яксан, что в уезде Ёнбён, / Охпкун азалий / Нарву — разбросать на твоём пути. / Устиляющие путь / Цветы / Слегка, уходя, притопчешь. / Когда ты, устав от меня, / Уйдешь, / Как бы ни было больно, / не расплачусь вослед. («Азалия», перевод М.В. Солдатовой // «Нева» № 3, 2010).

ный имплицитный контекст. Переводческое примечание является одним из важных эксплицирующих способов, помогающих восполнить в переводе ускользающую от иноязычного читателя часть подразумеваемой информации. Одной из важных задач переводчика при переводе высококонтекстных текстов является поиск баланса между двумя составляющими: до какой степени раскрывать культурное содержание, сохраняя конвенции исходного языка и культуры, или нивелировать различия между двумя языковыми культурами.

Примечания

¹ *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004; *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Изд-во Союз, 2009; *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004; *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.

² *Швейцер А.Д.* Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988.

³ *Кашкин В.Б., Остапенко Д.И.* О метакоммуникации переводчика // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 2(027). С. 73—76.

⁴ *Hall E.T.* Beyond Culture. Anchor Books, 1989; *Hirsch E.D.* A first dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin, 1989; *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Sage Publications, 1984.

⁵ *Hall E.T.* Beyond Culture. Anchor Books, 1989.

⁶ *Казакова Т.А.* Теория перевода (лингвистические аспекты). СПб.: Союз, 2001.

⁷ *Ким Вон Иль.* Дом с глубоким двором / пер. с кор. А.Х. Ина, Г.Н. Ли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 49.

⁸ *Ким Эран.* Женшеневый вкус одиночества / пер. с кор. А. Гуделёвой, Сын Чжуён. М.: Наталис, 2014. С. 86.

⁹ *Ким Чжун Хёк.* Библиотека музыкальных инструментов / пер. с кор. Т. Тянь. СПб.: Гиперион, 2017. С. 164.

¹⁰ *Пак Гённи.* Дочери аптекаря Кима / пер. с кор. Дины Чанг. М.: Изд. «Э.РА», 2010. С. 16.

¹¹ *Чон Унён.* Прощай, цирк / пер. с кор. Г.Н. Ли, Габэ Ким. СПб.: Гиперион, 2015. С. 150.

¹² *Ким Вон Иль.* Указ. соч. С. 199.

- ¹³ *Чон Ди Ён*. Ностальгия. Избранные стихи / пер. с кор. Г.Н. Ли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. — С. 5.
- ¹⁴ *Ким Вон Иль*. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁵ *О Чонхи*. Огненная река / пер. с кор. Сын Чжуён, А. Гуделевой. СПб.: Гиперион, 2012. С. 67.
- ¹⁶ *Ким Чжун Хёк*. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁷ *О Чонхи*. Указ. соч. С. 100.
- ¹⁸ *Ким Чжун Хёк*. Указ. соч. С. 114.
- ¹⁹ *Ким Чжун Хёк*. Там же. С. 138.
- ²⁰ *Ким Чжун Хёк*. Там же. С. 107.
- ²¹ *Ким Миволь*. Восьмая комната / пер. с кор. Д. Крутовой. М.: Луч, 2018. С. 207.
- ²² *Ким Миволь*. Там же. С. 62.
- ²³ *Чон Ди Ён*. Указ. соч. С. 16.
- ²⁴ *Чон Ди Ён*. Там же. С. 46.
- ²⁵ *Ким Вон Иль*. Указ. соч. С. 43.
- ²⁶ *Ким Джуён*. Рыбак не ломает камышей / пер. с кор. Ким Гынсик, лит. обработка Т. Габрусенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 51.
- ²⁷ *Ким Джуён*. Там же. С. 53.
- ²⁸ *Ким Джуён*. Там же. С. 237.
- ²⁹ *Пак Гённи*. Указ. соч. С. 14.
- ³⁰ *Чон Унён*. Указ. соч. С. 141.
- ³¹ *Ким Вон Иль*. Указ. соч. С. 56.
- ³² *Ким Миволь*. Указ. соч. С. 107.
- ³³ *Ким Вон Иль*. Указ. соч. С. 169.
- ³⁴ *Ким Вон Иль*. Указ. соч. С. 69.
- ³⁵ *Ли Сонбок*. А, у вас нет рта: сборник стихотворений / пер. с кор. Чо Джуквана. СПб.: Гиперион, 2019. С. 83.
- ³⁶ Бог — это вы. Сборник поэзии / пер. с кор. Л.А. Писаревой. Сеул: Пушкинский дом, 2011 (Хан Ён Ун).
- ³⁷ *Ким Чжун Хёк*. Указ. соч. С. 213.
- ³⁸ *Чон Унён*. Указ. соч. С. 216.
- ³⁹ *Мин Чжисин Ли*. Дорога в тысячу ли / пер. с англ. О. Чумичевой. СПб.: Аркадия, 2018. С. 156.
- ⁴⁰ *Чон Унён*. Указ. соч. С. 128.

⁴¹ Чон Унён. Указ. соч. С. 215.

⁴² Чон Унён. Указ. соч. С. 256.

⁴³ Чон Ихён. Милый мой город / пер. с кор. Сын Чжуён, А. Гуделёвой. М.: Наталис, 2017.

References

1. *Alekseeva I.S.* (2004). «Vvedeniye v perevodovedeniye» [Introduction to translation studies]. Moscow, *Academiya Publ.* (in Russian); *Vlahov S., Florin S.* (2009). «Neperovodimoye v perevode» [Untranslatable in translation]. Moscow, *Soyuz Publ.* (in Russian); *Garbovskiy N.* (2004). «Teoriya perevoda» [Theory of translation]. Moscow, *Moscow University Publ.* (in Russian); *Komissarov V.* (1990). «Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekt)» [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, *Higher School Publ.* (in Russian).

2. *Bak Gyeongni.* (2010). *Docheri aptekarya Kima* [The Curse of Kim's Daughters] / Rus. tr. Dina Chang. Moscow: E.Ra Publ. P. 16.

3. Bog — eto vy [God is you] / Rus. tr. L.A. Pisareva. Seoul: Pushkinsky Dom. 2011.

4. *Cheon Unyeong.* (2015). *Proshchay, tsirk* [Goodbye circus] / Rus, tr. G.N. Li, Gabe Kim. St. Petersburg: Giperion. P. 141, 150, 128, 215—216, 256.

5. *Cheong Chiyong.* (2009). *Nostal'giya* [Nostalgia] / Rus.tr. G.N. Li. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. P. 5, 16, 46.

6. *Cheong I-hyon.* (2017). *Milyy moy gorod* [My sweet city] / Rus. tr. Syn Dzhuyon, A. Gudeleva. Moscow: Natalis.

7. *Hall E.* (1989). «Beyond Culture». Anchor Books; *Hirsch E.* (1989). «A first dictionary of cultural literacy». Boston, Houghton Mifflin; *Hofstede G.* (1984). «Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations». Sage Publications.

8. *I Seongbok.* (2019). *A, u vas net rta* [Ah — Mouthless Things] / Rus. tr. Cho Dzhukwan. St. Petersburg: Giperion. P. 83.

9. *Kashkin V., Ostapenko D.* (2011). «O metakommunikazii perevodchika» [About translator's metacommunication]. *Voprosi kommunikativnoi lingvistiki — Questions of communicative linguistics.* № 2. Pp. 73—76. (in Russian).

10. *Kazakova T.* (2001). «Teoriya perevoda» [Theory of translation]. St.Petersburg, *Souz Publ.* (in Russian).

11. *Kim Ae-ran.* (2014). *Zhen'shenevyy vkus odinochestva* [Ginseng taste of solitude] / Rus. tr. A. Gudeleva, Syn Chzhuyon. Moscow: Natalis. P. 86.

-
12. *Kim Ju-yeong*. (2003). Rybak ne lomayet kamyshey [Fishermen don't break reeds] / Rus. tr. Kim Gynsik. P. 51, 53, 237.
 13. *Kim Jung-hyuk*. (2017). Biblioteka muzykal'nykh instrumentov [The Library of Musical Instruments] / Rus. tr. T. Tyan. St. Petersburg: Giperion. P. 39, 107, 114, 138, 164, 213.
 14. *Kim Mi-wol*. (2018). Vos'maya komnata [The 8th Room] / Rus. tr. D. Krutova. Moscow: LUch. P. 62, 107, 207.
 15. *Kim Wonil*. (2009). Dom s glubokim dvorom [House with a Sunken Courtyard] / Rus. tr. A.Kh. In, G.N. Li. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. P. 7, 43, 56, 49, 69, 169, 199.
 16. *Min Jin Lee*. (2018). Doroga v tysyachu li [Pachinko] / Rus. tr. O. Chumicheva. St.Petersburg: Arkadiya. P. 156.
 17. *O Cheonghui*. (2012). Ognennaya reka [River of Fire] / Rus. tr. Syn Chzhuyon, A. Gudeleva. St. Petersburg: Giperion. P. 67, 100.
 18. *Shveizer A.* (1988). «Teoriya perevoda (status, problem, aspekti)» [Theory of translation (status, problems, aspects)]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

Т.В. Зименко

РОЛЬ СССР В РАЗВИТИИ КИНЕМАТОГРАФА КНДР

В 2019 г. исполнилось 100 лет после показа первой кинодрамы корейского производства и 70 лет с момента выхода первого полнометражного художественного фильма в КНДР — «Моя родина». Стремительное качественное развитие киноиндустрии на Севере стало возможным благодаря содействию Советского Союза в создании и оборудовании киностудии в Пхеньяне и оснащении кинопрокатных организаций аппаратурой. Благодаря помощи СССР корейцы получили возможность подробно разобраться в технической стороне кинопроизводства, а также изучить его политический аспект. В статье анализируется, как северокорейские кинематографисты переняли пропагандистскую направленность кино от своих советских коллег, какие характеристики присущи кино КНДР и как в условиях внедрения новой государственной идеологии кино стало важным направлением культурного строительства.

Ключевые слова: история кино, кинематограф КНДР, пропаганда, советско-корейские отношения, культурный обмен.

Вступление

В 2019 г. корейскому кино исполнилось ровно 100 лет. Оно появилось в эпоху японского правления на Корейском полуострове. Практически все кинотеатры в то время находились под управлени-

ем японцев, и развитие кинематографа в Корее происходило в жестких рамках цензуры колониальной администрации¹.

27 октября 1919 г. в Сеуле в кинотеатре «Тансонса» состоялась премьера первой корейской кинодрамы «Праведная месть» («Ыйриджок кутху») режиссёра Ким Досана. На протяжении 1920-х годов интерес корейцев к кино активно растёт, а вместе с ним и число кинотеатров в стране, которые открываются в Инчхоне, Пхеньяне, Пусане и других городах. Большинство кинокартин того времени были мелодрамами с завуалированными идеями национального сопротивления.

Особенно горячий отклик у зрителей вызвала картина «Ариран» (1926) режиссёра На Унгю. Она рассказывает о молодом душевнобольном человеке, который с трудом пережил трагические события Первомартовского движения. Чтобы добиться разрешения японских властей на показ иногда откровенно антияпонских фильмов, корейские кинематографисты старались преподносить сюжет фильма как развлекательный и идеологически нейтральный, но скрытый посыл был ясен и близок корейскому зрителю.

Сам факт немного кино работал на руку корейским режиссёрам в эпоху «культурного правления» (1919—1929)². Дело в том, что показ кино в то время происходил со звуковым сопровождением рассказчика-корейца, который назывался *пёнса*. Если японский цензор отсутствовал на показе, *пёнса* без проблем мог раскрыть национально-освободительные и антияпонские идеи фильма корейской аудитории, сопровождая кинопоказ устным повествованием³.

В начале 1930-х на фоне принятия Японией более агрессивной внешнеполитической линии, направленной на захватнические действия на континенте, колониальные власти усилили цензуру в области культуры в Корее, а в 1938 г. перевели все корейские кинокомпании под свое руководство. Дальнейшее развитие кино пришлось уже на период после Второй мировой войны, поэтому с этого моменты (формально с 1948 г., а фактически уже с 1945) имеет смысл говорить о кино на Севере и Юге отдельно.

Статья ставит целью показать целостную картину становления и развития кино КНДР в условиях зарождения северокорейской государственности, прибегая к оценке авторитетных авторов в этой области. За основу берутся статьи российских учёных-корееведов (Л. Ланькова, Т. Габрусенко), материалы из советских книг

и периодической печати, работы американского исследователя северо-корейского кино Ч. Армстронга и труды южнокорейских авторов.

Кино как пропаганда

Термин «пропаганда» вошел в употребление во время Первой мировой войны и широко использовался в фашистской Германии, СССР и США накануне и в годы Второй мировой войны. Политическая пропаганда была призвана вызвать определенные мысли и эмоции, чтобы сформировать вполне конкретный набор ценностей и идеалов у населения. Среди различных методов и подходов по психологическому воздействию на людей кинематограф, безусловно, является одним из основных инструментов пропаганды⁴.

Говоря о важности кинематографа для советской власти, следует упомянуть, что большевики национализировали кинематографическую отрасль еще осенью 1919 г.⁵ Так и в условиях становления политической системы в КНДР, особенно в условиях внедрения новой государственной идеологии «чучхе», кино становится важным направлением культурного строительства и способом воспитания нового сознания у граждан. А. Луначарский вспоминал из своих бесед с Лениным его фразу о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино»⁶. Об осознании лидером пропагандистской ценности кинематографа говорят его слова о том, что кинопродукция должна оставаться в руках государства⁷. Поддерживая эту идею, Ким Ирсен поставил киностудию Северной Кореи под управление государства сразу с момента её образования в 1947 г. Таким образом, кинорежиссеры становятся прямыми инструментами государственной пропаганды.

Культурный обмен СССР и КНДР

Большую роль во внешнеполитическом курсе СССР на Корейском полуострове играл культурный обмен, как это было и с ГДР, и со странами Восточной Европы. Советское руководство уделяло особое внимание развитию и поддержанию культурных связей с ко-

рейским народом, особенно на ранних этапах. Уже в течение первых двух лет после разделения Кореи советским властям удалось наладить тесные связи с местной интеллигенцией и развить культурный аппарат за счет полномасштабной поддержки со своей стороны и привлечения советских кадров.

О тщательном и серьезном подходе к проработке культурного направления политики СССР в Корею говорит тот факт, что в экономических планах, помимо прочего, заранее фиксировались пункты о распространении журнальной и книжной продукции в заданном объеме и прописывались меры, призванные обеспечить посещаемость кинопоказов и театров⁸. При прямой поддержке Советского Союза было создано Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК) в 1946 г. Приблизительно в то же время в Пхеньяне начало работу отделение Государственного комитета по кинематографии СССР.

Благодаря активным шагам в сфере культуры советский театр, танцы, музыка, кино, литература и искусство получили широкое распространение в Северной Корее. Всего за пять лет (1945—1950) с русского языка на корейский были переведены несколько десятков классических произведений, научных и исторических статей⁹, и в 1949 г. был основан Институт русского языка, который позже преобразовался в Университет иностранных языков¹⁰.

В июле 1948 г. в Пхеньяне был открыт Дом культуры, который занимался проведением различных мероприятий — лекций, вечеров и кинопоказов, направленных на популяризацию государственного и общественного строя Советского Союза. После того как две страны подписали Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве 17 марта 1949 г., был запущен взаимный культурный обмен. Его основным каналом стало созданное в ноябре 1945 г. Общество культурной связи КНДР с СССР («Чосо мунхва хёпхве»), подведомственное Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС) СССР. ВОКС был учрежден в 1925 г. для «ознакомления общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Советского Союза за границей»¹¹. Общество культурных связей выпускало журнал «Корейско-советская дружба» («Чосо чхинсон»), где публиковались статьи, посвященные советской культуре и переводы советской литературы

на корейский язык. При этом основное внимание уделялось произведениям корейских писателей и заметкам о политических делах КНДР, которым отводились первые страницы издания.

После того как в 1946 г. была запущена программа культурных обменов между двумя странами, 150 студентов из Северной Кореи каждый год отправлялись в СССР для обучения в университетах на срок от трех до пяти лет. К концу 1949 г. более 600 северокорейских студентов учились в советских институтах на разных факультетах, включая режиссуру, актерское мастерство и другие творческие специальности¹², что говорит о заинтересованности Пхеньяна в развитии своего собственного кино. В списке вузов, где обучались северокорейские студенты, были Московский государственный институт кинематографии и Московский институт киноинженеров¹³.

С периодом активного культурного обмена связана одна история, которая показала растущие противоречия идеологического и политического толка в двусторонних отношениях. В 1952 г. восемь талантливых молодых людей из КНДР были отправлены на стажировку во Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК)¹⁴, старейшее учебное заведение такого рода в мире. По словам одного из членов группы, только самые способные и яркие студенты могли быть допущены к изучению кино — оно считалось решающим инструментом для развития и поддержания лояльности к режиму у народных масс. В 1957 г. один из восьми студентов публично выразил протест политике Ким Ирсена и объявил, что ищет политического убежища у Советского Союза. Остальные семеро поддержали его протест и отказались таким образом от перспективы ожидающих их в Пхеньяне привилегий.

Критика северокорейского руководства была спровоцирована политическим кризисом второй половины 1956 г., который, несмотря на обвинения Ким Ирсена в диктатуре, не только завершился полной победой власти, но и способствовал усилению культа личности лидера¹⁵. СССР удовлетворил просьбу северокорейских студентов о предоставлении политического убежища, но при условии, что они будут жить отдельно друг от друга, во избежание риска возможного заговора с их стороны и обострения отношений с КНДР, который оставался советским союзником, несмотря на охлаждение двусторонних связей.

В мае 2019 г. вышел документальный фильм южнокорейского режиссёра Ким Соёна «Прощай моя любовь, Северная Корея!» («Гутбаи май робы НК [North Korea]»), который повествует о непростой судьбе каждого из восьми студентов. В интервью южнокорейскому журналу о кино «Сине 21» режиссёр рассказал о своём интересе к творчеству корейских соотечественников за границей и их судьбам и поделился историей создания фильма¹⁶. Студенты по обмену назвали себя «8-джин», где китайский корень «джин» имеет значение «правда». Молодые люди были вынуждены поменять фамилии и начать новую жизнь зачастую в далеких друг от друга местах: Иркутске, Сталинграде (Волгограде), Мурманске и т. д. Позднее четверо из них переселились в Алма-Ату, где проживала большая диаспора этнических корейцев, депортированных с российского Дальнего Востока. Примечательно, что почти все из группы «восьмерки правды» продолжили заниматься искусством, связав свою жизнь с театром и кино.

Зарождение и развитие киноиндустрии в КНДР

Большой импульс в развитии киноиндустрии на Севере произошел в период между 1945 и 1948 г.¹⁷: во время пребывания там советских войск корейцы получили возможность подробно разобраться в технической стороне, а также изучить политический аспект кинопроизводства. Советский Союз оказал содействие КНДР в создании и оборудовании киностудии в Пхеньяне и оснащении кинопрокатных организаций аппаратурой¹⁸. Масштаб такой поддержки был особенно впечатляющим, учитывая, что практически все японское колониальное кинооборудование осталось в Сеуле.

С целью приобщения к кино широких масс были сформированы специальные мобильные киногруппы. В сельской местности фильмы проецировались на боковые стороны зданий или на большие отрезки ткани, привязанные к двум столбам. Показывали как советские фильмы, так и новые корейские киноленты. Такой же метод использовали и японские колониальные власти, и американская администрация на Юге. В конце 1940-х годов фильмы в Корее были еще новинкой, и крестьяне собирались на кинопоказы с большим волнением и ожиданием¹⁹.

Следует отметить, что в деле поддержки зарождающейся индустрии кино советские власти показали себя с намного более щедрой стороны, чем американские власти на Юге. Помимо оказания технической помощи они предлагали обучающие программы и хорошую зарплату перспективным кадрам, включая представителей сферы искусства с Юга. Это и тот факт, что советские власти не столько продвигали и насаждали свою культуру среди корейского населения, сколько обучали и помогали освоить новые культурные и научно-технические области, издавали литературу на корейском языке и т. д., привлекло немало специалистов с Юга, где корейские авторы, режиссеры и другие деятели искусства не обладали такой свободой самовыражения и реализации. По воспоминаниям одного из сценаристов, который предпочёл Север Югу в конце 1940-х годов, кинопроизводство должно было всегда точно отражать линию партии, но при этом даже в рамках таких ограничений качество готового художественного продукта «было высоким и продолжало расти»²⁰. В своей работе «Культурная холодная война в Корее, 1945—1950» Чарльз Армстронг, ссылаясь на статью заместителя министра культуры и пропаганды Ким Усона о политической важности кино в КНДР, которая вышла в журнале «Киноискусство» («Ёнхва есульт») в 1949 г., говорит, что многие высказывания Ким Усона о природе кино повторяют стандартный сталинский подход. По его словам, общее содержание статьи, озаглавленной «Объединение, независимость Отечества и миссия кинематографистов», подчеркивает националистические темы в ущерб восхвалению СССР. Подобно другим видам искусства, кино в Советском Союзе было особо чтимым творческим достижением, и подобным образом кино в Корее тоже должно было стать инструментом «мягкой силы» внутренней политики под руководством советской кинематографической модели²¹.

В 1947—1948 гг. на Севере выходит ряд документальных и полудокументальных фильмов, посвященных достижениям нового режима: «Вечная дружба» («Ёньвонхан чхинсон»), «Народный комитет» («Инмин вивонхве»), «Строим демократию» («Минджу консоль») и др.²² При том что объем выпускаемой на Юге кинопродукции был значительно шире (около 30 киноработ против двух художественных фильмов на Севере до начала Корейской войны в 1950 г.), северокорейские ленты отличались более высокой художественной ценностью и техни-

ческим исполнением²³. В 1949 г. КНДР выпускает первый полноценный художественный фильм «Моя родина» («Нэ холян»), в котором преобладают темы народного мужества и народной стойкости²⁴.

Справедливо было бы предположить, что в условиях советского управления работы корейских режиссеров могли бы представлять собой слепое копирование художественных и технических методов и содержать мотивы восхваления «старшего брата», благодарности Красной Армии за освобождение от японской оккупации и сюжеты классовой борьбы, характерные для советского кинематографа тех времен²⁵. Однако Ч. Армстронг в своей статье «Зарождение северокорейского кино: искусство и пропаганда в КНДР»²⁶ замечает, что фильм «Моя родина» не содержит даже упоминания об СССР, а момент классовой борьбы представлен только поверхностно — в то время как основной сюжет повествования строится вокруг национальной борьбы корейцев против японского колониального гнета и личной роли Ким Ирсена. По его словам, фильм пропитан сентиментальными образами невинности и простоты корейских деревенских жителей и отличается особо эмоциональным воплощением корейского пейзажа, деревенской жизни и чистого, неиспорченного духа крестьян, особенно женщин. Эти темы стали центральными и в северокорейской литературе 1950-х и 1960-х годов, но наиболее ярко проявились именно в кино.

Объектом освобождения и революционных преобразований в «Моей родине» показан не рабоче-крестьянский класс как таковой, а вся корейская нация, освободителями предстают солдаты маньчжурского партизанского отряда во главе с генералом Ким Ирсеном, а не советская Красная Армия. Сюжетный отказ от классовой борьбы и перевес в сторону антиколониального национального освободительного движения, сконцентрированного в образе Ким Ирсена как лидера антияпонского сопротивления, предвосхитил центральные темы «чучхейного» кино 1960-х годов и далее.

Становление северокорейского кинематографа

Спустя год после выхода первого художественного кинофильма началась Корейская война, и активный процесс развития киноиндустрии был восстановлен только после подписания перемирия в

1953 г. В этом же году СССР пробует повернуть Северную Корею в сторону нового курса и предпринимает неудачную попытку десталинизации сверху. В рамках «оттепели» вместе с осуждением «культы личности» Сталина предлагалось сделать больший упор на индивидуальное благосостояние и материальный комфорт при соблюдении принципа мирного сосуществования с капиталистическим миром в международной политике. Вышеперечисленные принципы автоматически экстраполировались на КНДР, которая по примеру СССР должна была начать борьбу с культом личности²⁷.

Захвативший к этому времени полную власть, Ким Ирсен был не согласен внедрять новую советскую линию у себя в стране, но поначалу решил не выступать открыто против. В 1955 г. заметно сокращается количество публикаций в северокорейской печати, посвящённых СССР²⁸. В такой обстановке растущей напряженности начинаются съёмки первого совместного советско-северокорейского кинофильма «Братья», или «Утро на Востоке» («Тонбан-е ачим») в северокорейском варианте. В следующем году советские и китайские группировки пробуют без успеха осуществить государственный переворот, направленный против культа личности Ким Ирсена, но в результате добиваются только усиления консолидации его власти. Северокорейский лидер теперь уже в открытую отступает от пути, обозначенного Хрущёвым, и вводит в свою риторику понятия национализма, самодостаточности и независимости.

Съёмки фильма продолжают в условиях стремительно растущих разногласий между двумя странами, которые влекут за собой поспешное внесение изменений в уже утверждённый сценарий. Т. Габрусенко в англоязычной статье «Кино “Братья”: советско-северокорейский фильм, уничтоженный политикой чучхе» отмечает, что «скромные штрихи либерализма в духе оттепели» в первоначальном варианте фильма противоречили пылу массовой мобилизации Северной Кореи под предводительством Ким Ирсена. Другой непозволительной чертой «оттепели» было отсутствие ссылок на великого лидера и упоминаний о нём²⁹.

Внесенные в финальный вариант фильма изменения отразили существующие разногласия в политической сфере. Среди основных поправок, которые отчетливо демонстрируют несогласие северокорейского руководства с новым советским курсом, Т. Габрусенко на-

зывает следующие. *Во-первых*, прославление личности Ким Ирсена: фильм начинается с одной и заканчивается другой цитатой о том, что «война закончилась нашей победой», что противоречило реальной патовой ситуации, которой завершилась Корейская война. *Во-вторых*, интернациональная составляющая полностью опущена: второстепенные персонажи, изначально представленные чехами, поляками и китайцами, не появились в финальной версии фильма, и их заменили корейские герои. Примечательно, что роль советских героев в фильме сведена до незначительных сторонних персонажей, а градус романтических тем, в том числе в отношениях между советскими и корейскими героями, значительно понижен, или же эта линия полностью стерта.

Фильм выходит на экраны в 1957 г. и сразу отзывается из проката в КНДР. Власти постарались сделать так, чтобы сам факт того, что он был сделан, был стерт из официальной истории. Их не удовлетворил даже пересмотренный итоговый вариант, в котором сохранилась, хоть и слабо выраженная, международная линия; мотивы героизма сыновей во имя их матери, а не великого вождя; сцена в сеульском баре была слишком чувственной и детальной по северокорейским стандартам.

Провал первого совместного фильма СССР и КНДР продемонстрировал крайний солипсизм северокорейской культуры, который выражался все возрастающей нетерпимостью к альтернативным взглядам и идеям³⁰. В истории двух стран начинается период окончательного ухудшения отношений, а кино в Северной Корее продолжает развиваться своим путем — уже на фоне закрепившейся собственной идеологии чучхе.

Заключение

Северокорейские кинематографисты переняли пропагандистскую направленность кино от своих советских коллег, но художественная оболочка, в которую оформлялась суть северокорейской пропаганды, принципиально отличалась от советской. До начала Корейской войны СССР играл решающую роль в создании и развитии внутренней политической ситуации в КНДР, и это было време-

нем наибольшей идеологической близости между двумя странами, которая выражалась и в культурной сфере.

Картины, созданные в первое десятилетие после Освобождения, дают четкое представление о своеобразности и уникальности северо-корейского кинематографа. Его отличительными чертами можно назвать мелодраматическую эмоциональность, особую сентиментальность по отношению к сельской жизни и в особенности националистические ноты с акцентом на личности Ким Ирсена. Некоторые из этих тем были раскрыты в популярном фильме 1949 г. «Моя родина», а впоследствии закрепились и стали фигурировать как преобладающие в северо-корейском кино и по сегодняшний день.

После политического кризиса 1956 г. северо-корейский режим начинает развиваться по своей траектории, продиктованной принципами чучхе: КНДР становится «сама себе хозяйкой». В этих условиях меняется и кинематограф, который теперь становится на службу «чхоллима» — всенародному движению за мобилизацию внутренних ресурсов³¹.

По словам южнокорейского исследователя кино Ли Ванму, кино КНДР 1960-х пропитано революционными мотивами, прославляющими личность лидера и превосходство северо-корейской армии, сюжетами военной борьбы и социалистического строительства, где главные герои — солдаты, крестьяне и простые рабочие³². Не все сюжеты были одинаково оригинальными, а некоторые и вовсе копировались с иностранного кино, в том числе советских фильмы о войне³³. Однако форма, которую они принимали, была исключительно своей, выверенной в соответствии с идеями воспитания северо-корейского зрителя.

Примечания

¹ *Кравченко А.* Корейский кинематограф в период японской оккупации (1910—1945 гг.) // *Молодой учёный*. 2019. № 12. С. 220—223.

² *Курбанов С.О.* Первомайское движение и буржуазно-демократическая революция в Корее. // Первомайское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. С. 91—104.

³ *Смертин Ю.Г., Янг Сун Ен.* Становление национального кинематографа в Корее (начало 1920-х — середина 1930-х гг.). // *Исторические, философские, поли-*

тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4. С. 63—66.

⁴ Коробов А.А., Серебряков С.А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология.* 2019. № 19 (2). С. 212—217.

⁵ Пахроменко Я.А. Советская власть и кино (1917—1919) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2009. № 2. С. 48—52.

⁶ Из беседы В.И. Ленина с А. Луначарским // *Советское кино.* 1933. № 1—2. С. 10.

⁷ Продукция советской кинематографии с точки зрения ее идейного содержания // Наследие А.В. Луначарского. Философия, политика, искусство, просвещение. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-kino/produkcija-sovetskoj-kinematografii-s-tocki-zrenia-ee-idejnogo-soderzhania> (дата обращения: 22.03.2020).

⁸ Там же. С. 82.

⁹ *Ранкхонхы Андыреи* [Ланьков Андрей] (1995). Сорён-э чарё-ро пон пукхан хёндэ чончхиса [Современная политическая история Северной Кореи по советским материалам]. Сеул: Орым чхульпханса. С. 314.

¹⁰ North Korea Handbook (2002). Yonhap News Agency (East Gate Book). Routledge. P. 55.

¹¹ Лебедева О. История возникновения института публичной дипломатии в России // *Международная жизнь.* 2016. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1438> (дата обращения: 29.01.2020).

¹² Armstrong С.К. (2003). The Cultural Cold War in Korea, 1945—1950 // *The Journal of Asian Studies.* Vol. 62. № 1. P. 84.

¹³ Сон Ж.Г. Интернациональная помощь СССР Северной Корее в области образования (1946—1948) // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2017. Т. 9. № 1/2. С. 65—72.

¹⁴ Сейчас Всероссийский государственный институт кинематографии (ВГИК) имени С.А. Герасимова.

¹⁵ Ланьков А. Оппозиция, Ким Ир Сен и северокорейская правящая элита в середине 1950-х гг. // Информационно-аналитический портал Полит.ру. 02.11.2009. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/02/lankov> (дата обращения: 29.01.2020).

¹⁶ Ким Сонхун. Ким Соён камдок — ёнхва-рыль тхонхэ сесан-ыль маннан-да-нын чхехом [Режиссёр Ким Соён — опыт знакомства с миром через кино]. 21.06. 2019 // Киножурнал Ссине 21. URL: http://www.cine21.com/news/view/?mag_id=93269 (дата обращения: 25.03.2020).

¹⁷ *Armstrong, C.K.* (2002). The Origins of North Korean Cinema: Art and Propaganda in the Democratic People's Republic. // *Acta Koreana*. Vol. 5. № 1. P. 10.

¹⁸ Современная Корея. Справочное издание. Москва: ГРВЛ, 1971. С. 275.

¹⁹ *Armstrong C.K.* (2003). The North Korean Revolution, 1945—1950. Publisher: Cornell University Press. P. 185.

²⁰ *Armstrong C.K.* (2003). The Cultural Cold War in Korea, 1945—1950. // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 62. № 1. P. 87.

²¹ *Ibid.* P. 88.

²² *Чон Ёнтхак.* Пукхан ёнхваэ ихэ [Понимание северокорейского кино]. // Art Council Korea. URL: www.arko.or.kr/zine/artspaper2000_07/58.htm (дата обращения: 24.03.2020)

²³ *Armstrong C.K.* (2003). The Cultural Cold War... P. 87.

²⁴ *Латов В.С.* Искусство в свободной Корее. Записки советского журналиста. М: Искусство, 1957. С. 107.

²⁵ *Armstrong C.K.* (2003). The North Korean Revolution... P. 186.

²⁶ *Armstrong C.K.* (2002). The Origins of North Korean Cinema... P. 15—16.

²⁷ *Ланьков А.* Идеология КНДР эволюционировала, но остается социалистической // Еженедельный журнал Профиль. 07.11.2019. URL: <https://profile.ru/abroad/ideologiya-kndr-evolyucionirovala-no-ostaetsya-socialisticheskoy-192212/> (дата обращения: 30.03.2020).

²⁸ *Ланьков А.* Кризис 1956 года и его последствия // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: <http://hrono.ru/statii/2003/lan1956.html> (дата обращения: 29.03.2020).

²⁹ *Gabrusenko T.* “Brothers”: the banned North Korean-Soviet film ruined by Juche politics // *NK News*. 13.08.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/08/brothers-the-banned-north-korean-soviet-film-ruined-by-juche-politics> (дата обращения: 29.01.2020).

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI века. III съезд Трудовой партии Кореи и курс на независимое развитие. Движение Чхоллима. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018.

³² *Ли Ванму.* Пукхан ёнхва эсур-е ёкса-ва чонман [История и перспективы северокорейского киноискусства] // *Чонсин мухва ёнгу* [Исследования духовной культуры]. 2001. № 24 (4). С. 149—183.

³³ *Габрусенко Т.* Важнейшее из искусств на службе чучхе // *Еженедельный журнал Профиль*. 07.04.2018. URL: <https://profile.ru/culture/vazhnejshee-iz-iskusstva-na-sluzhbe-chuchkhe-3679/> (дата обращения: 26.03.2020).

References

1. *Armstrong C. K.* (2003). The Cultural Cold War in Korea, 1945—1950. // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 62. № 1. P. 71—99.
2. *Armstrong C.K.* (2002). The Origins of North Korean Cinema: Art and Propaganda in the Democratic People's Republic // *Acta Koreana*. Vol. 5. № 1. P. 1—20.
3. *Armstrong C.K.* (2003). The North Korean Revolution, 1945—1950. Cornell University Press.
4. *Gabrusenko T.* (2019). “Brothers”: the banned North Korean-Soviet film ruined by Juche politics. *NK News*. 13.08.2019. Available at: <https://www.nknews.org/2019/08/brothers-the-banned-north-korean-soviet-film-ruined-by-juche-polbroth> (accessed: 29.01.2020).
5. *Gabrusenko T.* (2020). Vazhnejshee iz iskusstv na sluzhbe chuchkhe [The most important art in the service of Juche]. *Ezhenedel'nyj zhurnal Profil'* — *Weekly Journal Profile*. 07.04.2018. Available at: <https://profile.ru/culture/vazhnejshee-iz-iskusstv-na-sluzhbe-chuchkhe-3679/> (accessed: 26.03.2020) (in Russian).
6. Iz besedy V.I. Lenina s A. Lunacharskim [Citing the Conversation between Vladimir Lenin and Anatoly Lunacharsky] // *Sovetskoe kino — Soviet Cinema*. 1933. № 1/2. P. 10.
7. *Jeong Y.* Bukhan yeonghwa-ui ihae [Understanding Korean cinema]. Art Council Korea. Available at: www.arko.or.kr/zine/artspaper2000_07/58.htm (accessed: 24.03.2020).
8. *Kim S.* (2019). Kim Soyeong gamdok — yeonghwa-reul tonghae sesang-eul mannanda-neun cheheom [Director Kim Soyeon — the experience of exploring the world through movies]. *Cinema Journal Ssinae21*, 21.06. 2019. Available at: http://www.cine21.com/news/view/?mag_id=93269 (accessed: 25.03.2020) (in Russian).
9. *Korobov A. A., Serebryakov S. A.* (2019). Dokumental'noe kino kak sredstvo politicheskoy propagandy: klassicheskie i innovacionnye podhody v cifrovuyu epohu [Documentary Cinema as a Means of Political Propaganda: Classic and Innovative Approaches in the Digital Age] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya.* — *The Saratov University Journal. New series. Series Sociology, Political science*. № 19:2. P. 212—217.
10. *Kravchenko A.* (2019). Korejskij kinematograf v period yaponskoj okkupacii (1910—1945 gg.) [Korean cinema during the Japanese occupation (1910—1945)]. *Molodoy uchyonyj — Young Scientist*. № 12. P. 220—223 (in Russian).
11. *Kurbanov S.O.* (1999). Pervomartovskoe dvizhenie i burzhuazno-demokraticeskaya revolyuciya v Koree [The March 1st Movement and the Bourgeois-Democratic Revolution in Korea] // Pervomartovskoe dvizhenie za nezavisimost' Korei

1919 [The 1919 March 1st Movement in Korea]. Moscow, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. S. 91—104 (in Russian).

12. *Lankov A.* (1995). *Soryeon-ui jaryo-ro bon bukhan hyeondae jeongchisa* [North Korean Modern Politics Based on Soviet Materials]. Seoul: Oreum Publ.

13. *Lankov A.* (2003). *Krizis 1956 goda i ego posledstviya* [The crisis of 1956 and its consequences]. Hronos. *Vsemiranya istoriya v internete.* — Chronos. World wide web history. Available at: <http://hrono.ru/statii/2003/lan1956.html> (accessed: 30.03.2020) (in Russian).

14. *Lankov A.* (2009). *Oppoziciya, Kim Ir Sen i severokorejskaya pravayashchaya elita v seredine 1950-h gg* [Opposition, Kim Il Sung, and North Korean establishment in the mid-1950s]. *Informacionno-analiticheskij portal Polit.ru* — Information and analytical portal Polit.ru, 2.11.2009. Available at: <https://polit.ru/article/2009/11/02/lankov> (accessed: 29.01.2020) (in Russian).

15. *Lankov A.* (2019). *Ideologiya KNDR evolyucionirovala, no ostaetsya socialisticheskoy* [The ideology of the DPRK has evolved, but remains socialist]. *Weekly magazine Profile*, 7.11.2019. Available at: <https://profile.ru/abroad/ideologiya-kndr-evolyucionirovala-no-ostaetsya-socialisticheskoy-192212/> (accessed 30.03.2020) (in Russian).

16. *Latov V.* (1957). *Iskusstvo v svobodnoj Koree. Zapiski sovetskogo zhurnalista.* [Art in free Korea. Soviet journalist's notes.]. Moscow: Isskusstvo Publ. P. 107.

17. *Lebedeva O.* (2016). *Istoriya voznikoveniya instituta publichnoj diplomatii v Rossii* [The Origin of the nstitution of public diplomacy in Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'. — International life.* № 2. Available at <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1438> (accessed: 29.01.2020) (in Russian).

18. *Lee V.* (2001). *Bukhan yeonghwa yesur-ui yeoksa-wa jeonmang* [History and prospects of North Korean cinema] // *Jeongsin munhwa yeongu — Intellectual Culture Studies.* № 24 (4). P. 149—183.

19. *North Korea Handbook* (2002). Yonhap News Agency (East Gate Book). Routledge. P. 55.

20. *Pahromenko Y.A.* (2009). *Sovetskaya vlast' i kino (1917—1919)* [The Soviet Power and Cinema] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia.* № 2. P. 48—52.

21. *Produkcija sovetskoj kinematografii s tochki zreniya ee idejnogo sodержaniya* [Production of Soviet cinematography in terms of its ideological content.]. *Nasledie A.V. Lunacharskogo. Filosofiya, politika, iskusstvo, prosveshchenie* [The legacy of A.V. Lunacharsky. Philosophy, Politics, Art, Education]. Available at <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-kino/produkcija-sovetskoj-kinematografii-s-tockki-zrenia-ee-idejnogo-soderzhania> (accessed: 22.03.2020) (in Russian)

22. *Smertin, Y. G., Yang, S.* (2018). Stanovlenie nacional'nogo kinematografa v Koree (nachalo 1920 — seredina 1930 gg.) [The origins of national cinema in Korea (early 1920s — mid 1930s)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Application.* № 4. P. 63—66.

23. *Son G.* (2017). Internacional'naya pomoshch' SSSR Severnoj Koree v oblasti obrazovaniya (1946—1948) [International assistance of the USSR to North Korea in the field of education (1946—1948)] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' — Historical and socio-educational thoughts.* 9:1/2. P. 65—72.

24. *Sovremennaya Koreya.* Spravochnoe izdanie [Modern Korea. Reference Edition.]. Moscow: GRVL, 1971.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К.В. Иванов

ЯПОНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОРЕЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОРЕЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА 1920—1940-х ГОДОВ*

Кинематограф, как и радио, телевидение и газеты, не только является инструментом пропаганды, но и служит одним из маркеров, по которым можно получить представление и о некоторых аспектах государственной политики, и о культурных запросах населения. В колониальной Корее кинематограф, развиваясь в условиях жёсткого контроля со стороны государства, был для корейских кинопроизводителей, с одной стороны, отдушиной для национальных чувств, с другой — средством выражения лояльности японским властям. В статье анализируются характерные черты корейского кино 1920—1940-х годов в привязке к процессам трансформации и эво-

* Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда в рамках проекта «Создание и развитие Центра корейских исследований в Иркутском государственном университете».

This work was supported by the Korea Foundation under the project “Creation and development of the Center for Korean Studies at Irkutsk State University”.

люции японской колониальной политики по направлениям модернизации Кореи, языковой политики и военной мобилизации корейского населения полуострова.

Ключевые слова: Корея, Япония, кинематограф, пропаганда, культурная ассимиляция, языковая политика.

Кинематограф — это один из важных визуальных маркеров, по которым можно получить представление о ряде аспектов государственной политики. На колониальных территориях кинематограф играет столь же важную роль, что и радио, телевидение и газеты. Помимо использования кино в развлекательных целях государство-метрополия может задействовать его также для того, чтобы попробовать повлиять на самовосприятие населения колонии. В свою очередь, независимое (насколько это возможно) кино, снимаемое в колониальных регионах, может, как и литература, являться для колониального этноса способом самовыражения, давая возможность показать свою инаковость.

В Корее, находившейся в первой половине XX в. под властью Японской империи, кинематограф развивался в условиях жёсткого контроля со стороны государства. При этом государственный подход Японии по отношению к Корее, отношение японцев к корейцам и корейской культуре, а также идентичность самих корейцев претерпевали существенные трансформации на протяжении всего колониального периода.

Исследование процессов интеграции корейского общества в структуру Японской империи, исследование проблем колониальной модернизации Кореи и проблем ассимиляционной политики Японии в этой стране по-прежнему представляют интерес для учёных не только в Республике Корея, но и за её пределами. В самой РК вопросы колониальной модернизации рассматриваются почти всегда с критической стороны¹, в соответствии с распространённой теорией «культурного геноцида» корейского народа. Одни из известных сторонников такого подхода среди южнокорейских исследователей — историк и социолог Син Ёньха², а также историк Чонь Ёнтхэ³. Из англоязычных трудов по проблемам ассимиляционной политики и колониальной модернизации хочется выделить работы историков Марка Каприо⁴, Брэндона Палмера⁵ и Тэйлора Эткинса⁶.

В рамках данного исследования предпринимается попытка проанализировать характерные черты корейского кино 1920—1940-х годов в привязке к процессам трансформации японской колониальной политики по модернизации Кореи, языковой политики и военной мобилизации корейского населения полуострова.

Хотя первые кинопоказы в Корее начались ещё в начале XX в., собственно корейские фильмы появились почти 20 лет спустя. Первый фильм (хотя технически правильнее назвать это кино постановкой) корейского производства — «Справедливая месть» (*Бйриджок кутху*; реж. Ким Досан) — вышел в знаковое для Кореи 1919 г., уже после подавления Первомартовского движения. Несмотря на довольно вызывающее, учитывая обстоятельства, название, японские власти всё же допустили фильм к прокату. Как и во многих других непропагандистских корейских фильмах колониальной эпохи, сюжет фильма, построенный на семейных и бытовых проблемах, воспринимался зрителями как выражение молчаливого, неявного протеста против японских властей⁷. При этом в процессе съёмок «Справедливой мести», как и во многих других фильмах, принимали участие и японцы — в основном не как актёры, а как технические специалисты и продюсеры⁸.

В 1920-х годах, благодаря послаблениям японской политики «культурного правления», корейские режиссёры получили определённую свободу творчества. В период 1920-х — 1-й половины 1930-х годов корейское кино хоть и существовало под цензурным контролем, но до поры было в меньшей степени пропагандистским. Кроме того, поддержке и развитию корейского кино значительно помогал растущий с конца 1920-х в Японии интерес к корейской «колониальной экзотике» — народным песням, кино, культурной эстетике, что американский историк Тэйлор Аткинс назвал «первой корейской волной»⁹.

Один из самых известных немых корейских фильмов — «Ариран» (реж. На Унью) 1926 г. (к сожалению, не сохранившийся до наших дней и известный только по пересказам), несмотря на свой антияпонский подтекст, принёс коммерческий успех его создателям и демонстрировался не только в Корее, но и в Японии¹⁰. Более того, песня «Ариран» (точнее, различные её вариации) обрела заметную популярность в Японии. Помимо перевода корейских текстов, на

мотив «Ариран» сочиняли песни на японском языке и даже исполняли их на радио¹¹.

Корейские фильмы 1920—1930-х годов развивали специфическую тему «разделённого страдания», которая основывалась на образах постоянно страдающих от несправедливых ударов судьбы положительных героев: влюблённых женщин, благородных героев, оказавшимся в трагически неразрешимых ситуациях¹². Насколько можно судить, данные образы вызывали отклик как у корейцев, так и у японцев.

Помимо передачи мелодраматической составляющей, в кино также транслировались образы новой, модернизирующейся Кореи. Эти образы модернизации и вестернизации, проходя через японскую «призму», формировали у корейцев представления о современном, модерновом обществе. Хотя технические и культурные достижения Запада в этот период были вполне известны в Корее, в первую очередь вестернизация (и сопутствующая ей японизация) характерна для городской культуры полуострова. Именно в городской среде в 1920-х появились корейские «стиляги» — *модонголь* (от англ. modern girl) и *модонбои* (от англ. modern boy).

Насколько известно, значительная масса корейского общества относилась к ним сдержанно или даже неодобрительно. Причин тому было две: *во-первых*, *модонголь* расценивались в преимущественно патриархальной Корее как угроза традиционным устоям, а *во-вторых*, «модники» многими корейцами воспринимались как подражатели японцам. Впрочем, как позднее вспоминали корейцы в интервью американской исследовательнице Хильди Кан, немало корейцев в те годы не видели в определённой японизации угрозы для Кореи или своей национальной идентичности¹³.

Действительно, ряд западных, современных, элементов, чуть ранее воспринятых японской культурой, были аккультурированы также в культуру корейскую. При этом образ корейца в публичном пространстве (на работе или на отдыхе) и дома, как в жизни, так и в кино значительно отличался. Если мы говорим о городской культуре, то для мужчин на публике предполагалось ношение европейского костюма, а дома уже можно было переодеться во что-нибудь более удобное. Женщины же чаще появляются в кадре в традиционном костюме *ханбок*, вне зависимости от обстановки¹⁴.

Ещё один приметный маркер — сцены употребления кофе в кино 1930—1940-х годов. Поскольку привычным ежедневным напитком для корейцев кофе ещё не стал, употребляют его почти всегда в кафе. Причём, как правило, кофе пьют «прогрессивные» корейцы-мужчины, которые могут быть как положительными («Весна на Корейском полуострове», *Пандо-ый пом*; реж. Ли Бонъиль, 1941), так и отрицательными персонажами («Рыбацкий огонь», *Охва*; реж. Ан Чхорёнъ, 1939).

Если же обратить внимание на элементы японизации жизни корейцев, которые демонстрировались в корейском кино, то наиболее заметным будет изменение частоты и сферы использования корейского и японского языков, в зависимости от года производства фильма. Начиная с середины 1930-х генерал-губернаторство начало сокращать в учебных программах школ количество часов, уделяемое изучению корейского языка, а количество часов японского языка напротив увеличилось. В 1941 г. преподавание корейского языка полностью убрали из школьных программ, а всё преподавание велось исключительно на японском языке¹⁵.

В фильме-мелодраме «Сладкие грёзы» (*Мимонъ*; реж. Ян Джунам) 1936 г., снятом полностью на корейском языке, с японскими субтитрами, в сценах в школе диалог между учителем и учениками проходит на корейском. В вышедшем четыре года спустя фильме «Плата за обучение» (*Суомнён*; реж. Чхве Ингю) все диалоги в школе — и учителя-японца с учениками, и между самими учениками — проходят исключительно на японском. Но всё же после уроков, за пределами школы, дети могут разговаривать между собой на корейском языке. Единственный персонаж фильма, который говорит только по-корейски, — это бабушка главного героя.

Хотя в 1930—1940-е годы владение японским языком представлялось необходимым для успешной социальной жизни, в первую очередь в условиях города, в конце 1930-х лишь около четверти всех корейских мужчин понимали японский язык и могли изъясниться на нём, в меру своих способностей. А большинство корейских женщин обычно не обладали даже минимальными знаниями японского языка, поскольку проводили время дома, в соответствии с патриархальными традициями, господствовавшими в обществе того времени¹⁶.

Движение (а скорее субкультура) «новых женщин» (*синёджа*) в 1920—1930-х годы, пропагандировавшее совершенно новые для корейской культуры идеи, такие как свободная любовь, стремление к экономической самостоятельности и независимости от мужчин, публичность поведения, хоть и оставило заметный след, но не оказало большого влияния на переоценку господствовавшего тогда в корейском обществе восприятия женщины как существа, не равного мужчине¹⁷. Колониальные японские власти вплоть до 1945 г. предпочитали поддерживать сохранение гендерного неравенства и традиционных семейных ценностей. Впрочем, в метрополии подход властей к данным вопросам был почти идентичным.

С конца 1930-х годов японские власти, используя цензуру и финансовый контроль над киноотраслью, пытались показать свои успехи в деле японизации корейцев — выразившееся, в том числе, в виде кампании по массовой смене корейских имён на японские, которая прошла в 1939—1940 гг. Помимо стандартных пропагандистских элементов, можно выделить специфику демонстрации в кино применения корейского и японского языков как корейцами, так и японцами в зависимости от ситуации. Корейский язык в фильмах тех лет используют либо сельские жители, либо горожане, которые по тем или иным причинам хотят поговорить «по душам».

К примеру, в фильме «Весна на Корейском полуострове» (*Ландо-ый пом*; реж. Ли Бонъиль, 1941) в публичном пространстве почти все разговоры между корейцами ведутся на японском, а дома — на корейском. Иногда разговор ведётся попеременно то на одном, то на другом языке (в фильме это очень часто делает господин Хан — директор звукозаписывающей компании). Однако сцена съёмок «фильма в фильме» «Сказание о Чхунхян» от и до звучит только на корейском. Вероятно, даже в условиях всё более ужесточающейся языковой политики японские цензоры понимали, насколько комично будут выглядеть японоговорящие Чхунхян и Ли Моннён.

И всё же японизация корейского населения полуострова была не главной задачей генерал-губернаторства. Главной задачей было обеспечение бесперебойного снабжения метрополии ресурсами, а затем и рабочей силой. После начала войны с Китаем в 1937 г. оценка роли Кореи и её мобилизационного потенциала возросла, поэтому японизация «сверху» имела конкретную задачу на ближ-

ную перспективу — сформировать мобилизационную базу для Японии и японской армии.

До 1938 г. в самой Корее корейцев не призывали в армию, а желающие сделать военную карьеру могли попытаться счастья либо в соседнем Маньчжоу-Го, либо в метрополии. В 1938 г. корейцам, проживающим на территории генерал-губернаторства, было разрешено добровольно поступать на службу в японскую армию (преимущественно во вспомогательные части), а в 1944 г. в Корее была введена всеобщая воинская повинность.

По кинематографу тех лет можно чётко увидеть перемены в политике японского генерал-губернаторства. Например, в короткометражном немом фильме «Сила честности» (*Хан соньсим-ый хим*) 1935 г. центральная идея — обязанность подданных своевременно и в полном объёме платить налоги.

В том же 1935 г. в Корее впервые был снят собственный звуковой фильм — «Сказание о Чхунхян». Насколько известно, фильм был создан в первую очередь благодаря финансовой и технической поддержке со стороны японских властей, которые, судя по всему, оценили возможности, которые предлагало звуковое кино¹⁸.

В 1938 г. на экраны Кореи вышел фильм «Военный поезд» (*Кунёнъ ёльчха*; реж. Со Гванъдже), одной из задач которого было, по-видимому, стимулирование притока корейцев-добровольцев в японскую армию. Стоит обратить внимание, что, несмотря на использование в фильме японского языка, практически весь фильм герои общаются между собой на корейском. Кроме того, в часовом фильме есть лишь буквально пара сцен с участием японцев (солдаты и офицеры), а в остальном — главная роль отведена корейцам. И на протяжении всего фильма вопросы лояльности действующей власти обсуждаются, если можно так сказать о пропагандистском фильме, исключительно между самими корейцами.

Ещё один типичный пропагандистский фильм — «Доброволец» (*Чивонбёнъ*; реж. Ан Согёнъ, 1941) — обыгрывает распространённый сюжет о мальчике из бедной деревенской семьи, для которого поступление на службу в японскую армию открыло дорогу в жизнь. При этом, несмотря на обусловленное сюжетом обилие японских флагов и военной формы, фильм полностью (за исключением пары сцен с японскими офицерами) снят на корейском языке (разумеется, с

японскими субтитрами). В завершающей сцене фильма, где главного героя в армию провожает его возлюбленная, видно, что она, как и другие девушки-корейки, стоящие рядом, носит ленту «Общества патриотов» (*Айкоку фудзинкай*) — одной из нескольких прогосударственных организаций, занимающихся поддержкой армии.

Относительно далёкий от военной пропаганды фильм «Бездомный ангел» (*Чип омнын чхонса*; реж. Чхве Ингю, 1941), вышедший в условиях нарастающих милитаристских настроений, на первый взгляд, не агитировал прямо вступать в армейские ряды. Более того, один из центральных героев фильма — протестантский пастор Пан Сонбин, который пытается через труд привить опекаемым им беспризорникам понятия протестантской трудовой этики (хотя, разумеется, религиозные аспекты в фильме отсутствуют). Однако завершающая сцена фильма, когда мальчики-корейцы, выстроившись перед флагом Японской империи, декламируют на японском «Клятву подданного страны императора» (*Ко:коку симмин-но сэйси / Хвангук синмин соса*) —

Мы — подданные великой Японской империи.

Мы всей душой преданы Его Величеству императору.

Мы перенесем все трудности и будем прекрасными и сильными гражданами. —

наглядно демонстрирует, что в тех исторических условиях любое произведение, предназначенное для массового просмотра или чтения, несло в себе обязательную идеологическую нагрузку.

В последние годы войны идеологическое давление во всех сферах жизни крайне усилилось во всей Японской империи. В Корею к 1944—1945 гг. корейский язык оказался чуть ли на нелегальном положении. В соответствии с указом генерал-губернатора Минами Дзиро, ещё с 1940 г. за разговоры на корейском в школах и общественных местах должен был налагаться штраф. Фильмы того периода вполне отражали государственную языковую политику и выходили исключительно на японском. При этом в повседневной жизни языком общения корейцев оставался, как ни странно, корейский язык¹⁹.

Пропаганда милитаризма при этом могла подаваться в самых разных вариациях. Так, в «Корейском проливе» (*Чосон хэхён*; реж. Пак Кичхэ, 1943) поступление молодого корейца Сэки (все герои

фильма носят японские имена) на службу в армию сопровождается конфликтом с отцом из-за того, что Сэки женился против его воли. Собственно, главная цель поступления на службу главного героя в японскую армию — доказать отцу-корейцу, что он заслуживает право на собственное мнение.

Фильм «Дорогой солдат» (*Пёнъджонъним*; реж. Пан Ханджун, 1944) куда менее мелодраматичен и воздействует на зрителя, помимо чисто идеологических аргументов, также более простыми мотивами для поступления на службу в армию — быть накормленным и одетым. Например, в фильме определённо заметна эстетизация употребления пищи, что явно призвано создать вокруг армии позитивный ореол, в условиях, когда в воюющей стране недоедали не только корейцы, но и японцы²⁰.

Несмотря на масштабную и всеохватывающую пропаганду и массовую мобилизацию военных лет, у генерал-губернаторства не получилось «сделать» из корейцев японцев в столь короткие сроки. Идиллия мирного и дружелюбного сосуществования корейцев и японцев или, что чаще, создания «японцев корейского происхождения» провалилась не только по причине поражения Японии в войне и ограниченности во времени, но и в силу сопротивления (в военные годы, разумеется, скрытого) данной политике со стороны корейцев. Именно теме сопротивления японцам посвящён один из первых фильмов свободной Кореи — «Да здравствует свобода» (*Чаю мансе*; реж. Чхве Ингю. Корея, 1946), который снял после вынужденного перерыва автор «Бездомного ангела» Чхве Ингю.

Находясь в экономической и идеологической зависимости от японских колониальных властей, корейское кино 1920—1940-х годов, безусловно, не имело возможности критиковать политику генерал-губернаторства. Кроме того, начиная с середины 1930-х корейские фильмы непременно несли в себе идеологические и воспитательные элементы. Однако, несмотря на стремление приукрасить действительность (что свойственно большинству фильмов в принципе), корейское колониальное кино вполне может использоваться как первичный источник для исторических (в том числе в сфере микроистории), культурологических и антропологических исследований, поскольку за ширмой обязательной идеологической составляющей, тесно связанной с текущей политикой генерал-губернаторства, на-

ходится масса элементов и сюжетов, наглядно демонстрирующих повседневную жизнь колониальной Кореи, которые, безусловно, будут представлять интерес для исследователей-корееведов и всех интересующихся историей и культурой Кореи.

Примечания

¹ *Син Ёнхва и др.* Синминджи кындэхварон-е тэхан пипханчок сонъчхаль [Критический анализ теории о колониальной модернизации]. Сеул: Нанам, 2009.

² *Син Ёнхва.* Ильдже синминджи чонъчхэк-ква синминджи кындэхварон пипхан [Японская колониальная политика и критика колониальной модернизации]. Сеул: Мунхаква джисоньса, 2006.

³ *Чонь Ёнтхэ.* Хангук кындэ-ва синминджи кындэхва онджэнь [Корейская современность и споры о колониальной модернизации]. Сеул: Тосочхульпан Пхурын ёкса, 2011.

⁴ *Caprio Mark E.* Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910—1945. Seattle and London: University of Washington Press, 2009.

⁵ *Palmer Brandon.* Fighting for the Enemy: Koreans in Japan's War, 1937—1945. Seattle and London: University of Washington Press, 2013.

⁶ *Atkins E. Taylor.* Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910—1945. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2010.

⁷ *Хван А.Г.* Очерки истории корейского кино (1903—1949). М.: Вост. лит., 2007. С. 48—49.

⁸ *Ким Рёсиль.* Тхусаханын чегук тхуёнъханын синъминджи: 1901—1945нён-ый хангук ёнхваса-рыль тведжипта [Империя, отбрасывающая тень, и колония, на которую падает тень: вспоминая историю корейского кино 1901—1945 гг.]. Сеул: Самин, 2006. С. 60—61.

⁹ *Atkins E. Taylor.* Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910—1945. P. 148.

¹⁰ *Kim, Dong Hoon.* Eclipsed Cinema: The Film Culture of Colonial Korea. Edinburgh University Press, 2017. P. 59.

¹¹ *Atkins E. Taylor.* Primitive selves:... 151—165.

¹² *Хван А.Г.* Указ. соч. С. 87—88.

¹³ *Kang Hildi.* Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910—1945. New York: Cornell University Press, 2005. P. 43—45.

¹⁴ Лучшее всего это заметно по мелодрамам, например «Сладкие грёзы» (*Мумонь*; реж. Ян Джунам, 1936) и «Рыбацкий огонь» (*Охва*; реж. Ан Чхорён, 1939).

¹⁵ *Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok*. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Education Review*. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 75—89.

¹⁶ *Grajdanzev Andrew*. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 270.

¹⁷ *Ким Н.Н., Хохлова Е.А.* Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // *Восток*. 2017. № 3. С. 106—122.

¹⁸ *Хван А.Г.* Указ. соч. С. 89.

¹⁹ Ильдже синминджи сизи сэро ильги [Новое прочтение колониального периода]. Сеул: Хеан, 2007. С. 290—295.

²⁰ *Шабшина Ф.И.* В колониальной Корее (1940—1945): записки и размышления очевидца. М.: Наука, 1992. С. 129.

References

1. *Atkins, E. Taylor* (2010). *Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910—1945*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

2. *Caprio, Mark* (2009). *Japanese assimilation policies in colonial Korea, 1910—1945*. Seattle: University of Washington Press.

3. *Grajdanzev Andrew* (1944). *Modern Korea*. New York. P. 270.

4. *Hwan A.G.* (2007). *Oчерки istorii koreiskogo kino (1903—1949)* [Essays on the History of Korean Cinema (1903—1949)]. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

5. *Ilje singminji sigi saero ilgi* [Re-reading of the colonial period in Korea]. Seoul: Hyeon, 2007. Pp. 290—295 (in Korean).

6. *Jeong, Yeontae* (2011). *Hanguk geundae-wa singminji geundaehwa nonjaeng* [Korean Modernity and Colonial Modernization Debate]. Seoul: Pureun yeoksa.

7. *Kang Hildi* (2005). *Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910—1945*. New York: Cornell University Press. P. 43—45.

8. *Kim N.N., Khokhlova E.A.* Evolyutsiya sotsialnogo polozheniya zhenshchin v Koreye: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [Evolution of the Social Status of Women in Korea: from Traditional to Modern Society]. *Vostok [The East]*. 2017. № 3. P. 106—122. (in Russian).

9. *Kim Ryeo-sil.* (2006). *Tusahaneun jeguk, tuyeonghaneun sikminji* [An Empire Casting a Shadow and a Colony Upon Which a Shadow Falls: Recalling the History of Korean Cinema 1901—1945]. Seoul: Samin. P. 60—61 (in Korean).

10. *Kim, Dong Hoon* (2017). *Eclipsed Cinema: The Film Culture of Colonial Korea*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 59.

11. *Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok.* (2000). Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Education Review.* 2000. Vol. 1. No. 1. p. 75—89.

12. *Palmer, Brandon* (2013). *Fighting for the Enemy: Koreans in Japan's War, 1937—1945.* Seattle and London: University of Washington Press.

13. *Shabshina F.I.* (1992) V kolonial'noy Koree (1940—1945): Zapiski i razmyshleniya ochevidtса. [In Colonial Korea (1940—1945): Witnesses' Notes and Reflections]. P. 129 (in Russian).

14. *Shin, Yong-Ha.* (2006). *Ilje singminji jeongchaek-gwa singminji geundaehwaron bipan* [Japanese Colonial Policy and Criticism of Colonial Modernization]. Seoul: Munhak-gwa jiseongsa.

15. *Shin, Yong-Ha [et al.]* (2009). *Singminji geundaehwaron-e daehan bipanjeok seongchal* [A Critical Reexamination of the Theory of Korean Modernization through Colonization]. Seoul: Nanam.

А.А. Гурьева

О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ЛИТЕРАТОРАХ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ*

В статье анализируется сохранение памяти о литераторах колониального периода в Республике Корея в связи с историческими предпосылками, а также с учетом места, отводимого конкретному автору в истории корейской культуры. Особое внимание уделяется специфике восприятия авторов в связи с их политической позицией при японских колониальных властях и влиянии этого фактора на формы увековечивания их наследия. Анализ выявляет тенденцию к актуализации исторической памяти в случаях, когда вопрос касается форм индивидуально ориентированного признания отдельной личности — памятников, мемориальных знаков, сувенирной продукции. В случае с проектами, посвященными периоду в целом, внимание уделяется преимущественно художественному творчеству как основному критерию определения достоинств каждого автора.

Ключевые слова: корейская литература, корейские писатели и поэты, современная культура Республики Корея, колониальный период, культурное наследие.

* Работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

В статье анализируются тенденции в сфере сохранения в Республике Корея памяти о литераторах, творивших в годы японского колониального правления. Специальные мероприятия и формы деятельности в этой области заслуживают особого внимания как самостоятельный феномен, а исторические обстоятельства определяют его специфику при ограничении материала его связью с колониальным периодом.

Актуальность темы связана с проблемами наследия и исторической памяти, с особенностями процесса развития современной литературы.

При рассмотрении темы требуется учитывать два важнейших фактора: а) корейская современная литература формировалась именно в колониальный период; б) представители творческих профессий были крайне зависимы от колониального режима. Рассмотрим эти факторы по отдельности.

Немаловажным является тот факт, что именно на колониальный период приходится активное формирование в Корее принципиально новой литературы. Рубеж XIX—XX вв. считается водоразделом между традиционной литературой и литературой современной, которая, в свою очередь, делится на так называемую новую (*кындэ мунхак*) и современную (*хёндэ мунхак*). Как известно, знакомство с литературой Запада повлекло за собой пересмотр традиционных представлений о том, что такое литература, и стремление авторов последовать новым формам. Большинство авторов колониального периода являются не только неотъемлемой частью этой страницы истории, но и крупными фигурами, внесшими вклад в современный облик корейской литературы.

Совпадение периода активности с колониальным периодом является определенным маркером и составляет важные черты в портрете каждого литератора. Примечательно, что такое восприятие не зависит ни от степени вовлеченности автора в антияпонскую борьбу, ни от использования соответствующих тем в творчестве. В некотором смысле это совпадение означает пристальное внимание к тому, как автор проявил себя в этот трагический период в жизни страны, а этим во многом определяется отношение к нему после Освобождения. Людям приходилось делать выбор: где учиться, как публиковаться, как строить общение с японскими властями. Осо-

бенно острое осуждение общества вызывают факты активной коммуникации с японскими властями, воспринимающиеся как проявление коллаборационизма. В то же время представители корейской интеллигенции порой делали выбор в пользу сотрудничества с японцами ради доступа к знанию, образованию, а также к национальному наследию, часть которого оказалась под контролем колонизаторов. Спорность этой позиции, как и спорность негативного отношения к характеру их взаимоотношений с японцами, обсуждается, например, В.И. Ивановой в монографии «Новая проза Кореи»¹. Так или иначе, некоторые литераторы колониального периода воспринимаются южнокорейским обществом как неоднозначные.

В статье на основе анализа обширного материала выделяется несколько форм деятельности, связанной с сохранением памяти о литераторах этого периода. Многие из этих видов деятельности инициированы и реализуются обществами памяти каждого из литераторов. У истоков этих обществ могут стоять родственники литератора, его ученики или почитатели. Рассмотрим эти виды деятельности подробнее.

1. Родной дом литератора. Другие места, связанные с его² жизнью и творчеством³

Установление памятных знаков в родных местах литератора, в первую очередь у его родного дома, — одна из важнейших мер по сохранению памяти о нем. Она же относится к наиболее ранним традициям, сложившимся вскоре после Освобождения. Как правило, литературный мир автора ассоциируется с той атмосферой, в которой он родился и сформировался как творческая личность.

Сохранение от разрушения и восстановление домов литераторов входит в первоочередные задачи обществ. Постепенно такие места приобретают статус достопримечательности и вносятся на карты и в путеводители. Школы и прочие места, связанные с детством и юностью авторов, могут быть отмечены мемориальными досками, стендами, как правило организованными самим учреждением. Внимание уделяется и местам захоронения литераторов.

Важно отметить, что такая деятельность активно реализуется в отношении тех литераторов, которые признаны обществом не толь-

ко как выдающиеся мастера слова, но и как личности, сохранившие верность Родине в трудный для страны период. Наблюдается тенденция в сохранении и популяризации в качестве значимого объекта родного дома тех литераторов, патриотизм которых не ставится под сомнение. И, напротив, дома тех, кто отнесен к коллаборационистам, порой находятся в заброшенном состоянии. Например, в прессе освещалось состояние родного дома Чхве Намсона (1890—1957) — одного из наиболее неоднозначных деятелей колониального периода, а также принадлежавших ему вещей. До этого его дом был исключен из списка культурного наследия Сеула⁴.

Немаловажную роль играет и отношение местных жителей. В книге «Увлекательный урок литературы»⁵, представляющей своего рода путеводитель по литературным местам страны, сообщается о неудовлетворительном состоянии дома Со Чжончжу (1915—2000) — выдающегося литератора, обвиняемого, однако, в прояпонской деятельности и поддержке деятельности Чон Духвана. Авторы книги пишут о том, что некоторые местные жители демонстрировали удивление, узнав о желании гостей посетить дом поэта⁶, хотя Со Чжончжу занимает весьма значимое место в числе своих коллег и был рекомендован как кандидат на получение Нобелевской премии по литературе от Республики Корея. Впоследствии дом был восстановлен и рядом был возведен Музей Со Чжончжу. В блогосфере этот объект вдохновляет пользователей на обсуждение: насколько жизненный путь того или иного автора важен в плане восприятия его творческих заслуг⁷.

Можно сделать вывод о том, что в случае с установкой памятных знаков существенное влияние оказывают в первую очередь не творческие заслуги автора, а его репутация в связи с тем, как он проявил себя в колониальный период.

2. Музейные проекты

В Республике Корея существует несколько музеев современной литературы. Колониальному периоду как времени возникновения самого явления современной литературы уделяется особое внимание.

Так, в Музее современной корейской литературы (открыт в Сеуле в 1996 г. под эгидой Министерства культуры и спорта) основное

выставочное пространство отведено информации об авторах первой половины XX в. — первых представителях новых течений в литературе. Они составляют подавляющее большинство «главных поэтов», которым посвящена отдельная экспозиция⁸.

Музей новой литературы в Инчхоне (основан Культурным фондом г. Инчхон), в соответствии с названием и общепринятой периодизацией, полностью первой половине XX в. В музее отдельно отмечаются юбилейные даты, связанные с выходом ключевых произведений этого времени. Например, в 2017 г. увидела свет выставка, посвященная памяти Ли Гвансу (1892—1950) — одного из представителей просветительского движения, обвиняемого в коллаборационизме, — и 100-летию публикации его знаменитого романа «Бессердечие *Мучжон*». Это мероприятие стало первой выставкой редких книг, состоявшейся после открытия музея⁹.

В этих музеях выбор материала для экспозиции основывается преимущественно на творческих заслугах людей, наследие которых стало частью литературы данного периода. Подобный принцип можно обнаружить и в локальных частных музеях¹⁰.

Существуют также музеи, посвященные конкретному автору. Как правило, они расположены в местах, связанных с жизнью литератора. Их организация позволяет ознакомиться не только с самой личностью писателя и/или поэта, но и с исторической эпохой на его примере. Так, музей Хан Ёнуна (1879—1944) *Симучжан*¹¹ знакомит с типичным пространством для уединенных занятий творчеством, составлявшим важные периоды в жизни автора. В Музее Юн Дончжу (1917—1945) обычная экспозиция дополнена реконструкцией тюремной камеры поэта. В этом «сердце музея» запрещены фото- и видеосъемка. Атмосфера музея соответствует месту автора в истории родной страны: фигура Юн Дончжу воспринимается как одна из наиболее трагичных среди его современников. Поэт умер молодым в японской тюрьме, в которой оказался за то, что писал стихи на корейском языке. Существует версия, что он стал объектом медицинских опытов¹². Несмотря на то что Юн Дончжу никогда не вел антияпонской борьбы и даже стыдился своей пассивности, именно он стал символом противостояния корейского народа и его страданий в условиях утраты независимости. Его проникновенное творчество с выраженной темой ответственности за происходящее и ранняя

смерть за смелость сочинять по-корейски стяжали особое восприятие поэта как «совести нации». В упомянутом выше Музее Со Чжончжу приведены различные газетные публикации и материалы, касающиеся спорных моментов его жизни и политической позиции, о которых говорилось выше¹³.

Можно отметить следующую тенденцию: в музеях с общей экспозицией акцент делается на развитии литературы и на роли каждого автора в этом процессе. Между тем музеи, посвященные отдельному человеку, высвечивают, скорее, особенности его личности в связи с эпохой.

3. Памятники

Установление памятников — одна из репрезентативных форм деятельности по сохранению памяти о литераторах в Республике Корея. Наиболее характерный тип памятника — это так называемые камни со стихами *сиби* — каменные стелы с высеченными текстами. Встречаются также памятники с фрагментами прозы. Иногда художественные строки дополняются изображением самого автора или другими образами. Например, на памятнике Ли Хёсоку (1907—1942) изображена героиня его самого известного рассказа «Когда зацветает гречиха» (*Мемиль-ккот пхиль мурён*). Нередко на памятниках указывается цель их установления, как правило связанная с назиданием для потомков.

Памятники с выгравированными текстами представляют собой самобытное явление корейской культуры. Они устанавливаются как в местах, связанных с жизнью и творчеством литераторов, так и в популярных местах отдыха или любования природой. Например, в парках, названных именами литераторов. Их установлением занимаются, как правило, общества памяти авторов или иные ассоциации. Примечательно, что первым автором, кому был установлен памятник типа *сиби* (1948), стал Ли Санхва (1901—1943) — автор прославленного антияпонского стихотворения «Может ли прийти весна на отнятые поля?» (*Пнэатккин тыредо поми онынга*)¹⁴.

Постепенно памятники были установлены всем крупным фигурам периода, включая тех, отношение к которым спорное. Например, это памятный постамент Ли Гвансу — автору, которого принято

относить к категории прояпонских, установленный по инициативе нескольких представителей творческих кругов в 1975 г.¹⁵ Сохранилась запись писателя о том, что если когда-нибудь ему будет установлен памятник, он бы хотел, чтобы на нем было высечено: «Ли Гвансу, трудившемуся на благо корейского народа»¹⁶.

Например, известен следующий прецедент: сто человек из числа Литературной ассоциации г. Чхунчхон закопали памятники *сиби* трем авторам, обвиняемым в пособничестве японским властям¹⁷. После этой акции вспыхнули протесты, которые привели к отмене проекта установления *сиби* со строками стихотворения Со Чжончжу в месте, которое в нем воспеваётся, изначально направленному на увеличение туристической привлекательности этого места¹⁸. Подобная акция состоялась ранее в г. Пучхон, где сносу подверглись стелы со стихотворениями трех поэтов, установленные на так называемой улице стихов и цветов, где расположены и другие *сиби*. Акция была приурочена к 100-летию Первомартовского антияпонского движения. Причем некоторые из памятников там планируется заменить на *сиби* других авторов¹⁹, чей патриотизм, видимо, не ставится под сомнение.

Будучи самым распространенным видом деятельности по увековечению памяти литератора, установление памятников всегда на виду и является также наиболее заметным ее результатом. Наряду с этим, как форма уважения памяти и своего рода прославления конкретной личности, памятник стал также наиболее остро воспринимаемым в обществе.

4. Издательские проекты

Обратимся к особым издательским проектам, выходящим за рамки обычной публикации трудов литераторов или результатов посвященных им научных исследований. Примером может служить проект репринта первых изданий сборников наиболее знаменитых авторов. Они входят в состав сувенирной продукции (например, наборы с блокнотом, обложка которого повторяет оформление самой книги)²⁰. Примечателен выбор для начального этапа проекта: сборник Юн Дончжу и затем сборник Ли Юкса (1904—1944) — авторов, символизирующих два полюса противостояния японскому правле-

нию. Юн Дончжу не использовал мотивы борьбы в своих стихотворениях, но принял смерть за использование родного языка, и в связи с этим он олицетворяет совесть нации и трагические судьбы корейцев. Ли Юкса — воплощение борьбы с колонизаторами: он боролся в составе организованных обществ, проводивших подрывную деятельность, за что был осужден и заключен в тюрьму.

Вскоре после книг этих авторов проект пополнило репринтное издание сборника «Зеленый олень *Чхоннок чип*», который был опубликован в 1946 г., но вобрал в себя тексты, написанные участниками Общества Зеленого оленя Пак Могволь (1916—1978), Пак Тучжин (1916—1998), Чо Чжихун (1920—1968) — в годы колониального правления. Традиционализм стихотворений порой подвергался критике современных им авторов-новаторов, которые считали, что отвлеченные мотивы не вдохновляют на борьбу, однако эта книга вошла в число наиболее любимых читателями поэтических сборников. Кроме того, в построении текстов и их символике можно усмотреть попытку способствовать гармонии в государстве при помощи письменного слова — т. е. традиционным для корейской культуры способом²¹. Как и поэзия Юн Дончжу или Ли Юкса, стихотворения этих трех авторов активно представлены в блогосфере в качестве любимых произведений пользователей.

Таким образом, можно предположить, что авторы проекта ориентировались на эмоциональный отклик читателей и переиздавали те книги, которые сегодняшние читатели знают и любят. При этом первоочередной выбор для переиздания составили книги тех литераторов, которые служат символом эпохи и образцом жизненной позиции.

5. Специальные проекты, культурные мероприятия и программы

Важную роль в привлечении внимания к творческому наследию литераторов играют различные культурные мероприятия. Это экскурсии, конкурсы (песен, фотографий, сочинений, чтения стихов), фестивали²². Например, фестиваль писателя Ли Хёсока проводится в Понпхёне — местности, в которой происходят события в его репрезентативном произведении, рассказе «Когда зацветает гречи-

ха» — в период цветения гречихи. Множество людей устремляются туда семьями, фотографируются на фоне цветов. Фото можно при-слать на конкурс.

Культурными сообществами организуются образовательные программы для обычных граждан. Примером может служить недельная программа посещения литературных мест Сеула. В нее включены места, связанные как с литературой XX в., так и с литературой традиционной. При этом основное внимание уделяется тем современным авторам, которые заняли славное место в истории страны. Это касается как литераторов колониального периода, так и тех, кто принял участие в борьбе за демократию в последующие десятилетия.

* * *

Большинство выделенных форм деятельности наблюдается и в отношении литераторов второй половины XX в. Однако начало такой деятельности было положено в связи с увековечением памяти тех, кто стоял у истоков современной литературы Кореи. Кроме того, их наследие воспринимается и пропагандируется с большей патетичностью. Большую значимость имеет и оценка личности авторов. Обстоятельства жизни литераторов, их выбор в условиях колониального периода являются всеобщим достоянием и для многих служат критерием отношения к каждому из них. Это отношение нередко распространяется и на оценку их творческого наследия. В первую очередь это справедливо по отношению к формам индивидуально ориентированного признания отдельной личности — памятникам, мемориальным знакам, сувенирной продукции. Таким образом, историческая память оказывается более активна, когда вопрос касается личного увековечения.

В проектах, посвященных литературе в целом, а не одному человеку, можно выделить тенденцию абстрагирования от политической позиции каждого автора и внимания к художественному творчеству как основному критерию определения его достоинств. При этом можно говорить и о не всегда пропорциональном распространении материала в музейных проектах, посвященных современной литературе. Колониальному периоду как периоду зарождения и формирования новых форм порой уделяется больше внимания.

Примечания

- ¹ *Иванова В.И.* Новая проза Кореи. М.: Наука, 1987.
- ² Ввиду того, что в первой половине XX в. известность приобрели преимущественно литераторы-мужчины, в статье отсутствует информация о литераторах-женщинах.
- ³ Обзор данного пункта написан преимущественно по материалам книги: *Ким Янхи, Ким Ёнчжа.* Чыльгоун мунхаксуоп [Увлекательный урок литературы]. Сеул: изд-во Сонним, 2003.
- ⁴ Холлёборин Чхве Намсон йетчип, муоль намгённа [Заброшенный старый дом Чхве Намсона, что оставили там?] // OhMyNews. 26.01.2003. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000104458 (дата обращения: 14.01.2020).
- ⁵ *Ким Янхи, Ким Ёнчжа.* Чыльгоун мунхаксуоп [Увлекательный урок литературы]. Сеул: изд-во Сонним. 2003. С. 301—302.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Например, в блоге Демиан. 24.05.2016. URL: http://blog.daum.net/_blog/BlogTypeView.do?blogid=0Ki0U&articleno=7396791&categoryId=470432®dt=20160524060430 (дата обращения: 24.02.2020).
- ⁸ Сайт Музея современной литературы. URL: <http://www.kmlm.or.kr/ExhibitionHall/ExhibitionHall03.asp> (дата обращения: 30.01.2020).
- ⁹ Инчхон Мунхва чэдан кындэмунхаккван, «Чхунвон Ли Гвансу Чхинпхиль» кындэ мунхак хвигвибон чонси. [В Музее Новой литературы Культурного фонда Инчхона выставляется редкий экземпляр автографа Чхунвона Ли Гвансу] // Чунан ильбо. 08.03.2017. URL: <https://news.joins.com/article/21347948> (дата обращения: 30.01.2020).
- ¹⁰ Например, в Музее Чхоннён мунхаккван в Хончжу. Хончжу Чхоннён мунхаккван Игвансу-ый Хык Вонбони итта [В Литературном Музее в Хончжу хранится оригинал произведения Ли Гвансу «Земля»] // Нэпхо ньюси. URL: <http://www.naeronews.co.kr/news/articleView.html?idxno=3245> (дата обращения: 30.01.2020).
- ¹¹ Название, которое в свое время выбрал для своего дома сам литератор, восходит к буддийскому понятию, обозначающему одну из степеней самопознания.
- ¹² The Wind and the Waves: Four Modern Korean Poets. Translated and Introduced by Sung-Il Lee. Berkeley, Calif.: Asian Humanities Press, 1989.
- ¹³ Демиан. 24.05.2016. URL: http://blog.daum.net/_blog/BlogTypeView.do?blogid=0Ki0U&articleno=7396791&categoryId=470432®dt=20160524060430 (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁴ *Ким Янхи, Ким Ёнчжа.* Указ. соч. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 44—45.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Чхунчхонси, чхиниль хэнчжок иуро сочончжу, чхвенамсон сибид чхольго. [Снос в городе Чхунчхон памятников Со Чжончжу, Чхве Намсона по причине прояпонской деятельности] // *Чосон ильбо*. 01.05.2019. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/05/01/2019050100981.html (дата обращения: 31.01.2020).

¹⁸ Хагампхо хэсүёкчан чхиниль хэнчжок сочончжу сибид коллип чумин панбалло чхвисо [Отмена проекта по возведению памятника прояпонского деятеля Со Чжончжу на пляже в Хагампхо в результате протеста местного населения] // *Хангук ильбо*. 19.11.2019. URL: <https://hankookilbo.com/News/Read/201911190979372649?NClass=НК02> (дата обращения: 27.02.2020).

¹⁹ Самиль ундон 100 чунён аптуго чхинильмунхак сиин сочжончжу сибид чхольгоханда [Снос стелы со стихами прояпонского поэта Со Чжончжу в честь 100-летия Первоапрельского движения] // *Тона ильбо*. 12.02.2019. URL: <http://www.donga.com/news/article/all/20190212/94072851/1> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁰ Существуют канцелярские товары, выполненные в специальном дизайне, связанном с творчеством Юн Дончжу. Автор благодарен проф. СПбГУ С.О. Курбанову за предоставление образца такой продукции.

²¹ Подробнее об этом см.: *Guryeva A.A. Some Words pro 'Green-deer group': a Traditional Way of Supporting the Country» // Local Heritage and Global Perspective. The 27th International Conference on historiography and source studies of Asia and Africa, Saint Petersburg*. 2013. P. 306.

²² Многие из таких конкурсов описаны Ким Янхи, Ким Ёнча, 2003.

References

1. Chuncheonsi chinil haengjeok iyuro Seojeongju Chwenamseon sibi cheolgeo. [Dismantling of the poetic monuments to Seo Jeong-ju and Choe Nam-seon in Chuncheon due to their pro-Japanese activities]. *Joseon Ilbo*. 05. 01.2019. Available at: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/05/01/2019050100981.html (accessed 01.31.2020) (in Korean).

2. Demian. 24.05.2016. Available at: http://blog.daum.net/_blog/BlogTypeView.do?blogid=0Ki0U&articleno=7396791&categoryId=470432®dt=20160524060430 (accessed 02.24.2020) (in Korean).

3. *Guryeva A.A.* (2013). Some Words pro 'Green-deer group': a Traditional Way of Supporting the Country. *Local Heritage and Global Perspective. 27th International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Arica, Saint Petersburg*.

4. Hagampo Haesuyeokjang chinil haengjeok Seojeongju sibi geonrip jumin banballo chwiso [Cancelling the erection of the monument to the pro-Japanese poet Seo

Jeong-ju at the Hagampo beach as a result of the citizens' protest]. *Hanguk Ilbo*. 11. 19.2019. Available at: <https://hankookilbo.com/News/Read/201911190979372649?NCclass=HK02> (accessed 02.27.2020) (in Korean).

5. Heollyeobeorin Chwe Namseon yetjip, mweol namgyeonna [Choe Namseon's old house left behind, what is left there?]. *OhMyNews*. 01.26.2003. Available at: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000104458 (accessed 01.14.2020) (in Korean).

6. Homepage of the Contemporary Literature Museum. Available at: <http://www.kmlm.or.kr/ExhibitionHall/ExhibitionHall03.asp> (accessed 01.30.2020) (in Korean).

7. Hongju cheonnyeon munhakkwan Igwangsu-eui heuk weonboni itta [In the Literature Museum in Hongju there is an original of Lee Gwang-su's "Earth"]. *Naepo nyuseu*. Available at: <http://www.naepoews.co.kr/news/articleView.html?idxno=3245> (accessed 01.30.2020) (in Korean).

8. Incheon munhwa jaedan geundaemunhakkwan Chunweon Igwangsu chinpil geundae munhak hwigwibon jeonsi [A Rare Autograph of Chungweon Lee Gwang-su exhibited in the Museum of Modern Literature, Incheon Cultural Foundation]. *Joongang Ilbo*. 03.08.2017. Available at: <https://news.joins.com/article/21347948> (accessed 01.30.2020) (in Korean).

9. *Ivanova V.I.* (1987). *Novaya proza Korei* [New Prose of Korea]. Moscow, Nauka (in Russian).

10. *Kim Yang-hui, Kim Yeong-ja* (2003). *Jeulgeoun munhak sueop* [An Amazing Literature Class]. Seoul: Seongrim (in Korean).

11. *Kim Yang-hui, Kim Yeong-ja* (2003). *Jeulgeoun munhak sueop* [An Amazing Literature Class]. Seoul: Seongrim (in Korean). P. 44—45.

12. *Kim Yang-hui, Kim Yeong-ja* (2003). *Jeulgeoun munhak sueop* [An Amazing Literature Class]. Seoul: Seongrim (in Korean). P. 150.

13. *Kim Yang-hui, Kim Yeong-ja* (2003). *Jeulgeoun munhak sueop* [An Amazing Literature Class]. Seoul: Seongrim (in Korean). P. 301—302.

14. Samilundong baekjuneon abdugo chinilmunhak siin Seojeongju sibi cheolgeohanda [Dismantling of the poetic monuments of pro-Japanese poet Seo Jeong-ju before the 100th anniversary of the March First Movement]. *Donga Ilbo*. 12.02.2019. Available at: <http://www.donga.com/news/article/all/20190212/94072851/1> (accessed 04. 05.2020) (in Korean).

15. *The Wind and the Waves: Four Modern Korean Poets*. Translated and Introduced by Sung-II Lee. Berkeley, Calif.: Asian Humanities Press, 1989.

Е.А. Хохлова

ТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ КОРЕИ В ИСКУССТВЕ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

В статье рассматриваются знаковые произведения южнокорейских художников на тему разделения Корейского полуострова. Представлены выставочные проекты последнего десятилетия, посвященные этой теме. Критериями отбора стало признание арт-сообщества и внимание общественности. Сделан вывод, что не только старшее поколение художников, которое жило в непростое для Кореи время, переосмысляет и ищет пути разрешения главной проблемы страны, но и молодое поколение. Тема разделения звучит в творчестве умеющих вскрывать проблемы современного южнокорейского общества художников, которых относят к направлению «политическое искусство». Автор приходит к выводу, что тема разделения не является заглавной в южнокорейском искусстве, но интерес к ней не угасает. На фоне северокорейской политики правительства Мун Чжэ Ина возрос и интерес со стороны государственных арт-институций.

Ключевые слова: южнокорейское искусство, тема разделения в искусстве, *минчжун мисуль*, Корейская война, ДМЗ.

Корея в середине XX в. пережила страшное — Корейскую войну (1950—1953) и разделение полуострова на два враждебно настроенных государства. Послевоенное поколение художников зафиксировало трагедию корейского народа. Так, например, художники на-

правления абстрактной живописи *информель* на крупных холстах экспрессивными мазками выражали глубокое отчаяние человека, пережившего войну и существовавшего в послевоенное время. Скульпторы Пак Чонбэ (род. 1935) и Сон Ёнсу (1930—1970) в металлических формах зафиксировали ужас произошедших событий (рис. 1).

Рис. 1. Пак Чонбэ. *Круг истории*. 1965. Железо, 115x134x88 см.
Университет Кённам

При этом вплоть до 1980-х годов тема разделения Кореи в связи с существовавшим политическим режимом и ограничением свободы самовыражения в искусстве открыто не затрагивалась. В 1980-х художники направления *минчжун мисуль* создавали произведения о трагедии разделения, отдельные произведения выражали надежду на возможное объединение двух стран. Тему разделения нельзя назвать основной в современном южнокорейском искусстве. Так, в изданиях, повествующих о тенденциях творчества художников Республики Корея (РК) тема разделения не выделяется как отдельная¹. Но за последние сорок лет было создано немало произведений, посвященных разделению. Есть художники, для которых эта тема стала основной, есть те, кто посвящает проблеме разделения отдельные произведения.

Не только художники, но и кураторы в рамках выставочных проектов высказываются и размышляют о главной проблеме Корейского

полуострова. В 2010 г. в Музее искусств г. Тэчжон прошла первая крупная выставка на тему разделения Кореи «Искусство разделения (*пундан мисуль*) — цветок, выросший из снега»; проект был приурочен к 60-летию начала Корейской войны². После этой выставки стали использовать понятие *пундан мисуль*, «искусство разделения», подразумевая под ним произведения, посвященные теме Корейской войны, разделению и надеждам на объединение. Особенно о *пундан мисуль* заговорили после проведения межкорейских саммитов в 2018 и 2019 гг. Были организованы крупные выставочные проекты, посвященные разделению, объединению и демаркационной линии (ДМЗ). В статье в хронологическом порядке мы рассмотрим знаковые произведения *пундан мисуль*, представим три главных выставочных проекта последнего десятилетия, посвященных этой теме.

Тема разделения Кореи в творчестве художников 1980-х годов

В 1980-х годах как часть движения за демократические свободы сформировалось направление *минчжун мисуль*, в котором был отражен дух сопротивления народных масс. Художники выступали против военной диктатуры, за демократические свободы, рисовали плакаты и огромные полотна, критикующие существовавший режим, мечтали о свободной от капитализма Корее и возвращении к традиционному укладу³. Они заговорили на тему разделения Кореи, задавая вопросом, что можно сделать для разрешения этой проблемы⁴.

Произведения на тему разделения и объединения воспринимались как прославление северокорейского режима и могли стать поводом для ареста, поэтому требовалась доля смелости, чтобы их затрагивать. В 1987 г. состоялась выставка «Искусство объединения». Специально подготовленная для этой выставки картина Син Хакчхоля (р. 1944) «Посадка риса» (*монэги*) была конфискована, а художника арестовали за восхваление северокорейского режима (рис. 2). На картине крестьяне расчищают поле от мусора, чтобы посадить рис, на чистой земле деревенские жители празднуют уборку урожая. Художник показал, что миру и процветанию Корейского полуострова мешает военный режим, США, и, чтобы объединить две страны, нужно вымести все, что препятствует этому. Серия холстов Син Хакчхоля «Новейшая история Кореи» (*хангук кындэса*) — самые из-

Рис. 2. Син Хакчхоль. *Посадка риса*, 1987.
Холст, масло, 112,1х162,2 см

Рис. 3. Син Хакчхоль. *Новейшая история Кореи*, 1983.
Холст, масло, 390х130 см

вестные произведения на тему Корейской войны и разделения (рис. 3). Ход истории Корейского полуострова послевоенного периода представлен в виде монстров и торнадо. Единственный путь для разделенной нации — объятия и воссоединение.

Конфискации подверглось полотно Чон Чжонхо (р. 1959) и Ли Санхо (р. 1959) «У подножия горы Пэктусан начинается новый день объединения» (*пэктусанчарак арэ палгаонын тхонире сэнариё*) (рис. 4). Полиция посчитала, что, нарисовав гору Пэктусан и цветок азалии — символы КНДР, художники прославляли северокорейский режим, а следовательно, нарушили Закон о национальной безопасности. Полотно было уничтожено властями.

В картине «Ради объединения» (*хана твемьль вихаё*) Им Оксана (р. 1950) выражено стремление к объединению (рис. 5). Герой про-

Рис. 4. Чон Чжонхо и Ли Санхо. *У подножия горы Пыктусан начинается новый день объединения*, 1987. Холст, масло, 240x500 см

Рис. 5. Им Оксан. *Ради объединения*, 1989. Бумага, акрил, 235x266 см

изведения пастор Мун Икхван (1918—1994) перепрыгивает через забор, разделяющий Север и Юг. Пастор Мун в 1989 г. самостоятельно (нелегально) посетил Пхеньян, где встретился с Ким Ир Сенем. Визит в КНДР вдохновил художника на создание полотна: «У нас был страх перед объединением, а пастор показал, что это возможно»⁵. На картине пастор представлен полным решимости борцом за единение

корейского народа, который смело и уверенно преодолевает преграды на пути к объединению. Произведение было неудобным, в 1989 г. выставить его не разрешили.

Художники *минчжун мисуль* представляли объединение Кореи как залог мирного процветания двух стран. На ксилографии Ким Бончуна (р. 1954) танцующие под звук корейских барабанов люди празднуют «объединение народа», в центре обнимают друг друга члены разделенной семьи (рис. 6).

Рис. 6. Ким Бончун. *Объединение*. 1985. Ксилография, 65x100 см

Художники направления *минчжун мисуль* говорили о трагедии Корейской войны, необходимости объединения и видели в нем путь к спасению и процветанию. Они ощущали причастность к событи-

Рис. 7. Ким Ёнтхэ. *ДМЗ*. 1984. Фотоколлаж, 160x378 см. Уничтожено автором

ям, происходящим в стране, их произведения отличает эмоциональность, вызванная оголенным чувством гражданского долга.

Особняком среди произведений 1980-х годов стоит фотоколлаж Ким Ёнтхэ «ДМЗ» (рис. 7). На черном фоне из фотографий, которые автор купил в фотоателье, распложенных в районе американской военной базы в Сеуле, автор выложил аббревиатуру DMZ. Сто восемьдесят фотографий американских солдат, корейских женщин, вступивших в отношения с американскими военными, и демилитаризованная зона — произведение не теряет своей актуальности и сегодня, напоминая, что РК остается заложником ситуации и военный конфликт влияет на жизнь каждого жителя страны.

Наследие *минчжун мисуль* и политическое искусство 1990—2000 годов

В 1990-х годах дух борьбы за демократические свободы угас, молодое поколение художников высказывалось на более насущные темы — потребление и отчуждение⁶. Корейская война, разделение оказались на периферии творческих интересов. Продолжали высказываться на эти темы в основном художники направления *минчжун мисуль* и те, кто считал, что искусство должно просвещать массы.

Художник направления *минчжун мисуль* Сон Чхан (р. 1952) на протяжении тридцати лет пишет картины о разделении, выражая

«коллективную травму, нанесенную войной и расколом»⁷. Сон Чхан изображает драму, используя темную палитру и легко считываемые образы: танки, снаряды, солдаты, разрушенные мосты, черепа (рис. 8). Художник считает своим долгом напоминать соотечественникам о разделении. «Мы легко забыли о войне, живем, считая, что объединение — это не про нас. Я хочу показать, что разделение — это наша важная проблема»⁸.

Рис. 8. Сон Чхан. *Исковерканное время*, 1996. Холст, краски, 181,8x454,6 см

Напоминать корейцам о Корейской войне считает необходимым и художник Со Ёнсон (р. 1951). Он надеется, что его произведения помогут переосмыслить, вспомнить события, которые забылись или кажутся чужими⁹. В повествовательной, экспрессивной манере Со Ёнсон показывает зрителю реальные события корейской истории. Например, трагические события в деревне Ногынни, произошедшие в 1950 г., когда американские военные расстреляли несколько сотен мирных жителей, представлены на девятиметровом холсте (рис. 9).

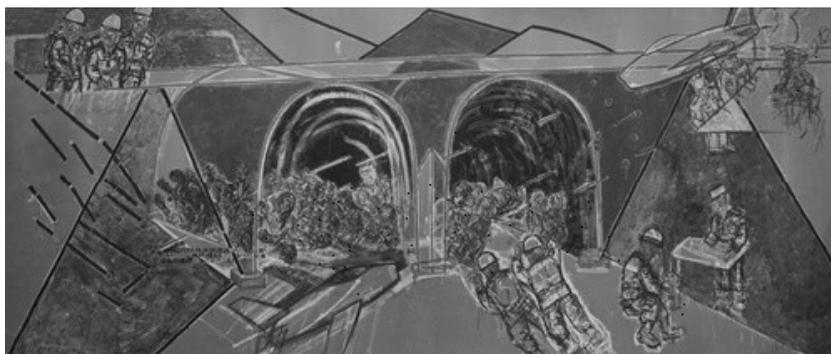

Рис. 9. Со Ёнсон. *Ногынни*, 2019. Акрил, холст, 400х990 см

Художник уверен, что, размышляя о войне, можно найти причины проблем современной РК¹⁰.

С 2000-х годов молодое поколение художников начало высказываться на политические темы, критиковать власть, раскрывать социальные проблемы. По настроению и ощущению ответственности творца перед обществом художники политического искусства (political art) схожи с поколением *минчжун мисуль*, поэтому их называют наследниками этого направления¹¹. Тема разделения звучит в творчестве художников, умеющих вскрывать проблемы современного южнокорейского общества. Не представляется возможным рассмотреть все произведения на тему разделения. Ниже представлены примеры произведений, критериями отбора, стало признание арт-сообщества и внимание общественности.

В серии видео-работ Ли Ёнбэка (р. 1966) солдаты в военной форме с цветочным орнаментом идут в наступление с автоматами в руках, едут на танке (рис. 10). Место сражения представлено в виде усыпанного цветами яркого ковра. Зритель сначала видит яркую картинку, но постепенно начинает замечать солдат и понимает, что перед ним наступление войск. Произведение, по мнению критиков, наиболее удачно раскрывает реальность РК — страны, где сохраняется и периодически повышается градус военного напряжения¹².

Под музыку вальса Йоганна Штрауса кружатся, сталкиваются солдатики в видео художника Чон Чжунхо (р. 1961) (рис. 11). Фи-

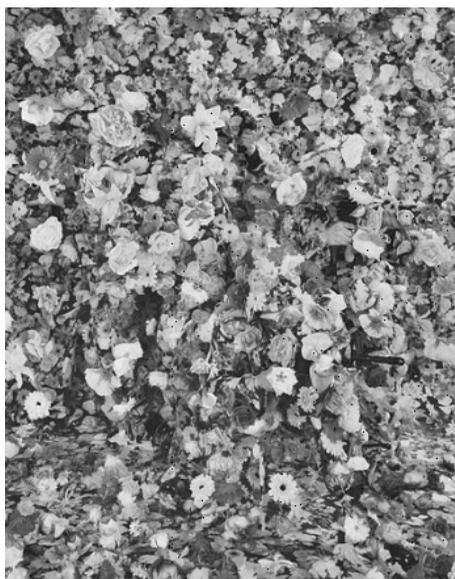

Рис. 10. Ли Ёнбэк. Из серии «Ангелы и солдаты», 2015. Видео

Рис. 11. Чон Чжунхо. *Statue of Brothers*, 2008. Видео

гурки — это разъединенные фигуры 11-метрового памятника «Братья», возведенного на территории Мемориала войны в Сеуле в 1994 г. (рис. 12). Скульпторы передали трагедию разделения народа через образ двух крепко обнявшихся братьев — северокорейского и южнокорейского солдата. В работе Чон Чжунхо братья разделены, отчуждены, они словно случайно столкнувшиеся люди, которые отскакивают друг от друга. Художник показал, что трагедия разделения перестала ощущаться таковой, молодое поколение не видит необходимости объединяться с Севером, объединение воспринимается ими как бремя; нация разделена не только территориально, но и эмоционально¹³.

Рис. 12. Чхве Ёнчжип, Юн Сончжин, Чан Хэён. *Братья*, 1994. 11 м. Мемориал Корейской войны, Сеул

Десятиминутное стереоскопическое видео «489» художницы Квон Хаюн (р. 1981) представляет, как выглядит ДМЗ, которая для корейцев стала мифическим пространством (рис. 13). Зритель, на-

Рис. 13. Квон Хаюн. *489 год*, 2016. Видео, 11 мин

дев очки виртуальной реальности попадает в ДМЗ, идет по «запретной территории» и слышит, как военные рассказывают, что видели, что слышали и какие испытывали чувства во время службы на границе. Художница создала видео-ряд на основе описаний военных, служивших на ДМЗ. Цифра 489 — это количество лет, которые потребуются для того, чтобы разминировать границу между Севером и Югом. Видео заканчивается взрывом, который раскрывает желание художницы стереть границу и ощутить свободу хотя бы в воображении¹⁴. В другом стереоскопическом видео художницы «Идеальная деревня» зритель попадает в пропагандистскую деревню Кичжондон, построенную северокорейским правительством на границе с Югом.

На двухметровой бомбе из глины вылеплен миниатюрный город, человечки заняты повседневными делами, едут машины, плывут корабли. «Город на бомбе» (*ноктхан вие тоси*) скульптора Хан Чжина (р. 1979) напоминает, что Сеул может взлететь на воздух в любой момент, а его жители — это уязвимые маленькие человечки (рис. 14).

На «Красных пейзажах» Ли Сэхёна (р. 1967) представлены виды ДМЗ, северокорейская сторона, сохранившиеся архитектурные объекты, напоминающие о событиях Корейской войны (рис. 15). Красный цвет ассоциируется с КНДР, он был запретным и казался пред-

Рис. 14. Хан Чжин. *Город на бомбе*. 2006, 220x40x30 см

Рис. 15. Ли Сэхён. *Between Red* — 155, 2012, Холст, краски, 300x200 см

ставляющим опасность. Виды Северной Кореи, военные объекты, представленные в красном цвете, вызывают у зрителей смешанные чувства. «Красные пейзажи» напоминают о разделении и дают пищу для размышлений.

Есть примеры произведений, в которых художники не только напоминают о событиях, о забытом разделении, но и ищут пути взаимодействия для Севера и Юга. Наиболее известный проект — это серия произведений художницы Хам Гёна (р. 1966) «Вышивка» (рис. 16). С 2008 г. художница отправляет через китайского агента заказы северокорейским вышивальщицам. Северянки вышивают традиционной техникой заготовленные художницей изображения и сообщения, в которых содержится информация о важных событиях в мире или же отдельные фразы-лозунги. Хам Гёна получает готовые работы, их охотно выставляют корейские и зарубежные арт-институции. Таким образом, происходит общение людей, которые разделены территориально и идеологически.

Рис. 16. Хам Гёна. *Thou, If you are like me*. 2014—2015. 199x202 см. Северокорейская вышивка. Шелковые нити, хлопок. 2400 ч / две мастерицы

Выставочные проекты

После межкорейских саммитов при поддержке правительства Республики Корея было организовано как минимум три крупных выставочных проекта *пундан мисуль*. В 2018 г. прошла Пусанская биеннале на тему «Хотя и не вместе» (*торочжо иссодо*), где были показаны произведения на тему разделения полуострова. Внимание привлекла инсталляция Чхон Минчжон (р. 1973) «Вместе съедим по Чокопаю», которую восприняли как символ мира. По центру выставочного пространства из печенья был выложен многослойный круг, каждый зритель мог съесть «Чокопай», который, как считается, очень любят северные корейцы, и почувствовать единение с жителями КНДР¹⁵. Президент Мун Чжэ Ин с супругой во время посещения биеннале тоже съели по «Чокопаю».

В 2018 г. прошла выставка «Промышленный комплекс Кэсон», посвященная работе комплекса. Организаторы и художники показали пространство, где рабочие двух стран работали вместе более десяти лет. «Прежде чем обсуждать перспективу мира на Корейском полуострове, нужно узнать о Промышленном комплексе в Кэсоне, который был началом взаимодействия Севера и Юга, а мы знаем его только снаружи, а не изнутри», — так объяснили цель своего проекта организаторы¹⁶. На выставке было представлено, как создавался комплекс, какими были рабочие помещения и места отдыха, а также произведения художников на тему разделения Кореи¹⁷.

В марте 2019 г. в рамках групповой выставки «ДМЗ» художники, среди которых были звезды первой величины, такие как Ли Буль (р. 1964), Ан Гючхоль (р. 1955) и др., размышляли об истории ДМЗ, разделенного народа и представляли перемены, которые могут произойти на ДМЗ в будущем, если две Кореи решат пойти по мирному пути¹⁸.

Помимо представленных в нашем исследовании авторов есть ряд художников, которые затрагивают тему разделения и объединения в своем творчестве. Отметим, что возрастных ограничений нет, не только старшее поколение художников, которые жили в непростое для Кореи время, переосмысляет и ищет для себя и общества пути разрешения этой проблемы, но и молодое поколение. Существует творческое объединение художников разных возрастных групп

под названием Real DMZ project, вместе авторы работают над выставками, проводят лекции и семинары на тему ДМЗ и будущего Корейского полуострова. Тема разделения не является заглавной в южнокорейском искусстве, но интерес к ней не угасает. На фоне северокорейской политики правительства Мун Чжэ Ина заметно возрос и интерес со стороны государственных арт-институций. Будет создано еще немало произведений не только про трагедию разделения, но и будущее ДМЗ и Корейского полуострова.

Примечания

¹ Пак Ёнтхэк. Тхемаро понын хангук хёндэ мисуль [Темы современного корейского искусства]. Сеул: Марониэбуксы. 2012. 539 с.

² Пундан санчхо чхию, пусын тэро мэсыга твенда [Кисть как скальпель: лечение травмы разделения] // *Чунан Ильбо*. 03.01.2011. URL: <https://news.join.com/article/4998102> (дата обращения: 14.02.2020).

³ Ким А., Ли Х.С., Хохлова Е. Корейское современное искусство: ориентирование на местности. СПб.: Свое издательство, 2016.

⁴ Мисульчакпхумсоке пундансанхван [Разделение Кореи в произведениях искусства] // *Чунан ильбо*. 16.06.1987. URL: <https://news.join.com/article/2103931> (дата обращения: 14.02.2020).

⁵ Нэ чакпхуми чонмаль чхонвадэро. Кырымро муникхван мунчжэиньль итта [Мою картину выставят в Голубом доме. Объединить Мун Икхвана и Мунчжэина искусством] // *Ohmynews*. 18.03.2012. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002411427 (дата обращения: 13.02.2020).

⁶ Ли Сонён. Сэроун сэдэдыри таянхан мунирьль чанаган 90нёндээ мисуль [Искусство девяностых, созданное новым поколением] // *Хангук хёндэмисуль сэро поги* [Новый взгляд на современное корейское искусство]. Сеул: Мичжинса, 2007. С. 256.

⁷ Сон чхан чжон [Выставка Сон Чхана] // *Неолук*, 2012. URL: <https://neolook.com/archives/20121112c> (дата обращения: 24.02.2020).

⁸ Мудом ап чохва сугохэ чакпхум мандынын хвага [Художник, который творит смотря в лицо смерти] // *Мэиль кёчжэ*. 16.08.2017. URL: <https://www.mk.co.kr/news/culture/view/2017/08/549368/> (дата обращения: 24.02.2020).

⁹ Мирэе киок. Со Ёнсон хвехвачжон [Память будущих поколений. Выставка живописи Со Ёнсона] // *Неолук*, 2004. URL: <https://neolook.com/archives/20040626b> (дата обращения: 26.02.2020).

¹⁰ Со Ёнсон чаккава тэхва [Разговор с художником Со Ёнсоном] // Сайт Министерства объединения. 20.10.2013. URL: <https://unikoreablog.tistory.com/3680> (дата обращения: 27.02.2020).

¹¹ *Kho Chung-Hwan*. Reading the Trends and Post-trends of Korean Contemporary Art. *100.art.kr. Korean Contemporary art Scene*. Paju book city: Open books. 2012.

¹² Ли Чжинсук. Кочжёнкваннём, пхангёнга сауннын ге есулькаэ имму [Миссия художника — бороться со стереотипами и предрассудками] // *Топ класс*. № 2. 2011.

¹³ Видео интервью с художником Чон Чжунхо. 2011. URL: https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=art_nabi&logNo=60130057253&proxyReferer=http%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁴ Пак Доксон. Квон Хаюн — кёнгэыи сильчхе: киок, имчжи, конган [Квон Хаюн — границ: память, пространство, представление] // *Вольган мисуль*. 2019, № 7. URL: https://www.theartro.kr:440/kor/features/features_view.asp?idx=2445&b_code=31e (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁵ Мун чжэин тэтхоннён танёган пусан ыльсукто орион 10мангэ капони [Президент Мун Чжэ Ин посетил Пусанскую биеннале] // *CNB news*. 26.09.2018. URL: <https://m.post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=16773222&memberNo=4806352> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁶ Пунданкукка санчжин DMЗрыль парापон минсужин чаккава сольчхи чаннадыль ханчари [Выставки художников минчжун мисуль и инсталляции, посвященные символу разделения — ДМЗ] // *Artinfo*. 20.03.2019. URL: <http://www.artinfo.kr/news/articleView.html?idxno=2090> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁷ Панчок кэсонгондан квалён чонсирьль ильбуру пульпхёнхаге мандын ию [Причина, по которой выставку о Промышленном комплексе в Кесон сделали нарочно некомфортной] // *Найвер пост*. 23.07.2018. URL: <https://m.post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=16352218&memberNo=1916966> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁸ Панданкукка санчжин DMЗрыль парापон... (дата обращения: 15.03.2020).

References

1. “Nae jakpumi jeongmal cheongwadaero...” geurimeuro munikwan-munjaeineul itda [My picture is exhibited in the Blue House. Combine Moon Ikhwan and Mungzhein with art]. *Ohmynews*. 18.03.2012. Available at: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002411427 (accessed: 20.02.2020).

2. Bundan sangcheo chiyu, buseun ttaero meseuga doenda [Healing the wound of division by the brush]. *JoongAng Ilbo*, 01.01.03. Available at: <https://news.join.com/article/4998102> (accessed: 14.02.2020).

3. Bundangkga sangjing DMZreul barabon minjungmisul jagkawa seolchi jagkadeul hanjari [Artists minzhong misul and artists creating installations showed works on DMZ — a symbol of the separation of the two countries]. *Artinfo*. 20.03.2019. Available at: <http://www.artinfo.kr/news/articleView.html?idxno=2090> (accessed 03.03.2020).

4. Interview with artist Jung Zhunho. 2011. Available at: https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=art_nabi&logNo=60130057253&proxyReferer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (accessed: 04.04.2020).

5. *Kho Chung-Hwan*. (2012). Reading the Trends and Post-trends of Korean Contemporary Art. *100.art.kr. Korean Contemporary art Scene*. Paju book cit.; Open books.

6. *Kim A., Lee H.S., Khokhlova E.* (2016). Sovremennoye koreiskoye iskusstvo, orientirovaniye na mestnosti [Korean Contemporary Art: Orientation on the Terrain]. St. Petersburg, Own Publ. (in Russian).

7. *Lee Song Yeong*. (2007). Saeroun seditaedeuri dayanghan munuireul jjanagan 90nyeondaewi misul [Art of the nineties, created by a new generation]. *Hanguk hyeondaewi misul saero bogi [A New Look at Contemporary Korean Art]*. Seoul: Mijinsa.

8. *Lee, Jinsuk* (2011). Gojeonggwanyneom, pyeongyeongwa ssauneun ge misurui uimu [The artist's mission is to fight stereotypes and prejudices]. *Top class*. Issue 2.

9. Miraewi gieok. Seo Yong Seon hoehwajeon [Memory of future generations. Exhibition of paintings by Yo Yongsun]. *Neolook*. 2004. Available at: <https://neolook.com/archives/20040626b> (accessed: 26.02.2020).

10. Misul jakpum sogui bundan sanghwan [Division in the artworks]. *JoongAng Ilbo*. 06.06.16. Available at: <https://news.joins.com/article/2103931> (accessed: 01.04.2020).

11. Moon Jae-in daetongnyeong danyeogan busan eulsukdo [President Moon Jae In attended the Busan Biennale]. *CNB news*. 26.09.2018. Available at: <https://m.post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=16773222&memberNo=4806352> (accessed: 03.01.2020).

12. Mudeom ap johwa sugeohae jakpum mandeuneun hwaga [An artist who creates in the face of death]. 16.08.2017. *Mail kyojhe*. Available at: <https://www.mk.co.kr/news/culture/view/2017/08/549368/> (accessed: 24.02.2020).

13. Panjjok gaeseonggongdan gwallyeon jeonsi'reul ilbureo bulpyeonhage mandeun iyu [Exhibitions of artists mingzhong misul and installations dedicated to the symbol of separation — DMZ]. *Artinfo*. 20.03.2019. Available at: <http://www.artinfo.kr/news/articleView.html?idxno=2090> (accessed 15.03.2020).

14. Panjjok gaeseonggongdan gwallyeon jeonsi'reul ilbureo bulpyeonhage mandeun iyu [The reason the exhibition about the Industrial complex in Keson was deliberately uncomfortable]. *Naver Post*. 23.07.2018. Available at: <https://m.post.naver.com/viewer/postView.nhn?volumeNo=16352218&memberNo=1916966> (accessed: 03.01.2020).

15. *Park, Deok Deon.* (2019). Kwon Hayun — gyeonggyeui silche: gieok · imiji · gonggan [Kwon Hayun — borders: memory, space, representation]. *Volgan misul*. Issue 7. Available at: https://www.theartro.krrige40/kor/features/features_view.asp?idx=2445&b_code=31e (accessed: 04.04.2020).

16. *Park, Yeong Taek.* (2012). Temaro boneun hanguk hyeondae misul [Themes of Contemporary Korean Art]. Seoul: Maroniebox.

17. Seo Yong Seon jagawau daehwa [Conversation with the artist So Jongson]. *Ministry of Unification Website*. 20.10.2013. Available at: <https://unikoreablog.tistory.com/3680> (accessed: 27.02.2020).

18. Song Chang hwaga chonsi [Exhibition of Song Chan]. *Neolook*. 2012. Available at: <https://neolook.com/archives/20121112c> (accessed: 24.02.2020).

Ли Сан Юн

ТЕМА БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

До конца 1980-х годов южнокорейские писатели не могли открыто выражать политические взгляды, однако Ли Мун Ёлю удалось опубликовать роман-аллегория об авторитаризме. С 1988 г. начали издаваться произведения, связанные с восстанием в Кванчжу, и писатели (Чхве Юн, Ли Сын У, Чхон Мён Гван) стали открыто обсуждать тему борьбы за демократию. В романах молодых писателей (Пак Мин Гю, Ким Ён Су, Чо Хэ Чжин, Хан Ган) показан интерес к истории страны: какой ценой народ обрел демократические свободы, а также отношение к северному соседу, который долгое время считался врагом.

Ключевые слова: современная южнокорейская литература, тема борьбы за демократию, восстание в Кванчжу.

Сегодня Республика Корея (РК) занимает достойное место в мировом сообществе как демократическое государство с динамично развивающейся экономикой, политическими институтами и культурой. Последние годы отмечены большим успехом корейской литературы и кинематографа, привлекающим к себе читателей во всем мире. Однако еще в 1980-е годы в РК существовал авторитарный режим с жесткой цензурой, не позволявший деятелям культуры открыто выражать свои политические взгляды. Произведения, описывающие борьбу за демократию, стали появляться только в конце 1980-х — начале 1990-х годов, и эта тема остается актуальной и сегодня.

Литература второй половины 1970-х — начала 1980-х годов

До конца 1980-х годов антикоммунистическая идеология, возведенная в ранг государственной, позволяла жестоко подавлять выступления граждан, представлять их борьбу как происки северокаорейских коммунистов. Писатели того периода обращались к темам разделенной нации, индустриализации, рассматривали социальные проблемы, связанные с жизнью рабочих или изменением роли женщины в семье и обществе, и др.

Тем не менее в некоторых произведениях, изданных в 1970-е годы, внимательный читатель мог обнаружить своего рода знаки, указывающие на уровень свободы граждан в тот период. Так, в рассказе Пак Ван Со «Сон марионетки»¹ (1977) незаметная фраза «На рассвете, как только отменялся запрет на ночное передвижение по городу...» говорит об ограничениях, предпринятых властями во избежание разных форм протеста. В этом же рассказе героиня получает сильные ожоги, работая в ночную смену на фабрике, не оборудованной противопожарной системой. Это еще одна подсказка внимательному читателю: в период бурного экономического роста нещадно эксплуатировался женский труд.

Здесь следует отметить конфуцианскую составляющую — заботу о младших: встречались работницы, трудившиеся за мизерную плату в тяжелейших условиях, в ночную смену ради оплаты учебы своих братьев².

Сюжет другого рассказа Пак Ван Со «Вот к чему привело мое правление в доме» (1978) построен на визите агента службы госбезопасности, который арестовывает профессора университета, чьи студенты — «скандальные молодые люди, нарушающие общественный порядок»³. Писательница обозначила свою гражданскую позицию, которую подтвердит в будущих романах.

Отдельного внимания заслуживает творчество Ли Мун Ёля (р. 1948), одного из ведущих писателей этого периода. Его роман «Смерть в молодые годы» (1981) посвящен рабочему Чон Тхэ Илю, в 22 года совершившему самоубийство в знак протеста против рабских условий труда. Эта трагическая история привлекла внимание всей страны, активизировала профсоюзное и студенческое движение.

Кроме того, перу Ли Мун Ёля принадлежит повесть «Наш испорченный герой»⁴ (1987), в которой на примере школьного коллектива показаны законы авторитаризма: на чем он зиждется, какие методы используют «верхи» для удерживания власти; как при этом ведут себя «низы», покорные, ненавидящие эту власть, но стремящиеся быть ближе к ней, не согласные с ней, но вынужденные признать силу власти и идущие с ней на компромисс; как может быть уничтожен диктаторский режим, как ведет себя свергнутый правитель. Интересно, что в данной повести разрушение авторитарной власти начинается сверху: старого классного руководителя, который потворствовал «диктатору», сменяет молодой учитель, прибывший из столицы. Здесь прослеживается связь с традиционной литературой: устраняет хаос в социуме «старший» как организатор коллектива и хранитель порядка⁵.

Литература периода демократической консолидации (1987 г. — конец 1990-х годов)

Демократический процесс в РК с середины 1980-х годов перешел в стадию, обозначенную И.А. Толстокулаковым как «демократическая консолидация»⁶, и привел к конституционной реформе 1987 г., утвердившей идеи правового государства. Литераторы внесли свою лепту в дальнейший процесс демократизации: с 1988 г. стали появляться произведения, разоблачающие авторитаризм.

В основе повести Чхве Юн (р. 1953) из одноименного сборника «Там тихо опадает один лепесток (1988) лежат события в Кванчжу 1980 г., хотя конкретный город и время описываемых событий не указаны. При расстреле мирных демонстрантов мать убивают на глазах дочери, и она от потрясения перестает говорить, кажется душевнобольной. Используя прием внутреннего монолога, из которого читатели могут ясно представить, что переживает человек, потерявший семью, автор показывает психологическое состояние девушки, ушедшей в себя⁷. Можно сказать, что через страдания героини передано состояние всего корейского общества, которому нанесли незаживающую рану.

В других повестях Чхве Юн описывает атмосферу в стране во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, когда происходят де-

мократические перемены, но люди, испытавшие на себе политические репрессии, пережившие смерть близких, не могут вернуться к нормальной жизни, не могут забыть страшное прошлое. Творчество Чхе Юн «отличает особый стиль, позволяющий объективно исследовать ее собственный взгляд на мир»⁸, в котором главное место отводится отдельной личности, существующей в жестоком обществе.

Об убийствах мирных граждан Кванчжу правительство замалчивало до конца правления Чон Ду Хвана (февраль 1988 г.). Зная, какая сила заключена в печатном слове, как литература воздействует на сознание людей, власть контролировала все средства массовой информации и карала инакомыслящих. Надо отдать дань уважения Чхе Юн, одной из первых заговорившей на эту тему.

В 1993 г. появился роман Пак Ян Хо (р. 1948) «Скорбь гарпуна китобойного судна», в котором наряду с идеологическими рассматриваются и проблемы, связанные с борьбой жителей Кванчжу за свои права. Известно, что большую роль в массовых протестах сыграло сложившееся предвзятое отношение корейцев к жителям Чолладо, игнорирование правительством Пак Чон Хи проблем юго-западного региона. В романе эта провинция символично представлена в виде кита, который борется с гарпуном китобоя, и эта борьба может вызвать только печаль и скорбь⁹.

Литература конца 1990-х годов и по настоящее время (формирование гражданского общества и основ представительной демократии)

С конца 1990-х годов тему борьбы за демократию рассматривают многие писатели, но она, как правило, не является главной. В романе Ли Сын У (род. 1959) «Тайная жизнь растений» (2000) мотив политических репрессий служит основой повествования. Если рассмотреть ход событий, то именно преследование властей заставит героев (мать и ее возлюбленного) разлучиться на долгие годы. Ставший взрослым, их сын, фотограф-любитель, из-за снятых на пленку сцен студенческих демонстраций по доносу оказывается в органах госбезопасности, откуда попадает в армию и там лишается ног. Подававший большие надежды, талантливый юноша остается калекой. Автор показывает атмосферу периода диктаторского режима, когда

тотальная слежка и доносы были обычным явлением, описывает сцены уличных столкновений:

Вооруженные отряды полиции, теснящие забастовщиков с помощью дубинок и ядовитого газа, демонстранты, бросающие бутылки с зажигательной смесью в полицейские щиты, перекошенные лица людей, бегущих к подземному переходу, чтобы спастись от очередной порции газа, — вот что было на его фотографиях¹⁰.

Ли Сын У изображает действительность с помощью выхваченного из времени кадра, запечатлевшего «боль и безнадежность, ненависть и скорбь» поколения, к которому принадлежит сам. Очевидно, что фотографии в романе — это картины, увиденные автором воочию, поскольку его студенческие годы пришлись на 1980-е. И образ безногого калеки, возможно, есть символ покалеченных судеб людей, которые должны продолжать жизнь, пройдя через мучительные испытания.

Чхон Мён Гван (р. 1964) в романе «Кит»¹¹ (2004), рассказывая о времени, когда под руководством Пак Чон Хи (генерала) поднималась экономика, с иронией и сарказмом описывает бесчинства, творившиеся в стране. Карикатурная сцена шаманской церемонии, во время которой появляется генерал с трубкой в зубах и черных очках, чтобы выругаться по-английски, сама за себя говорит об отношении писателя к диктатору и его политике.

Тем не менее автору удалось показать атмосферу страха, охватившего страну во времена беззаконий, показать, насколько ничтожна человеческая жизнь, когда у власти находятся нелюди. Через образ начальника тюрьмы, извращенца, дожившего до старческого слабоумия, но до самой смерти получавшего пенсию за «выдающиеся заслуги перед отечеством», Чхон Мён Гван, возможно, выразил мысль о том, что не всех преступников настигла заслуженная кара.

В начале XXI в. в РК становится известным имя Пак Мингю (р. 1968), яркого представителя постмодернизма. В книге «Коврижка» (другой перевод — «Бисквит»), изданный в 2003 г., на фоне приключений странных персонажей, например одушевленных бытовых приборов, историй о сознательных животных, полетах в космос, рассказ «Корейский стандарт», несмотря на фантастичный сюжет (появление НЛО), выделяется реальными героями. Автор вспоминает события 17-летней давности, когда в стране активно действовали

студенческие коммунистические ячейки. Персонаж Кан Ки Ха, бывший лидер группы, со сменой власти освободившись из тюрьмы, где отсидел больше десяти лет, «не запятнал свою честь депутатским мандатом», хотя имел возможность стать известным политиком. Автор явно симпатизирует Ки Ха, который уехал в деревню и организовал коммуну, вместо того чтобы устраивать свою жизнь, как это сделали бывшие соратники. *«Кто, если не я?.. Не затем ли я не марался, чтобы не мараться дальше?»* — говорит он товарищу, который женился на его бывшей девушке, скопил денег на квартиру *«площадью 112 квадратных, безупречной по всем корейским стандартам»*¹² и мечтает о повышении своего статуса.

Очевидно, главная мысль этого рассказа, наполненного символами, заключена в следующем: корейский стандарт благополучия, к которому стремятся все обыватели, ведет к деградации. Душа человека, в молодости горевшая огнем борьбы за справедливость, обретя комфорт, заплывает жиром, как покрылся жировыми складками живот некогда худенькой студентки-активистки, бывшей подружки Ки Ха. С другой стороны, в этом рассказе присутствует и мотив сожаления по поводу поражения борца за справедливость, из рук которого выпало когда-то ревящее знамя.

Еще один представитель нового поколения — писатель Ким Ён Су (р. 1970) стал известным в РК в конце 1990-х. Его роман «Чудо-мальчик» (2012) начинается с главы «Вспоминая 1984 год, когда все звезды Вселенной застыли на миг». Неслучайно в первый день 1984 г. по телевизору идет передача «Доброе утро, мистер Оруэлл». Так автор проводит параллель между событиями, описанными в известной антиутопии, изданной в 1949 г., и событиями времен диктатуры Чон Ду Хвана: репрессивные меры «старшего брата», тотальный контроль, страх и ненависть. В романе описаны пытки, которым подвергались не только инакомыслящие, но и ни в чем не повинные люди. Главный герой, пятнадцатилетний мальчик, умеющий читать мысли людей, знает об их невиновности.

*Они заставляли себя помнить, что они не собаки, не свиньи, не червяки. Умирая, они заново переживали самые драгоценные моменты своей жизни*¹³.

В 1984 г. Ким Ён Су, как и чудо-мальчику, было 15 лет, и его память запечатлела реалии того времени. Очевидно, автор пытается

проникнуть в души и мысли людей, переживших ужасы диктатуры, и разобраться, в чем смысл жизни, что такое боль, сострадание, одиночество и любовь. Фантастическая составляющая «Чудо-мальчика» еще более сближает его с «1984». Роман Ким Ён Су — предупреждение, тревога автора за будущее Вселенной (недаром так часто герой смотрит на звезды), надежда, что тоталитарный режим, описанный Оруэллом в антиутопии и почти реально существовавший в РК, никогда больше не повторится.

В 2014 г. был издан роман Хан Ган (р. 1970) «Человеческие поступки», написанный с той же целью, что и «Чудо-мальчик», — чтобы люди помнили прошлое, чтобы никогда не повторилось время пыток и страданий. В романе описано корейское общество 1980-х, которое, несмотря на репрессии и убийства, не прекращало борьбы за свои гражданские и политические права. Произведение Хан Ган основывается на воспоминаниях детства, проведенного в Кванчжу, на документах и информации очевидцев народного восстания. Эпилог же содержит реальные сведения о жизни ее семьи в период диктатуры.

Тема борьбы за демократию в «Человеческих поступках» раскрыта полностью. В каждой части «говорит» другой персонаж, этим автор подчеркивает, что в борьбе за гражданские права участвовали все слои населения: студенты, лидеры рабочих профсоюзов, молодые работницы ткацких фабрик, творческая интеллигенция, матери Кванчжу, потерявшие детей, требовавшие расследований преступлений и наказания виновных. И подростки, школьники. Писательница показывает, насколько сильным было их стремление к свободе, что они решили остаться в здании управления провинции — последнем оплоте восставших, не задумываясь о мощной военной силе, противостоящей им.

Оставшиеся в живых свидетели на вопрос, почему они не ушли, хотя знали, что потерпят поражение, все отвечали одинаково: «Не знаю. Просто мне казалось, что так надо»¹⁴.

Роман пронзителен тем, что в первой главе повествование ведется от имени духа убитого мальчика Тонхо, который приходит к живым, пережившим страдания, унижения, пытки, чтобы напомнить о цене, заплаченной за демократию.

Герои Хан Ган проходят все круги тюремного ада и, искалеченные физически и морально, не могут вернуться к нормальной жиз-

ни, не могут справиться с душевной болью. Кто-то кончает жизнь самоубийством, кто-то продолжает жить, страдая от одиночества и страшных сновидений.

Тем не менее роман заканчивается на позитивной ноте.

*Мама-а-а, там светло и много цветов. Почему ты идешь туда, где темно-о, пойдём туда, где цветут цветы*¹⁵.

Так говорит маленький Тонхо в воспоминаниях своей матери, которая до конца жизни не могла смириться с потерей младшего сына. Но каким бы тяжелым ни было горе матери, возможно, ее посещали мысли и о том, что сын погиб за светлое будущее.

Если учитывать, что государственные институты в демократическом обществе должны стремиться к удовлетворению общих интересов граждан, то следует отметить желание корейского народа стать единой нацией. Тема объединения страны остается актуальной и сегодня, и она звучит в произведениях как зрелых, так и молодых писателей. Роман Чо Хэ Чжин (р. 1976) «Я встретила Ро Кивана» (2011)¹⁶, в котором описана жизнь беженца из КНДР, показывает, что отношение к северному соседу — «красному волку», долгие годы бывшее враждебным, изменилось. Ненависть, неприязнь к стране, где пропагандируется другая идеология, сменились состраданием, желанием помочь соотечественникам.

Таким образом, в рассмотренных произведениях современных писателей РК тема борьбы за демократию занимает особое место, поскольку об авторитарных режимах, уже ставших исторической реальией, хорошо помнит поколение, которое боролось за свободу. К этой теме обращается молодое поколение писателей, и большие тиражи их книг свидетельствуют о нескончаемом интересе читателей к демократическому движению в истории страны.

Примечания

¹ *Пак Ван Со. Как их много!* / пер. с кор. Ли Сан Юн, Хам Ён Чжуна. М.: Время, 2010. С. 115.

² *Ким, Н.Н., Бакланова М.А. и др. Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: от традиционного общества к современному.* М.: Наука, 2019. С. 140.

³ *Пак Ван Со. Куаз. соч. С. 222.*

⁴ Ли Мун Ёль. Наш испорченный герой / пер. с кор. Чжон Мак Лэ. СПб: Гиперион, 2014. 176 с.

⁵ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С.179

⁶ Толстоулаков И.А. Политическая модернизация в посттрадиционном обществе: на примере Южной Кореи. Автореф. дис. ... докт. ист. наук — Владивосток: 2009. С. 31.

⁷ См.: Лара Чхон. Чхве Юн сосол-е натха-нан санчхо-ва котхон-е тэхан киок ёнгу: «Чоги сори опси хан чом ккотнипх-и чиго» ва «хвесэк нунсарам» -ыль чунсим-ыро [Исследование темы памяти и страдания в повестях Чхве Юн «Там тихо опадает один лепесток» и «Черный снеговик»]. Сеул, 2017. 147 с.

⁸ Late twentieth-century fiction by women. Ch'oe Yun // A History of Korean Literature. Edited by Peter H. Lee. Cambridge UP, 2003. P. 483.

⁹ Мин Хён Ги. Хангук хёндэ мунхак пипхён [Критика современной корейской литературы]. Тэгү, 2004. С. 314 .

¹⁰ Ли Сыну. Тайная жизнь растений / перевод Кузнецовой М. СПб: Гиперион, 2013. С. 78.

¹¹ Чхон Мён Гван. Кит / перевод Ким Хвана, Ли Сан Юн. М.: Текст, 2017. С. 31.

¹² Пак Мин Гю. Коврижка / перевод Выхребенцевой Е. СПб: Гиперион, 2019. С. 128.

¹³ Ким Ён Су. Чудо-мальчик / перевод Ли Г.Н. СПб: Гиперион, 2015. С. 88.

¹⁴ Хан Ган. Человеческие поступки / перевод Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2019. С. 219.

¹⁵ Хан Ган. Человеческие поступки / перевод Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2019. С. 197.

¹⁶ Чо Хэ Чжин. Я встретила Ро Кивана / перевод Ли Сан Юн, Ким Хвана. СПб.: Гиперион, 2016.

References

1. *Cheon Meong Gwan*. (2018). *Kit [The Whale]* / Rus. tr. Kim Hwan, Lee Sang Yun. Moscow: Text. P. 299 (in Russian).

2. *Cho Hai Jin*. (2011). *Kak ya vstretila Ro Kivana [I have met Ro Ki Wan]* / Rus. tr. Lee Sang Yun, Kim Hwan. St. Petersburg: Giperion. 2016 (in Russian).

3. *Han Kang*. (2014). *Chelovecheskiye postupki [Human Acts]* / Rus. tr. Lee Sang Ygun. Moscow: AST, 2018. P. 219. (in Russian).

4. *Han Kang*. (2014). Chelovecheskiye postupki [Human Acts] / Rus. tr. Lee Sang Ygun. Moscow: AST, 2018. P. 197. (in Russian).
5. *Kim N.N., Baklanova M.A. et al* (2019). Zhenshchiny v Kitae, Koree i V'etname: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [Women in China, Korea and Vietnam: From Traditional to Modern Society]. Moscow: Nauka. P. 140 (in Russian).
6. *Kim Yeun Su*. (2012). Chudo-mal'chik [Wonder Boy] / Rus. tr. Lee G. St. Petersburg: Giperion. 2014. P.88. (in Russian).
7. Late twentieth-century fiction by women. Ch'oe Yun // A History of Korean Literature. Ed. Peter H. Lee. Cambridge UP, 2003. P.495 (in English).
8. *Lee Seung Woo*. (2000). Taynaya zhizn' rasteniy [The secret life of plants] / Rus. tr. M. Kuznetsova. St. Petersburg: Giperion. 2013. P.78. (In Russian).
9. *Min Hyun Gi*. (2004) Hanguk hyeondae munhak bipyeon [Criticism of Korean Contemporary Literature]. Daegu. P. 314. (in Korean).
10. *Park Min Gyu*. (2005). Kovryzhka [Castella]. Rus. tr. Vyskrebentseva E. SPb: Giperion. 2014. P. 128. (in Russian).
11. *Park Wan Seo*. (1979). Kak ikh mnogo! [So many of them!] / Rus. tr. Lee Sang Yun, Ham Young Joon. Moscow: Vremya. 2011. P. 115 (in Russian).
12. *Park Wan Seo*. (1979). Kak ikh mnogo! [So many of them!] / Rus. tr. Lee Sang Yun, Ham Young Joon. Moscow: Vremya. 2011. P. 222 (in Russian).
13. See: *Lara Chung*. (2017). Chwae Yun soseol-ui nata-nan Sancho-wa kotong-ae taehan kieok yeongu: "Cheogi seori eopsi han cheom kkotnipi jigo"wa "hwaesok nunsaram"-eul jungsimeuro [A study of the themes memory and suffering in Choe Yun's novels, focusing on There a Petal Silently Falls and Gray Snowman]. Seoul, 2017 (in Korean).
14. *Tostokulakov I.A.* (2009). Politicheskaya modernizatsiya v posttraditsionnom obshchestve: na primere Yuzhnoy Korei [Political modernization in a post-traditional society: the case of South Korea]. Vladivostok. P.31 (in Russian).
15. *Trotsevich A.F.* (2004). Istiriya koreyskoy traditsionnoy literatury (do XX v.) [The history of Korean traditional literature (up to the 20th century)]. St. Petersburg, SPbGU Publ. P. 179 (in Russian).
16. *Yi Mun Yol*. (1987). Nash isporchenny geroy [Our Twisted Hero] / Rus. tr. Jeong Mak Re. St. Petersburg: Giperion. 176 p. (in Russian).

В.В. Вишнякова

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Корейская лингвистическая традиция развивалась эволюционным путем и за сто лет сформировалась в самостоятельную науку. В ее становлении и развитии выделяются четыре основных периода, которые представлены знаковыми достижениями корейских лингвистов. Они эмпирическим путем выделили идиоматические черты языка, предвосхитили некоторые открытия европейских лингвистов: ономастологический и семасологический подходы к изучению языка; методы контрастивного анализа. Раскол Кореи на два государства привел к появлению двух обособленных направлений в корейском языкознании. Но схожими для них является изучение вопросов диалектологии, составление двуязычных и толковых словарей, описание истории развития корейского языка, его места в типологической и генеалогической классификациях.

Ключевые слова: корейская лингвистическая традиция, идиоматичность, грамматика, части речи.

Корейские ученые по-разному представляют в своих исследованиях историю развития корейского языкознания. Так, современный лингвист Ли Гван Чжон выделяет пять основных периодов: 1) зарождение (1832—1900); 2) становление (1900—1930); 3) стабилизация (1930—1946); 4) стандартизация (1946—1966); 5) современный период (1966 — по н. вр.)¹. В свою очередь, Ко Ен Гын выделяет шесть периодов развития лингвистической мысли в Корее: 1) период эмпирических исследований на основе западной теории (1894—1910);

2) период эмпирических исследований и осмысление истории языка (1910—1945); 3) раскол Кореи (1945—1970); 4) становление структурной лингвистики и собственной грамматической мысли (1970—1980); 5) возвращение к собственной исторической традиции (1980—1990); 6) универсализация лингвистических исследований (1990—1999)².

На основе представленного выше материала мы можем выделить четыре периода, в рамках которых в настоящем исследовании будет представлена эволюция корейской лингвистической традиции: 1) зарождение (1832—1910); 2) становление (1910—1945); 3) раскол (1945—1970); 4) современный период (1970 — по н. вр.).

К первому периоду относятся работы европейских лингвистов XIX в., таких как Ф. фон Зибольд, Ш. Гецлафф, Л. Росни, К.Ш. Дале, Дж. Росс, В.Г. Астон, Дж. Макинтайр, Дж. Скотт, Г. Ундервуд, Дж.С. Гейли, а также работы корейских ученых Ю Гиль Чжона и Ким Гю Сика. Данный период можно подразделить еще на два этапа: зарождение (работы европейских лингвистов) и переходный период (исследования корейских лингвистов).

Работы периода зарождения посвящены описанию грамматики корейского языка, в частности вопросам частеречной классификации и синтаксиса. Такое стремление описывать язык через призму грамматической структуры объясняется тем, что грамматика наиболее близка к логике, которая по праву считалась основой любой науки. Понятно, что европейским ученым описание структуры нового языка было привычнее начинать с той области знания, которая имеет наиболее системный, универсальный характер. Грамматика как раз и отвечала этим требованиям в полной мере.

Период зарождения приходится на XIX в., который характеризуется развитием экономики и взаимоотношений между государствами, повышением интереса к Азии. Активизация торговых отношений между европейскими и восточными странами повлекла за собой и культурный, интеллектуальный обмен. Так, в XIX в. большое количество миссионеров направилось на Восток проповедовать европейскую религию, просвещать восточные народы. Преследуя цель установить дружеские и тесные отношения с представителями азиатских стран, миссионеры старались выучить местный язык, погрузиться в особенности культуры, узнать историю страны. Так, описа-

ние новых языков происходило через создание словарей, учебников для своих последователей.

Изучение корейского языка в период зарождения в основном сводилось к описанию. Поскольку к этому времени структура европейских языков была уже представлена достаточно детально, а языкознание имело прочную теоретическую базу, европейские ученые накладывали матрицу европейских языков на корейский. В первую очередь описывалась грамматика корейского языка, частеречный аппарат. В основу первых грамматик корейского языка легли взгляды европейских философов XVII в., которые сводились к универсальности языка. Все элементы языка, которые выпадали из общей классификации, относились учеными к аномалиям. Попытки осветить их с точки зрения уникальности даже не рассматривались.

На основе анализа первых грамматик корейского языка, составленных европейскими учеными, можно сделать вывод, что все они имели традиционный для западноевропейского языкознания характер. Вслед за александрийцами лингвисты выделяли восемь частей речи. Это объясняется тем, что античная классификация была привычна и удобна для практического и теоретического описания языка.

Важное отличие корейского языка как языка агглютинативного строя состоит в наличии большого количества послелогов, посредством которых и осуществляется связь слов в предложении. Однако послелоги европейскими учеными определялись как сходные с предлогами понятия. Все это объясняется тем, что система языка, разработанная еще в античные времена и носившая статус универсальной, вплоть до XX в. была единственным инструментом для описания новых языков. Этим объясняется и активное применение европейскими учеными при изучении корейского языка универсальной частеречной терминологии, авторитет которой не позволял вводить новые дефиниции.

Корейский язык описывался с позиции сравнительного метода, который характеризовался проведением аналогий с европейскими языками. Вторая половина XIX в. является периодом развития сравнительно-исторического языкознания в Европе, объектом изучения которого были родственные языки³. Такое сопоставление приводило к исключению из описания некоторых аспектов корейского языка, имеющих яркий идиоматический характер. Например, из описания

языка выпадали свойственные исключительно корейскому языку такие категории, как предикативное прилагательное, отвлеченная связка *-ида*.

Постоянное появление в системе корейского языка элементов, не подпадающих под универсальную терминологию, все же привело к тому, что над этим стали задумываться первые корейские лингвисты, такие как Ю Гиль Чжун⁴ и Ким Гю Сик⁵. Именно они были первыми, кто отошел от правил универсальных грамматик и начал предлагать новые направления в лингвистике. Кроме того, первые десятилетия XX в. в Корее связаны с революционными движениями за независимость страны против японской оккупации. Это также нашло отражение в работах корейских лингвистов данного периода. Они стремились по-новому подойти к описанию родного языка с позиции идиоматичности, доказать через уникальность собственно языка самостоятельность корейского народа в целом.

Первыми шагами к поиску индивидуальных характеристик стали работы Ким Гю Сика и Ю Гиль Чжуна. Так, Ким Гю Сик отошел от привычной европейской классификации частей речи и обозначил девять классов слов. Ученый выделил в отдельный класс отвлеченную связку *-ида*, отмечая ее значимость. Ким Гю Сик и Ю Гиль Чжун создали собственный терминологический аппарат, который широко используется в современной корейской лингвистике.

В их работах встречаются черты контрастивной лингвистики, когда проводится не аналогия, а сравнение родного языка с другим, более изученным языком.

Контрастивная лингвистика как самостоятельное научное направление начало развиваться во второй половине XX в. В основе метода контрастивного анализа лежит сравнение иностранного языка с родным с целью выделения специфических черт «на основе некоего набора общеязыковых явлений»⁶. Аналогия, в свою очередь, предполагает в исследовании наличие образца, источника, правильной формы, через соответствие либо не соответствию которому изучался иностранный язык. Описывая язык с позиции аналогии, предшественники Ким Гю Сика и Ю Гиль Чжуна все идиоматические элементы считали аномалиями и не включали их в классификацию.

Становление собственной грамматической традиции представлено в работе выдающего корейского лингвиста Чжу Си Гена, по праву

считающийся отцом-основателем корейского языкознания. Именно его работы стали фундаментом для исследования идиоматичности корейского языка. Он не только описал грамматический строй родного языка, но и открыл ряд школ по изучению родного языка, заложив основы развития собственной лингвистической традиции.

Чжу Си Ген в своей книге «Грамматика корейского языка»⁷ выделил девять частей речи, используя собственную терминологию, обозначил особую роль некоторых групп. Например, подробно описал класс слов *нысси*. Он впервые в корейском языкознании представил разделение слов на основе автосемантического (значимые) и синсемантического (служебные) подходов, когда автосемантические слова определяются на основе семантического анализа, а синсемантические — в ходе синтаксического.

Опираясь на синтаксический принцип, Чжу Си Ген выделяет классы слов, свойственные только корейскому языку. Эмпирически используя подход, обозначенный позднее датским лингвистом О. Есперсеном, от формы к значению, он впервые выделяет класс частиц, основным отличием которого от группы европейских предлогов является сочетание функций падежа и предлога одновременно. Чжу, как и датский ученый, использовал грамматику языка как систему, основанную на принципе двустороннего подхода — извне и изнутри. Извне движение идет от формы к значению, а изнутри подразумевает обратное действие — от значения к форме. Он подходил к изучению языка с семасологической и ономасологической позиций, с точки зрения слушающего и говорящего. Такой подход был позднее отражен в трудах О. Есперсена⁸. Это дает основание утверждать о лингвистической прозорливости корейского ученого.

Его последователи систематизировали наработки учителя, основавшего собственную лингвистическую традицию. К выдающимся ученикам Чжу Си Гена можно отнести Нам Гун Ока (1863—1939)⁹, Ким Ду Бона (1890—?)¹⁰, а также Ли Ван Ына (1887—1949)¹¹. Работы перечисленных ученых, опубликованные в 1913, 1916, 1929 гг., закрепили отличия корейского языка от европейских языков. Они чисто эмпирически шли путем, который будет осмыслен позже и разработан теоретически в 1950—1970 годах как контрастивный анализ.

Революционное движение против японской оккупации проводил ученых на новые открытия, на пересмотр существующих

правил. Революционеры всегда интересовались языком, так как это главный инструмент в пропаганде и основа для объединения нации. Создание собственной лингвистической науки являлось для корейских ученых фундаментом для объединения и борьбы с внешними силами, с правилами, насаждаемыми оккупантами.

К периоду раскола страны корейское языкознание накопило большое количество собственных знаний о грамматике родного языка. Поэтому вторая половина XX в. характеризуется систематизацией полученного теоретического материала, углубленным изучением идиоматических грамматических категорий. Кроме того, поднимается проблема о месте корейского языка в генеалогической классификации языков. Данный вопрос был успешно решен корейским лингвистом Ли Ги Муном. Он, следуя реформаторскому стилю Чжу Си Гена, смог отойти от традиции корейского языкознания следовать за западными учеными, в большей степени американскими, и доказать в своей книге «История корейского языка» принадлежность корейского языка к алтайской языковой семье.

Раскол Кореи ознаменовал новый период в корейском языкознании: сформировалось два лингвистических направления во вновь созданных странах. Так, центром лингвистических исследований в КНДР становится Университет Ким Ир Сена, а в 1947 г. выходит книга ученого Пак Сан Чжуна «Грамматика корейского языка». В Республике Корея — это Сеульский национальный университет, где изучение теоретических основ корейского языка возглавил ученый Ли Сун Нен.

В обеих странах в основу исследований родного языка были положены труды Чжу Си Гена. В то же время если в северокорейской лингвистической традиции особую роль играли наработки советских ученых, в частности Н.Я. Марра, то в южнокорейском языкознании сильное влияние оказывала американская школа (К. Ли Пайк, Ч. Хоккет, Ю. Найда, Р.О. Якобсон). Яркими представителями данного периода стали Чве Хён Бе¹², Ким Сон Ги, Чве Хак Гын, Ким Пан Хан, Ли Ги Мун¹³, Ким Ван Чжин¹⁴.

Обе школы, и северокорейская и южнокорейская, сфокусировали свое внимание на истории корейского языка. Была представлена во многом общая периодизация развития корейского языка. Главный вопрос, на который пытались найти ответ ученые этого периода, заключался в определении места корейского языка в генеалогии

ческой классификации. Помимо грамматики стали описываться и такие разделы, как фонетика, лексика. В частности, южнокорейские ученые шли вслед за представителями европейского языкознания, такими как Н.С. Трубецкой, А. Мартин и др. В Южной Корее сформировались два течения: абсолютисты, которые стремились к чистоте корейского языка и освобождению его от заимствований, и аналогисты, которые настаивали на том, что корни корейского языка уходят в иероглифику.

Современный период южнокорейского корейского языкознания ознаменован внедрением новых методов исследования, появившихся в рамках трансформационной грамматики Н. Хомского¹⁵. Корейские филологи вслед за Н. Хомским основной акцент в исследовании ставят на изучении синтаксиса и рассматривают формальные свойства базы синтаксического компонента. К известным лингвистам, занимающимся вопросами развития корейского языка и освещением работ корейских лингвистов периода зарождения в свете трансформационной грамматики, можно отнести Ли Ик Сопа¹⁶, Нам Ги Сина¹⁷, Ко Ен Гына, Ли Гван Чжона и Чой Гю Су¹⁸.

В 70-е годы XX в. особое внимание уделялось изучению системы раннекорейского и среднекорейского языка¹⁹. Продолжает развиваться сравнительное языкознание. В 80-е годы важным событием становится разработка нормативной грамматики корейского языка. Еще с 60-х годов прошлого столетия была предпринята попытка разработать общие грамматические законы и изложить их в учебниках по корейскому языку. Однако различия в подходах препятствовали стандартизации. Только в начале 1990-х годов знаменитый южнокорейский ученый Нам Ги Син, который работал на стыке двух направлений — аналогистов и абсолютистов, — смог объединить накопленные результаты и разработать общую нормативную грамматику родного языка²⁰.

Исследования XXI в. в южнокорейском языкознании, как и во всем мире, сосредоточены на изучении современных направлений: дискурса, коммуникативных стратегий, когнитивной и компьютерной лингвистики, социолингвистики. Особое место занимает такой раздел языкознания, как диалектология. На базе Национального центра изучения родного языка Республики Корея проводятся исследования, направленные на стандартизацию корейского языка²¹.

В свою очередь, в северокорейском языкознании в связи с особенностями государственного режима центральной темой остается корпусная лингвистика, которая в современном языкознании уже считается изученной и не стоит в авангарде научных направлений. Северокорейские филологи сосредоточены на составлении двуязычных словарей, толковых словарей, а также занимаются вопросами политики очищения родного языка от заимствований.

Подводя итог, следует отметить, что корейское языкознание за сто с лишним лет прошло эволюционное развитие, на которое у европейской лингвистической науки ушло несколько столетий. Безусловно, такому динамичному росту способствовали знания, накопленные европейскими учеными. Однако корейские лингвисты не просто использовали матрицы, предложенные их западными коллегами, а стремились с теоретической точки зрения переосмыслить и описать идиоматические особенности своего родного языка. Поставить традиционно считавшийся малоизученным корейский язык в один ряд с европейскими языками, определить его место не только в типологической, но и в генеалогической классификации.

Развитие языкознания в Корее шло эволюционным путем еще и потому, что, переходя от простейших описаний грамматических категорий к изучению более сложных нелинейных систем фонетики и лексики, когнитивных аспектов, корейские лингвисты действительно добились выдающихся результатов в изучении родного языка. В настоящее время теоретические исследования корейских филологов стоят в одном ряду с современными работами европейских ученых. При этом можно отметить характерную особенность исследований корейских лингвистов, которые эмпирически идут по пути, впоследствии становящимся отдельным научным направлением в европейской науке.

Примечания

¹ Ли Гван Чжон. Куго мунпоп ёнгу 1. Пхумса [Грамматика корейского языка 1. Части речи]. Сеул: Досо чультханса, 2003. С. 117.

² Ко Ен Гын. Хангуго оно ёнгу [Исследование корейского языка]. Сеул: Досо чультханса, 2003. С. 39.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.

⁴ *Ю Гиль Чжун*. Тэхан мунпоп [Грамматика корейского языка]. Сеул: Тхап чульпханса, 1909. 248 с.

⁵ *Ким Гю Сик*. Тэхан мунпоп [Грамматика корейского языка]. Сеул: Тхап чульпханса, 1909. 146 с.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. С. 685.

⁷ *Чжу Си Ген*. Куго мунпоп [Грамматика корейского языка]. Сеул: Тхап чульпханса, 1910. 296 с.

⁸ *Есперсен О.* Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пасека, С.П. Сафровой, под ред. и с пред. Б.А. Ильиша. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 404 с.

⁹ *Нам Гун Ок*. Чжосона поп. [Грамматика корейского языка]. Сеул: Тхап чульпханса, 1913. 232 с.

¹⁰ *Ким Ду Бон*. Чжосонмальбон [Грамматика корейского языка]. Шанхай: Сэгыльчип киптэ чэпхан, 1916. 381 с.

¹¹ *Ли Ван Ын*. Чжундын гёгва чжосона мунчжон [Курс обучения корейскому языку. Средний уровень]. Сеул чопхан, 1929. 295 с.

¹² *Чой Хен Бе*. Сероун мальбон [Новая речь]. Сеул: Чонымса, 1968. 495 с.

¹³ *Lee Ki Moon*. A history of the Korean language. New York: Cambridge University Press, 2011. 348 p.

¹⁴ *Ко Ен Гын*. Хангуго оно ёнгу [Исследование корейского языка]. Сеул: Досо чульпханса, 2003. С. 39.

¹⁵ *Chomsky N.* Knowledge of Language: Its Nature, Origin & Use. New York: A division of Greenwood Press, 1986. 307 p.

¹⁶ *Ли Ик Сон*. Хангуго оно [Корейский язык]. Сеул: Сингумунхваса, 1997. 318 с.

¹⁷ *Нам Ги Син*. Пхёчжун гуго мунпопнон [Теоретическая грамматика нормативного родного языка]. Сеул: Тхальчиль пханса, 1985. 458 с.

¹⁸ *Чой Гю Су*. Чжусигён мунпоп нонгва кытвие ёнгудыль. [Теоретическая грамматика Чжу Си Гёна и исследования после]. Сеул: Тосо чульпханса, 2003. 396 с.

¹⁹ *Ко Ен Гын*. Хангуго оно ёнгу [Исследование корейского языка]. Сеул: Досо чульпханса, 2003. С. 41.

²⁰ *Нам Ги Син*. Пхёчжун гуго мунпопнон [Теоретическая грамматика нормативного родного языка]. Сеул: Тхальчиль пханса, 1985.

²¹ Кунним куго вон [Центр изучения родного языка]. URL: <https://www.korean.go.kr/front/search/searchAllList.do> (дата обращения: 10.03.2020).

References

1. *Choi Hyun Bae* (1968). Seroun malbon [The New Korean Language]. Seoul: Cheongeumsa. 495 p.(in Korean).
2. *Choi Kyu Soo* (2003). Joo Si Gyeong's moonpob nongua kutvie engudl [Ju Si Gyeong's Theory of Grammar and Ju Sigyeong's followings]. Seoul: Doseo Press. 396 p. (in Korean)
3. *Chomsky N.* (1986). Knowledge of Language: Its Nature, Origin & Use: Convergence. London, Praeger Publisher. 307 p.
4. *Go Young Geun.* (2003). Hanguk O ono yengu [The Korean Language Research]. Seoul, Doseo Press. P. 39. (in Korean).
5. *Jespersen O.* Pholosophia grammatiki / Per. s angliiskogo V.V. Paseka, S.P. Safronovoi, pod red. I predisloviem B.A.Iliina [The Philosophy of Grammar. Trans. From English by V.V. Pasek, S.P. Safronova, under edit. V.A. Iliin]. Moscow. 1958. 404 p. (in Russian).
6. *Ju Si Gyeong* (1910). Koogo munpob [The Korean Language Grammar]. Seoul: Tap Press. 296 p. (in Korean).
7. *Kim Doo Bong* (1916). Choson malbon [The Korean Language Grammar]. Shanhai: Saegeujip Kiptae Press. 381 p. (in Korean).
8. *Kim Gyu Sik* (1909). Taekhan moonpob [The Korean Language Grammar]. Seoul: Tap Press. 146 p. (in Korean).
9. Kooknip googo von [National Institute of Korean Language]. Available at: <https://www.korean.go.kr/front/search/searchAllList.do> (accessed: 10.03.2020).
10. *Lee Gwang Jeong* (2003). Koogo moonbob yengoo. 1. Phumsa. [The Korean Language Grammar. 1. Part of speech]. Seoul: Doseo Press. P. 117. (in Korean).
11. *Lee Ik Seop* (1997). Hangoogo ono [The Korean Language]. Seoul: Singimunhwasa. 318 p. (in Korean).
12. *Lee Ki Moon* (2011). A history of the Korean language. New York: Cambridge University Press. 348 p.
13. *Lee Wang Eun* (1929). Joondon gyegua xocon o moojeon [The Course of Korean language]. Seoul chopan. 295 p. (in Korean).
14. Linguvistiheskii entsiklohedicheskii slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Edited by Yarzeva, Moscow: Soviet Encyclopedya, 1990. 685 p. (in Russian).
15. *Nam Gi Sin* (1985). Pyojoon goggo munpobron [The Theory of Standard Korean Grammar]. Seoul: Talchul Press. 485 p. (in Korean).
16. *Nam Gung Ok* (1913). Choson o pob [The Korean Language Grammar]. Seoul: Tap Press. 232 p. (in Korean).
17. *Yu Gil Jun* (1909). Taekhan moonpob [The Korean Language Grammar]. Seoul: Tap Press. 248 p. (in Korean).

Т.С. Мозоль

ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В НЕОЛОГИЗМАХ

Язык является частью культуры и общественного сознания, а его лексический состав представляет собой отражение трансформационных процессов в обществе. В XXI в. в корейском языке отмечается резкий рост количества неологизмов¹, что связано с многочисленными изменениями в социально-политической, экономической и культурной жизни общества. В словообразовании неологизмов задействованы преимущественно исконно корейские, синокорейские и английские морфемы. При этом большая часть неологизмов — это англицизмы и псевдоанглицизмы². В данной работе рассмотрены южнокорейские неологизмы — «лексические маркеры» XXI в. в нескольких сферах: 1) быт; 2) семья; 3) образовании; 4) экономика; 5) политика.

Ключевые слова: неологизм, культурно-социальный феномен, социальные тренды, южнокорейское общество, общественное сознание

Введение

В данной работе рассмотрены основные неологизмы XXI в., наиболее ярко характеризующие общественные, исторические и политические события в Республике Корея. Как отмечает одна из

крупных специалистов России по лексикологии профессор В.И. Заботкина, изучение новой лексики позволяет говорить об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира, об изменении категоризации, о новых концептах, о новых концептуальных сферах, о тех новых фрагментах общественного опыта, которые требуют лексической фиксации³.

В данной работе автор руководствуется конкретно-историческим подходом, предложенным создателем новых направлений в отечественной лингвистике (неологии и неографии) профессором Н.З. Котеловой⁴, и термин «неологизм» понимается как лексические единицы определенного периода по отношению к какому-либо из предыдущих периодов в национальном языке, т. е. такие слова определенного периода, которых не было в предшествующий период в том же языке, поскольку специфика понятия «неологизм» заключается в его «историчности и относительности»⁵. Неологизмы могут выполнять роль особых «лингвистических маркеров», апеллирующих к конкретному историческому контексту и вызывающих определенные ассоциации у носителей языка⁶. Данное исследование не рассматривает окказионализмы, материалом исследования являются неологизмы XXI в., отобранные Национальным институтом корейского языка в сборники новых слов с учетом частотности их употребления⁷, т. е. используемые в языке в течение 20 лет нынешнего столетия. Под термином «общественное сознание» в данной работе понимается «категория для обозначения той социальной реальности, которая обуславливается общественным бытием и является его отражением, духовным воспроизведением»⁸, т. е. речь идет о массовидном явлении, охватившем большую часть населения страны.

В настоящем исследовании характеристика неологизмов дается по крупным социальным явлениям и проблемам, закрепившимся в обществе: 1) быт; 2) семейные отношения; 3) социально-экономическая сфера, наиболее чувствительная для общественного сознания; 4) образование; 5) политика с учетом сильной турбулентности политической жизни, приведшей два раза в течение 10 с небольшим лет к импичменту президента, один из которых ознаменовался отрешением от должности главы государства.

Неологизмы XXI в. и новые социальные тренды

1. Повседневная жизнь

1.1 Комфорт и благосостояние

Неологизмы XXI в. фиксируют тенденцию к усилению индивидуализма, и, как следствие, интересы отдельного человека становятся более значимыми в системе ценностей.

- *Ворабэл* (work-life balance, 2016): баланс между работой и жизнью. Баланс между работой и жизнью стал важной ценностью для молодых корейцев. В современном обществе «жизнь, в которой есть свободный вечер», становится важным критерием качества жизни⁹. Министерство труда и занятости Республики Корея совместно с порталом вакансий Job Planet с 2017 г. ежегодно выбирает 10 компаний, которые наилучшим образом обеспечивают баланс между жизнью и работой для сотрудников. Если для старшего поколения работа стоит на первом месте, то молодежь видит большую ценность в личном комфорте и жизненном балансе¹⁰.

- *Сырабэл* (study and life balance, 2019): баланс между учебой и жизнью. Актуальным в последние годы стало не только создание комфортных условий работы, но и разумного баланса между учебой и отдыхом. Высокий уровень конкуренции и культ образования стали основными причинами того, что большинство корейских школьников перегружены учебой и испытывают постоянный стресс. Среди стран ОЭСР Республика Корея занимает 1-е место по уровню стресса у детей и подростков и 25-е место по уровню удовлетворенности обучающихся школьной жизнью¹¹.

1.1.1 Индивидуализм и одиночество современного человека

В корейском обществе все более отчетливы тенденции к индивидуализму и ослаблению коллективистской идеологии.

- *Нахолло мунхва* (나홀로 [совсем один, одиноко] 문화 [культура], 2016): культура индивидуализма. Люди все чаще предпочитают проводить время в одиночестве. Снижение количества браков и рождаемости, увеличение количества разводов, безработица, старение общества обусловили рост одиночных домохозяйств и изменение форм потребления: в ресторанах появляются места для одного посе-

тителя, в магазинах — продукты и товары в малой расфасовке, растет ассортимент полуфабрикатов и готовой еды, появляются караоке для одного посетителя, кинотеатры для зрителей-одиночек, продается больше билетов в кино для одного посетителя и т. п. Отсюда появляются неологизмы, отражающие подобные тенденции.

- *Хонбабион* (혼자 [один] + 밥 [каша, еда]+ion, 2016): люди, которые едят в одиночку.

- *Хонсуль* (혼자 [один] + 술 [алкоголь], 2016): алкоголь в одиночку.

- *Хонён* (혼자 [один] + 영화 [кинофильм], 2016): фильм в одиночку.

Меняется не только образ жизни, но и система ценностей, долгосрочные отношения с другими людьми теряют ценность, становятся в тягость.

- *Квантхэги* (관계 [отношения] + 권태기 [апатия], 2016): усталость от отношений с людьми.

Современная молодежь страдает от недостатка времени (подработка, учеба, трудоустройство), для них большая роскошь тратить свое время и силы на большое количество ненужных контактов (социальные сети, досуг и пр.).

- *Инганкванге* O2O (인간 [человек] 관계 [отношения] Online to Offline, 2018): поиск знакомств в Сети по мере необходимости (для учебы, путешествий, походов на концерт, в ресторан и пр.).

Как правило, эти отношения разовые, что, напротив, устраивает современных людей, которым присущ эгоцентризм, стремление к комфорту, желание сохранить личное пространство.

1.2 Культ внешности

Внешность становится важным фактором не только в личной, но и в общественной жизни (трудоустройство, повышение по службе и пр.). Культ внешности — это важный социальный тренд в Республике Корея: для того, чтобы быть успешным, необходимо хорошо выглядеть, неслучаен интерес к красоте и пластическим операциям.

- *Инчжо миин* (인조 [искусственный] 미인 [красавица], 2006): «искусственная» красавица (после пластической операции).

- *Сонхён квемуль* (성형 [пластическая операция] 괴물 [чудовище], 2010): лицо после неудачной пластической операции.

- *Чхвион сонхён* (취업 [поступление на работу] 성형 [пластическая операция], 2011): пластическая операция ради трудоустройства.

- *Кхичжы бютхи* (kids beauty, 2014): использование косметики младшеклассниками.

2. Семья

В XXI в. изменяются традиционные представления о семье. Молодое поколение толерантно относится к сожительству до брака, стремится к балансу между работой и семьей, вместе с тем растет количество бездетных и не вступающих в брак в силу экономических причин или ради собственного комфорта, появляется больше семей, в которых работают оба супруга или работает только жена.

- *Сингильчжок* (single + 족 [человек], 2003): люди, сознательно не вступающие в брак.

- *Тонгочжок* (동거 [вместе проживать] 족, 2003): сожители.

- *Сихончжок* (시혼 [временно проживающие вместе] 족, 2005): молодые люди, которые живут вместе перед свадьбой.

- *Чхульсан кипхичжок* (출산 [рождение детей] 기피 [уклоняться, избегать] 족, 2005): люди, не желающие рожать детей.

- *Чхэинчжичжок* (change + 족, 2005): семья, в которой жена работает, а муж занимается домашним хозяйством.

- *Нэсытхинчжок* (nesting + 족, 2009): люди, у которых на первом месте семья, а не работа.

В XXI в. важными членами семьи становятся животные, этому способствуют одиночество современного человека, его стремление к комфорту, усталость от сложных человеческих отношений и т. п. Рынок услуг и товаров для животных стремительно растет в Южной Корее¹².

- *Тинпхэтчжок* (Double Income, No Kids, Pet + 족, 2004): работающая семейная пара, у которой вместо детей домашнее животное.

- *Кэрини* (개 [собака] + 어린이, 2016): собака-«ребенок» (в Корее детеныша собаки — щенка называют 강아지 [канади]).

- *Пхэтпхэмчжок* (pet + family + 족, 2018): люди, для которых домашнее животное — член семьи.

3. Экономические трудности

3.1 Проблемы трудоустройства и безработицы

Большое количество неологизмов посвящено трудоустройству молодежи, большой конкуренции при трудоустройстве, безработице

гуманитариев из-за увеличения набора компаниями выпускников технических специальностей.

- *Итхэбэк* (이십대 [20-летние] 태반 [больше половины, большинство] 이백수 [ничего не имеющие, от выражения 백수 건달, бездельничать, лодырничать, т. е. оказаться без дела, без занятости, бездельник], 2003): больше половины молодежи 20—30 лет безработные.

- *Хвасок сонбэ* (화석 [окаменелость] 선배 [старший], 2015): «окаменевший старшекурсник», который долго откладывает окончание университета из-за отсутствия рабочего места.

- *Ингурон* (인문대 [гуманитарный вуз] 생 [выпускник] 의 90%가 논다 (отдыхает), 2015): 90 % гуманитариев без работы.

- *Тхисю интхон* (tissue intern, 2017): «стажер — одноразовая салфетка», которого не берут в штат после стажировки.

3.2 Проблемы молодежи

В условиях безработицы и нестабильной экономики молодые люди не могут обрести независимость от родителей и устроить свою жизнь.

- *Кэнгоручжок* (kangaroo + 족, 2003): взрослые дети-«кенгуру», живущие вместе с родителями за их счет, как правило, из-за невозможности снять или купить свое жилье, отсутствия работы или низкой зарплаты.

- *88манвон сэдэ* (88만원 세대, 2007): поколение с зарплатой 880 тыс. вон. Только небольшой процент молодых людей получают хорошую стабильную работу, остальные довольствуются внештатными должностями со средней зарплатой 880 тыс. вон.

- *Ппальтэчжок* (빨대 [соломинка для питья] + 족, 2013): взрослые дети, которые «высасывают» все из родителей.

- *Нпхо сэдэ* (N + 포기 [бросать, отказаться] + 세대 (поколение), 2015): поколение, отказавшееся от всех жизненных ценностей (брака, рождения детей, покупки дома, карьеры, надежды, отношений с другими людьми и пр.) из-за экономических проблем (рост цен, расходы на обучение, безработица, дороговизна недвижимости и пр.).

3.3 Социальное неравенство

В последние годы все чаще говорят о проблемах молодежи, поэтому получает новое осмысление проблема социальной несправед-

ливости, когда выходцы из бедных семей, несмотря на старания, не могут добиться успеха в жизни и в итоге проигрывают детям из богатых семей.

- *Сучжорон* (수저 [ложка и палочка для еды] 룬, 2015): теория столовых приборов.

В английском языке есть выражение «родиться с серебряной ложкой во рту» о выходцах их богатых семей. Отсюда в корейском языке появился неологизм о теории столовых приборов, согласно которой людям присваивается рейтинг в зависимости от доходов семьи и, соответственно, их возможностей в жизни.

- *Кымсучжо* (금 [золото] 수저, 2015): золотая ложка (выходец из богатой семьи).

- *Ынсучжо* (은 [серебро] 수저, 2015): серебряная ложка (выходец из зажиточной семьи).

- *Тонсучжо* (동 [бронза] 수저, 2015): бронзовая ложка (выходец из семьи со средним достатком).

- *Хыксучжо* (흙 [земля] 수저, 2015): земляная ложка (выходец из бедной семьи).

3.4 Бедность, рост цен

Экономические кризисы и нестабильная экономическая ситуация *нашли* свое отражение в неологизмах.

- *Имгым чольбёк* (임금 [зарплата] 절벽 [обрыв, утес], 2014): зарплатное неравенство.

В последние годы уровень относительной бедности в Южной Корее выше, чем в период валютно-финансового кризиса конца 1990-х, происходит сокращение среднего класса, отмечается значительная разница в зарплатах, высока доля людей с низкой зарплатой¹³.

- *Хэльчосон* (hell + 조선, 2016): адский Чосон, т. е. Южная Корея, жизнь в которой сравнима с адом из-за многочисленных социальных и экономических проблем (безработица, расслоение общества и пр.).

Современная Республика Корея уподобляется средневековому Чосону с сословным разделением, поскольку в настоящее время особо остро ощущается проблема социального неравенства, когда выходцы из богатых семей имеют возможность получить хорошее образование и работу, а выходцы из бедных — изначально лишены такой возможности.

4. Образование и воспитание

Низкий уровень рождаемости и присущий корейскому обществу культ образования сделали детей особым центром семьи. Многие родители готовы на любые жертвы ради воспитания и образования детей.

- *Кирогги анпа* (기러기 [гусь] 아버지 [отец], 2002): папа-«гусь».

Гусь является в Корее символом супружеской верности, в поисках пищи для птенцов он может пролетать большие расстояния, поэтому отца, который вынужден отправлять ребенка и жену ради учебы за границу, а сам живет в одиночестве и зарабатывает для них деньги, уподобляют гусю. Ради хорошего образования детей корейцы готовы на любые жертвы, даже на разлуку с детьми и женой.

- *Хэлликхонтхо мам* (helicopter mom, 2009): мама-«вертолет», излишне опекающая ребенка.

В последние годы масштабы этой опеки не ограничиваются участием во всех делах детей дошкольного и школьного возраста, матери продолжают опекать и контролировать взрослых детей в университете, во время службы в армии, после свадьбы и пр.

- *Кёжук чольбёк* (교육 [образование] 절벽 [утес, обрыв], 2014): неравенство в образовании.

Дети из богатых районов в девять раз чаще поступают в Сеульский национальный университет, чем дети из бедных районов (2012). Всего 33,8 % школьников из небогатых семей поступают в университеты, в то время как 74,5 % детей из состоятельных семей становятся студентами вузов¹⁴. Образование утрачивает роль «социального лифта», поскольку поступление в университет зависит от возможности родителей оплатить расходы на подготовку к ЕГЭ и вступительным экзаменам в университет.

5. Политические события

Политические потрясения последних лет нашли отражение в языковой картине мира современных южнокорейцев. Большинство политических неологизмов связано с недоверием к правительству.

- *Сэвольхо сэдэ* (세월호 [название парома] 세대 [поколение], 2014): поколение Севоль — ровесники школьников, оказавшихся на затонувшем парома «Севоль» в апреле 2014 г. Их отличает недоверие к

правительству, желание действовать самим для того, чтобы изменить общество.

- *Чхотпиль сэдэ* (촛불 [пламя свечи] 세대, 2016): поколение революции свечей. Молодежь с активной гражданской позицией, участвовавшая в «революции свечей» 2016 г. и вставшая на защиту демократии.

- *Кукчон нондан* (국정 [государственная политика] 농단 [решать в собственных интересах], 2016): узурпация власти с целью получения выгоды. Этот неологизм появился после скандала из-за мошенничества и злоупотребления властью подругой президента Пак Кынхе.

Заключение

Современные корейские неологизмы XXI в. отражают трансформации во всех сферах общества. С одной стороны, в обществе отмечается стремление к комфорту, повышенный интерес к собственному благосостоянию, рост индивидуализма среди молодого поколения, которое ставит личные интересы выше общественных, ценит баланс между работой (учебой) и личной жизнью, стремится избегать сложных человеческих отношений, что способствует в итоге ослаблению коллективистских ценностей. С другой стороны, экономические трудности и кризисы породили множество неологизмов о проблемах трудоустройства, социальном неравенстве. В новом тысячелетии не остались незыблемыми и традиционные семейные ценности: неологизмы фиксируют более толерантное отношение к вопросам брака, появление новых типов семей (работающие супруги с домашними животными вместо детей; семья, в которой работает жена, а муж занимается домашним хозяйством и пр.).

«Кульτ образования» присущ корейскому обществу, однако в настоящее время уровень конкуренции при трудоустройстве чрезвычайно высок, что повышает значимость образования еще больше. С другой стороны, из-за социального неравенства не все получают доступ к высшему образованию. Большое количество неологизмов посвящено «культу внешности», который стал особой социальной проблемой. Стремление к красоте является естественным, однако в современном южнокорейском обществе внешность стала особым конкурентным преимуществом и объектом для инвестиций.

Следует отметить, что с каждым годом неологизмы становятся более резкими и радикальными по содержанию. «Искусственная красавица после пластической операции» (2006) становится «чудовищем» (2010), дети-«кенгуру» (2003) через 10 лет получают название «взрослые дети, высасывающие все из родителей» (2013). Малообеспеченная «молодежь с зарплатой 880 тыс. вон» (2007) становится «поколением, которое отказывается от всех жизненных ценностей» из-за безработицы и живет в «адском Чосоне» (2016) с классовым разделением по «теории столовых приборов» (2010). Подобная неустроенность молодежи порождает «поколение Севоль» (2014) и «поколение революции свечей» (2016), которые не хотят мириться с существующим положением вещей и не довольны действиями правительства.

Примечания

¹ В настоящее время корейский язык переживает неологический бум. Так, к примеру, в открытом словаре Национального института корейского языка «Ури-мальсэм», созданном в октябре 2016 г., насчитывалось около 330 тыс. неологизмов, внесенных пользователями и размещенных в словаре после проверки лингвистами.

² Английский язык имеет высокий статус и считается в Республике Корея престижным иностранным языком. Его учат в государственных и частных школах, в университетах, его уровень улучшают на курсах и во время стажировок за границей, и так как среди молодых людей английские слова особо легко входят в обиход, то они становятся частью корейского языка. Заимствованные слова из английского языка широко распространены в лексиконе жителей Южной Кореи. Они прочно укрепили свою позицию в языке, фонологически, морфологически и синтаксически подстроились под корейский язык.

³ *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1990. С. 24.

⁴ *Котелова Н.З.* Избранные работы. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 189—191.

⁵ *Головин Б.Н.* Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1977. С. 90.

⁶ *Приходкина С.И.* Современные лексические единицы как маркеры общественно-политической жизни России // Росиахак. 2013. № 9. С. 90.

⁷ 2005 нён сино [Неологизмы 2005 г.]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2005; 2002 нён иху сэнгёнан маль. Сачжонэ омнын маль синчжоо [Слова, появившиеся после 2002 года. Неологизмы, которых нет в словаре]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: Тэхак-

са, 2007; 2013 нён сино кичо часа чарё [Неологизмы 2013 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2013; 2014 нён сино [Неологизмы 2014 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2014; 2015 нён сино [Неологизмы 2015 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2015; 2016 нён сино часа мит саён чуги часа [Неологизмы 2016 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2016; 2017 нён сино часа [Неологизмы 2017 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2017; 2018 нён сино часа [Неологизмы 2018 года]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2018.

⁸ Краткий философский словарь. URL: https://platona.net/board/filosofskij_slovar/obshhestvennoe_soznanie/1-1-0-327 (дата обращения: 29.03.2020).

⁹ По данным газеты Сэге ильбо 85,7 % работающих корейцев считают, что их рабочий день слишком длинный. Четверо из десяти ответили, что им не хватает времени на личную жизнь, большая часть ответивших подобным образом — люди 30—40 лет. Большинство опрошенных (79,6 %) ответили, что для повышения качества жизни необходимо сокращение рабочего времени.

¹⁰ Согласно данным портала вакансий Career за 2006 г., третий по популярности критерий выбора работы — это условия труда, обеспечивающие баланс между жизнью и работой (25,1 % выбрали годовой доход, 23,4 % — стабильность, 19,2 % — условия труда). *Ли Чонхун*. Тонпода ёюга то чунгёхэ. Даунсипхтхы чикчангин кыпчыннг. (Комфорт важнее денег. Рост количества дауншифтеров.) 13.06.2006. URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/131894.html#csidxb7bb7fdd0a3a51e9830af403cebe997 (дата обращения: 02.03.2020).

¹¹ Kostat Statistics Plus. Vol. 8. 2019. 12. Winter. URL: http://kostat.go.kr/assist/synap/preview/skin/doc.html?fn=synapview379579_1&rs=/assist/synap/preview (дата обращения: 07.04.2020).

¹² По состоянию на 2018 г. количество владельцев домашних животных в Республике Корея превысило 10 млн человек (2018).

¹³ 2014 нён сино [Неологизмы 2014 г.]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2014. С. 140.

¹⁴ 2014 нён сино [Неологизмы 2014 г.]. Кукнипкуговон [Центр изучения родного языка]. Сеул: кёнчжи дичжитоль, 2014. С. 96.

References

1. 'Donboda yeoyuga deo jungyohaeyo daunsipeu jikjang geupjeung' (Maintaining composure is more important than money. Downshifting on the increase among white collar workers). *The Hangyoreh*, 13.06.2006. Available at: <http://www.hani.co.kr/arti/>

society/society_general/131894.html#csidxb7bb7fdd0a3a51e9830af403cebe997 (accessed 02.03.2020).

2. *Go, Jaehak*. (2013). *Jeolbyeok sahoe* [Social imbalance]. Seoul: 21segibukseu.

3. *Golovin B.N.* (1977). *Obshhee jazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow: Vysshaja shkola (in Russian).

4. *Kostat Statistics Plus*. Vol. 8. 2019. 12. Winter. Available at: http://kostat.go.kr/assist/synap/preview/skin/doc.html?fn=synapview379579_1&rs=/assist/synap/preview (accessed 07.04.2020).

5. *Kotelova N.Z.* (2015). *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Saint Petersburg: Nestor istorija (in Russian).

6. *Kratkij filosofskij slovar'* [Brief dictionary of philosophy]. Available at: https://platona.net/bjard/filisifskij_slovar/obshhestvennoe_soznanie/1-1-0-327 (accessed: 29.03.2020) (in Russian).

7. National Institute of Korean Language. (2005). 2005 nyon sineo [Neologisms of 2005 year]. Seoul: Gyeongji Digital. (in Korean).

8. National Institute of Korean Language. (2007). *Nyeon ihu saenggyeong nan mal. sajeone eomneun mal sinjoe* [Newly coined words after 2020. Neologisms that are not in the dictionary]. Seoul: Taehaksa. (in Korean).

9. National Institute of Korean Language. (2013). 2013 nyon sineo [Neologisms of 2013 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

10. National Institute of Korean Language. (2014). 2014 nyon sineo [Neologisms of 2014 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

11. National Institute of Korean Language. (2015). 2015 nyon sineo [Neologisms of 2015 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

12. National Institute of Korean Language. (2016). 2016 nyon sineo [Neologisms of 2016 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

13. National Institute of Korean Language. (2017). 2017 nyon sineo [Neologisms of 2017 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

14. National Institute of Korean Language. (2018). 2018 nyon sineo [Neologisms of 2018 year]. Seoul: Gyeongji Digital (in Korean).

15. *Prihodkina S.I.* (2013). *Sovremennye leksicheskie edinicy kak markery obshhestvenno-politicheskoy zhizni Rossii* [Modern lexical units as markers of social and political life of Russia]. *Reosiahak* [Russian Studies] 9: 90 (in Russian).

16. *Zabotkina V.I.* (1990). *Novaja leksika sovremennogo anglijskogo jazyka* [New words in English]. Moscow: Vysshaja shkola (in Russian).

Summary

Part I. SECURITY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Zhebin Alexander Z.

Korean Peninsula: 75 years between War and Peace

The author examines key milestones in the history of Korea and Russia's relations with the DPRK and the ROK, starting with the events related to the liberation of Korea in 1945, the emergence of two states on the peninsula and the Korean War, which consolidated the division of Korea. Attempts to distort or belittle the role of the Soviet Union in the victory over Japanese militarism and the liberation of Korea are rebuffed. The official recordings and other documents of the summits of the top leaders of the USSR, USA and Great Britain held during WWII were used to support the author's position. Key issues of Russia's relations with the two Korean states at the present stage are touched upon. The author argues that certain UNSC sanctions against the DPRK are detrimental to Russia's international image and economic interests. He also brings attention to possible challenges to Russia-ROK relations because of US THAAD deployment in South Korea and future deployment of new US middle-range missiles in the country. The article concludes that it is necessary to develop relations with both Korean states from the standpoint of political realism and participate in international efforts to prevent a new conflict and ensure peace in Korea.

Keywords: Russia, foreign policy, DPRK, Republic of Korea, international relations.

Kim En Un

The Evolution of the Role of Korea in the Balance of Power in NEA (1945–2020)

In 1945–1948, before the DPRK and the ROK were established, Korea as a whole was an object, but not a subject of international law and did not play

any role in the balance of power in Northeast Asia. With the formation of the DPRK and the ROK, they became subjects of international law. But their legal personality was limited for various reasons. The simultaneous accession to the UN in 1991 expanded the capabilities of the DPRK and the ROK to play a more significant role in the world, and also play a role in the balance of power in Northeast Asia. The participation of the DPRK in the six-party talks on the denuclearization of the Korean Peninsula was a clear evidence of this. The ROK, having made an impressive leap in the economic development and deservedly becoming a member of the club of the largest economies in the world, the G20 and twice for the period of 1991—2020 becoming a non-permanent member of the UN security Council has significantly expanded its influence on world affairs and the balance of power in Northeast Asia. But limited sovereignty, dependence on military and political obligations to the United States, and the need to coordinate their actions on NEA issues with the United States, or rather, to get the approval of the United States, do not make the country a really influential element of the balance of power.

Keywords: North and South Korea, objects and subjects of international law, balance of power, Northeast Asia.

Petrovskiy Vladimir E.

The United Nations and Inter-Korean Relations in Historical Retrospective

The UN has played an important but controversial role in inter-Korean relations over the past decades, from the beginning of the Korean War to the present, when the UN Security Council is discussing the possibility of easing and lifting sanctions against the DPRK depending on progress on the US-North Korean denuclearization talks.

The Korean War was the first serious test of strength for the newly created United Nations victorious powers. In the context of the outbreak of the Cold War, the great powers, having rejected their mutual promises, experienced a great temptation to act exclusively in the name of their interests and ambitions, to the detriment of the logic of compromise and collective action. With the outbreak of war in Korea in 1950, the imperfection of the UN Charter and other norms of international law in the event of an open confrontation of the interests of superpowers became especially apparent.

The lessons of multilateral diplomacy around inter-Korean relations within the UN are more relevant than ever. Today, the UN needs a scientific

and political “audit” of the experience of its participation in the Korean War and subsequent attempts to resolve the situation on the Korean Peninsula.

Keywords: inter-Korean relations, The United Nations, Korean War, The UN Security Council sanctions, American-North Korean denuclearization talks.

Vorontsov Alexander V.

Possible Scenarios for Solving the Korean Peninsula Nuclear Problem

Considering the lack of progress in the US-DPRK dialogue the international community was debating what would happen after January 1, 2020 as tensions mounted. We see a number of possible scenarios. The first is a negative one. Speaking about the plans for the immediate future, Kim Jong-un in the December 2019 said: “The DPRK has found no grounds to be unilaterally bound any longer by the commitments that the other party does not honor,” promising that “the world will witness a new strategic weapon to be obtained by the DPRK in the near future.” So, a number of experts and politicians felt confident that the world was on the verge of a new breakthrough in the development of North Korea’s nuclear and missile potential, and therefore, a new military and political crisis on the Korean Peninsula was around the corner.

The second scenario is positive. There is no doubt that maintaining the current environment of relative peace and calm on the peninsula in the near future will serve the interests of both the United States and the DPRK. It is possible that Pyongyang still hopes that once re-elected, Donald Trump will make practical steps to normalize bilateral relations. The fact that Kim Jong-un refrained from drawing any new red lines regarding Washington in his key speech in last December, unlike the preceding decision in April 2019, also supports this idea.

Keywords: DPRK, USA, denuclearization, missile and nuclear program, diplomacy.

Eyseev Vladimir V.

DPRK Nuclear-Missile Program Evolution

By the time of the successful nuclear test in May 2009, the DPRK had already created corresponding carriers — single-stage liquid missiles of short and medium range: Hwasong-6 and No Dong-1 with a maximum firing range of

700 km and 1300 km, respectively. Further implementation of the North Korean program for this type of missile has led to the emergence of single-stage medium-range missiles No Dong 2010 and Musudan (Hwasong-10), which have got land and sea base options with a maximum firing range of 4000 km and 3000 km, respectively. At the same time, work was underway in the DPRK on the creation of two-stage intermediate-range missiles Hwasong-14 (KN-20) and Hwasong-15. The process of their introduction is not yet complete. An important area of the DPRK's nuclear missile program was the creation of two-stage sea-based solid-fuel rockets of the Pukguksong-1 (KN-11) and ground-based Pukguksong-2 (KN-15) with a maximum firing range of about 1000 km. Missiles of this type are under development. These programs have resulted in the creation of the three-stage rocket Taepodong-3 (its first and second stages are liquid, and the third is solid fuel) and KN-08 (all its stages are solid fuel). In the DPRK, the work continues to modernize operational-tactical missiles: KN-23, capable of moving along a quasi-ballistic trajectory with hypersonic speed, as well as KN-25. Nevertheless, the development of modern missiles has not been completed, which will push the DPRK leadership to resume flight tests of medium and intermediate-range missiles.

Keywords: DPRK, ballistic missile, tactical missile, nuclear missile program, solid fuel ballistic missile.

Dyachkov Ilya V.

Political Relations between Russia and the Republic of Korea: 30 Years after Establishment

This year marks the 30th anniversary of diplomatic relations between Russia and the Republic of Korea. Very soon after their establishment political and economic realities highlighted the limits of bilateral cooperation, and these limits became even more evident in recent years with international politics growing increasingly polarized. Nonetheless, this rigid and narrowing framework does not prevent the parties from maintaining a remarkable level of mutual understanding and avoiding major conflicts, which is quite rare in current global politics. For Moscow, South Korea is a partner that is unwilling to discard previous achievements when international climate changes, making Seoul important for Russia's 'pivot to the East' strategy. Seoul sees our bilateral relations as valuable, since they are not riddled with historical disputes, like interaction with Japan, and are free from reservations that come with 'over-engage-

ment', like relations with China or the US. 'Weakness' of our ties is not necessarily a negative trait; it can be viewed as an asset. It allows Moscow and Seoul to remain flexible in their policies, and lower stakes mean lower risks. Although Russia and the Republic of Korea often pursue hardly compatible political goals, their relations are free from major controversies, they are developed enough to yield tangible results and are yet to peak. This combination leaves room for optimism about the future.

Keywords: foreign policy, political ties, the Republic of Korea, Russia-South Korea relations, Moon Jae-in.

Polenova Anna L.

DPRK and the Non-Aligned Movement

The article analyzes relations between the DPRK and the Non-Aligned Movement (NAM). Through the decades the DPRK maintains close ties with the NAM, although bilateral relations with its members are clearly past the peak point, which is the 1970s, as a close look at the history of Pyongyang's foreign policy activities clearly shows. At the times North Korea saw itself as a role model for new independent countries not only as an example of self-reliant positioning in the international arena but also as a showcase of economic development. As the decades went by Pyongyang's ability to play this role clearly faded. Nevertheless the DPRK values the ties with the NAM. Having lost its diplomatic and economic potential through the late 1980s and 1990s, it later developed its own missile and nuclear program which also gives one significant structural influence, i.e. a possibility to shape narrative of nuclear nonproliferation and of the concept of power itself. One of the chances to channel this structural influence is through international institutions — and the Non-Aligned Movement is among them. The NAM might be of high importance to Pyongyang due to North Korea's unusual take on the international relations system. North Korea has a normative image of the world which presupposes more South-South cooperation, deeper connections between Asian, African and Latin American countries, democratic decision-making in international institutions. Pyongyang believes that all those principles should be inalienable features of the world order based on “genuine international justice” — and it is the view that the NAM also shares.

Keywords: DPRK foreign policy, the Non-Aligned Movement, South-South cooperation.

Part II. ECONOMICS

Suslina Svetlana S.

Socio-economic Development of the Republic of Korea: the Main Stages

The paper presents a periodization of the socioeconomic development of South Korea, based on the processes of internal transformation of its economic model and changes of its role in the world economy. South Korea, one of the “first wave” of new industrial countries, has demonstrated its approach to solving the problems of backwardness, poverty and social inequality. Along with the application of universally recognized axioms that indicate the way to achieve a breakthrough in overcoming these difficult problems, the Republic of Korea, faced with the challenges associated with the country's development features, its colonial closeness and others, has successfully developed its methods of national revival. However, we should not exclude the huge significance that the external factor had in the South Korean experiment. South Korea, being an integral part of the Korean Peninsula and once a unified country, remains even more involved in the orbit of geopolitical interests, which cannot but have an important influence on the course of its economic development.

The 75th anniversary of the liberation of Korea from colonial dependence provides another opportunity not only to analyze the entire historical period of development of the divided country, but also to identify the remaining economic “bonds” that could contribute to the future potential integration of the economies of the two Koreas.

Keywords: Republic of Korea, import substitution, export orientation, economic model, world economy.

Zueva Alexandra G.

Some Trends in the Socio-economic Development of South Korea

At the end of the 20th century, in the context of addressing global environmental and socioeconomic problems, a new concept of sustainable development emerged. It is based on the idea of meeting the needs of current generations without compromising following generations. The new world socioeconomic concept required different criteria and indicators, so from the late 1980s to the present time, various international organizations have been working to find and improve calculations that determine the presence, absence,

changes and prospects for sustainable development. In 1990, a group of economists developed the Human Development Index. In 2018, the Republic of Korea ranked 22nd in the ranking of countries according to the Human Development Index (HDI). Since HDI began to be calculated only at the end of the 20th century, the main indicators for determining human development in the period up to the 1990s in the Republic of Korea can be considered through its components. Thus, it is possible to trace how the socioeconomic picture in the country had changed, and how the vector of human development has reached modern values. This socioeconomic situation corresponding to the group of leaders is the result of the activities of the South Korean nation for several decades.

Keywords: South Korea, sustainable development, Human Development Index, human resources, socio-economic development.

Sinyakova Anna F.

Main Stages of the Economic Relations between Russia and the Republic of Korea

After the establishment of diplomatic relations between Russia and the Republic of Korea, we can outline the following stages of economic relations between these two countries. The first period lasted approximately until the financial crisis of the late 1990s and it can be marked as a period of mutual hope and great expectations. During this period, the countries have sought to find complementary areas of economic cooperation. South Korea demonstrated a clear interest in the Russian Far East. However, investments failed mostly due to administrative costs and the absence of guarantees. Undeveloped insurance system, failure to provide preferences — all these problems led to the fact that trade became the main form of cooperation. The second period lasted until the global economic crisis (2008). The economic downturn naturally led to some estrangement. The second period is interesting from the point of how the two countries overcame the consequences of the economic crisis and improved their relations. Among the steps are projects of trilateral economic cooperation on the Korean Peninsula with the participation of the Russian Federation, the DPRK and the ROK, a fairly active growth of South Korean direct investments in the Russian economy following the improvement of the investment climate. Chronologically, the third period can be determined from 2008 to the present. It is interesting to trace the dynamics of trade and investment cooperation, to consider the prospects of regional trans-

port and energy projects, and to assess the potential of a free trade agreement in services and investment sectors.

Keywords: Republic of Korea, economy, Russia-Korea economic relations, external trade, investments, energy.

Samsonova Viktoria G.

The Fuel and Energy Complex of the Republic of Korea and Prospects for Russia-South Korea Energy Cooperation

Nowadays the fuel and energy complex of the Republic of Korea has been suffering a tumultuous time: the dependence on power resources is extremely high. Despite of the fact that South Korea has been trying to diversify the supply of such resources, the majority of them is imported from Middle Eastern countries, where the political situation is unstable. Moreover, the energy policy of the South Korean government, which in particular is directed at reducing the consumption of nuclear and coal energy resources and further closure of all nuclear power plants, has been facing difficulties. In such a situation, it is necessary for the Republic of Korea to develop its energy cooperation with reliable partners such as Russia, not only in the existing areas, but also by cooperation in new prospective spheres. In our opinion, it is highly important to intensify bilateral partnership in electricity industry, where Russia has a valuable experience. The proposed initiatives by the Russian side, such as the «Asian Energy Super Ring» project, can significantly increase the energy security for the project participants. Nonetheless, we cannot boast much of the high level of our energy partnership. The article analyzes current South Korean policy in energy sphere, assesses the level of external actors' influence in the power market, researches opportunities and problems of Russia-ROK's energy cooperation.

Keywords: fuel and energy complex, energy policy, LNG, Asia Pacific Region, nuclear power plant.

Ignatov Alexander A.

Recent Developments in Russia-South Korea Energy Cooperation

The roles of the Russian Federation and the Republic of Korea on the global energy market are essentially complementary. Russia remains one of the top producers of oil, natural gas and coal in the world, while South Korea is a growing economy lacking own deposits of energy resources. This is a momen-

tum for enhanced cooperation between the two countries in energy sphere. Deepening of energy cooperation matches the strategic priorities of both countries regarding energy export/import diversification. In 2008, the two countries declared energy cooperation as a sphere of strategic partnership. However, current Russia-South Korea energy cooperation is very limited. Russia's energy producers lag behind the counterparts from the Persian Gulf countries and Iraq in oil supplies, Australia in coal and the USA in natural gas. The report presents the results of analysis on current indicators and drivers of Russia-South Korea bilateral energy cooperation. Available statistics demonstrate that the presence of Russian energy producers on the ROK's energy market has been shrinking in recent years. The author points out that insufficient transporting capacity of the Russian Far East and Eastern Siberia regions' infrastructure, current political turmoil in the Northeast Asia and Russian energy producers' pivot to the Chinese market constrain the development of Russia-ROK energy cooperation. In addition, the inconsistency of Russia and South Korea's official positions on the strategic energy development constrains long-term bilateral cooperation.

Keywords: Russia, South Korea, energy, cooperation, infrastructure.

Korneev Konstantin A.

Trade and Economic Cooperation between Japan and the Republic of Korea: Historical Context and New Realities

In retrospect, the relationship between Japan and the Republic of Korea is quite a complex system. After the Second World War, the parties took more than a decade to develop a stable paradigm of bilateral relations with the predominance of mutual economic interests, rather than historical grievances. Japan was the first East Asian country to embark on a large-scale economic modernization in the 1950s; the Republic of Korea launched these processes a little later and took into account the Japanese experience, but there is no question of copying it literally. Currently, there is a significant cooling of Japanese-Korean relations, and an assessment of the past experience of overcoming foreign policy crises that led to a decrease in economic activity will allow us to predict the prospects and ways out of this situation.

Despite periodic disputes over moral and material compensation from Japan for its actions on the Korean Peninsula in the first half of the XX century, both countries managed to find a mutually acceptable compromise, without bringing the situation to an open official confrontation with the prospect of

imposing mutual sanctions. The political crisis in bilateral relations, which turned into a local trade war in the summer of 2019, promises to become the most intense in the past decades.

Keywords: Japan-South Korea economic relations, historical experience, modern realities, prospects for development.

Zakharova Ludmila V.

Kim John-un's Economic Policy

After coming to power in 2011 Kim Jong-un began to pay more attention to the country's economic development and improvement of the living standards of the population. He introduced a system of socialist responsibility for the management of agricultural cooperatives and enterprises, which involved increasing the independence of production units and expanding the possibilities of material incentives. The article discusses features and evolution of Kim Jong-un's economic policy, analyzes the prospects for economic reforms taking into account the current internal and external situation. Particular attention is paid to the analysis of the North Korean leader's speech at the 5th plenary meeting of the Central Committee of WPK's 7th convention (December 2019).

The author concludes that the DPRK's economic policy will continue to be tied to the ideology of "Juche-style socialism", leaving little room for deeper systemic reforms. At the same time, under Kim Jong-un the place of the Tean system in the economic management was firmly taken by the socialist responsibility system. This indicates that the country's leadership is likely to continue the policy of stepping up private initiative to fill the gaps in the state planning system within the framework of socialist ownership on the means of production.

Keywords: DPRK, Kim Jong-un, economic policy, self-reliance, frontal breakthrough.

Toloraya Georgiy D.

The DPRK-related Sanctions and Developments on the Korean Peninsula

After the adoption by the UN Security Council of a tough sanctions package in December 2017, sanctions began to be perceived as a central element of political influence on the DPRK and as an important topic in the

diplomatic process. Multiple cases of sanctions violations (illegal export-import transactions, embargo evasion, financial transactions, IT operations) have been recorded, which practically negates the effect of sanctions as a political tool. Nevertheless, they have serious humanitarian consequences for the country, especially for the vulnerable part of the population. The mechanism of the negative impact of sanctions includes deprivation of income, blocking access to goods, affecting food production and healthcare, and deepening inequality. Sanctions also make it difficult to provide assistance to the DPRK. All this makes the DPRK leadership regard the actors, supporting the sanctions, as hostile and become skeptical of dialogue with their opponents.

Keywords: UN Security Council, DPRK, sanctions, humanitarian consequences, DPRK social and economic situation.

Kozlov Leonid E.

**The Contacts between the Russian Far East and the DPRK:
Past and Present**

The regions of the Far East during the Soviet period maintained relatively close ties with the DPRK. After the collapse of the USSR, these ties declined, but acquired a stable market basis. In the 2010s, in the context of the growth of Russian and North Korean economies, there was a significant revival of cooperation between the Far East and the DPRK, however, further deterioration of relations of Russia and the DPRK with the West brought trade and labor migration to almost zero in 2018—2019. Today, bilateral contacts have been preserved in the following formats: the DPRK delegation attends the Eastern Economic Forum in Vladivostok; North Korean restaurants continue to operate in the Far East; a small number of North Korean students study at the universities of Vladivostok; the DPRK Consulate General holds exhibitions of national goods and art objects; the Far Eastern University hosts scientific seminars with the participation of North Korean delegations on economic, health and environmental issues; the Communist Party, the Komsomol, and some public organizations exchange visits with the DPRK. The negative attitude of the population of the Far East to the DPRK intensified in 2018—2019, when North Korean poachers massively caught fish and squid off the coast of Primorsky Krai.

Keywords: Far East, DPRK, transregional contacts, sanctions.

Part III. HISTORY

Ovchinnikova Lyubov V.

Korean Struggle for Independence Reflected in the Documents of Japanese Governor-General's Office

The article is devoted to the Korean colonial history, particularly to the Korean struggle for independence. The author conducts research in this field using Japanese documents published for official use by the Japanese Governor-General's Office in Seoul, Korea in the early 1920s, 1930s and early 1940s. These books provide us with important data concerning Korean liberation movement, shedding light on unknown facts, giving new information about its periods and personalia. This allows the author to highlight the periods of the struggle for independence and give their characteristics. The documents shed light on various aspects of history of colonial Korea, including strategy and tactics of Japanese colonial rule, various methods of liberation movement suppression. Due to the active and rational colonial governance, in the second half of the 1930s and first half of the 1940s practically all anti-Japanese resistance was driven out from the country, transforming into partisan activity. Nevertheless, the author argues that all streams of liberation movement had made their certain contribution to the Korean people's struggle for independence. This concerns groups, underground organizations acting in late 1910s, the 1920s and the first half of the 1930s, as well as Korean patriots acting in the mid- and late 1930s and early 1940s, as well as partisans in Manchuria.

Keywords: colonial administration, Governor-General, Japan, Korea, liberation movement, struggle for independence.

Kurbanov Sergey O.

Image of Socialism and the Soviet Union in North Korea after Liberation

In 1945, with the participation of the Soviet Union, Korea was liberated from the Japanese colonial rule. A limited contingent of Red Army units was dispatched in the northern part of the Korean Peninsula to accept Japanese surrender and maintain law and order for the time being until the establishment of the national administration.

The positive socialist experience of the Soviet Union delivered both by Soviet citizens themselves and the new North Korean authority, led the population of North Korea to the natural choice of their development path in favor

of socialism. The textbook “Native Speech”, published in 1947, provides a clear example of how the positive experience of the USSR in the development of the village was presented to the Korean younger generation in the framework of traditional dreams about the life of peasants. Almost all the younger generation of North Korea, while learning native language, perceived a positive, ideal image of the Soviet Union, which provided the population with a hope for a happy life within a socialist socio-economic system.

In particular, the Korean language tutorial breaks down the “distorted idea” of the socialist village, saying that the peasants who choose socialism will own their land themselves and will be able to have private property.

Keywords: Soviet Union, socialism, Korean peasantry, ideal village image.

Sadakov Denis A.

Republic of Korea in the US security system in North-East Asia in the 1940s and early 1950s

The period between the foundation of the Republic of Korea in 1948 and the beginning of Korean War in 1950 was a time of discussions on the place and role of this country in ensuring regional security of the United States among the American foreign policy establishment. Washington managed to achieve a certain result — to prevent the Communists from winning the entire peninsula, to prevent the formation of the Communist monolith in Northeast Asia and to significantly ease the material burden of its participation in the Korean problem for a short time. In 1950 it was leveled off by the rapid involvement of the United States in the direct armed conflict in Korea.

Three years later, in 1953—1954, the Americans had to solve many similar tasks. However, with the growing potential of the South Korean army, much more attention was now paid to controlling ROK president Syngman Rhee, who wanted a resumption of war. As a result, Rhee was forced to follow the truce terms in exchange for a US-Korean alliance and assistance programs. By making formal concessions, the U.S. was able to create sufficient counterbalances to deter Syngman Rhee: to establish operational control over the South Korean army; to secure broad powers for the administration to coordinate economic assistance programs; and to keep a significant, but not excessive, armed contingent on the Korean territory.

Keywords: NSC, H. Truman, D. Eisenhower, Syngman Rhee, Republic of Korea.

Asmolov Konstantin V.

**Democratization Movement in the Republic of Korea:
Milestones and Challenges**

In 2020, the Republic of Korea marks a number of significant dates associated with the so-called movement for democratization. The author traces the main milestones of this movement, drawing attention to the fact that its victories were largely achieved due not only to the activity of the democratic-minded masses, but also to Washington's willingness to surrender the insufficient regime.

Tracing the development of the democratic trend further, the author points to the fact that the transition from authoritarian rule did not become a direct transit to democracy. Later on, actions to strengthen the Democrats in power during the Sixth Republic were carried out by far from democratic methods, including usage of the administrative resource and even the adoption of laws that had retroactive effect. Moreover, “democratic” presidents used such techniques more actively than conservatives.

Although the positions of the civil society in the country have significantly strengthened over the past period, democratic rhetoric serves the interests of political struggle, and considering the National Security Law and some other elements of the Korean political culture, it is difficult to call the ROK a democratic country in the classical sense of these words. Rather, we are talking about “illiberal democracy”, mentioned by Farid Zakaria.

Keywords: history of Korea, movement for democratization in Korea, internal politics of the Republic of Korea.

Chesnokova N.A.

**Forming National Identity in the DPRK and the ROK:
Tradition and Modernity**

The article focuses on the process of forming national identity in the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea in 1945—2020. The aim of the article is to trace down how the legitimacy of a current government is associated with a change in the semantic meaning of the special territories selected by this government and the associated objects. According to the results of the research of images on both North and South Korean banknotes, the author argues that while the national identity of the DPRK citizens was formed on the basis of the sacralization of Kim Il Sung and his descendants, in the Republic of Korea the national identity is still searching for a spa-

tial code to unite its citizens. The article concludes with a forecast of possible diplomatic connections between the DPRK and the ROK based on the all-Korean united symbols of national identity.

According to the research, the improvement of diplomatic connection and preserving both-Korean national identity is possible if both states turn to the cultural paradigm that has similar meaning for both countries; to the material or non-material values that have historical meaning for both countries and need government support guaranteeing their preservation.

Keywords: national identity, Republic of Korea, Democratic People's Republic of Korea, inter-cultural dialogue, historical memory.

Pak Alexander V.

The Role of the Church in the Formation of the Modern Korean State

The split of Korea and the Korean War contributed to the numerical growth of the Korean Christians. It is no accident that the first South Korean government, headed by Rhee Syngman, included 40 % of Christians. During that time the Christian Church became close to power and actively supported his policies, thus continuing the old Japanese colonial tradition of successful integration of the Christian community into state structures.

However, everything changed after the military coup of 1961, when Park Chung-hee illegitimately came to power in South Korea. Some Christians decided to fight against the authoritarian regime, having managed not only to create a network of their organizations for resistance, but also to organize their original religious doctrine “Minjun” (“theology of the liberation of the people”), contrasting it with the official rhetoric that covered the lawless acts with the mythical interests of the entire nation (“minjok”).

Christians not only made a significant contribution to the formation of the ideology of today's ruling elite, but during the period of military authoritarian regimes in power, they actively fought for democratic rights and freedoms, without losing sight of the problems of national unification. Today, the Korean Church is not only an important part of the Korean national tradition and culture, but it also continues to play an important role in the political life of South Korea.

Keywords: Christianity in Korea, Christian Church, Catholicism, Protestantism, Christian theology of liberation “Minjun”.

Part IV. CULTURE

Chapter 1

Cultural Relations between Russian and the Korean States

Osetrova Maria E.

Cultural Connections between Russia and the Republic of Korea (1990—2020)

The article analyzes the present condition of the connections between Russia and Republic of Korea in the sphere of culture and art since the moment of the establishment of their diplomatic relations in 1990. The author shows the main areas of cultural interest and cooperation, highlights the success stories of the period but at the same time focuses the attention on the problematic points that prevent the bilateral cultural contacts from progressive development. These points are 1) low level of mutual awareness about the cultures of each other, 2) poor quality of the popularization of the countries' cultures through the official and public channels, lack of systematic efforts from both sides, 3) miscommunication and misunderstanding difficulties. After explaining the reasons for these limitations, the author suggests the possible ways to overcome them and points out the areas that have high potential for boosting the cultural connections. The main resources for the analysis are the data that the author received during organizing and conducting Russian-Korean Forum of humanitarian contacts “Most druzhby” (from 2014 until the present time), as well as public opinion surveys conducted among Russians and Koreans (2013, 2016—2018), reports on the bilateral cultural events and projects from other institutions.

Keywords: cultural connections between Russia and Republic of Korea, 30 years anniversary of Russian-Korean relations, Forum of Russian-Korean humanitarian contacts “Most druzhby”.

Soldatova Maria V.

Literary Relations between Russia and the Korean States

Direct contacts between Russian and Korean cultures became possible after the establishment of diplomatic relations between two countries in 1884. At that time, the literatures of Russia and Korea were at different stages of development. Literary relations between Russia and Korea in the first half of the 20th century remained one-sided. Korean readers began their

acquaintance with Russian literature from the works of Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov, translated into Korean from Japanese. After the socialist revolution in Russia a number of Korean writers became influenced by socialist ideas.

Nowadays, you can read in Korean translation the works of almost all significant Russian writers and poets, but the classics of the second half of the 19th century are still the most popular among Koreans.

After the liberation and division of the Korean Peninsula, in the USSR attention was paid to the literature of the DPRK and socialist literature of the colonial period as its predecessor, as well as the classical Korean literature. In the USSR many of the most important classical works were translated into Russian from Classical Chinese and Korean.

With the collapse of the USSR, translators and publishers in Russia completely forgot about the literature of the DPRK and started paying interest to the literature of the ROK.

Keywords: Russian literature, Korean literature, literary relations.

Tsoy Inna V.

Fiction of the Republic of Korea in Russian culture

Thanks to the efforts of the Korean Literary Translation Institute (KLTI), which operates with the support of the Ministry of culture, tourism and sports of the Republic of Korea, more and more readers abroad have the opportunity to get acquainted with the best examples of Korean fiction. If we talk about the experience related to Russia, the opening of the borders with the Republic of Korea in 1990 provided a huge layer of new material for domestic researchers. The author presents statistics on translations published during that time, tells about the activities of relevant organizations and translators, about new literary projects, and summarizes objective and subjective factors that slow down the promotion of Korean prose in Russia. In connection with such a phenomenon as the “Korean wave”, modern readers are gradually increasing their interest in Korean literature. This means that within the framework of the “soft power” policy to promote Korean culture, there are good prospects for further promotion of Korean literature to the book markets. After all, the uniqueness of literature, and any other kind of art, is that the reader of the book can consider both the identity of a particular culture, and the universal features that

are characteristic of any people; the experience of reading causes an emotional response, which is important in strengthening friendly ties.

Keywords: Korean literature, modern prose, popularization, Eastern literature.

Pokholkova Ekaterina A.

Translators' Notes in South Korean Fiction in Russian

The article focuses on a critical and unbiased review of translator's footnotes based on over 40 translations of contemporary South Korean works of fiction published in Russian from 2000 to 2020. The continuous sampling method was used to identify most typical examples of inappropriate translator's footnotes that stand away from the pragmatics of the text and communicative intent of the author. In translation studies the opinions on the legitimacy of translator's comments in fiction differ. A footnote facilitates comprehension of implicit nuances in a foreign linguistic culture, fills in geographic, historical, cultural, and ideological gaps keeping the reader apart from the author. Many of the revised footnotes offer dictionary definitions, or encyclopedic excerpts on Korean realia, leaving out crucial implications, or concepts unknown and hidden to the Russian reader; others are garnished with redundant and verbose notes that thwart the joy of reading. The translator's metadiscourse requires a thorough comprehension of the author inner world, concept and intent, combined with an equally intimate understanding of the reader's national and linguistic mindset. Translator's metacommunication involves more than a set of footnotes, but extratextual commentary that creates a framework complementing a work of fiction, an environment that shapes the reader's perception and offers in-depth understanding of Korean culture and author's intent that are not quite brought home in the translation.

Keywords: Korean literature, translator's notes, footnotes in fiction, realia, translator's commentaries.

Zimenko Tatyana V.

The Role of the USSR in the North Korean Cinema Development

2019 celebrated the 100th anniversary of the first Korea-made movie screening, as well as 70 years since the release of the first feature film in the DPRK ("My Homeland"). The rapid qualitative development of the film industry in the North was made possible thanks to the assistance of the Soviet Union in creating and

equipping a film studio in Pyongyang. The USSR exerted great influence on the internal political situation in the DPRK before the Korean War broke out in 1950, i.e. the first five years after the liberation in 1945. It was the time of ideological and political solidarity, which was also reflected in the cultural exchange.

With the Soviet help, Koreans got the opportunity to study the technical side of the movie production, along with learning about the political aspect of film production, i.e. propaganda. The movies created in the first decade after the Liberation point out the original features of North Korean cinema, such as melodramatic emotionality, special sentimentality in relation to rural life, and nationalist motives with an emphasis on the personality of Kim Il Sung. Some of these topics are especially evident in the 1949 film “My Homeland”, and have become prevailing in North Korean cinema up to this day.

The paper examines how North Korean cinematography adopted the propagandistic ideas of cinema application from the Soviet Union, takes a close look at the unique features of the DPRK cinema, and how it became an important aspect of the cultural policy in North Korea.

Keywords: cinema history, DPRK cinema, propaganda, Soviet-Korean relations, cultural exchange.

Chapter 2

Historical Aspects of the Development of Korean Culture

Ivanov Konstantin V.

Japanese Colonial Policy in Korea through the Prism of the Korean Cinema of the 1920—1940s

Cinema, like radio, television and newspapers, is not only a propaganda tool. It can be also used as one of the markers by which we can get an idea of some aspects of state policy and the cultural needs of the population. In colonial Korea, cinema developed under tight state control and, on the one hand, was an outlet for Korean filmmakers to express themselves, and on the other hand, it was a way to express loyalty to the Japanese authorities.

The growing interest to Korean “colonial exoticism” (songs, cinema, cultural aesthetics) in Japan since the late 1920s contributed to the support and development of Korean cinema. Korean films developed the specific aesthetics of “shared suffering” that appealed to both Koreans and Japanese, as well as relayed the images of the new, modernizing Korea. These images of modernization and westernization, passing through the Japanese prism, formed a con-

cept of “a modern” among Koreans. The increasing militarization of the Japanese Empire in the 1930s and 1940s, the desire to put all of Korea's resources at the service of the metropolis, and the desire to make Japanese out of Koreans were also reflected in Korean cinema of those years.

The article analyzes the characteristics of Korean cinema in the 1920s and 1940s and their connection with the processes of transformation and evolution of the Japanese colonial policy in the areas of modernization of Korea, language policy and military mobilization of the Korean population of the peninsula.

Keywords: Korea, Japan, cinema, propaganda, cultural assimilation, language policy.

Guryeva Anastasia A.

On the Issue of Preserving Memory of the Colonial Period Writers in the Republic of Korea

The paper presents an analysis of such a phenomenon as preserving memory of colonial period writers in the Republic of Korea in relation with the place each writer holds in the history of Korean literature and culture. An importance is placed upon the specifics of the attitude and perception of the authors as related with their political position under the Japanese colonial rule, and the influence this factor causes on the forms of the memorization of their heritage. With the consideration of the cultural aspects, the paper traces the following forms: a. Homeland and other objects at the places related with the authors' birth, life and works; b. Museum projects; c. Monuments; d. Publishing projects; e. Cultural programs, festivals etc. Among the above, monuments are at the most crucial position in terms of the keen attitude of citizens as a form of an individual respect extrapolated to the personality of the writer. Conclusions are made on the tendency towards the differentiation of the forms emphasizing the literary legacies of the person (general projects related to the period), and the ones considering patriotic position (individual commemoration).

Keywords: Korean literature, Korean writers and poets, Contemporary culture of the Republic of Korea, Colonial period in Korea, Cultural Heritage.

Khokhlova Elena A.

Division of Korea in South Korean Art

The article examines the main works of South Korean artists on the division of the Korean Peninsula from the 1980s to the 2010s. Exhibition projects organized with the support of the government of the Republic of Korea over

the past decade on the themes of division, unification and DMZ are presented. The selection criteria for the artworks and exhibition projects were recognition of the art community and public attention received by the artworks and the artists. After examining the artworks, the author comes to the conclusion that not only the older generation of artists who lived in the difficult times for the Korean Peninsula reflects, rethinks and looks for ways to solve the main problem of Korea, but also the younger generation. The theme of division is in the works of those who are able to open up the problems of the contemporary South Korean society. The author comes to the conclusion that the topic of division is not the main one in South Korean art, but many works have been created, and interest in it does not fade. President Moon Jae-In's policy toward North Korea has also contributed to the increased interest from state art institutions. Many more works will be created not only about the tragedy of division, but also about the future of the DMZ and the Korean Peninsula.

Keywords: art of division, South Korean art, Korean war, minjung art, DMZ.

Lee Sang Yun

Fight for Democracy in the Literature of South Korean Writers

This paper analyses the writings of South Korean authors that depict the events of the country's dictatorship period. Until the 1980s, the authorities armed with the anti-communist ideology practiced violent repression of protests demanding democratic reforms. Therefore, due to censorship at that time, it was impossible to write about politics openly. However, the famous writer Yi Mun Yol managed to express his views on the fight against authoritarianism allegorically. Since the late 1980s, first writings on the Gwangju Uprising, which was violently repressed by the military, started to appear (Choi Yun, Park Yang Ho); reporting on this event had been silenced until 1988. In the 1990s, it became possible to openly discuss the topics of the past totalitarian regime, repressions, student protests, and the workers' fight for their rights. The writers (Lee Seung Woo, Cheon Myun Gwan) began to show what a high price people paid for their democratic freedoms. In addition to that, in the works of young writers (Park Min Gyu, Kim Yeon Su, Cho Hae Jin, Han Gang) one can trace an interest in the history of their country and an interest in their northern neighbor, whom the state propaganda had previously referred to as the "red wolf".

Keywords: contemporary Korean literature, fight for democracy, Gwangju Uprising.

Vishnyakova Vera V.

Developing Linguistic Tradition in Korea

The article deals with the development of Korean linguistics and the formation of their own linguistic tradition. Four main periods are distinguished such as origin, formation, division of Korea and the modern period, which are represented by the Korean linguists' landmark achievements. The Korean linguistic tradition developed evolutionarily, and in a hundred years formed into an independent science. Korean linguists of the periods of origin and formation, following the empirical path in the study of their native language, were able to not only highlight the idiomatic features of the language but also anticipate some of the further discoveries of European linguists, such as onomasiological and semiological approaches to language learning, methods of contrastive analysis. The division of Korea into two states led to the emergence of two separate areas in Korean linguistics, which were based on the work of Ju Sigyeong. The similarity in modern studies of North Korean and South Korean linguistics lies in their desire to study the issues of dialectology, compiling bilingual dictionaries and thesauruses, describing the history of the development of the Korean language as well as its place in typological and genealogical classifications.

Keywords: the Korean Linguistic Tradition, idiomatic features, grammar, part of speech.

Mozol Tatyana S.

Reflection of the Transformation of Public Consciousness in Neologisms in the Republic of Korea

Language is continuously changing in tune with changes in the times, social reality, and the political, cultural, economic environment. In Korea, a lot of neologisms are being used in various fields. Neologisms are a clear reflection of contemporary society, since they come into being to name new objects and socio-cultural phenomena. Since newly coined words reflect current issues in the Korean society, these neologisms appear very interesting to study from a sociological perspective to observe and analyze the transformation of collective consciousness in Korea. This paper discusses five semantic groups of South Korean neologisms of the new millennium: 1) everyday life (comfortable life and well-being, individualism and loneliness of modern people, lookism); 2) family (modern attitudes toward family; pets as new family members); 3) economic issues (employment issues and the problem of unemployment, youth

problems, social inequality, poverty and price increase); 4) education and parenting (parenting style and education fever); 5) political events. The paper outlines main Korean social trends and issues (the rise of individualism, change of traditional family values, the values and attitudes of young people, most important political events, economic issues etc.) of the 21st century based on the analysis of newly coined words.

Keywords: neologisms, socio-cultural phenomena, social trends, South Korean society, collective consciousness.

Список авторов

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

E-mail: vvishnyakova@hse.ru

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, заведующий отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ.

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: znebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Зименко Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры японского и др. языков МГИМО МИД РФ.

E-mail: tatianazimenko@gmail.com

Зуева Александра Георгиевна, аспирант ИДВ РАН.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Иванов Константин Владимирович, начальник научно-исследовательской части, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического ф-та Иркутского государственного университета.

E-mail: ivanov_kv@isu.ru

Игнатов Александр Александрович, младший научный сотрудник РАНХиГС.

E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений ДВФУ.

E-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН.

E-mail: k_korneev@mail.ru

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой корееведения СПбГУ.

E-mail: sokspb@inbox.ru

Ли Сан Юн, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб.

E-mail: sanyoun@gmail.com

Мозоль Татьяна Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета МГЛУ.

E-mail: yoondanhee@gmail.com

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ.

E-mail: lovchin@yandex.ru

Осетрова Мария Евгеньевна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, доцент МГЛУ.

E-mail: pepilota1@gmail.com

Пак Александр Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: fenixmirag@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Поленова Анна Львовна, младший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

Похолкова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, декан переводческого факультета МГЛУ, доцент кафедры восточных языков.

E-mail: pokholkova@gmail.com

Садаков Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета.

E-mail: rstk2005@gmail.com

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vikapak@yandex.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ.

E-mail: maria_soldatova@hotmail.com

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: suslina.ss@mail.ru

Толорая Георгий Давидович, доктор экономических наук, профессор, член Группы экспертов Комитета 1718 Совета Безопасности ООН.

E-mail: asiacenter@inecon.ru

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель НИУ ВШЭ.

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.

E-mail: innachoi@hotmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Научное издание

**Корейский полуостров:
история и современность**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор, корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.08.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 28,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ №

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.